Ф. М. БЕРЕЗИН
Б. Н. ГОЛОВИН

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

81
Б48

Ф. М. БЕРЕЗИН
Б. Н. ГОЛОВИН

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

169278

Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»

01

БИБЛИОТЕКА № 2
Инв. №
С. Чакрыгина

МОСКВА
·ПРОСВЕЩЕНИЕ·
1979

81
Б 48

Рецензенты:

Кафедра общего языкознания
Московского педагогического института имени В. И. Ленина

Доктор филологических наук проф. Л. И. Баранникова

Березин Ф. М., Головин Б. Н.

Б 48 Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.».— М.: Просвещение, 1979.— 416 с.

В пособии освещаются основные темы программы по курсу «Общее языкознание». Особое внимание уделяется тем проблемам, которые способствуют пониманию устройства, функционирования и развития языка как целого и целостного знакового механизма общения.

Б $\frac{60602\text{-}728}{103\,(03)\text{-}79}$ 15-79 4309020100

ББК 81
4

ЦГБ

© Издательство «Просвещение», 1979 г.

ОТ АВТОРОВ

«Общее языкознание» — лингвистический курс, завершающий языковедческую подготовку студента-филолога, дающий ему методологические основы, которые помогут с позиций марксистско-ленинской философии осмыслить жизнь языка как целого и целостного знакового механизма общения. Долгие годы высшая школа вообще не располагала учебными пособиями по этому курсу. Лишь в последнее время появились пособия, систематически излагающие все или хотя бы основные вопросы общего языкознания. Одной из первых была книга Ю. С. Степанова «Основы общего языкознания» (М., 1975), в которой избирательно освещались некоторые проблемы науки о языке и рассказывалось об их решении. Недавно появилось руководство В. И. Кодухова «Общее языкознание», в котором сделана попытка дать систематическое изложение курса.

В последние десятилетия появились также учебные хрестоматии, включающие фрагменты, а подчас и целые работы как русских, так и зарубежных языковедов. Так, хрестоматия, составленная В. А. Звегинцевым, «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», ч. I, II (М., 1964) дала возможность студентам хотя бы в основных положениях познакомиться с наиболее важными работами выдающихся филологов последних двух столетий. «Хрестоматия по истории русского языкознания» (М., 1975), составленная Ф. М. Березиным, позволила студентам ознакомиться с тем, как развивалась отечественная наука о языке. Стали систематически выходить также сборники избранных трудов отечественных лингвистов, произведения зарубежных языковедов. Следует отметить, что наиболее интересные работы зарубежных филологов публикуются в тематических сборниках «Новое в лингвистике», которые позволяют непосредственно познакомиться со взглядами крупнейших языковедов как Европы, так и Америки.

Одновременно с появлением названных пособий по общему языкознанию стали выходить специальные учебные руководства по истории лингвистических учений, в которых говорится о большом и многотрудном пути, пройденном человечеством, стремящимся познать и осмыслить общие законы жизни языка в обществе.

Все это дает право в настоящем учебном пособии основное внимание направить прежде всего на проблемы и вопросы теоретически значимые, принципиальные, без осмысления которых нет и не может быть четкого понимания устройства, функционирования и развития языка как целого и целостного знакового механизма общения. Конечно, все эти проблемы, все вопросы соответствуют программе по курсу «Общее языкознание», выбор их сделан так, чтобы не нарушилось систематическое изложение курса, чтобы у студентов сохранилось единое представление о нем, выработалось правильное представление о всех положениях и проблемах общего языкознания. Студент-филолог должен уметь подходить с главных марксистских позиций к каждому вопросу, связанному с жизнью языка в обществе, понимать с этих позиций особенности и закономерности развития языка.

Предлагаемое вниманию студентов пособие «Общее языкознание» состоит из двух частей. Первая — «Язык»,— автором которой является Б. Н. Головин, говорит об объекте и основных проблемах общего языкознания, раскрывает сущность знаковой природы языка, знакомит с механизмами, или уровнями, языка, проблемами грамматических категорий, языковых стилей, освещает такие вопросы, как язык и общество, язык и сознание, язык и мышление. Кроме того, в первой части раскрывается положение языкознания в системе современных наук, описывается своеобразие прикладной лингвистики.

Вторая часть — «Лингвистические направления и методы XX века»,— написанная Ф. М. Березиным, дает возможность разобраться во всех ведущих направлениях современного языкознания, увидеть истоки этих направлений. Автор стремился шире использовать материалы, способствующие пониманию того, как зародилось то или иное направление, рассказать, какое место оно занимает в современном языкознании, в советском в частности. Знакомство с этим разделом позволит студентам понять сущность различных, вновь возникающих течений в науке о языке, ибо все они опираются в основном на те или иные теоретические положения, сформировавшиеся в анализируемых направлениях.

Авторы пособия, оставаясь на прочных основах диалектического и исторического материализма, стремились объяснить сущность важнейших сторон и свойств языка. В пособии также сохраняется глубокое уважение к отечественному языкознанию и уделено большое внимание традиционной лингвистике, хотя, вместе с тем, говорится и о новейших концепциях и решениях ряда проблем и вопросов, связанных с устройством и жизнью языка.

Курс общего языкознания должен охватывать существенное и общее во многих (в идеале — во всех) языках. Но в связи с этим возникает вопрос: должно ли учебное пособие показывать на своих страницах множество разнообразных фактов, взятых из различных языков? Авторы отказались от такой перспективы. Это обусловлено следующими причинами: во-первых, потому, что природа языка и его свойства инвариантны для всех конкретных языков и могут быть замечены и показаны на материале немногих (или даже одного) языков. Во-вторых, потому, что понимание языка как структуры семантической, а не формальной предполагает, что читатель свободно опознает семантику языковых знаков и «распоряжается» ею, а это возможно только в двух случаях: если читатель имеет дело с родным языком или если он знает иностранный язык так же хорошо, как свой родной. Поэтому отдельные иноязычные иллюстрации, полезные при пояснении некоторых вопросов, оказываются все же мало эффективными при разъяснении инвариантных, сущностных свойств языка «вообще». Кстати, самое значимое до сих пор пособие по общему языкознанию — «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра — построено почти без использования фактов неродных для автора языков, хотя они, естественно, принимались во внимание при создании теории языка.

При изложении материала авторы, стремясь сохранить единство изложения, хотели поменьше декларировать и побольше убеждать и доказывать, так как доказательства и убеждения требуются самим существом научной теории, раскрывающей сущность жизни языка в обществе. Этот принцип (убеждать и доказывать) был распространен и на манеру изложения, и на оценку взглядов отдельных ученых, с которыми авторы пособия порой и не соглашались. Оспариваемые взгляды следует обсуждать, а не просто от них отмахиваться — в особенности если они принадлежат получившим признание в науке исследователям. Это, в частности, требовало широкого цитирования, так, чтобы из цитаты сам читатель мог уяснить суть тех мыслей, которые оспариваются авторами пособия или принимаются ими.

В целях систематизации в конце каждой главы дается конспективное, сжатое, изложение сообщенного.

Каждая глава книги завершается кратким списком дополнительной литературы, знакомство с которой позволит более широко представить тот или иной вопрос курса «Общее языкознание». В список не вошли работы, ставшие ныне библиографической редкостью, а также периферийные издания типа научных сборников, ученых записок и т. д.

В конце книги дается список использованной авторами литературы. По усмотрению преподавателя и рекомендации кафедры отдельные работы из этого списка могут быть использованы студентами с целью углубления и обогащения знаний по отдельным вопросам учебного курса.

Авторы с тревогой и надеждой отдают свою работу на суд читателей и будут благодарны им за все отклики и рекомендации.

ЯЗЫК

ке. Потому можно говорить о французском языкознании, языкознании американском, советском, чешском, индийском и т. д. В каждом из таких национально-государственных языкознаний могут по-разному вычленяться и взаимодействовать те лингвистические науки, которые намечаются в соответствии с членением самого языка на структурные области или в соответствии с направлениями, школами, методами и методиками науки. Например, в советском языкознании (и это одна из сильных сторон нашей лингвистической науки) очень четко различаются в качестве самостоятельных автономные области лингвистики — фонетика и фонология, лексикология, семасиология, фразеология, словообразование, грамматика с делением на морфологию и синтаксис, учение о стилях. Это членение опирается на отечественную лингвистическую традицию и поддерживается ею. Далеко не вся зарубежная лингвистика, даже европейская и североамериканская, принимает такое членение. Можно сослаться, в качестве примера, на американскую науку о языке, которая в 40—60-е гг. XX в. сформировала сильные и влиятельные школы дескриптивной лингвистики (назовем ее ведущих представителей: З. Харрис, Ч. Хоккет, Дж. Трейджер, Б. Блок, К. Пайк, Ю. Найда) и трансформационной грамматики (З. Харрис, Н. Хомский). Следует отметить, что ни та, ни другая школа не дали отчетливого различения наук, соответствующих основным структурным областям языка. Более того, дескриптивная лингвистика все или почти все свела к своеобразно понимаемой морфологии, а трансформационная грамматика к столь же своеобразно понимаемому синтаксису.

§ 2. Попытаемся выяснить, какое место занимает общее языкознание в современной лингвистике, учитывая ее обширность, разнообразие и многоликость.

Для ответа на поставленный вопрос полезно задуматься о том, что различные, даже очень далекие друг от друга по своему конкретному облику, языки все же остаются языками, т. е. сохраняют что-то общее и существенное и в своем применении, и в своем «устройстве», и в своих внешних связях, и в своем функционировании, и в своей истории. Если бы этого общего и существенного в разных языках не было, невозможно было бы то практическое соотношение разноязычных знаковых систем, которое постоянно осуществляется в практике перевода с одного языка на другой, а также в практике перевода с языков древних на современные.

Укажем некоторые общие и существенные свойства и признаки различных конкретных языков: а) все языки служат людям в качестве средств общения; б) все языки участвуют в формировании и выражении мысли; в) все языки имеют звуки, слова, грамматику; слова во всех языках обладают значениями; г) все языки могут функционировать в устной и письменной формах, вторая из этих форм закономерно возникает на определенной ступени социального

развития коллектива — носителя языка; д) все языки получают, при соответствующих исторических условиях, литературное нормирование и стилевое членение и т. д.

Общее и существенное в различных (в идеале — во всех!) языках — вот один из предметов лингвистического изучения. Он и служит объективной основой выделения в пределах лингвистики общего языкознания. В прошлом главное теоретическое место в лингвистике занимало сравнительно-историческое языкознание. Поэтому и общее языкознание понималось как сравнительно-историческое описание многих языков. Однако в настоящее время положение изменилось, наука о языке в состоянии отчленить общее языкознание от сравнительно-исторического или сопоставительного описания нескольких или даже многих языков. Ныне общее языкознание стремится не столько к тому, чтобы собрать факты многих языков и рассмотреть их под определенным углом зрения, сколько к тому, чтобы выработать теорию, применимую для объяснения многих языков вместе и каждого языка в отдельности. Положения, выводы, гипотезы общего языкознания могут раскрываться на материалах одного языка и на материале многих языков именно потому, что эти положения, выводы и гипотезы отображают общее и существенное во всех языках.

Если использовать активные в современной науке термины и понятия «вариант» и «инвариант», то можно сказать, что общее языкознание — это наука о языке-инварианте, осуществляемом и видоизменяемом в конкретных языках наций и народностей. Вместе с тем именно потому, что общее языкознание, отвлекаясь от частного и меняющегося в структуре, функционировании и развитии конкретных языков, сохраняет и осмысливает общее и существенное в них, оно является о б щ е й теорией языка, если под словом «теория» подразумевать совокупность и систему предельных для определенного периода развития науки исследовательских обобщений.

Каковы же проблемы общего языкознания?

Назовем лишь главные из них. Это, прежде всего, проблема объекта лингвистики, его границ, его отчленения от смежных объектов. Это, во-вторых, проблема структурного членения языка и внутренних связей языковой структуры. В-третьих, это проблема функционирования языка, его внешних связей. В-четвертых, это проблема исторического развития языка, внутренних и внешних условий развития. В-пятых, это проблема знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. В-шестых, это проблема языковых универсалий, т. е. общих для всех (или многих) языков структурных свойств и особенностей, и проблема классификации языков. В-седьмых, это проблема науки о языке, ее методов и методик, ее внутренней структуры и внешних связей, в частности связей с другими науками. Бесспорно, что в учебных пособиях и курсах, исследованиях и статьях перечисленные проблемы могут рассматриваться в иной последовательности, в различных сочетаниях или каждая отдельно. Но каждая из них являет-

ся значимой и обязательно так или иначе затрагивается в общем языкознании.

§ 3. Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с проблемой языка как объекта лингвистики.

Как это ни странно, приходится обсуждать, казалось бы, очень ясный вопрос о том, что же изучает наука о языке — реальный объект или абстрактную систему понятий, так называемых конструктов. Ведь даже в работах современных известных ученых проскальзывает мысль о том, что и структура языка, и его система, и его основные единицы, например фонема, слово, предложение,— это не что иное, как абстракции и конструкты. В качестве примера приведем высказывание В. А. Звегинцева: «...Язык представляет систему абстрактных сущностей, и лингвисты настолько привыкли к этому, что перестали замечать это и нередко, оперируя такими нематериальными и недоступными никакому восприятию или наблюдению единицами, как фонема, нулевая морфема, значащее отсутствие артикля,... продолжают бубнить о конкретно-историческом подходе к изучению языка как единственно возможном» ⟨65, 15⟩ [1].

Конечно, сами по себе такие высказывания не говорят о том, что их авторы не видят объективности языка, его независимости от лингвистических гипотез и конструктов. Однако утверждения о том, что язык, его структура и система, его единицы и категории не что иное, как абстракции и конструкты, несут на себе печать методологической двойственности и нечеткости, допускающей мысль о том, что объект лингвистической науки конструируется самой наукой.

Между тем следует отчетливо различать реальный объект, его стороны, единицы и категории — и понятия о них, закрепленные в терминах и выражаемые ими. Есть реальная, объективная единица языка — фонема. И есть понятие, отражающее существенные свойства и признаки этой единицы и выражаемое термином «фонема». Фонема — объективная реальность, «фонема» — конструкт, абстракция, созданная нашей мыслью в результате наблюдения и обобщения многих и многих применений и обнаружений фонемы. Между фонемой и «фонемой» существуют отношения, понимание которых принципиально важно для устранения и предупреждения методологической двойственности и нечеткости. Фонема — предмет наблюдения и познания, «фонема» — результат познания. Фонема — первична по отношению к «фонеме»; «фонема» зависима от фонемы и меняет свое научно-логическое содержание по мере более полного и глубокого познания фонемы. Аналогичны

[1] Здесь и далее в ломаные скобки заключено указание на цитируемую работу. Первая цифра — номер данной работы в списке использованной литературы, который помещен в конце пособия, а вторая цифра — страница из этой работы. В случае отступления от указанного принципа делаются особые оговорки.

различия и отношения между структурой языка как объективной реальностью и «структурой языка» как абстракцией лингвистики, конструктом, созданным ею на основе наблюдения и обобщения многих и различных проявлений реальной структуры, которая не предписывается языку наукой, а лишь познается ею. Диалектический материализм и его теория познания позволяют трезво и не предвзято увидеть действительные, реальные соотношения между тем, что познается, и тем, что формируется в процессе познания.

Единственным конечным объектом лингвистики был и остается реальный язык во всем многообразии его этноисторических вариантов и во всей сложности и многосторонности его структуры, функционирования и развития. Язык реален и объективен в своем сложном целом и во всех своих сторонах, частях и структурных единицах. Именно поэтому язык был и остается предметом наблюдения, описания, обобщения, т. е. предметом научного познания. Но в процессе познания, изучения может возникнуть иллюзия абстрактности языка, его единиц и категорий. Между тем абстрактен не язык, а научные понятия, его отображающие. Научные понятия и выражающая их терминология сами могут стать и становятся на каком-то этапе развития науки предметом анализа, превращаются в особый, вторичный объект лингвистики. Это усиливает иллюзию абстрактности и логической «конструктивности» самого языка. А это, в свою очередь, приводит некоторых лингвистов даже к мысли о том, что объект их науки «конструируется» самой наукой и что различные типологии и классификации языковых единиц обусловлены не их реальными особенностями и свойствами, а подходами ученых, аспектами и точками зрения. Между тем подходы, аспекты и точки зрения, если они разумны, могут лишь помогать обнаруживать разные стороны сложных явлений, но никогда не могут эти стороны конструировать и создавать. Поэтому типологии и классификации языкового материала зависят прежде всего от свойств самого материала, в противном случае возникают искаженные и неверные его описания. А это означает, что для науки о языке, если она ищет истину, т. е. стремится построить описания и теории, адекватные описываемому объекту, далеко не безразлично, какие из возникающих типологических схем принимать, а от каких следует отказываться. Верное методологическое отношение к объекту лингвистического изучения — не желание и не слова, а реальность, которую можно сохранить или утратить.

§ 4. Проблема языка как объекта лингвистики осложнилась в настоящее время различием и даже противопоставлением языка и речи, языка, речи и нормы. Дихотомию (разделение целого на две части) «язык — речь» принято связывать с именем и работами выдающегося лингвиста XX в. Ф. де Соссюра, хотя ему в действительности принадлежит не сама идея, а то, что она стала в

его теории одним из п р и н ц и п о в лингвистического исследования. Сама же идея высказывалась и защищалась давно и неоднократно, и до и после Соссюра. Достаточно здесь назвать имена В. Гумбольдта, Штейнталя, Потебни, Бодуэна де Куртенэ, Фортунатова, Щербы, Смирницкого. Однако лишь в работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» эта идея была положена в основание языковедческой теории.

Возникает, естественно, необходимость рассмотреть, как Соссюр увидел дихотомию «язык — речь» и может ли взгляд швейцарского лингвиста удовлетворить современную науку.

К сожалению, определения и характеристики языка, речи и речевой деятельности, приводимые в «Курсе общей лингвистики», не настолько ясны и определенны, чтобы можно было уверенно говорить о том, как именно думал автор «Курса», поясняя и скупо комментируя свое различение языка и речи. Видимо, здесь сказалось и то, что автор не сам готовил эту работу к печати, что она составлялась по запискам и конспектам лекций, которые вели его ученики.

Напомним некоторые высказывания Ф. де Соссюра.

«Язык не деятельность (fonction) говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности, и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность...

Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (code) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации» (127, 52).

«По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык — только определенная часть — правда, важнейшая часть — речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна: протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального...

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации» (127, 47, 48).

«В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единствен-

но существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» (126, 53).

«Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем» (127, 54).

«Итак, изучение речевой деятельности распадается на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом язык, т. е нечто социальное по существу и не зависимое от индивида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т. е. речь, включая фонацию; она психофизична» (127, 57).

Цитирование многих высказываний Ф. де Соссюра необходимо потому, что помогает увидеть не только то, что основоположник лингвистического структурализма, действительно, уделил пристальнейшее внимание проблеме «язык—речь» и положил основание и начало ее широкому и непрекращающемуся изучению и обсуждению, но и то, что в «Курсе общей лингвистики» эта проблема серьезно поставлена, но не разрешена, теория различения языка и речи намечена, но не развернута и по существу не аргументирована сколько-нибудь ясно.

Неясно, прежде всего, почему язык — психичен и наука о нем — тоже психична, если он сравнивается с такими системами знаков, как письмо, азбука для глухонемых, военные сигналы. Значит ли это, что любые знаковые системы психичны?

Допустим на минуту, что язык действительно по своей природе психичен. Чему же, какой области жизни, принадлежат те реальные, физические звуки, морфемы, слова, предложения, интонации, которыми обмениваются люди как знаками, несущими логическую и эмоциональную информации? Следует ли все это отнести к области речевой деятельности, речи или вообще вывести за пределы, интересующие лингвиста? Разумеется, функционирование языка связано с деятельностью психики людей, и в этом смысле язык имеет психическую сторону. Но разве следует отсюда забвение объективно-материальной стороны языка, объективно-материальной природы его знаков?

Неясно, противоречиво и потому неубедительно различение речевой деятельности (langage) и речи (parole). Речь поясняется Ф. де Соссюром то как индивидуальный акт воли и разума, то как индивидуальная сторона речевой деятельности. Ни то, ни другое истолкование речи (даже если предположить, что эти истолкования соответствуют одно другому) не имеет, видимо, ничего лингвистического. Лингвистика, как известно, не изучает индивидуальные акты воли и разума. Это, вероятно, дело психологии, на худой конец — психолингвистики. То же можно сказать и об индивидуальных или общих сторонах речевой деятельности

вообще, которая была и остается объектом изучения психологии и физиологии высшей нервной деятельности, но не лингвистики.

Ф. де Соссюр не создал (если судить по тексту его лекций) сколько-нибудь завершенной и непротиворечивой теории различения «языка — речи». Его заслуга состоит в другом: он первый сделал это различение одним из принципов научного исследования языка. Однако незавершенность и противоречивость теории продолжают и до наших дней порождать новые и новые попытки ее завершения и устранения ее противоречий.

Но до тех пор, пока не будет дано ясного обоснования различения «язык — речь», не будет и ясного понимания в этом плане объекта лингвистического исследования.

§ 5. В русской и — шире — советской науке о языке двадцатых — сороковых годов были предприняты две серьезные попытки осмысления и решения рассматриваемой выше проблемы. Одна из них была осуществлена Л. В. Щербой, другая — А. И. Смирницким. Изложение взглядов этих ученых необходимо для уяснения «состояния вопроса».

Л. В. Щерба в статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» обосновывает различение речевой деятельности, языковой системы и языкового материала. Может показаться, что выдающийся советский ученый лишь переименовал триаду своего швейцарского коллеги. Однако такое предположение — ошибочно.

Взгляды Л. В. Щербы оригинальны и опираются на отечественную лингвистическую традицию. Приведем несколько цитат из работ русского ученого, показывающих сущность его позиций по обсуждаемому вопросу.

«...Я буду называть процессы говорения и понимания речевой деятельностью (первый аспект языковых явлений), всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком...» (153, 361).

«...Психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом, как это будет разъяснено ниже. Об этой организации мы можем умозаключить лишь на основании речевой деятельности данного индивида.

Человечество в области языкознания исконно занималось подобными умозаключениями, делаемыми, однако, не на основании актов говорения и понимания какого-либо одного индивида, а *на основании всех* (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы. В результате подобных умозаключений создавались *словари и грамматики* языков, которые могли бы называться *просто языками, но которые* мы будем называть языковыми система-

ми (второй аспект языковых явлений), оставляя за словом «язык» его общее значение» (153, 362).

«...Все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции языковым материалом (третий аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это тексты...» (153, 363).

«...Система языковых представлений, хотя бы и общих, с которой обыкновенно отождествляют языковую систему, уже по самому определению своему является чем-то индивидуальным, тогда как в языковой системе мы, очевидно, имеем что-то иное, некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы...» (153, 363).

«Не могу согласиться и с чистым номинализмом, считающим, что языковая система, т. е. словарь и грамматика данного языка, является лишь ученой абстракцией (такое впечатление производят, между прочим, рассуждения Сепира в первой главе его прекрасной книги «Язык»)» (153, 364).

«Что же такое сама языковая система? По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы» (153, 364).

Нетрудно увидеть своеобразие взглядов Л. В. Щербы, отличие их от положений, выдвинутых Ф. де Соссюром. Язык выступает в реальном социальном функционировании в трех аспектах: речевой деятельности, языковой системе и языковом материале. Языковая система, по мнению Л. В. Щербы, не может отождествляться с психофизиологической организацией человека: она социальна и коллективна; словари и грамматики суть лингвистические отвлечения от объективно данного языкового материала. Языковая система проявляется в психофизиологической речевой организации индивида, в его речевой деятельности. В речевой деятельности возникают и обнаруживаются языковые изменения; факторами речевой деятельности являются единство языковой системы, социально обоснованной и объективно заложенной в языковом материале, и содержание социальной жизни.

Глубина, своеобразие и материалистичность взглядов Л. В. Щербы бесспорны. Однако ученый оставил без ответа вопрос о том, все ли аспекты языковых явлений подлежат ведению лингвистов. Должен ли лингвист изучать все проявления речевой дея-

тельности? Положено ли ему заниматься всесторонним изучением языкового материала — текстов, литературы? Нужно ли думать, что языковая система — это плод лингвистического обобщения языкового материала прежде всего? Эти и другие вопросы остаются нерешенными и даже не поставленными в работе Л. В. Щербы.

Между тем неясно, чем может привлечь лингвиста речевая деятельность: ведь она психофизиологична и должна изучаться психологами и физиологами, исследующими высшую нервную деятельность (правда, теперь речевая деятельность изучается и психолингвистикой). Трудно понять также, какими сторонами может интересовать лингвиста текст, литература, языковой материал, все говоримое и понимаемое: ведь в говоримом и понимаемом есть и лингвистические, и очень далекие от лингвистики предметы наблюдения; но эти вопросы в работах Л. В. Щербы остались без обсуждения и даже без внимания.

Вместе с тем можно уверенно сказать о том, что Щерба иначе подошел к проблеме «язык — речь», чем Ф. де Соссюр, и обогатил в этой области формирующуюся лингвистическую теорию. Однако и Л. В. Щерба оставил многие вопросы этой теории неразъясненными.

§ 6. Интересны раздумья известного советского лингвиста А. И. Смирницкого о языке и речи. Ученый стремится преодолеть односторонность и противоречивость воззрений Ф. де Соссюра. Вместо троичного деления «язык — речь — речевая деятельность» он сохраняет дихотомическое соотношение «язык — речь», толкуя его в духе идей материалистической философии. По мнению ученого, «процесс говорения и все то, что говорится и воспринимается в различных несчетных актах говорения, и есть то, что непосредственно дано языковеду как материал его исследования. Это примерно и есть то, что де Соссюр называет langage, и вот это непосредственно данное в повседневной жизни и требует особого наименования: слово *речь* (langage, Rede, speech) представляется наиболее подходящим и удобным термином.

Речь, в указанном смысле, не то же, что язык, так как она является не только средством общения, но и применением этого средства, и продуктом, совокупностью различных произведений, созданных и создаваемых, а также и воспроизводимых (повторяемых) путем применения этого средства.

Язык, следовательно, есть один из ингредиентов речи, притом важнейший, так как именно он придает ей характер специфической деятельности человека, отличной от других видов его деятельности. Вместе с тем язык, очевидно, существует в речи как объективно данное общественное явление. И будучи особым ингредиентом речи, средством, применяемым в ней, он может быть выделен из нее, обособлен как предмет специального исследования» (124, 13).

В речи А. И. Смирницкий склонен видеть язык плюс некий «сверхъязыковой остаток». Этот остаток «не представляет собой

чего-либо однородного. При этом связь его с языком, хотя она всегда и существует, оказывается в различных направлениях, областях и отдельных случаях неодинаковой» (124, 16).

Желание ученого заменить троичное деление де Соссюра и Л. В. Щербы не вполне удалось: вместо языка, речи и речевой деятельности де Соссюра, вместо речевой деятельности, языковой системы и языкового материала Л. В. Щербы появились речь, язык и «сверхъязыковой остаток». При этом неясно, чем речь в понимании А. И. Смирницкого отличается от речевой деятельности в понимании Л. В. Щербы. Кроме того, неясно, нужен ли лингвисту «сверхъязыковой остаток», если природа его нелингвистична. Ведь помимо такого остатка, в речи выделяется язык — этот главный лингвистический ингредиент речи. Главный или единственный? Но если единственный, то значит, помимо языка, лингвисту нечего изучать в речи. В таком случае выделение категории «речь» представляет для лингвиста лишь сугубо философский интерес, философскую проблему, поскольку речь рассматривается как та среда, тот продукт, из которого выделяется язык.

169178

§ 7. Краткий обзор взглядов трех лингвистов XX в. на проблему «язык — речь» [1], продолжающих оказывать влияние на современные поиски и решения в этой области, позволяет увидеть, как, в сущности, все еще неясны границы объекта лингвистической науки.

В новейших языковедческих исследованиях традиционное соотношение «язык — речь» заменяется соотношением «язык — речь — норма» или «языковая структура — норма — узус». Внимание к норме как корреляту языка и речи следует связывать с идеями известного испанского филолога XX в. Э. Косериу. В подготовленном советскими учеными исследовании «Общее языкознание» (М., 1970) указывается, что принятое в нем определение нормы нужно соотносить с положениями, выдвинутыми этим лингвистом: «Исходя из представленного у Э. Косериу понимания языковой нормы, следует определить ее как совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» (96, 555).

До сих пор различение и противопоставление структуры и нормы носит скорее умозрительный, чем оправдываемый фактами характер. Это сказывается и в только что цитированном определении. Если норма — это совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций структуры, то как быть с такими реализациями, которые не принадлежат к числу «наиболее устойчивых»? Как эти «наиболее устойчивые» реализации отграничить от «менее устойчивых», наличие которых предполагается? Получа-

[1] Заслуживают внимания также гипотезы по данной проблеме «язык — речь», высказанные современными советскими языковедами Т. П. Ломтевым и П. С. Кузнецовым (см. 86; 78).

ЦГБ

ется, что структура — по смыслу определения нормы — берется вне ее функционирования как некий конструкт, абстракция, созданная мыслью лингвиста. Ведь только в этом случае можно представить себе некую строгую и последовательно выдержанную «структуру» и нарушающую эту строгость ее «реализацию». К этому выводу ведет и один из примеров, предложенных авторами «Общего языкознания». Нормой ограничивается и нарушается выдержанность структуры в ряду *«начальник — начальница, певец — певица*, но *дворник* —?, *министр* — ?, *врач* — ?» (97, 557). Получается, что там, где регулярность, там и структура, так сказать, в ее цельности; там же, где регулярность нарушена, нарушана и структура в связи с вмешательством нормы. Все эти и подобные соображения возможны лишь в случае, если структура берется неподвижной, видится вне ее постоянной динамики речевого применения, а значит, и «реализации». Но реально такой языковой структуры нет, поэтому нет и нормы, соотносимой со структурой: норма — это с в о й с т в о структуры, а не ее коррелят. И если мы не получаем ожидаемой регулярности и последовательности в варьировании, чередовании, образовании и т. д. языковых единиц, то значит, такова сама структура, она в себе самой несет последовательно и не вполне последовательно, регулярно и не регулярно функционирующие участки, пласты, ряды и отдельные категории. Гипотезы нормы как коррелята структуры и речи нуждаются в глубоких уточнениях, прежде чем они могут стать составными компонентами общей теории языка как объекта лингвистической науки. Пока же этого нет, и термин «норма» лучше было бы использовать в его привычном для русистов применении — для выражения понятия о литературно узаконенных и общепринятых в сфере литературной речи реализациях вариативных возможностей языка.

§ 8. Одним из оснований мотивированного различения «язык — речь» и определения границ объекта лингвистики может стать уточненное понимание некоторых терминов, связанных с гипотезами, разъясняющими проблему «язык — речь».

В ряду таких терминов находятся: язык, речь, речевая деятельность, текст (речевой материал, речевые произведения), смысловое содержание текста. Именно эти термины используются в различных сочетаниях или с небольшими вариативными изменениями в наиболее известных гипотезах, связанных с проблемой «язык — речь», и во множестве работ, разъясняющих, комментирующих, развивающих и уточняющих эти гипотезы.

В соответствии с этим набором терминов, возникших, очевидно, под влиянием изучаемого объекта (или — объектов), можно принять различение обозначенных ими явлений действительности (структур), лишь два из которых прямо попадают в поле лингвистического наблюдения и исследования.

Все или почти все специалисты согласны в том, что речевая

деятельность имеет психофизиологическую природу: это работа человеческого организма, прежде всего мозга, создающая речь. Речевая деятельность должна быть известна лингвисту, она даже может стать объектом косвенного лингвистического изучения (в пределах психолингвистики), она должна быть принята во внимание при построении лингвистических отображений языковой структуры и ее функционирования, но она никогда не была и не может стать *прямым* объектом лингвистики.

Тексты (речевой материал) также не были и не могут быть объектом прямого лингвистического исследования. Вместе с тем несомненно, что в «текстах» «содержится» речь, однако в сращении с другими их слагаемыми: речь всегда лишь *один из компонентов* научного, художественного, делового, публицистического или «разговорного» текста. Тексты (речевой материал) изучаются многими и различными науками, в зависимости от того, какая информация тем или иным текстом выражена. Тексты интересуют лингвиста не природой и сущностью своей, а лишь одной из своих сторон — тем, что в них «объективированы» и воплощены, в определенной системной организации, знаки языка и что информация, содержащаяся в каждом тексте, внешне выражена, выявлена речью, воплощена в ее структуре.

В самое последнее время и за рубежом, и в нашей стране возрос интерес к так называемой лингвистике текста. Правда, четкого и ясного объяснения того, что же это за лингвистика, как и что она должна изучать, пока не дано.

«Лингвистика текста» нечетко отграничивается от «лингвистики речи», т. е. текст и речь оказываются терминами и понятиями неразмежеванными (см.: 113).

Смысловое содержание текста еще менее лингвистично, нежели сами тексты. В. В. Виноградов писал: «Обозначаемое или выражаемое средствами языка содержание литературного произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения. Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Но в плане такого изучения и само содержание не может оставаться за пределами изучения языка художественной литературы» (43, 91). Если же лингвиста интересует не «язык художественной литературы», а структура и система общенародного языка, содержание текстов отодвигается еще дальше от пределов, очерчивающих область прямых лингвистических интересов.

Таким образом, речевая деятельность, тексты и смысловое содержание текстов не могут признаваться предметами непосредственного языковедческого изучения, хотя опосредованно могут стать предметами лингвистического наблюдения и интереса. Речевая деятельность, тексты и смысловое содержание текстов оказываются за пределами собственного объекта лингвистики.

Таким образом, прямой объект лингвистики — это *язык и речь*.

§ 9. Термином «речь» пользуются не только лингвисты, но также психологи и физиологи, в результате чего он оказывается неоднозначным и «размытым». Поэтому неудивительно, что на лингвистическое значение термина «речь» очень часто наслаиваются психологические и психофизиологическое добавления. Необходимо более строгое и последовательное различение психофизиологического и лингвистического значений этого термина.

Концепции речи, развиваемые многими учеными, очень часто получают психофизиологический «довесок», хотя и направлены на осознание речи как коррелята языка.

Следует попытаться понять речь (в ее лингвистическом аспекте), не прибегая к психофизиологическим ассоциациям, т. е. не так, как это получалось в работах А. А. Потебни, Ф. де Соссюра, в меньшей мере — Л. В. Щербы и продолжает сказываться в более поздних исследованиях.

Текст (или — языковой материал) дан нам объективно. Каждый его внимательный наблюдатель приходит к выделению в нем повторяющихся знаковых единиц — элементов его речевой формы. Это хорошо разъяснено, вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ, советским филологом А. И. Смирницким. Повторяющиеся в тексте элементы его речевой, материальной формы обладают, очевидно, свойством воспроизводимости: только поэтому они и повторяются. Но если они воспроизводимы, значит могут быть отвлечены нашим сознанием от «текста», точнее, от некоторых отрезков речи и применены для построения новых «текстов» — новых отрезков речи. Так в принципе происходит выделение языковых единиц — фонем, морфем, слов, словосочетаний и предложений (их схем, или моделей). Так выделяет языковые единицы ребенок, начинающий говорить; так их выделяет и лингвист, изучающий их структуру, ее функционирование и развитие.

Единицы языка (назовем их также знаковыми единицами общения) существуют и могут быть наблюдаемы в двух коммуникативных состояниях: а) в отвлечении от текста, от языкового материала и выражаемого текстом смыслового содержания; б) в структуре текста, в связи с его смысловым содержанием. И в том, и в другом случае они материально-идеальны и объективно-субъективны. Они материальны не только потому, что реализуются в звуках или письменных знаках, но и потому, что всегда связаны с той или иной физиологической работой мозга и речевого аппарата человека. Они идеальны не только потому, что объективируют некоторый «смысл», «идею», «значение», но и потому, что хранятся в памяти, в сознании человека в форме психических отпечатков, отображений своей собственной материи. Они объективны, потому что в своей материальной форме одинаковы для всех; субъективны, потому что в своем идеальном содержании вспоминаются и воспринимаются каждым человеком в отдельности. Как факты материальные и объективные знаковые единицы общения хранятся в речевом материале, в текстах; как факты идеальные и субъек-

тивные они находятся в сознании, в памяти отдельных людей, а значит, и в сознании, в памяти общества, обнаруживая тем самым объективную и социальную стороны своей собственной субъективности, которая остается такой лишь в плане психологическом.

Признание и различие двух коммуникативных состояний знаковых единиц общения позволяет сформулировать следующие определения: а) *язык — это совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от языкового материала, в их коммуникативной готовности; это знаковый механизм общения;*

б) *речь — это последовательность (взятых из языка) знаковых единиц общения в конкретном языковом материале в их коммуникативном применении.*

В языке — «набор» единиц общения и система «правил» их применения; в речи — «выбор» из этого «набора» и реализация «правил». В речи выбранные единицы общения организуются в последовательность, в цепь по «правилам» языка и в соответствии с требованиями выражаемой информации.

Понимание речи в некоторых лингвистических работах осложнено психологическими и физиологическими представлениями. Они нежелательны, когда речь рассматривается как явление языковое и лингвистическое. Для лингвиста речь прежде всего *знаковая структура*, организованная как последовательность знаков общения, регулируемая законами языковой системы и работой сознания, формирующего и выражающего (или воспринимающего) ту или иную информацию.

Любая осмысленная последовательность знаков общения, т. е. речь, может быть представлена как линейно размещенный набор некоторых языковых единиц (фонем, морфем, слов и т. д.). Однако в таком наборе языковые единицы получают дополнительные признаки, которых не имеют в языке: выбор, повторение, размещение, комбинирование, трансформирование.

В стихотворении А. Блока из цикла «Кармен» есть строки

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Поэт осуществил выбор каждого слова из какого-то их ряда — прежде всего, синонимического, затем — ряда слов, близких по семантике, далее — ряда слов, пригодных для выражения поэтического замысла, и т. д. В языке нет выбора. В речи он неизбежен. Выбираются не только слова, но и значения слов, их сочетания, выбираются модели высказываний, интонации — одним словом, любые единицы, обладающие свойством воспроизводимости.

В том же четверостишии заметен и второй признак языковых единиц, приобретаемый ими в речи,— повторение: два раза при-

менено местоимение *я*, два раза местоимение *ты*, два раза союз *и*, четыре раза использовано сказуемое и т. д. Одноразовое использование в речи языковой единицы — это не что иное, как случай «нулевой» повторяемости. В языке его единицы не имеют повторений, но обладают вероятностями повторного применения в речи, несовпадающими, как правило, для разных языковых и речевых стилей.

Признак размещения единиц языка в речи неизбежно возникает из-за линейного характера речевой последовательности. Конечно, последовательность языковых единиц может быть обусловлена не речью, а языком (морфемы в словах *чересполосица* и *развеселился*, слова в предложениях английского языка в случаях, когда действует правило жесткого словопорядка, рамочная конструкция в немецком синтаксисе и т. д.). В приведенных строках А. Блока слова размещены определенным образом не по требованию языка; их размещение не воспроизведено, а создано поэтом по его замыслу, в соответствии с возможностями, предоставленными языком.

Единицы языка, свободно воспроизводимые в речи, могут вступать в различные комбинации друг с другом — разумеется, в пределах, разрешенных свойствами и закономерностями языка. Простейший случай комбинирования единиц языка — словосочетание. Оно имеет устойчивую, воспроизводимую модель и меняющееся, возникающее в речи словесное наполнение. *Отзвук гимна*, *забытый гимн*, *дикая судьба*, *мне печально*, *мне дивно* — это примеры комбинирования слов и словесных значений, построенного поэтом и нужного ему для выражения поэтического замысла. Однако комбинационные возможности речи не ограничиваются такими элементарными случаями. Высказывания и сцепления высказываний образуют нередко сложнейшие комбинации слов, синтаксических и интонационных структур, словесных значений и значений высказываний — и не видно сколько-нибудь ясных и испытанных путей к их изучению.

Наконец, в речи единицы языка могут приобретать и такой признак, который был условно назван «трансформированием». Трансформирование языковых единиц в речи выражается в их большем или меньшем видоизменении, в частичном преобразовании их значений, их формы или их устойчивых, узаконенных языком функций.

В цитированном четверостишии А. Блока «трансформированы» значения слов *черный*, *дикий*, *дивно*, *отзвук*, *гимн*. В. В. Виноградов такое трансформирование лексических значений назвал «употреблением слов» (39, 21). Можно такие значения назвать и «речевыми», в отличие от «языковых» — «нетрансформированных».

Частичному преобразованию, трансформированию подвергаются и звуки, и слова, и словосочетания, и предложения, и интонации. Чем «индивидуальнее», «тоньше», неустойчивее в системе языка то или иное его явление, тем легче оно подвергается

речевому трансформированию. Грамматические формы и их значения обычно не трансформируются из-за их устойчивости и всеобщности. Если в одном и том же тексте встречаются варианты одной и той же грамматической формы и ее значений, то эти варианты обычно оказываются не результатом речевого трансформирования, полученного в этом именно тексте, а речевым применением того, что уже вошло в язык.

В основу различения «языкового» и «речевого» нужно, видимо, положить возможность или невозможность наблюдать (и применять) в других текстах интересующие нас факты, описываемые языковые единицы, т. е. независимо от того текста, в котором эти единицы встречены.

Факт речи становится фактом языка тогда, когда он начинает функционировать — и, значит, воспроизводиться — независимо от породившего его текста, независимо от вызвавшего его содержания конкретных высказываний.

У А. Блока в другом стихотворении есть строки:

Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, врыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

Выделенные слова (точнее, их значения) едва ли можно встретить воспроизведенными, да еще не однажды, независимо от текста стихотворения А. Блока. Они — принадлежность речи, хотя и представляют собою индивидуально авторское употребление общенародных языковых значений, оказываются своеобразным их преобразованием, трансформированием.

Конечно, выделенные слова с их значениями много раз могут быть воспроизведены и воспроизводятся при чтении стихотворения А. Блока. Но очевидно и то, что в этих случаях не получается отвлечения значений от породившего их текста, его конкретного смыслового содержания.

Так намечается одно из различий между языком и речью. Оно не затрагивает ни философских, ни психологических, ни физиологических сторон проблемы, хотя и эти стороны должны, разумеется, вызывать интерес лингвиста.

§ 10. Различение языка и речи имеет фундаментальное значение для науки о языке и для понимания ее объекта. Обратим внимание лишь на некоторые аспекты этого значения.

а) Научное отображение языковой структуры (как и ее отображение стихийно-практическое, обиходное) тем полнее, чем обширнее тот речевой материал (письменные и устные тексты), из

которого «извлекаются» и от которого отвлекаются структурные элементы (единицы) языка и закономерности их применения. Идеальные грамматики и словари должны бы строиться на основе изучения и обобщения всего сказанного и написанного. Это понимали многие лингвисты, среди них — А. А. Шахматов и Л. В. Щерба. Однако практически это не только невозможно, но и не нужно, так как повторяемость единиц языка в речи позволяет на основе достаточно большого, но не глобально полного речевого материала получить четко выраженную, хотя и не исчерпывающе точную картину языка.

Вместе с тем и отдельные тексты (например, отдельное произведение художественной литературы) дают основание говорить о частных «языковых системах», «языках» этих произведений. Очевидно, что в таких случаях имеются в виду лишь те совокупности языковых единиц и та их закономерная организация, которые могли быть отвлечены в процессе изучения от вполне определенного текста. Тем больше оснований говорить о «языках» отдельных авторов — Шекспира, Л. Толстого, Пушкина, Гете, Бальзака, Чехова, Белинского, И. Павлова и т. д. Термины «язык Пушкина», «язык романа «Война и мир» и подобные обозначают лишь то, что имеется в виду та совокупность элементов языковой структуры и та степень реализации их возможностей, которые обнаружены или могли бы быть обнаружены в данном речевом материале, в данных текстах. Изучение «языков» отдельных авторов и отдельных произведений проливает свет и на этноязык в целом, и на его функциональную дифференциацию, и на его социальное расслоение, и на пути и типы воздействия произведений литературы, заложенной в них информации, на функционирующую языковую структуру.

В этом именно аспекте нужно думать и о так называемых функциональных стилях языка. Представление о них возникает из очевидного формального и содержательного различия речевого материала, связанного с разными сторонами жизни и деятельности социального коллектива (или — коллективов). Опытным путем устанавливаются заметные различия между художественными, научными, публицистическими, деловыми, разговорными текстами. Уже практический речевой опыт замечает эти различия и строит своего рода типологию стилей, типологию речевого материала. Наука идет по пути речевого опыта и осмысливает то, что им подсказано. Она выделяет стили как структурно-функциональные разновидности языка, соотнесенные с «отмеченными» им областями жизни и деятельности людей и характеризуемые системами различий в коммуникативной готовности вошедших в эти стили языковых единиц и их категорий.

б) Каждый из уровней языковой структуры (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, стили) существует в двух коммуникативных состояниях, т. е. в языке и в речи. Значит целесообразно, а в перспективе и неизбежно исследование каждого из этих уровней в двух аспектах — языковом и

речевом. Именно так возникло различение фонологии как учения о звуках языка (фонемах) и фонетики как учения о звуках речи. Достаточно отчетливо наметилось подобное же различение и в области синтаксиса: грамматическое членение предложения и его коммуникативно-актуальное членение принадлежат, несомненно, разным аспектам науки о языке — так сказать, языкознанию и речеведению. Можно увидеть известные различия двух подходов в исследовании морфологии языка и морфологии речи: первый предполагал бы изучение способов, средств и схем формоизменения слов и их типов (частей речи), парадигматических и синтагматических возможностей и свойств этих типов, а второй принимал бы во внимание различия и закономерности выбора, повторения, размещения, комбинирования и трансформирования форм, значений и категорий частей речи — в разных типах речевых последовательностей. В подобной перспективе можно представить и будущее науки о лексике и словообразовании.

Возможность и необходимость различения наук о языке и наук о речи, взаимосвязанных, взаимодействующих, но *не совпадающих*, очень остро ставит вопросы терминологии и определения лингвистических понятий и терминов. В сущности, давно назрела необходимость определения звука в языке и звука в речи, слова в языке и слова в речи. Эта необходимость начинает осознаваться, соответствующие определения уже предлагаются. И если бы наука о языке могла стать в этих вопросах достаточно последовательной, она должна была бы «удвоить» определения всех структурных единиц языка, всех его категорий. Она должна была бы и проблему структуры и системы языка также рассматривать в двух аспектах, но до этого еще далеко.

§ 11. Проблема языка как объекта лингвистики предполагает умение видеть не только единство и различие двух его коммуникативных состояний (язык и речь), но также единство и различие его устройства, его функционирования, его развития, его связей с материальным миром, обществом и сознанием.

Отсюда следует, что объект лингвистики сложен и многосторонен. В соответствии с этой сложностью и многосторонностью сама наука о языке имеет тенденцию к различению и разграничению не только проблематики и методик, но и к формированию более или менее автономных областей в границах единого языкознания. Если несколько упростить положение дела, то можно утверждать, что в этих границах давно сформировалось и успешно развивается учение о строении языка. Это учение можно было бы назвать структурным языкознанием, если бы не уже закрепленное за этим термином иное значение. Однако, приняв во внимание, что устройство языка есть не что иное, как некоторая знаковая конструкция, учение, предметом которого она является, можно бы назвать (единственно лишь в целях систематизации описания объекта науки и самой науки) *конструктив-*

ной лингвистикой. Все элементы этой «конструкции» находятся в действии, в работе, осуществляемой для построения речи. В этой работе и выявляются внутриструктурные и внешнеструктурные функции всех языковых единиц и категорий. Эти функции становятся предметом языковедческого изучения, что дает основание говорить о формировании функциональной лингвистики (правда, и этот термин «занят» несколько иным значением). Эта область языкознания имеет дело с внутриструктурными функциями и внутриструктурной деятельностью фонем, морфем, слов, словообразовательных типов, частей речи, моделей предложений и т. д. Понятно, что исторически различие между конструктивной лингвистикой и лингвистикой функциональной только-только намечается, и поэтому речь идет здесь не о фактическом размежевании двух лингвистик, а о заложенных в свойствах самого объекта возможностях и тенденциях науки.

В этих же свойствах и возможностях объекта заложены основания лингвистики генетической, предметом которой стало изучение исторического развития элементов и частей языковой структуры («конструкции»), а также их функции. Генетическая лингвистика не получила пока полной автономии, однако близка к ней, так как лингвоисторические исследования давно привлекали внимание и силы ученых, а все европейское языкознание XIX в. получило наименование сравнительно-исторического, так как господствующим направлением в языкознании этого времени было то, которое поставило своей главной задачей изучение родства языков на базе познания их истории, в особенности древнейшей.

Пока намечаются контуры лингвистики конструктивной, лингвистики функциональной и лингвистики генетической, специалисты по языку имеют перед собою язык в качестве главного, прямого и единственного объекта исследования. У Ф. де Соссюра и его последователей даже возникла иллюзия того, что лингвистикой язык изучается в самом себе и для себя (см.: 127, 269). Правда, многие вопросы, малые и большие, лингвистики конструктивной, лингвистики функциональной и лингвистики исторической (генетической) выводят нас за пределы собственно языка в иные миры — мир природы, общества и сознания.

И все же язык остается прямым, главным и единственным объектом лингвистики конструктивной, лингвистики функциональной и лингвистики генетической. Положение меняется, когда мы переходим к таким областям современного языкознания, которые имеют дело с целенаправленным изучением внешних связей языка — прежде всего, с обществом (а значит, и человеком) и сознанием. Пределы или аспекты объекта лингвистики становятся несколько иными. Проблема «язык и общество» требует систематического обращения лингвиста к фактам и явлениям общественной жизни, которая становится, таким образом, также предметом наблюдения и раздумий ученого-языковеда. Вместе с тем и язык при

таком проблемном решении как бы утрачивает свою «главность» и единственность для языковеда. Намечается такой угол зрения на язык, такой аспект его исследования, который колеблет чистоту и ясность границ объекта лингвистики. Именно при встрече языка и общества, языка и социальных институтов, языка и этноса и культуры народа возникает проблематика и предмет такой области современного языкознания, которая обычно называется социолингвистикой (ее разновидность — этнолингвистика в Америке и Западной Германии).

Нечто подобное происходит с границами объекта лингвистики и тогда, когда эта наука начинает рассматривать проблемы отношений языка и мышления, языка и сознания. И в этом случае языковед постоянно обращается к фактам и явлениям «чуждой» ему системы сознания, которая становится наряду с языком (хотя для лингвиста и во вторую очередь) предметом наблюдения, описания, анализа. В результате прямой объект изучения — язык — становится менее определенным и более широким. При встрече языка и мысли, языка и сознания возникает особая проблематика и предмет такой области современного языковедения, которая обычно именуется психолингвистикой.

Такое понимание объекта лингвистики позволяет наметить главные возможные членения самой науки (независимо от того, в какой степени современное состояние науки реализовало эти возможности). Лингвистика языка может и должна отличаться от лингвистики речи. Конструктивная лингвистика может и должна отличаться от лингвистики функциональной и лингвистики генетической, причем очевидно, что ведущее место в этой триаде принадлежит лингвистике конструктивной. Наконец, всем перечисленным лингвистикам противостоят социолингвистика, изучающая язык в его отношении к обществу, к его профессионально-трудовой, классовой, возрастной и иной дифференциации, и психолингвистика, изучающая язык в его отношении к психофизиологической деятельности человека, к индивидуальной и социальной психологии людей. Социолингвистика и психолингвистика выводят языкознание за пределы его прямого и главного объекта — языка в широкий мир его связей с обществом и сознанием. Где-то на стыке лингвистики, психологии и логики намечается теория языкового воздействия на сознание человека, теория речевого «управления» поведением людей.

Осмысливая проблему языка как объекта лингвистической науки, нужно думать и о том, что в процессе развития науки должны были возникнуть и действительно возникли и вторичные по отношению к самому языку объекты изучения, а именно лингвистические идеи, т. е. теории, гипотезы, взгляды, отображающие и осмысливающие язык, и различные приемы, способы, модели, «языки» его описания. Таким образом, современная теория языка — это совокупность и система обобщений, отображающих и объясняющих, во-первых, естественный язык людей, во-вторых — лингви-

стические теории и гипотезы, в-третьих — модели и «языки» описания его.

* * *

Попытаемся р е з ю м и р о в а т ь сказанное. Лингвистика как наука о естественном языке людей за время своего длительного развития получила (или — выработала) внутреннее членение, обусловленное а) сложностью, многосторонностью самого языка; б) множественностью и многотипностью языков, на которых говорит человечество; в) различиями связей языка с внешними по отношению к нему системами — природой, обществом, сознанием, культурой, поведением человека и т. д.; г) различиями принципов, методов и методик его изучения.

Общее языкознание занимает среди множества лингвистических наук свое особое место: оно изучает язык как инвариант, реализуемый в разных конкретных языках, изучает общее и существенное в различных языках и представляет собою общую теорию языка и науки о нем. Язык как объект лингвистики не может и не должен признаваться конструктом, созданным в процессе развития науки, язык — реален и объективен — в своем сложном целом и во всех своих сторонах, частях и структурных единицах. Недопустимо смешивать реальные единицы языка и их научные понятийные отображения, которые действительно являются конструктами и создаются наукой.

Проблема языка как объекта лингвистики в настоящее время не может быть уяснена без различения языка и речи, положенного в основание лингвистической теории Ф. де Соссюром, однако односторонне-идеалистически понятого ученым. В русской советской лингвистике попытки найти материалистическое решение проблемы «язык — речь» были предприняты Л. В. Щербой и А. И. Смирницким. В новейшее время Э. Косериу была предложена замена соссюровского различения «язык — речь — речевая деятельность» новым различением «язык — речь — норма» или «язык — норма — узус». Однако понятие нормы в этой концепции остается умозрительным и мало помогающим делу. Полезно было бы принять противопоставление и различение «язык — речь — речевая деятельность — текст и смысловое содержание текста». Предметом лингвистического изучения являются только два первых члена этого соотношения. Язык — это совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от текста, в их коммуникативной готовности; это знаковый механизм общения. Речь — это последовательность (взятых из языка) единиц общения (знаков) в их коммуникативном применении, построенная по законам языка и в соответствии с требованиями выражаемой информации. Языковые единицы в речи получают дополнительные, временные признаки, которых не имеют в языке: выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование. Факт речи становится фактом языка только тогда, когда он начинает функционировать

независимо от породившего его текста. Различение языка и речи имеет фундаментальное значение для науки о языке и для понимания ее объекта.

Принимая во внимание развитие языка и его функционирование, можно различать лингвистику структурную, лингвистику функциональную и лингвистику генетическую. Первую из них можно назвать лингвистикой конструктивной — ввиду того, что термин структурная лингвистика занят для наименования одного из методов науки о языке. Внешние связи языка (с обществом и сознанием) положили начало развитию социолингвистики как науки об отношении языка к обществу и психолингвистики как науки об отношении языка (речи) к деятельности мышления. Можно говорить и о зарождении прагрmaтической лингвистики, которая будет изучать язык в его отношении к поведению людей. В процессе развития науки о языке возникли и вторичные объекты изучения — лингвистические теории, гипотезы и описания языка.

Дополнительная литература

Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974 (первые две статьи).

Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности.— Вопросы языкознания, 1972, № 5.

Домашнев А. И. О границах литературного и национального языка.— Вопросы языкознания, 1978, № 2.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976 (раздел I — Предпосылки).

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974 (часть вторая. Введение).

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975 (вступительные замечания. Глава 1, раздел А).

Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции «язык — речь».— Вопросы языкознания, 1970, № 1.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (глава первая).

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973 (извлечения из работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого).

Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1964 (глава VII — Советское языкознание в 20-е и 30-е годы).

Глава II

Языкознание в системе наук

§ 12. Проблема, обозначенная в названии этой главы, связана тесно с другой проблемой — «Язык и наука». И прежде чем мы сможем осмотреть связи лингвистики с другими областями знания, определим, что собою представляет язык для этих других областей знания и науки в целом.

К настоящему времени язык оказался предметом внимания и интереса достаточно удаленных, а в отдельных случаях и, казалось бы, несовместимых научных дисциплин. Вот неполный их перечень — с указаниями на то, какие именно стороны языка и аспекты его видения могут интересовать каждую из дисциплин.

а) Лингвистика. Для нее язык — главный и единственный объект исследования. Лингвистика изучает структуру языка, ее функционирование и развитие, принимая во внимание ее связи и отношения с другими структурами действительности (общество, сознание, мышление, культура и т. д.).

б) Литературоведение. Для него язык — не прямой, а лишь косвенный объект наблюдения и интереса. Литературоведение видит в языке средство формирования и выражения и форму существования художественного содержания произведений литературы. При этом надо признать, что современное литературоведение интересуется больше (если не исключительно) языком как средством выражения содержания литературы, но не научилось еще видеть в языке орудие формирования этого содержания.

в) История. Для нее язык также не прямой, а косвенный объект наблюдения и интереса. История видит в фактах языка один из источников, дающих историческую информацию, но далеко не все языковые факты могут быть использованы в построении экономической, общественно-политической, культурной истории народов и стран.

г) Логика. И для нее язык — косвенный объект внимания и интереса. Логика видит в языке формы выражения единиц мышления — понятий, суждений и умозаключений.

д) Психология. И эта наука видит в языке не прямой, а косвенный объект внимания и предмет изучения. Психология изучает психические процессы, связанные с порождением и восприятием речи, т. е. с применением языка психофизиологическим механизмом человека.

е) Философия. По существу и для нее язык не может быть объектом прямого внимания и изучения, однако новейшие школы современного позитивизма делают вид, что основная философская задача как раз и состоит в анализе языка. Марксистско-ленинская философия как наука о наиболее общих законах функциони-

рования и развития мира и его «больших систем» — природы, общества и сознания — и язык воспринимает в аспекте именно этих законов.

ж) Семиотика. Она изучает язык в ряду других знаковых систем. Но так как язык — главная, наиболее сложная и, так сказать, классическая знаковая система, то получается, что семиотика имеет перед собой язык в качестве объекта прямого наблюдения и интереса, однако аспект видения и осмысления языка у семиотики свой, не совпадающий с лингвистическим: семиотику в языке интересуют общие свойства знаков, и потому, естественно, эта наука не повторяет лингвистику.

з) Кибернетика. Если кибернетика — наука об управлении (иногда добавляют — сверхсложными системами) и месте информации в процессах управления, то язык оказывается естественной и мощной кибернетической системой, потому что он — постоянный «носитель» информации, он участвует в процессах управления, и он сам представляет собою управляемую и саморегулируемую систему. Кибернетика пытается понять язык как одну из управляющих и управляемых систем.

и) Информатика. Изучает язык как средство хранения, переработки и выдачи информации о документах — носителях информации. Информатика смыкается с лингвистическим обеспечением информационных систем, осуществляющих хранение, поиск и выдачу как научной, так и экономической или иной информации.

к) Математическая логика. Использует язык как естественную знаковую систему, из которой можно черпать материал для применения, проверки, развития формально-логических теорем и решения формально-логических задач.

Можно было бы в этот перечень наук, для каждой из которых естественный язык людей становится объектом внимания, интереса, изучения, включить и другие науки, например, физику (акустику), анатомию, общую физиологию, физиологию высшей нервной деятельности и т. д. Но, думается, и предложенного вниманию читателей перечня достаточно, чтобы уверенно сказать: язык обеспечивает встречи и контакты многих и разных областей современного научного знания.

§ 13. Тот перечень, который только что был предложен читателю, включает в себя такие науки, с которыми языкознание издавна поддерживает связи и контакты, а с другой стороны, такие науки, с которыми лингвистика установила или устанавливает связи и контакты лишь с недавнего времени. К числу первых должны быть отнесены история, литературоведение, логика, психология, философия. К числу вторых — математика, кибернетика, информатика, семиотика, формально-математическая логика, теория и практика машинного перевода (МП) и т. д.

Нетрудно заметить, что традиционные связи лингвистика имеет

с гуманитарными науками, новые связи устанавливает с науками математическими и техническими. Попытаемся взглянуть попристальнее на некоторые из традиционных и новых связей лингвистики с другими областями знания.

§ 14. Лингвистика и литературоведение и поныне объединяются в сфере филологии. Сам по себе факт единого терминологического обозначения двух наук о слове знаменателен. Он говорит, в частности, о том, что не только лингвисты, но и литературоведы могут заниматься и занимаются изучением языка. Вместе с тем не только литературоведы, но и лингвисты могут заниматься и занимаются изучением литературного произведения. Казалось бы, это должно приводить к взаимному обогащению литературоведения и лингвистики, к усилению контактов между представителями той и другой науки. Однако на деле многое получается иначе: возникают теоретические, методические и чисто психологические конфликты на почве неуясненности «сфер влияния», на почве неполного понимания того, чем лингвистический подход к языку художественного произведения (или, точнее, его стилю) отличается от подхода литературоведа. В. В. Виноградов высказал интересную мысль о том, что лингвист идет в изучении языка художественного произведения от языковых единиц и категорий, их организации к художественно-эстетическому содержанию произведения; путь литературоведа — противоположный — от идейно-художественного содержания к его воплощению в средствах языка. Эта общая идея правильна, но она допускает конкретизацию, а может быть, и известное уточнение. Ведь остается неясным и неявным, как далеко заходит лингвист в содержание литературного произведения и изучает ли его и как далеко заходит литературовед в сферу языкового воплощения того самого идейно-художественного содержания, которое для него, литературоведа, остается главным предметом изучения.

Предпримем попытку разграничить лингвистическое и литературоведческое изучение речи художественного произведения и средств языка в ней. Для этого сопоставим следующие типы изучения: элементно-системное (языковое), текстовое (или стилевое), стилистическое, нормативно-критическое и, наконец, литературоведческое. Уже из самого терминологического обозначения типов изучения художественной речи и единиц языка в ней видно, что лишь один из пяти возможных исследовательских подходов к ней оказывается привязанным к литературоведению. Рассмотрим, что же это за типы изучения.

а) Элементно-системное (языковое) изучение имеет своими задачами две: 1) понимание своеобразия единиц и категорий языка, примененных в художественном тексте, по сравнению с теми же единицами и категориями в языке в целом; 2) понимание языкового состава и языковой структуры речи, обслуживающей художественную литературу. Предметом изучения

соответственно окажутся: средства языка и системы таких средств, примененные в художественном тексте и соотнесенные исследователем с одноименными средствами и их системами в языке в целом; структурно-языковые типы речевых цепей, особенности их элементного состава и построение.

Элементно-системное изучение художественной речи и средств языка в ней может привести нас к таким, например, темам: «Язык романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», «Язык Тургенева и русский литературный язык второй половины XIX в.», «Славянизмы в поэзии Ломоносова», «Книжно-поэтическая лексика в творчестве А. Блока», «Диалектизмы в художественной прозе М. Шолохова», «Простое предложение в прозе К. Паустовского», «Глагол и его функции в прозе А. Чехова», «Лексическая структура прозаической речи Лермонтова», «Синтаксическая структура поэтической речи А. Кольцова», «Языковые типы речевых метафор Блока», «Морфологическая структура речи Пушкина и ее влияние на литературный язык», «Глаголы в структуре поэтической речи Гете», «Эмоционально-оценочная лексика в структуре речевых цепей в драмах В. Шекспира», «Прилагательные в функции эпитетов и их структурное место в речи Ш. Руставели», «Лексическая структура речевых цепей Т. Шевченко» и т. д.

б) Текстовое (стилевое) изучение речи и средств языка в ней также имеет перед собой две задачи: 1) понимание своеобразия языковых средств, примененных в художественной речи, по сравнению с языковыми средствами других функциональных стилей или стилей отдельных жанров, литературных школ и направлений, отдельных авторов; 2) понимание своеобразия языкового состава и языковой структуры художественной речи по сравнению с языковым составом и языковой структурой речи иных стилей.

Вдумаемся в различие исследовательских задач элементно-системного и текстового изучения. В первом случае нас интересует «язык художественного произведения», так сказать, сам по себе или в его отношении к языку в целом. Во втором случае нас будет интересовать «язык художественного произведения» в его отношении к другим вариантам языка художественной литературы или в его отношении к другим языковым стилям. Объектом изучения во втором случае становятся единицы и категории языка, использованные в одних произведениях и одними авторами, в сопоставлении с одноименными единицами и категориями, примененными в других произведениях и другими авторами. Объектом в этом случае также может быть языковая структура речи одного автора (или произведения) в сопоставлении с языковыми структурами речи других авторов (или произведений). Так что по существу стилевое изучение речи и средств языка в ней всегда оказывается сопоставительным. Оно может быть пояснено такими, например, темами: «Сопоставление лексической структуры художественной речи Леонова и Паустовского», «Анализ сложного предложения как струк-

туры в художественной речи Л. Толстого и А. Чехова», «Сопоставительные наблюдения над простым предложением в речи художественной, научной и публицистической», «Образная реализация словесных значений в художественной, публицистической и драматургической речи К. Симонова», «Речевое своеобразие глаголов в прозе и поэзии Лермонтова», «Своеобразие просторечья в поэзии Некрасова и Маяковского» и т. д.

в) Стилистическое изучение речи и языковых средств в ней предполагает решение таких задач: 1) понимание образно-эстетических функций и возможностей различных языковых единиц и категорий в их зависимости от содержания художественного произведения; 2) осмысление образно-эстетического функционирования языковых структур речи в связи с содержанием художественного текста и в зависимости от него. Предмет изучения в этом случае — средства языка в речи и языковые структуры художественных текстов в их отношении к содержанию этих текстов, к идейно-художественным особенностям творчества отдельных авторов, литературных школ и направлений, жанров художественной литературы и т. д. Идя от языковых средств в речи и их организации в речевых цепях к идейно-художественному содержанию произведения, мы устанавливаем зависимость «языковой формы» от литературного содержания и его влияние на систему функций языковых единиц и категорий. Вот некоторые темы: «Выразительные функции интонации сложного предложения в лирике В. Маяковского», «Образно-эстетические функции славянизмов в поэзии русского классицизма», «Эстетическая роль слов *звезда, заря, солнце, месяц (луна), весна* в русской поэзии XIX века», «Динамика речевых структур в поэзии Р. Рождественского», «Типы языковых структур художественной речи И. Бунина и их функции» и т. д.

г) Нормативно-критическое изучение речи и средств языка в ней предполагает следующие главные задачи: 1) оценка степени соответствия между «языком» автора или произведения и предписаниями литературно-языковой нормы; 2) оценка степени соответствия между избранными (созданными) автором речевыми структурами и «эстетическим идеалом» эпохи, литературного метода и направления, эстетическими требованиями жанра и замыслом отдельного произведения. Предметом изучения в этом случае становятся языковые средства художественного произведения в их отношении к норме литературного языка, языковая структура речи писателя в ее отношении к эстетическому идеалу. Такое изучение «языка художественного произведения» еще не подготовлено науками о языке и литературе, но оно возможно и осуществимо, оно активно помогало бы улучшению качества литературы. Вот несколько иллюстративных тем: «Художественная речь А. С. Пушкина и нормы литературного языка начала XIX века», «Влияние языка А. П. Чехова на упрочение литературно-языковых норм начала XX века», «Целесообразность отступлений от

языковой нормы в романах М. Шолохова», «Художественная речь Карамзина и эстетические вкусы русского дворянства», «Поэтическая речь В. Маяковского и речевые обычаи русского горожанина», «Поэтическая речь К. Бальмонта и речевые вкусы начала XX столетия» и т. д.

д) Литературоведческое изучение языковых средств в речи и ее организации ориентировано на иные главные задачи: понимание роли языковых средств в формировании литературного образа или характера, понимание влияния речевых структур на развертывание идейно-эстетического содержания произведения. Предметом изучения в этом случае становятся образ, характер, идейно-эстетическое содержание произведения в их отношении к средствам языка и речевым структурам. Это тот самый путь от содержания к выражению, о котором как будто всем специалистам-филологам известно, но практическое осуществление которого даже и не начато. А ведь как было бы полезно для литературоведения (а косвенно и для языкознания) осуществить исследования на темы: «Участие языковых средств в формировании образа Татьяны Лариной», «Язык Симонова-поэта и влияние этого языка на образ лирического героя симоновской поэзии», «Участие лексических и фразеологических средств в формировании литературных образов романа Шолохова «Тихий Дон», «Динамика речевых структур и ее влияние на формирование и развитие образа Печорина в романе Лермонтова «Герой нашего времени», «Динамика речевых структур и ее участие в развитии содержания повести Чехова «Дом с мезонином» и т. д.

Попытаемся теперь представить перечисленные пять типов изучения художественной речи и средств языка в ней в виде сжатой схемы: а) языковое (элементно-системное) изучение берет средства языка в речи и языковые структуры речи в их отношении к языку в целом; б) стилевое изучение берет средства языка в речи и языковые структуры речи в их соотнесении с теми же самыми и аналогичными явлениями в других вариантах стиля и других стилях; в) стилистическое изучение берет те же самые явления в их отношении к идейно-эстетическому содержанию художественных произведений и в их зависимости от этого содержания; г) нормативно-критическое изучение берет те же явления в их отношении к литературно-языковой норме и эстетическому идеалу; д) литературоведческое изучение берет идейно-эстетическое содержание художественного произведения в его отношении к средствам языка в речи и организации речевых структур; такое изучение предполагает, что мы в состоянии понять, как влияют средства языка в речи и их организация, их динамика на формирование и развитие литературных образов и всего содержания произведения.

Думается, что представление о разных типах изучения художественной речи и средств языка в ней полезно не только потому, что позволяет увидеть разные аспекты исследования «языка художественной литературы», но и потому, что дает возможность

более или менее ясно наметить сферы влияний лингвистики и литературоведения, понять, что должна делать, а что не должна каждая из этих «братских» наук в этой области и каковы их взаимные права и обязанности. К тому же становится видно, что один из намеченных типов изучения художественной речи и средств языка в ней, а именно четвертый («нормативно-критическое изучение») одной своей стороной обращен к лингвистике (художественная речь и нормы литературного языка), а второй — к литературоведению (художественная речь и эстетический идеал).

Типы изучения художественной речи и средств языка в ней помогают задуматься о том, что язык действительно связывает две науки в составе филологии и выдвигает перед каждой из них различные, однако не чуждые друг другу задачи, предполагающие не только размежевание лингвистики и литературоведения, но и их союз.

§ 15. В качестве примера новых связей языкознания с другими науками возьмем связь лингвистики и математики, точнее — теории вероятностей (и математической статистики). Попытки «измерить» художественную и нехудожественную речь, приложить к ней количественные оценки предпринимаются давно. И даже самые непримиримые противники применения статистики в изучении языка и речи не могут избежать таких явно количественных по сути своей оценок, как «часто», «редко», «много», «мало», «обычно», «как правило», «активно», «предпочитает», «любит» (такой-то автор любит развернутые метафоры) и т. д. И это понятно: нельзя не заметить того, что в научной речи больше терминов, чем в художественной, что деловые документы широко используют развернутые синтаксические структуры, а разговорная речь их избегает и т. д. Но нужно сделать из этих наблюдений соответствующие теоретические и методические выводы. И они были сделаны — с помощью теории вероятностей и математической статистики.

Философы различают два типа закономерностей, действующих в мире. Эти два типа закономерностей получили название динамических и вероятностных. Действие первых может быть строго предсказано (если, разумеется, закономерность нам известна), действие вторых может быть предсказано по формуле «от и до». Из школьного курса физики мы все знаем, что любое физическое тело, погруженное в жидкость, теряет в весе ровно столько, сколько весит жидкость в объеме, равном объему погруженного тела; мы знаем также, что вода нормального состава, не имеющая примесей, при нормальном атмосферном давлении закипает при температуре 100 градусов Цельсия и замерзает при температуре 0 градусов Цельсия. Это — примеры динамических закономерностей. Нам понятно, что результаты действия той и другой могут быть предсказаны достаточно строго, по формуле: «если будет то-то и то-то, мы получим такой-то результат».

Однако во многих случаях та или иная закономерность проявляется по-другому. Скажем, хотя в общем составе населения Земли количество мужчин примерно равно количеству женщин, так как примерно половина младенцев, появившихся на свет,— мальчики и половина — девочки, это вовсе не означает, что в каждой отдельной стране это закономерное соотношение сохраняется или мы можем утверждать, что в каждой конкретной семье вслед за появлением мальчика появится девочка. Это один из многих примеров вероятностной закономерности, результаты действия которой могут быть предсказаны по формуле: «если мы будем наблюдать достаточно большое число случаев, то примерно в половине из них (или — примерно в десятой части или третьей части и т. д.) будет зарегистрировано то-то, а во второй половине (соответственно в девяти десятых и т. д.)— то-то». Вероятностные закономерности действуют во многих сложнейших областях (или системах) жизни, включая отношения между людьми, развитие психологии личности, воспитание и образование, воздействие художественной литературы и пропаганды на сознание людей, восприятие художественного или научного текста и т. д. Теперь хорошо известно, что развитие и функционирование языка, построение речевых цепей, применение в речи различных языковых единиц и категорий — все это подчиняется не жестким, а вероятностным закономерностям, и, следовательно, нужны специальные методики, которые позволяли бы лингвисту, изучающему язык, улавливать пределы действия одной и той же закономерности в развитии или функционировании языка, отграничивать одну закономерность от другой. Но такие методики нельзя разработать в пределах самого языкознания. Необходимо участие математики в разрешении вновь возникших проблем науки о языке. Необходим и так называемый математический аппарат для того, чтобы можно было на базе науки, а не предположений («часто», «много», «редко», «мало», «активно») устанавливать, закономерны или нет различия в использовании тех или иных языковых единиц, их рядов и категорий в текстах разных авторов, жанров, стилей, эпох и т. д. И такой аппарат используется лингвистикой и успешно применяется; в него вошло и понятие вероятности, и понятие частоты и доли, и понятие колебания частот и средней выборочной частоты, понятие выборки и многое другое, что так пугало лингвистов (в особенности — филологов) прошлого, а кое-кого пугает и теперь, несмотря на то что осуществлены сотни опытов применения статистики в изучении языка и речи, в том числе и художественной.

§ 16. В простейшем варианте методика (точнее, одна из методик) статистического изучения функционирования средств языка в речи и организации речевых структур требует усвоения и применения филологом следующих минимально-необходимых понятий, терминов, формульных обозначений и формул.

а) В е р о я т н о с т ь некоторого события *А* (обозначается сим-

волом $P_{(A)}$). Вероятность — это доля «события» A в некоторой цепи событий, ожидаемая на основе некоторой гипотезы или предшествующего опыта. Для лингвиста, применяющего статистическую методику, событием будет появление в тексте (в письменной или устной речи) наблюдаемых фактов языка (фонем, морфем, слов, грамматических форм, моделей предложения, членов предложения и т. п.). Обычно величину вероятности обозначают так: $P_{(A)} = \frac{m}{n}$, где $P_{(A)}$ — вероятность, m — число появлений изучаемого нами события в достаточно большом ряду событий, n — весь ряд событий. Если, например, в речевой цепи длиной в 100 000 словоупотреблений словоупотребления глаголов встретились 10 000 раз, вероятность употребления глагола равна 0,1 $\left(P = \frac{10\,000}{100\,000} = 0{,}1\right)$.

Исследователь языка, применяющий статистическую методику, и должен стремиться получить достоверные, достаточно надежные сведения о вероятностях интересующих его фактов. Но получить такие сведения не удастся без определенных приемов обработки текстовых массивов. Все дело в том, что вероятность выступает в неискаженном виде только при условии очень больших массивов фактов, если же перед нами массивы небольшие, равные, скажем, одной-двум тысячам словоупотреблений, интересующая нас вероятность получит отклонение от своей действительной величины в большую или меньшую сторону, и мы допустим ошибку, приняв нашу выборочную вероятность (т. е. полученную в каком-то конечном тексте, в «выборке» из практически неограниченного объема текстов — из так называемой генеральной совокупности) за действительную. Для того чтобы свести такую ошибку к минимуму или для того, чтобы, допустив ее, все же знать ее величину, ученому нужны, помимо вероятности, и другие статистические понятия и термины.

б) Частота, выборочная частота, средняя выборочная частота, действительная средняя частота. Частота показывает, сколько раз встретилось в том или ином массиве наблюдаемое нами событие. Если предположим, что в рассказе писателя *К.* встретились глаголы 1467 раз, местоимения — 1237 раз, предложения простые — 602 раза и предложения сложные — 465 раз, то эти цифры и будут частотами соответствующих единиц языка. Частоты необходимы и для вычисления вероятности и для статистической обработки исходных статистических данных, т. е. самих частот. Если лингвистический статистический эксперимент с текстами поставить так, что некоторый большого объема текст или некоторая совокупность текстов будут служить экспериментатору обширным массивом фактов, из которого будет взято несколько «проб», несколько равных по величине (по объему) кусков текста (эти «пробы» назовем *выборками из текста*), то в каждой из полученных выборок мы сможем подсчитать частоту одного и того же элемента языка или

той же их совокупности. При этом мы получим выборочные частоты. Так, если из прозаических текстов А. П. Чехова мы будем выбирать глаголы, причем каждая выборка будет равна 500 словоупотреблениям (и в выборки войдут только полнознаменательные слова и не войдет речь персонажей), то можем получить такие выборочные частоты: 110, 114, 111, 121, 109, 126, 120, 119, 104, 116. Но статистика интересуют не сами по себе выборочные частоты, а та закономерность, которая за ними скрыта. Поэтому статистик «перейдет» от выборочных частот к средней выборочной частоте, а затем и к «действительной средней». Выборочная средняя частота получается достаточно просто, особенно если все выборки равны по объему: мы суммируем все выборочные частоты и делим сумму на число выборок:

$$\bar{x} = \frac{110 + 114 + 111 + 121 + 109 + 126 + 120 + 119 + 104 + 116}{10},$$

где $\bar{x}$ — средняя выборочная частота. Можно все это записать в виде формулы: $\bar{x} = \frac{\Sigma x_i}{k}$, где Σ — знак суммирования, x_i — выборочные частоты, k — число выборок. Однако и средняя выборочная частота не вполне «устраивает» экспериментатора, которому нужно по результатам, полученным в эксперименте, найти еще «действительную среднюю частоту», т. е. ту среднюю, которая была бы получена при условии, что текстовой массив по объему был бы близок к неограниченному и сохранял бы при этом структурную однородность с теми текстами, которые попали в наши экспериментальные выборки. Никогда нельзя забывать о том, что средние выборочные частоты всегда будут отклоняться от действительной средней на какую-то величину. Ее и нужно хотя бы приближенно знать.

в) Отклонение выборочной частоты от средней. Среднее квадратичное отклонение. Ошибка наблюдения. Для того чтобы знать, какова возможная ошибка наблюдения, т. е. на какую величину полученная в эксперименте средняя выборочная частота может разойтись с действительной средней, нужно, прежде всего, вычислить все отклонения выборочных частот от их выборочной средней. В нашем условном примере было десять выборочных частот, их сумма равнялась 1150, а средняя выборочная частота = 1150 : 10=115. Сравнивая поочередно каждую из десяти выборочных частот со средней, мы получим отклонения в ту или иную сторону: —5, —1, —4, +6, —6, +11, +5, +4, —11, +1. Если каждую из этих величин мы возведем в квадрат, суммируем, разделим сумму квадратов на число выборок и затем извлечем квадратный корень, то получим среднее квадратичное отклонение, которое и применяется в статистике для обобщенной оценки степени размаха колебаний выборочных частот около их средней частоты. Вот формула для вычисления среднего квадратичного

отклонения: $\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma (x_i - \bar{x})^2}{k}}$. Но чем больше размах колебаний выборочных частот около их средней, тем больше может быть и наша ошибка в определении величины действительной средней, которую мы не знаем, но о которой судим по средней выборочной частоте. При больших колебаниях выборочных частот около средней будут увеличиваться и колебания выборочных средних частот около действительной средней, и, следовательно, будет возрастать возможная ошибка наблюдения. Вероятная ошибка наблюдения вычисляется по формуле $L = \frac{t\sigma}{\sqrt{k}}$.

В этой формуле L — величина ошибки, t — особый коэффициент, зависящий от числа наблюдений (выборок), он вычисляется теоретиками, а практически берется из специальных таблиц; σ — знакомое нам среднее квадратическое отклонение, k — число наблюдений (выборок). Коэффициент t при пяти выборках желательно брать равным 2,78, при десяти — 2,26, при пятнадцати — 2,15, при двадцати — 2,09, при двадцати пяти — 2,06, при тридцати — 2,05. Округляя указанные величины, можно принять такое решение: при числе выборок пять коэффициент t брать равным 3, а при десяти и более выборках этот коэффициент будет равным 2. Это удобно для вычислений, хорошо запоминается и обеспечивает неплохую надежность результатов.

Вернемся к нашему условному примеру. Мы вычислили отклонения каждой выборочной частоты от их средней. Применив формулу для вычисления среднего квадратического отклонения, мы получим величину, приближенно равную 5,3. Подставив ее в формулу $L = \frac{t\sigma}{\sqrt{k}}$, мы получим величину ошибки наблюдения. Она оказалась равна приближенно 4,0. Это означает, что полученная в эксперименте средняя выборочная частота (115) может отличаться от действительной средней величины на 4,0 в сторону увеличения или уменьшения, или, говоря иначе, та действительная средняя, которую мы ищем, окажется в интервале (115—4,0)—(115+4,0)=111,0—119,0. Мы пришли к некоторому результату, который может быть использован для сравнения активности двух или нескольких языковых единиц или категорий в некотором массиве текстов, однородных по содержанию и, предположительно, по структуре и организации речи, для сравнения активности одного и того же элемента языка (фонемы, морфемы, слова, грамматической формы или категории и т. д.) в двух разных массивах текстов, например в тексте художественном и научном, деловом и публицистическом, в текстах разных авторов и жанров и т. д. Для сравнения активности какого-то элемента языка в двух или нескольких текстах нам нужно получить в каждом из них интервалы действительных средних и сравнить эти интервалы друг с другом. Если окажется, что интервалы не «накрывают» друг друга, то это хороший признак того, что перед

нами разные действительные средние, а следовательно, и разные вероятности наблюдаемых явлений языка, разная их активность, разные закономерности. А это как раз и следует установить. Если же окажется, что интервалы заходят друг за друга, «накрывают» друг друга, то это будет с достаточной надежностью говорить о том, что мы встретились с колебаниями двух средних выборочных частот вокруг одной и той же действительной средней и что, следовательно, перед нами одна и та же вероятностная закономерность, и нет оснований говорить о различии активности наблюдаемого явления в двух текстах, хотя средние выборочные частоты и не совпали по величине: они разошлись случайно и при повторении эксперимента на других отрезках тех же самых текстов мы можем получить и иные результаты.

Получается, что для элементарного (и все же обоснованного и надежного) применения статистики в изучении языковых средств в речи и в изучении организации речевых структур требуется не так уж много знаний, предоставляемых статистикой лингвисту, и усилий, затрата которых полностью окупится. Очень полезно все статистические величины включать в одну сводную таблицу. Вот одна из возможных ее форм:

Выборки	Выборочные частоты, их отклонения от средней частоты и квадраты этих отклонений					
	имена			глаголы		
1-я	74	−6	36	110	−5	25
2-я	82	+2	4	114	−1	1
3-я	86	+6	36	111	−1	16
4-я	71	−9	81	121	+6	36
5-я	78	−2	4	109	−6	36
6-я	89	+9	81	126	+11	121
7-я	75	−5	25	120	+5	25
8-я	69	−11	121	119	+4	16
9-я	85	+ 5	25	104	−11	121
10-я	91	+11	121	116	+1	1
Сумма	800	0	534	1150	0	398
Средняя частота X	80			115		
Среднее квадратичное отклонение	7,3			6,3		
Ошибка наблюдения	4,6			4,0		
Интервал «действительной средней»	75,4—84,7			111—119		

Такая таблица очень ясно информирует о полученных в статистическом эксперименте результатах, позволяет сравнивать не только арифметически, но и статистически средние частоты и побуждает исследователя-лингвиста задумываться о причинах и условиях существенных или случайных расхождений и сближений наблюдаемых частот, т. е. активности тех или иных единиц языка и их категорий.

Очень полезны для лингвиста, решившего применить не очень сложный вариант статистической методики, два «статистических инструмента», позволяющих измерять колеблемость выборочных частот в их ряду. Если наш эксперимент организован так, что мы получаем несколько равных по объему выборок из однородного текста (однородность его в начале эксперимента определяется интуитивно), то выборочные частоты образуют ряд, в котором величины окажутся разными, более или менее далеко отходящими от их средней. Возникает задача как-то «оценить» пределы колебаний, ответить на вопрос, не слишком ли они велики, чтобы сохранить гипотезу о том, что мы имеем дело с действием одной и той же закономерности и что, следовательно, при повторении эксперимента, при распространении его на другие участки большого однородного по структуре текстового массива мы получим частоты и их колебания, не отличающиеся существенно от тех, которые мы оцениваем. Для такой оценки статистика дает в руки лингвиста так называемый критерий «*хи*-квадрат» и коэффициент вариации. Вот соответствующие формулы: $X^2=\frac{\Sigma (x_i-\overline{x})^2}{\overline{x}}$; $v=\frac{\sigma \cdot 100}{\overline{x}}$. Величина критерия «*хи*-квадрат» будет получена, если сумма квадратов отклонений выборочных частот от их средней будет разделена на среднюю выборочную частоту. Статистика дает «критические» значения величины «*хи*-квадрата» для разного числа наблюдений (выборок). Так, если в нашем эксперименте будут участвовать десять выборок и мы получим десять выборочных частот, критическая величина «*хи*-квадрата» будет равна 16,92 (округленно — 17). Это значит, что полученные в экспериментах величины «*хи*-квадрата» мы должны будем сравнивать с числом 17. А если эксперимент даст нам величину, меньшую, чем это критическое число, то мы вправе сохранить гипотезу о случайности, несущественности колебания выборочных частот около средней — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если полученная в опыте величина «*хи*-квадрата» превзойдет критическую, это с большой вероятностью будет указывать на то, что мы встретились с нарушениями действия вероятностной закономерности, и полученные в опыте средние частоты не вызывают доверия и не могут быть распространены на неизучавшиеся участки текста. С этой же целью может применяться и коэффициент вариации, представляющий собой отношение среднего квадратического отклонения к средней выборочной частоте, выраженное в процентах. Если это отношение не

превосходит 40%, экспериментатор вправе сохранить свою гипотезу о случайном колебании выборочных частот около средней; если критический порог (40%) превзойден, такую гипотезу придется отвергнуть и заменить другой — о существенности колебания выборочных частот, следовательно, о нарушении вероятностного закона и о невозможности уверенно говорить, что полученные в эксперименте частоты отражают общую статистическую закономерность всего текстового массива, из которого были взяты выборки.

Так очень схематично может быть описана одна из разновидностей методики статистического изучения языковых единиц в речи. Более основательно с этой сильной методикой и ее существующими вариантами нужно знакомиться по специальной литературе.

Контакты языкознания с математическими науками в настоящее время широки и многообразны — от применения статистики в изучении привычных лингвисту проблем и вопросов развития и функционирования языка до применения кибернетических идей в осмыслении языка как системы, в построении его математизированных моделей, в использовании электронных машин в области машинного перевода, информационно-лингвистического обслуживания автоматизированных систем управления и в лингвистическом анализе текстов. Но так как филологу, в частности преподавателю русского языка и литературы, в первую очередь нужна статистическая методика изучения языка и речи (она очень полезна, в частности, в изучении речи школьника), то именно эта методика и стала в настоящем пособии наглядным примером тесной связи между математикой и лингвистикой.

§ 17. Проблема «Языкознание в системе наук» побуждает изучать не только связи между науками, но и формирование новых наук на «стыках» между лингвистикой и другими областями знания. Какие же «стыковые» науки появились во второй половине XX столетия и были вызваны к жизни взаимодействием лингвистики и других научных дисциплин?

Видимо, отвечая на этот вопрос, нужно назвать прежде всего семиотику, информатику, психолингвистику, социолингвистику и прагмалингвистику. Появление семиотики было предсказано Ф. де Соссюром, применившим термин «семиология». С е м и о т и к а — это наука об общих свойствах знаков и знаковых систем. Но так как наиболее мощной и «выраженной» знаковой системой является естественный язык людей, то семиотика опирается на многие идеи и решения, полученные лингвистикой. Лингвистика входит в семиотику, а семиотика — в лингвистику. Какой-то круг лингвистических и семиотических задач переплетается. Семиотическое изучение изобразительного и музыкального искусства, жестов и мимики, обрядности и ритуалов, народных игр и танцев опирается на привычное для лингвистов выделение знаковых элементов из целостных знаковых систем, на осмысление значений и функций

этих элементов и т. д. Многие методические подходы к языку как бы расширяются в их применении и начинают захватывать изучение других, неязыковых систем только потому, что в этих других системах обнаруживается знаковая сторона, как будто сближающая их с языком. Нельзя не видеть того, что семиотика как особая наука еще не вполне сложилась, и поэтому семиотические решения носят нередко печать предположительности и неопределенности.

Информатика формировалась в 50—60-е гг. в связи с развитием службы научно-технической и управленческой информации с использованием вычислительных машин. По сути своей информатика — это наука об обработке, хранении, поиске и выдаче потребителю информации о документах — носителях информации. Известно, что ученый, инженер-технолог или конструктор, руководитель предприятия должен быть знаком хотя бы с наиболее важными работами в своей области. А это означает, что такой специалист должен осуществлять постоянный поиск не только нужной ему специальной информации, но и поиск тех документов (книг, статей, отчетов, докладов, патентов и т. д.), в которых эта специальная информация зафиксирована. Это не простая задача, и она становится все более и более сложной — из-за непрерывного роста публикаций, непрерывного увеличения «потока» информации. Новая наука и должна помочь ее, т. е. этой задачи, разрешению. А для этого информатика должна изучать потоки информации, связанные с разными областями науки, техники, производства и управления, должна изучать документы — носители информации, должна изучать способы языковой фиксации информации в документах, выделение в их тексте «ключевых», т. е. наиболее важных для понимания информации слов и словосочетаний, должна изучать терминологию, потому что только с ее помощью можно обеспечить достаточно точное информирование потребителей о содержании документов, должна строить словари поисковых слов и словосочетаний (такие словари получили название тезаурусов; этот термин был переосмыслен по сравнению с прошлым его применением в лексикографии), в этих словарях, между их словарными единицами, обычно указываются важные для поиска информации связи (родовидные, связи по признаку часть — целое и др.) и т. д. Информатика развивается на стыке лингвистики, математики, теории ЭВМ, библиографии и других наук. Она имеет и свой собственный объект изучения — функционирование информации в системах «человек — человек» и «человек — машина — человек». Информатика и лингвистика взаимодействуют друг с другом, и существует немало «стыковых» лингвистических и информационных проблем. Информатика в союзе с лингвистикой принимает активное участие в обеспечении создания и работы информационно-поисковых систем, и в настоящее время все бо́льшему числу специалистов в области информационно-поисковых систем и автоматизированных систем управления становится ясно, что без хоро-

шо налаженного информационно-лингвистического обеспечения ни те, ни другие системы удовлетворительно работать не могут. Можно сказать и резче: именно информационно-лингвистическое обеспечение — главное условие удовлетворительной работы этих систем, техника же сама по себе может обеспечить лишь быстродействие систем, но не может обеспечить точность их работы.

Психолингвистика — новая наука, развивающаяся с 50-х гг. на стыке психологии и лингвистики. Возникла она в США, а затем получила поддержку и во многих других странах, в том числе и в Советском Союзе, где уже существовала хорошая почва для развития психолингвистических идей (работы А. А. Потебни, А. С. Выготского). Психолингвистика при ее возникновении — это учение о кодировании и декодировании речевых сигналов системой мозга, тесно связанное с теорией информации. В современных работах по психолингвистике все чаще говорится о том, что эта наука изучает закономерности речевой деятельности. Психолингвистика — это теория речевой деятельности.

Но если психолингвистика имеет дело с речевой деятельностью, а речевая деятельность — это психофизиологическая работа, осуществляемая для и в процессе применения языка, то психолингвистика должна найти себе место не в сфере лингвистических, а в сфере психофизиологических наук. Так что многое в понимании предмета и задач психолингвистики остается неопределенным и неясным. Психологические процессы порождения и восприятия речи — это дело психологов, а не лингвистов. Лингвиста же может и должно интересовать отношение речевых структур к психологической работе сознания, подобно тому как лингвиста интересует отношение слова или словосочетания к предмету и понятию. Речевые структуры соотнесены с действительностью, моделями участков которой они являются, и с мышлением, которое ими формируется и выражается, и с психологической работой сознания, которая оказывается одной из сил, их, речевые структуры, формирующих. Какая психологическая работа сознания стоит за каждым шагом развертывания речи и каковы эти шаги — вот один из главных вопросов психолингвистики. Он может осмысливаться и в аспекте порожденной речи и в аспекте речи воспринятой. Подобно тому как в изучении «языка художественной литературы» лингвист отправляется, по Виноградову, от структурных языковых особенностей речи, а литературовед — от содержания текста,— подобно этому и психолингвист, изучая развертывание речи, отправляется от ее структурных особенностей, а психолог — от психофизиологической работы сознания. Психолингвистика как наука — в движении, в поисках и противоречиях. Ей еще предстоит найти и свой предмет, и свои основные задачи, и свои собственные методики (см.: 83; 84; 100; 129).

В лучшем положении — социолингвистика. Это наука об отношении языка, языковых и речевых структур к обществу, к социальным структурам, к производству и культуре, идеоло-

гии и морали, экономике и политике, государству и классам, изменениям форм социальной общности людей, к человеческой деятельности. Какие социальные структуры и их изменения стоят за перестройкой структур языка и речи — вот одна из центральных проблем социолингвистики.

К социолингвистике близка, но не совпадает с нею э т н о л и н г в и с т и к а в ее американском и западногерманском вариантах. Этнолингвисты США соотносят структуры языка с верованиями, обычаями, бытом, культурой народов (по преимуществу остановленных буржуазной цивилизацией на предшествующих ступенях исторического развития). Этнолингвисты Западной Германии соотносят структуры языка с психологией народа, видя в ней творческую силу, дух языка.

Контакты лингвистики с кибернетикой и электронно-вычислительными машинами привели к формированию в ы ч и с л и т е л ь н о й (компьютерной, или инженерной) л и н г в и с т и к и, которая занимается изучением языка в его отношении к ЭВМ и возможностей машинной обработки и переработки информации, заключенной в единицах языка, и информации о самом языке, его устройстве и работе. Вычислительная лингвистика может быть отнесена и к одному из направлений современной прикладной лингвистики.

§ 18. Как правило, встречи и контакты языкознания с другими науками помогают и лингвистам, и представителям других областей знания. Однако законы диалектики дают о себе знать и здесь. Положительное идет рядом с отрицательным. Вторжение математики (и математиков) в лингвистику принесло ей не только новые методики и новые исследовательские подходы к языку, но и немалую путаницу идей, задач и решений. Некоторые математики и математизированные лингвисты стали утверждать, что вся предшествующая лингвистика занималась не тем, чем надо, что она опиралась на обманчивую и неверную «интуицию», что «интуитивные» методы должны уступить свое место методам «точным», что нужно изучать язык, «не обращаясь к смыслу», что электронно-вычислительная машина станет хорошим переводчиком, как только введут в нее соответствующие алгоритмы и программы, подготовленные математиками, и т. д. и т. п. Математические увлечения в лингвистике, поддержанные последователями лингвистического структурализма, привели к искаженному пониманию таких проблем, как машинный перевод, информационный поиск, автоматический анализ текста, семантика языка и ее роль в его познании, приемы описания языка и др. Без надлежащей лингвистической подготовки, без тщательного изучения языка под углом зрения возможностей машины, без соотношения машинного и человеческого восприятия языка создавались модели и алгоритмы, на базе которых машина должна была якобы осуществлять автоматический перевод и другие виды автоматической переработки языковой информации. Но дело шло медленно и туго. Под влиянием неудач

и в результате постепенного усиления собственно-лингвистического подхода к названным сложным и социально значимым проблемам в их решении стали сильнее и активнее здоровые, реалистические тенденции. Проблемы семантического анализа языка стали занимать подобающее им место в той же американской лингвистике, так много сделавшей для дискредитации самой идеи языка как системы, несущей семантику. Создается даже впечатление, что увлечение семантикой может привести к новому «перекосу» — к умалению роли формы в языке и его изучении. Вместе с ростом внимания к семантике растет и понимание того, что в изучении и описании языка не все поддается и нуждается в так называемой формализации, т. е. замене обычного способа описания, опирающегося на использование слов и предложений с присущими им значениями, математизированным способом описания, опирающимся на использование формул и символов, лишенных собственной семантики и допускающих различные преобразования по строго формальным правилам наподобие тех, которые применяются в школьной алгебре. Проблема формализации описания языка остается проблемой. Лингвист не должен отказываться от символов, формул и их преобразований там и тогда, где и когда они допускаются сущностными свойствами языка и задачами его изучения. Но лингвист не вправе принимать и тем более навязывать другим такой способ описания, если свойства самого языка и особенности его познания требуют описания неформализованного. Формализация хороша там, где перед исследователем количественные закономерности мира или закономерности, допускающие строгое логическое исчисление. Там же, где перед исследователем оказываются системы, качественные по своей сути, и не видно, как качество можно «перевести» на язык количества, там должны применяться неформализованные способы описания. При этом, разумеется, всегда остается возможность включения в такое описание тех или иных формализованных фрагментов, тех или иных элементов формализации. В общем плане задач и развития современной лингвистики разумное сочетание неформализованных и формализованных систем описания языка и речи представляет большой интерес и будет привлекать к себе внимание и силы ученых-лингвистов.

* * *

О б о б щ и м материалы главы. В настоящее время язык — предмет внимания и интереса многих наук. Л и н г в и с т и к а изучает структуру языка, ее функционирование и развитие, принимая во внимание ее отношения и связи с другими структурами действительности (общество, сознание, мышление, культура и т. д.). Л и т е р а т у р о в е д е н и е видит в языке средство формирования и форму выражения идейно-художественного содержания произведений литературы. Для истории язык — один из источников, дающих историческую информацию, и одна из

сторон социальной жизни народов. Логика видит в языке формы выражения единиц мысли — понятий, суждений и умозаключений. Психология изучает психические процессы, связанные с порождением и восприятием речи, т. е. с применением языка психофизиологическим механизмом человека. Имеют свой аспект видения и изучения языка философия, семиотика, кибернетика, информатика, математическая логика.

Традиционные связи лингвистика имеет с гуманитарными науками, новые связи устанавливает с науками математическими и даже техническими.

Общностью интересов в изучении языка связаны лингвистика и литературоведение, они и поныне объединяются в сфере филологии. Однако далеки от необходимого уточнения различия в подходах к языку и стилю художественного произведения лингвистики и литературоведения. Остается верной мысль В. В. Виноградова о том, что лингвист идет в изучении языка художественного произведения от языковых единиц и категорий (и их организации) к художественному содержанию произведения, а литературовед идет от идейно-художественного содержания к его воплощению в средствах языка и в их речевой организации. Для конкретизации понимания различий в лингвистическом и литературоведческом подходах к изучению языка художественных произведений полезно сопоставить следующие типы изучения речи художественного произведения и средств языка в ней: элементно-системное (или языковое), текстовое (или стилевое), стилистическое, нормативно-критическое и, наконец, литературоведческое.

Убедительным примером новых связей языкознания с другими науками может служить связь лингвистики и математики (теории вероятностей и математической статистики, прежде всего). Эта связь стала необходимой потому, что язык, в своем функционировании и развитии, подчиняется так называемым вероятностным закономерностям, для «улавливания» которых и разработан аппарат теории вероятностей и математической статистики. Возникли и успешно работают методики статистического изучения языка и речи.

Проблема «языкознание в системе наук» побуждает изучать не только связи между науками, но и формирование новых наук на «стыках» между лингвистикой и другими областями знания. На этих «стыках» в XX столетии возникли семиотика, информатика, психолингвистика, социолингвистика и прагмалингвистика.

Семиотика — это наука об общих свойствах знаков и знаковых систем. Но так как наиболее мощной и «выраженной» знаковой системой является естественный язык людей, то семиотика опирается на многие идеи и решения, полученные лингвистикой, и, вместе с тем, дает лингвистике новые точки зрения на язык и новые методики его изучения.

Информатика, по сути своей, это наука об обработке, хранении, поиске и выдаче потребителю информации о документах — носителях информации.

Психолингвистика, при ее возникновении, это учение о кодировании и декодировании речевых сигналов системой мозга, тесно связанное с математической дисциплиной — теорией информации. В новейших работах психолингвистика все чаще понимается как теория речевой деятельности.

Социолингвистика — наука об отношении языка, а также речи к обществу, его структурам, к производству и экономике, идеологии и морали, науке и культуре, политике и праву, государству и классам, изменениям форм исторической общности людей, к человеческой деятельности, и в этом своем аспекте социолингвистика переходит в прагмалингвистику, развитие которой начинается.

Дополнительная литература

Аврорин В. А. О предмете социолингвистики.— Вопросы языкознания, 1975, № 4.

Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика.— Вопросы языкознания, 1978, № 3.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973 (Извлечения из работ Бодуэна де Куртенэ и В. А. Богородицкого).

Горнунг Б. В. Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук.— Вопросы языкознания, 1960, № 4.

Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

Краус И. К. К общим проблемам социолингвистики.— Вопросы языкознания, 1974, № 4.

Никольский Л. Б. О предмете социолингвистики.— Вопросы языкознания, 1974, № 1.

Пазухин Р. В. Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистических проблем.— Вопросы языкознания, 1963, № 5.

Глава III

Язык и общество

§ 19. Проблема «Язык и общество» сложна и многопланова. Ее содержание может быть расчленено на несколько существенных для лингвистики вопросов. Выделим из всего круга этих вопросов те, которые являются наиболее значимыми, первоочередными — по их месту во всей проблеме и по степени их научной освещенности. К числу таких вопросов относятся: а) социальная природа человеческого языка; б) социальная обусловленность возникновения и развития языка; в) язык и формы исторической общности людей; г) социальная обусловленность формирования литературных языков и языковой нормы; д) неравномерность развития отдельных участков языка — в зависимости от потребностей общества; е) социальная обусловленность дифференциации языковой структуры; ж) функциональные языковые стили и общество; з) возможности сознательного целенаправленного воздействия общества на язык; и) зависимость общества от языка; к) проблемы речевой культуры как проблемы социального применения языка; л) язык и научно-техническая революция.

Из этого неполного перечня вопросов видно, как широка и многопланова проблема «Язык и общество». Конечно, намеченные нами вопросы не исчерпывают проблему, при этом следует отметить, что вопросов можно поставить значительно больше, чем можно получить ответов.

§ 20. По своей сущности язык социален. А его сущность нужно видеть в его назначении, в его роли, в тех потребностях, которые им обслуживаются и удовлетворяются. Уже в работах В. Гумбольдта и Гегеля высказывалась мысль об удовлетворении языком потребности человека в общении. Западноевропейские лингвисты начала XX столетия были убежденными сторонниками понимания языка как явления социального. В американской лингвистике XX в. социальные аспекты языка привлекали внимание Э. Сепира и Б. Уорфа — родоначальников особого лингвистического направления, получившего название этнолингвистики. В нашем отечественном языкознании проблему «Язык и общество» осмысливали под разными углами зрения В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Н. Я. Марр, А. М. Пешковский, Е. М. Поливанов, А. Д. Селищев, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и другие ученые. Постепенно вызревало сознание той истины, которая была в первой половине XIX столетия сформулирована в «Немецкой идеологии» К. Марксом: «язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (1, 29).

Именно в этой своей функции — функции общения язык нужен людям. Но общаться человек хочет и может с себе подобными, т. е. с людьми. По мнению К. Маркса, язык существует и для других людей, лишь тем самым и для меня самого,— как действительное, практическое сознание (см.: 1, 29),—именно потому, что язык существует для других людей, он нужен мне — говорящему или пишущему — такова мысль К. Маркса. Но это и означает, что язык социален по своей сути. И от этой социальной его сути не вправе отдаляться ни лингвист, ни философ.

Функция общения для языка — главная, господствующая, подчиняющая или определяющая все остальные. Подчиняя себе все остальные, функция общения вместе с тем оказывается и их основной базой. Именно на базе функции общения существуют такие функции языка, как воздействие, сообщение, моделирование, даже формирование и выражение мыслей и других состояний сознания. «Даже» потому, что эта функция необходима для общения, без выражения мыслей — общение невозможно. Но и выражения мыслей не было бы, если бы не было потребности в общении, поддерживаемой и обновляемой совместной деятельностью людей. Образуют единство язык и сознание, образуют единство и функции общения, и формирования, и выражения сознания.

Философия марксизма, видя в языке важнейшее средство человеческого общения, признает решающую роль отношений людей, прежде всего трудовых отношений, в формировании и развитии языка. Возникновение языка (как бы далеко ни отодвигала наука и как бы ни растягивала во времени этот процесс) могло осуществляться только в результате потребности в общении, потребности, все более властно дававшей знать о себе по мере долгого и трудного превращения homo habilis («человек умелый») в homo sapiens («человек разумный»). Возможно, наука никогда не сможет восстановить реальные облики предъязыков и первых собственно-языков человека. Но какими бы они ни были по своей структуре и набору элементов, они могли быть построены только из того материала, который был в распоряжении предков человека, т. е. из еще не обработанных звуков, уже начавших дифференциацию в зависимости от условий их применения.

Что касается определяющего воздействия социальных условий применения языка на его развитие, об этом уже было сказано.

§ 21. Проблема «Язык и общество» требует пристального внимания к соотношению языка и форм исторической общности людей — племени, племенного союза, народности и нации. Наукой замечена и намечена общая закономерность: по мере внутренней консолидации форм исторической общности людей возрастает внутренняя организация и единство языка.

В условиях родового общества язык племени обычно слабо отграничен от языков других, родственных, племен. На базе племенной близости могут формироваться и языки племенных

союзов, по отношению к которым отдельные родственные племенные языки оказываются племенными диалектами. Видимо, так обстояло дело и у славян.

На рубеже старой и новой эры существовала группа родственных славянских племен, говоривших на близких друг другу языках или племенных диалектах одного, не имевшего устойчивой общей структуры языка. По мнению Ф. П. Филина, «общеславянский язык никогда не был монолитной системой, исключающей диалектное деление. Древние славянские племена были многочисленны, постоянно соседствовали и сталкивались с иноязычными племенами, меняли места своего жительства, испытывали сложные общественные переустройства и т. д., т. е. переживали длительную историю. Все это не могло не отражаться на их языке. Общеславянский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав которых и отношения между которыми должны были постоянно меняться» (136, 7—8).

«В VI—VII вв. н. э. славянские племена расселились на огромных пространствах от Ильменя на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы на западе. Они оказались в разных природных и культурных условиях, вступили в контакты с племенами и народностями разного происхождения и неодинакового уровня развития, хозяйственные и иные связи между отдельными племенными союзами давно уже были нарушены» (136, 29). «В условиях наступившей разобщенности реализации различных языковых тенденций стали неодинаковыми, имели не всеобщий, а локальный характер. Прекращение всеобщих изменений с одинаковыми результатами и есть конец существования языка. В VIII—IX вв. и позже рефлексы типа * *tort*, * *tъrt*, * *tj*, * *dj* и **kt'*, деназализация *Q* и *ę* и ряд других изменений фонетической системы, некоторые грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира с более или менее совпадающими границами. Эта зона и составила язык восточных славян, или древнерусский язык» (136, 29).

Так рисует известный советский лингвист, историк русского и восточнославянских языков, процесс их обособления в структуре общеславянского языка. Нечто подобное, конечно с большими или меньшими отклонениями от нарисованной модели, происходило и с другими племенными языками и диалектами. Примерно в то же время, к которому приурочивает Ф. П. Филин обособление восточнославянского (или древнерусского) языка, в иных, но сходных условиях обособляются южнославянская и западнославянская языковые системы. И один из южнославянских языков, древнеболгарский, примет письменность, создаст письменно-литературную форму, которая получит признание и за пределами южнославянского ареала.

Что же касается древнерусского, то он на протяжении XII—XVI вв. испытает новые сложные перемены, связанные с возник-

новением древнерусской государственности, образованием древнерусского литературного языка, формированием новых территориальных диалектов, связанных с территориальным, феодальным членением русской земли, тяготением отдельных русских княжеств к сношениям и связям с Литвой и Польшей, перемещением централизованных тенденций в развитии древнерусского государства из Киева и Чернигова на север и северо-восток — в Новгород, Ростов Великий, Суздаль и Москву.

В этот период закладываются основы трех близкородственных восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского. В каждом из этих языков начинают все более сказываться собственные тенденции развития и постепенно прекращают свое действие тенденции общевосточнославянские.

Эти новые языковые процессы связаны с формированием новой исторической общности людей — народности. Народность возникает в условиях классового — рабовладельческого и затем феодального — общества, государственной его организации; народность имеет свое общее для всех ее членов название (этническое имя), развивает общие элементы культуры и общий язык — при сохранении территориальных диалектов, которые наследуют многие признаки ушедших в прошлое диалектов племенных. Язык народности может получать письменную фиксацию, хотя это не обязательно, и большинство народностей так и не получает в условиях классового общества своей письменности и литературы. История общества дала немало примеров того, как та или иная народность оказывалась двуязычной в том смысле, что для целей религиозного культа, науки, просвещения применялся книжный (обычно — чужой) язык, а для повседневных трудовых, торговых, бытовых нужд, для устного словесного творчества — свой, не имевший письменной фиксации. Так было в средние века во многих странах Западной Европы и Азии: в Западной Европе литературным языком была латынь, во многих странах Азии — арабский язык. В России также существовало двуязычие — с той лишь разницей, что в качестве второго, книжного и официального, языка применялся близкородственный древнеболгарский (или старославянский), законсервированный и частично видоизмененный на Руси переписчиками и получивший название церковнославянского — по его главной функции, связанной с обслуживанием нужд церкви.

Но в языках народности постепенно складываются условия, которые будут использованы историей позже — в эпоху национального развития народов. Именно эта новая, национальная, ступень развития исторической общности людей создает и предпосылки, и условия для формирования литературных языков и так называемой литературно-языковой нормы. В. И. Ленин точно сформулировал тенденции развития наций и их языков: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая

основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» (6, 258).

В. И. Ленин, таким образом, прямо связывает единство языка и закрепленность его в литературе с государственным сплочением территорий и завоеванием внутреннего рынка буржуазией — и все это рассматривает как совокупность необходимых условий, как основу национальных движений, а значит — и развития наций, национальных культур и национальных языков.

Для нас сейчас особенно важно то, что именно в этот период и в этих условиях формируются нормы литературного языка как языка национального. Для того чтобы могла окрепнуть норма, необходимо, чтобы в языковом сознании образованной части нации появилось представление о том, что можно в языке, в его применении, а что нельзя. И это представление должно быть общим для всех членов нации — без различия территорий, на которых они, члены нации, живут, и рода деятельности, которой они заняты. Вот это «так можно» и «так нельзя» не может появиться без влияния на языковое сознание говорящих социально авторитетных образцов, которые и дает литература. А для обеспечения независимости формирующейся нормы от территории и рода деятельности необходима письменная фиксация, без которой невозможно общее, одинаковое понимание и применение нормы (разумеется, речь идет не о теории нормы, а о ее практическом узнавании и использовании).

Норма — явление сугубо историческое не только потому, что она исторически подвижна, но и потому, что она формируется лишь на определенном этапе развития языка, в определенных исторических условиях. Не следовало бы из-за опасности расширительного понятия нормы приписывать ее разговорному языку народности, диалектам территориальным или, тем более, племенным. Там, где нет письменной фиксации и литературного авторитета, нет нормы.

Сложнее положение с нормой в таких языках, как древнегреческий или латинский. И в первом, и во втором была письменная фиксация, была и литература, а значит, связанный с нею языковой авторитет.

Таким образом, надо признать существование языковой нормы в этих языках (и не случайно эти языки стали классическими, не только потому, что принадлежали народам античности, но и потому, что были достаточно строго упорядочены). Однако норма древнегреческого и латинского письменных языков не могла стать и не стала достоянием разговорного общения и не стала нормой всего древнеримского и древнегреческого общества.

Только новый период истории, когда складываются нации,

создает повсеместно предпосылки формирования национальных языков и их нормы, сущность которой сложна и не поддается до сих пор ясному описанию и объяснению. Норма нужна людям, создается людьми — она социальна. Норма принадлежит языку — она структурна. Норма предполагает устойчивость психофизиологических речевых навыков — она, следовательно, психофизиологична. Но лингвист должен прежде всего увидеть собственно-языковую, структурную сущность нормы. По мнению одного из видных советских лингвистов, «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка. При наличии колебаний приходится обращаться к авторитетным источникам книжно-литературного языка — произведениям художественной литературы, лучшим образцам публицистики и передовой прессы, к материалам научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них» (70, 19).

В этом высказывании скорее идет речь о том, откуда ученый берет свое представление о норме, чем о том, что е с т ь сама норма.

Приведем совсем недавнее пояснение нормы: «Языковая норма как конкретно-историческое явление характеризуется, по крайней мере, тремя свойствами — избирательностью, устойчивостью (традиционностью) и обязательностью («правильностью»)» (72, 172). И там же: «Языковая норма — это совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» (72, 173).

Но ведь вся система литературного языка в принципе подчинена нормам. Литературный язык в отличие от местных диалектов и разговорного языка предшествующих исторических периодов (доциональных) — язык нормированный. Значит, в нем нет, в аспекте нормы, более устойчивого (норма) и менее устойчивого (не норма), традиционного (норма) и нетрадиционного (не норма), «отобранного» (норма) и неотобранного (не норма). Вернее, в нем есть различия на шкалах устойчивости и традиционности, но и они — в пределах литературного языка все — норма.

Норма литературного языка, действительно, связана с устойчивостью, но не в процессе развития, а в процессе функционирования языковых единиц речи. Что же касается так называемой избирательности нормы, то это свойство, во-первых, не специфично для нормы, потому что оно присуще и не нормированной речи, а во-вторых, избирательность применительно к норме может пониматься лишь как осуществляемый историей языка отбор тех вариантов, которые сохраняются в языке литературном.

Думается, что норма литературного языка может получить следующее определение: это с т а б и л ь н о с т ь ф о р м ы

языковых единиц в процессе их функционирования, опирающаяся на авторитет образцовой литературы, науки и государства.

Норма, обеспечивая стабильность речевого применения, прежде всего формы языковых единиц, обеспечивает тем самым и единство литературного языка, его «неколеблемость», его устойчивость — независимо от территориальных, профессиональных, возрастных и иных различий говорящих на одном и том же национальном литературном языке людей. Образцовая с точки зрения общества, наиболее авторитетная в нем литература дает и образцы устойчивого применения средств языка в речи, оказывающие аналогичное влияние на применение тех же самых средств в широкой литературно-языковой практике всех образованных слоев населения.

Норма в литературном языке, как говорят, получает кодификацию. Наука, давая людям грамматики, словари, справочные пособия, описывающие разные стороны национального литературного языка, ориентируется как раз на наиболее авторитетные литературные произведения, поддерживает те тенденции нормирования языка, которые такими произведениями намечены или уже установлены. Государство, в свою очередь, защищает литературно-языковые нормы своими средствами — через школу, прежде всего, а нередко и путем прямых законодательных актов, регулирующих общественную практику применения норм орфографии и пунктуации. Государство во многих странах (во всех странах социализма) оказывает то или иное влияние на развитие науки о языке, на создание и издание нормативных грамматик и словарей.

Но нам должно быть понятно, что ни литература, ни наука, ни государство не могли бы обеспечить стабильность применения языковых единиц в речи, если бы не возникла социальная в этой стабильности потребность. А такая потребность возникает в новую эпоху экономического развития общества — эпоху капитализма и далее — социализма.

В идеале литературный язык должен весь быть нормативным. Однако, вследствие того что с литературным языком взаимодействует и общий разговорный язык народа, и местные диалекты, норма все время испытывает те или иные воздействия со стороны ненормированных языковых систем. Кроме того, норма естественно изменяется вместе с изменением всей языковой структуры. Это создает внутренние противоречия в системе норм, рождает их колебания и замену одних другими. Так что какая-то часть норм в любом литературном языке на любом этапе его развития оказывается неустойчивой, а неустойчивость по существу несовместима с нормой. Норма в каких-то участках и точках структуры языка начинает отрицать самое себя, чтобы затем в новом виде занять в ней свое место. Такова диалектика.

§ 22. Языки разных народов оказываются в неодинаковых условиях развития. Это неизбежно приводит к различиям в темпе развития и в зависящих от этих темпов результатах. Так, совершенно очевидно, что языки народов, которые мял и душил, по выражению Ленина, капитализм, не могли развивать многие пласты и «поля» своего словарного состава — и из-за отсутствия письменности, и из-за невозможности свободно развивать науку и культуру, и из-за препятствий в создании своей экономики. В таком именно состоянии оказались в свое время многие так называемые малые народы царской России, в таком состоянии находились и многие народы освобождающейся ныне Африки. В языках этих народов в сущности не было своей научной терминологии, не было лексического и фразеологического слоя, отражающего развитие передовой индустрии, и т. д. Это ставило такие языки в неравное положение с развитыми языками стран Запада и Востока — такими, как английский, французский, немецкий, испанский, русский, японский и др.

Но обогащение словарного состава не может не затрагивать и такие стороны языка, как словообразование, синтаксис, лексическая семантика. Быстрый рост отдельных участков словарного состава ведет к активизации тех или иных моделей и типов словообразования, обогащает их новыми словарными единицами, укрепляет их положение в словообразовательной системе языка. Так, в истории русского языка обогащение терминологической лексики, в связи с развитием науки, техники, производства и управления, идущее уже в течение многих десятилетий XIX—XX вв., активизировало необходимые для такой лексики модели и способы словообразования, в частности те, которые создают имена отглагольные с суффиксами отвлеченности.

В языках, имеющих необходимые условия для своего развития, неодинаково интенсивно обогащаются и изменяются отдельные слои и пласты лексики и фразеологии. Причем те из них, которые активно обогащаются в одну эпоху, могут затормозить развитие в другую. Говоря коротко, в развитии лексики и фразеологии любого языка действует своего рода закон неравномерности, меняющий степень и направление изменений частных лексико-фразеологических подсистем внутри общей лексико-фразеологической системы, причем действие этого закона направляется теми переменами, которые происходят в жизни общества.

§ 23. В сфере проблематики, связанной с темой «Язык и общество», занимает очень видное место вопрос о социальной дифференциации функционирующей структуры языка. Структура и система языка в эпоху его национальной жизни не обнаруживают сколько-нибудь заметных социальных различий. И в этом смысле не может вызвать никаких сомнений тезис «язык общенароден, а не классов». Однако процесс речевого ф у н к ц и о н и р о в а н и я языковой структуры находится под сильным влиянием

различных общественных сил, в частности профессиональных интересов и запросов, социальных вкусов и взглядов, возрастной психологии и т. д. Возникает дифференциация функционирующей языковой структуры — по своему существу дифференциация социальная. Эта дифференциация может затрагивать и самое структуру, ее свойства и особенности, хотя соответствующий круг явлений обычно уходит из поля зрения наблюдателя-лингвиста, потому что эти явления тонки и не столь бросаются в глаза.

Функционирующий язык получает несколько «плоскостей» социальной дифференциации:

а) Дифференциация по территории. Это хорошо известные местные, территориальные диалекты, которые представляют собою варианты общего языка народа, отличающиеся друг от друга сильными (степень этой силы может быть различной) структурными особенностями.

б) Дифференциация по виду (способу) материального воплощения речи. Это устная и письменная «формы» общего языка, также представляющие собою его функциональные варианты, отличающиеся друг от друга и известными особенностями структуры.

в) Дифференциация по мононаправленности или полинаправленности языковых средств в процессе речи. Это диалогический (полилогический) и монологический варианты функционирующего языка. В случае монолога направленность языковых средств — односторонняя, в случае диалога — двусторонняя, в случае полилога — многосторонняя. Эти варианты функционирующего языка отличаются друг от друга многими особенностями, функциональными и структурными, уже в силу того, что монологический процесс — целостный, непрерывный, диалогический и полилогический — прерывистый.

г) Дифференциация по типам деятельности социального коллектива, т. е. общества. Это всем известные стили языка, которые обычно называют функциональными.

д) Дифференциация функционирующего языка по социальным группам людей, по социальным слоям населения. Это профессиональные, сословные, классовые варианты функционирующего языка, точнее — его функциональных стилей («варианты вариантов»).

е) Дифференциация по жанрам и типам словесных произведений. Это также «варианты вариантов», соотнесенные с международным договором, обвинительной речью на суде, политической речью на митинге, отчетным докладом, научной статьей, романом, басней и т. д.

ж) Дифференциация функционирующего языка по авторам словесных произведений. Это личностные «вари-

анты вариантов», более полно и отчетливо выраженные в художественной литературе.

Как видим из скупого перечисления разных «плоскостей» социальной дифференциации языка, варианты языка народа (или этноязыка — термин современного советского языковеда А. И. Горшкова) неодинаковы по своей структурной самостоятельности и независимости от процесса функционирования. Иначе говоря, одни варианты различаются самими структурными свойствами (различие в «наборах» лексики, фразеологии, построении предложений, в отборе морфологических значений и т. д.), другие же обнаруживают какие-то различия в самом процессе функционирования (в одном варианте какие-то явления языка активны, в другом — менее активны, а в третьем встречаются лишь изредка и т. д.) — при малом различии структуры.

Так, дифференциация общего языка народа по территории (местные диалекты) затрагивает, прежде всего (как об этом уже было сказано), самое структуру, и территориальные диалекты — это структурные варианты языка. Дифференциация функционирующего языка по типам деятельности социального коллектива затрагивает, прежде всего, уже не самое структуру (она может быть почти одной и той же в разных функциональных стилях), а именно ее функционирование, в частности, от одного стиля к другому может меняться активность одних и тех же структурных элементов языка. Значит, в отличие от территориальных диалектов, функциональные стили языка, выделенные его историей на базе различия типов человеческой деятельности,— это прежде всего функциональные варианты языка. Нужно допустить, что разные «плоскости» дифференциации языка по-разному совмещают и соотносят чисто структурные и функциональные различия вариантов этноязыка.

Изучение всех «плоскостей» социальной дифференциации языка — проблема актуальная и для теории, и для практики. Глубокое изучение и понимание этой проблемы позволило бы отчетливее видеть причины и направления языковых изменений, связи вариантов языка с условиями жизни людей, позволило бы получить действенные рекомендации для улучшения речевого поведения человека.

«Плоскости» членения, дифференциации общего языка народа не расположены одна над другой и не разделены в реальном процессе речи. Они нередко сталкиваются и перекрещиваются, так как на речевое функционирование языка могут одновременно действовать разные дифференцирующие силы: и социальный слой людей, и тип деятельности, и жанр словесного произведения, и личность автора и т. д. Все это затрудняет изучение функциональных или структурно-функциональных вариантов языка, побуждает искать новые к ним подходы и новые методические процедуры. В частности, многое обещает статистическая методика, которая хорошо показывает линии различий между вариантами

языка, если эти варианты создаются в самом процессе функционирования — при большей или меньшей общности структуры языка. Эта методика хорошо улавливает различия в активности функционирования одних и тех же элементов языка в разных его вариантах, а эти именно различия нередко и оказываются главным средством дифференциации. Нужно еще сказать и о том, что статистическая методика может установить, случайны или устойчиво-закономерны функциональные различия вариантов языка народа.

Но и до осуществления новых, более глубоких исследований социальной дифференциации языка можно сказать, что нередко перед лингвистом оказываются функционирующие языковые структуры, образованные «наложением» друг на друга нескольких «плоскостей» дифференциации. Например, тексты басен будут показывать и функционально-стилевые, и жанровые, и личностные наслоения. Задача лингвиста — снять пласт за пластом эти наслоения, найти в тексте соответствующие пласты языковых средств и их активностей, т. е. установить социальные причины и языковые следствия. Но решить эту и подобные задачи не всегда просто и даже не всегда можно.

В пределах одного и того же произведения могут встретиться и переплестись обнаружения нескольких функциональных вариантов языка. Так, в пределах речевых структур одного литературно-художественного произведения, например «Войны и мира» Л. Н. Толстого, взаимодействуют художественный, научный, публицистический, деловой и разговорный стили. А на одной и той же газетной полосе могут оказаться рядом публицистический, деловой, научный и художественный стили. Именно это обстоятельство мешает до сих пор некоторым ученым увидеть так называемый «язык художественной литературы» в ряду функциональных языковых стилей: создается впечатление, что этот «язык» совсем иной природы, чем стили научный, публицистический и иные. И это распространенное мнение поддерживается как раз «сосуществованием» нескольких языковых стилей в одном и том же тексте, вернее — в тексте одного и того же произведения.

§ 24. Можно думать, что социология языка, или социолингвистика (ее основной задачей и является изучение проблемы «Язык и общество»), должна объять всю систему «плоскостных» членений языка, всю систему его вариантов, обусловленных влиянием общества. Однако можно и сузить круг задач социолингвистики и думать, что предметом ее изучения оказывается прежде всего то членение функционирующего языка, которое возникает под влиянием свойственных обществу различных его социальных групп. Функционирование языка, например, как-то зависит от возрастного деления населения: дети, молодежь, взрослые, старики применяют язык не вполне одинаково, да и сама структура языка образует некоторые, пусть незначительные, варианты. Известно и то, что рабочие, крестьяне, интеллигенция, а ранее,

кроме того, купечество, мещанство, дворянство, чиновничество (в нашей стране) применяли и применяют язык, внося в его функционирование какие-то специфические признаки, пусть и незначительные, мало заметные. Практический речевой опыт людей показывает, что есть различия в использовании средств языка, связанные и с такими членениями социального коллектива, которые вызываются неодинаковостью характеров, темпераментов— одним словом, свойств психологических, которыми наделены люди, проявляя эти свойства во всех сферах жизни и деятельности. Можно сказать и о том, как влияют на функционирование языка разнообразные и меняющиеся ситуации общения: политический митинг, отчетное собрание, урок в школе, международные дипломатические переговоры, выступление пропагандиста, университетская лекция, разговор друзей за обеденным столом, беседа директора предприятия с инженерами-руководителями подразделений и служб, разговор влюбленных и т. д. Это все — социолингвистика, социология языка — возникающие отсюда проблемы, задачи, вопросы, методы, поиски.

§ 25. Лингвистика давно различает язык письменный (книжный) и язык устный (разговорный). Понятно, что никакого книжного языка до возникновения письменности не было и быть не могло. После возникновения письменности и особенно книгопечатания наряду с разговорным стал функционировать и язык письменный, книжный, причем, по мере развития общества, функции этого второго языка расширялись, а его вес в жизни увеличивался. Нужно, разумеется, учитывать, что когда говорят и пишут о двух языках — разговорном и письменном, то обычно имеют в виду два варианта этноязыка, две его формы. Правда, в истории народов случалось и так, что письменный язык опирался на иноземные языковые основы. Об этом уже говорилось: латынь в Западной Европе, арабский — на Востоке. Но как бы по-разному ни складывались структурные отношения между книжно-письменным и устно-разговорным вариантами этноязыка, задачи функционирования этих д в у х в а р и а н т о в и сферы их применения оказывались различными: книжно-письменный вариант обслуживал нужды государственного управления, науки, церкви, часто — художественной литературы и политики, а устно-разговорный вариант — нужды повседневного быта и, так сказать, повседневно-бытового труда людей.

В наше время книжно-письменный и устно-разговорный варианты этноязыка сохраняют те же или почти те же задачи функционирования и сферы применения. Следовательно, создалась достаточно длительная традиция целевого и ситуативного применения указанных двух вариантов. Это обстоятельство не могло не сказаться и на самой структуре книжно-письменного и устно-разговорного вариантов языка народа. Мы хорошо знаем, например, как свободны, непринужденны, разнообразны средства

выразительности и эмоциональной оценки в устно-разговорном варианте и как они упорядоченны, нормированны, строги (и тем не менее богаты) в варианте книжно-письменном.

Противопоставление этих двух вариантов языка народов в наше время стало более сложным и запутанным, чем в прошлом. Дело в том, что на старое противопоставление («язык книжно-письменный» — «язык устно-разговорный») наложилось противопоставление новое, возникшее в сфере литературного языка и его функциональных стилей, а также и противопоставление самого литературного языка в целом языку нелитературному. Попытаемся кратко рассмотреть оба новых противопоставления.

Литературный язык, развивая свою систему функциональных стилей, сформировал и стиль разговорный, которым пользуются носители литературного языка в повседневном бытовом и трудовом общении. Этот стиль называют в современных лингвистических работах по-разному — разговорной речью, разговорным языком, разговорным стилем. Более точным нужно признать термин «разговорный стиль литературного языка», короче — «разговорный стиль». Его, разумеется, не нужно называть «разговорной речью», потому что этот термин, строго говоря, нужен для обозначения речи, имеющей устную форму. Его не следует называть и «разговорным языком», потому что имеется в виду лишь один из вариантов литературного языка, который, в свою очередь, также оказывается одним из вариантов этноязыка.

Если все это так, то становится понятным, что нельзя противопоставление «книжно-письменный вариант языка» — «устно-разговорный вариант языка» отождествлять с противопоставлением «разговорный стиль литературного языка» — «книжные стили литературного языка».

Нельзя противопоставление книжно-письменного варианта языка варианту устно-разговорному отождествлять и с противопоставлением литературного и нелитературного вариантов этноязыка, если, разумеется, понятие «литературный» не смешивать с понятием «книжный», «письменный».

Литературный вариант языка народа обслуживает литературу, т. е. совокупность словесных произведений, назначение которых не сводится к выражению информации о фактах и событиях, такие произведения предназначены для чтения как занятия, как вида деятельности. Литературный вариант языка связан, естественно, с письменностью, книжностью, однако не совпадает с нею, выходя за ее пределы (см. устные рассказы И. Андроникова, Е. Ауэрбах, экспромтные речи А. В. Луначарского, беседы о музыке Дм. Кабалевского и т. д.). Нелитературный вариант языка, прежде всего применяемый в устно-разговорном общении, может получать и письменную фиксацию (тексты новгородских берестяных грамот, записи приказчиков в приходо-расходных книгах лавок, непритязательные письма малограмотных людей, чисто деловые тексты и т. д.).

Итак, современный развитый литературный язык дает три несовпадающих противопоставления: 1) книжно-письменный вариант языка — устно-разговорный; 2) книжные стили литературного языка — разговорный стиль; 3) литературный вариант языка — нелитературный его вариант.

Эти противопоставления позволяют, в частности, понять, как возникает столкновение и нежелательное смешение терминов «разговорный язык», «разговорная речь», «разговорный стиль» и под. Показанные только что три противопоставления позволяют увидеть, как можно было бы снять хотя бы часть терминологических затруднений. Устно-разговорный вариант языка (разговорный язык) соотнесен с книжно-письменным вариантом; при этом имеется в виду этноязык. Разговорный стиль соотнесен с книжными стилями литературного языка и несет на себе печать нормы. Вместе с тем этот стиль входит и в структуру устно-разговорного варианта этноязыка, и в рамках этого варианта противопоставлен нелитературным его вариантам. Что же касается термина «разговорная речь», то лучше было бы применять его в строгом соответствии с термином речь и в соотнесении с терминами «устно-разговорный вариант языка» и «разговорный стиль литературного языка». Устно-разговорный вариант языка дает разговорную речь, а разговорный стиль литературного языка дает разговорную литературную речь.

Если принять во внимание все сказанное, то намечается следующая общая схема варьирования современных развитых языков, обусловленного социальными условиями и влияниями.

1. Этноязык в его четырех вариантах «первого уровня членения»: а) в одном отношении противопоставлен книжно-письменный язык устно-разговорному; б) в другом отношении противопоставлен литературный язык нелитературным языковым структурам.

2. Устно-разговорный вариант этноязыка функционирует в вариантах «второго уровня членения». Это местные диалекты и говоры, разговорно-бытовой стиль литературного языка и так называемое просторечье; это и наддиалектные общенародные языковые структуры, имеющие применение в разговорном общении и не зависящие от территории. Книжно-письменный вариант этноязыка функционирует в системе функциональных стилей, которые и оказываются вариантами «второго уровня членения». Противопоставление литературного языка нелитературному, как уже говорилось, почти накладывается на противопоставление книжно-письменного варианта устно-разговорному. Однако то и другое противопоставления имеют и специфику, в частности, на «втором уровне членения». Литературный язык на этом уровне включает все стили, в том числе и разговорно-бытовой; книжно-

письменный вариант этноязыка этот стиль исключает, зато включает и ненормированные языковые структуры, которые в противопоставлении «литературный язык — нелитературный» будут отнесены ко второму. Особенно примечательно то, что в одном противопоставлении разговорно-бытовой стиль является принадлежностью литературного языка, а в другом — устно-разговорного варианта этноязыка. Одни связи тянут разговорно-бытовой вариант «второго уровня членения» в систему других стилей литературного языка, другие же связи вовлекают этот стиль (разговорно-бытовой вариант) в систему местных говоров и просторечья.

3. Варианты «второго уровня членения», в свою очередь, также могут варьировать и в таком случае функционируют в вариантах «третьего уровня членения». Ими могут оказаться варианты социальные (сословные, классовые, профессиональные, возрастные, групповые и т. д.), варианты жанровые и индивидуально-личностные.

Таким образом, все уровни членения функционирующей структуры языка обнаруживают з а в и с и м о с т ь от условий жизни людей, от ее социального членения. Недавно возникшая новая лингвистическая наука — социолингвистика и имеет своей главной задачей изучение этой зависимости.

§ 26. В советском языкознании 30—40-х гг. получили широкое признание лингвистические взгляды Н. Я. Марра, предполагавшего, что ему удалось создать «новое учение о языке». Одним из теоретических положений этого «нового учения» было положение о полной социальной обусловленности всех без исключения сторон и элементов структуры языка и о его классовости. Литературные языки объявлялись языками дворянства и буржуазии и выдвигалась задача их пересоздания в интересах пролетариата. Организованная в 1950 г. на страницах газеты «Правда» лингвистическая дискуссия показала необоснованность положения о классовости языка. Принимавшие участие в дискуссии И. В. Сталин, акад. В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников и другие показали, что ни с философской, ни с лингвистической точки зрения нельзя защитить тезис о классовой природе языка и о необходимости его реформ в эпоху диктатуры пролетариата и социалистической революции. В результате дискуссии в советском языкознании стала господствовать теория общенародности языка, который не может быть, как это представлялось Н. Я. Марру и его последователям, зачислен в разряд надстроечных над экономическим базисом явлений. Тезису Н. Я. Марра о языке как одном из видов идеологической надстройки над экономикой общества был противопоставлен тезис об особой, ненадстроечной природе языка как явления необходимого всему обществу и всем его классам. Тем самым проблема классовости как будто была решена. Однако это решение не могло означать, что нет вообще связи между классами и языками: из безразличия языка к классам, что было

доказано во время дискуссии, никак не вытекает безразличие классов к языку. И это небезразличие классов к языку, применение языка для выражения и защиты интересов разных классов не может не сказываться на функционировании языковой структуры, на отборе и применении лексико-фразеологического материала, на активизации и затенении тех или иных семантических словесных рядов, даже на идеологическом переосмыслении общенародных слов в речи. Классовые симпатии и антипатии, элементы классовости в эстетике и нравственности, в идеологии и поведении могут сказываться в языке, его речевом применении, прежде всего. Об этом говорит, в частности, история литературы любого народа. Примером классового влияния на речевую структуру могут служить речевые характеристики купцов, созданные А. Н. Островским, речевое поведение Павла Власова и Клима Самгина, мастерски нарисованное М. Горьким. Так что проблема «Язык и классы» остается в языкознании как составная часть более широкой проблемы «Язык и общество».

§ 27. Проблема «Язык и общество» побуждает осмысливать не только влияние общества на язык, но и влияние языка на общество.

Можно сказать, что общество имеет такой язык, какой обществом создан, и использует язык так, как умеет и может.

Однако такой правильный, но слишком общий ответ на вопрос о том, как язык влияет на общество, мало что дает. И дело не только в том, что влияние языка на общество усиливается вместе с развитием самого общества,— это влияние возрастает и по мере развития производства, техники, науки, культуры и государства. Нужна разработанная теория социальных функций языка и его роли в развитии всех сторон общественной жизни и деятельности всех, больших и малых, «социальных структур» — от государства до семьи. Эта теория должна объяснять не только сами социальные функции языка, но и их изменения, а также изменения в их системе — по мере развития общества и его институтов.

Уже сейчас можно наметить участие языка в организации труда, согласовании и приложении трудовых усилий людей; в управлении общественным производством, деятельностью научных учреждений и организаций культуры; в осуществлении процесса образования и воспитания членов общества; в развитии и применении художественной литературы; в развитии науки и научного общения специалистов; в совершенствовании процесса научной и технической информации; в изменении социальной и личностной психологии. Соответственно можно говорить об организующей, управленческой, образовательно-воспитательной, эстетической, исследовательской, информационной, социально-прагматической и индивидуально-прагматической функциях языка. Не нужно лишь забывать о том, что эти функции осуществляются

языком не самостоятельно, а в совокупности человеческих деятельностей, направляемых сознанием человека.

§ 28. Особо следует рассмотреть — в рамках проблемы влияния языка на общество — вопрос о так называемой лингвистической относительности, или, иначе, совокупность взглядов, связываемых с именами В. Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Уорфа. Но сразу же надо предупредить одно заблуждение. Взгляды В. Гумбольдта — Л. Вайсгербера и Э. Сепира — Б. Уорфа довольно далеки друг от друга, возникли в руслах разных философских и лингвистических школ, хотя и направлены, по первому впечатлению, на одно и то же — на обоснование гипотезы об определяющей роли языка по отношению к человеческому осознанию мира и человеческому поведению.

В. Гумбольдт высказал положение о том, что язык свойственен самой природе людей и представляет собою необходимое проявление, выражение духа народа. Восприятие мира человеком осуществляется благодаря языку и предсказывается языком. Л. Вайсгербер — последователь идей В. Гумбольдта в лингвистике XX в.— видит в языке некий третий, промежуточный мир, предопределяющий восприятие и осознание мира человеком. Мировоззрение человека зависит от его языка, а так как структуры языков различны, то неизбежны и различия в мировоззрении людей. Язык осуществляет процесс вербализации мира и тем самым устанавливает точку зрения людей на него.

Напомним, в связи со сказанным, собственные слова В. Гумбольдта: «... в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и усвоить мир предметов. Это положение ни в коем случае не выходит за пределы очевидной истины. Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы поэтому уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем мировоззрении...» (67, I, 99).

Взгляды Сепира—Уорфа в чем-то существенном оказываются сходными со взглядами В. Гумбольдта и Л. Вайсгербера — на язык, как третий мир между человеком и природой. Однако если В. Гумбольдт и Л. Вайсгербер опирались в своих концепциях природы языка на идеалистические воззрения немецких философов, в частности Гегеля, то Э. Сепир и Б. Уорф как будто были далеки от этой философии и шли от наблюдений за языками индейских

народов (и «цивилизованными» языками Европы и Америки) к философско-лингвистическим обобщениям, оказавшимся близкими к гипотезе В. Гумбольдта — Л. Вайсгербера.

В чем же суть американского варианта этой гипотезы?

По мнению Э. Сепира, «язык служит руководством к восприятию «социальной действительности». Хотя язык обычно мало интересует ученых, занимающихся социальными науками, он оказывает мощное воздействие на наше мышление о социальных проблемах и процессах. Человеческое существо живет не в одном только объективном мире и не в одном только мире общественной деятельности, как это обычно полагают. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе. Совершенно ошибочно полагать, что человек ориентируется в действительности без помощи языка и что язык есть просто случайное средство решения специфических проблем общения и мышления. Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут разные общества,— отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» (67, II, 233).

Взгляды Б. Уорфа являются развитием взглядов Э. Сепира и представляют собою попытку показать, как отдельные слова и грамматические категории предуказывают развитие понятий о действительности и как они регулируют поведение человека. По мнению Б. Уорфа, «мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений» (67, II, 255).

Было бы наивно без размышлений и аргументов отклонить все соображения о влиянии языка, его структуры на мышление, культуру и поведение людей. Однако невозможно согласиться и с тем, как представлено это влияние во взглядах упомянутых ученых.

Возражения могут быть выражены в следующих тезисах:

а) В процессе развития и функционирования языка его структура, в частности и прежде всего — лексическая, получает членение в зависимости от членения действительности и ее осознания в процессе ее трудового освоения; а так как одна и та же действительность, как правило, оказывается средой обитания и областью деятельности многих и разных народов, языки этих народов, несмотря на структурные различия, получат аналогическое членение.

б) Именно соотнесенность членения разных языков с действительным, осознаваемым в процессе труда, членением мира делает возможным взаимопонимание людей, говорящих на разных языках.

в) Многовековой опыт лексикографической работы убеждает в

том, что лексика даже очень далеких типологически друг от друга языков (английский и японский, русский и суахили) допускает достаточно строгое и однозначное соотнесение, на семантико-понятийной базе, подавляющего большинства слов.

г) Существующие между языками расхождения лексико-семантических систем и систем значений отдельных слов преодолеваются в процессе перевода с одного языка на другой благодаря возможностям лексической синтагматики. Это великолепно понимал А. С. Пушкин: «...разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности» (114, 340).

д) Отношение человека к действительности регулируется не языком как системой, а его применением в речи, т. е. структурами речевыми, которые, благодаря синтагматике, снимают многие различия между языками в области лексической и грамматической семантики.

е) Несовпадение у разных народов обычаев, верований, культуры сказывается, разумеется, на осмыслении и применении элементов языка, но едва ли бывает следствием воздействия языковых различий на жизнь людей.

ж) Полученные наукой результаты изучения человеческой нейрофизиологии, психологии, мышления не дают оснований думать, что народы, говорящие на разных языках, пользуются несовпадающими законами мышления и несопоставимыми системами понятий.

И тем не менее проблема лингвистической относительности, т. е. известной зависимости взглядов людей на мир и их поведения от структурных свойств языка,— эта проблема существует и ждет своего решения. Достаточно сослаться хотя бы на зафиксированные историками литературы заметные различия образных систем художественных произведений в странах Запада и Востока (Индия, Китай, Япония), а эти образные системы, очевидно, связаны с семантическими системами языков. Языковые структуры не предуказывают людям понимание мира и поведение в нем, но могут стимулировать варианты такого понимания и поведения, что и должно стать предметом изучения лингвистики, а точнее, социологии языка.

* * *

О б о б щ и м все сказанное. Проблема «Язык и общество» *широка и многопланова*. Прежде всего, язык *с о ц и а л е н по своей сущности*. Основная его функция — быть средством, орудием общения людей. На базе этой функции и в связи с нею осуществляются языком другие функции — воздействия, сообщения, формирования и выражения мысли. Эти функции также социаль-

ны. Язык социален и по условиям исторического формирования и развития.

Одним из главных вопросов проблемы «Язык и общество» был и остается вопрос о соотношении языка с формами исторической общности людей (племя, народность, нация буржуазная, нация социалистическая). По мере перехода общества от одной формы исторической общности людей (низшей) к другой (высшей) крепнет структурное единство языка. Только в новый период истории, когда складываются нации, повсеместно создаются предпосылки формирования национальных языков и обеспечивающих их внутреннее единство литературных норм. Литературно-языковые нормы так же социальны, как и функции языка, и не могут быть правильно поняты вне пределов проблемы «Язык и общество».

Языки исторически находятся в неодинаковых условиях своего развития. В классовом обществе более свободно и интенсивно развиваются языки народов, не испытавших колониального угнетения. Языки же народов зависимых и угнетенных задерживаются в своем развитии, в частности — не получают, как правило, письменности и связанной с ней литературной формы.

В совокупности проблем, охватываемых темой «Язык и общество», видное место занимает проблема с о ц и а л ь н о й д и ф ф е р е н ц и а ц и и я з ы к а — его структуры и его функционирования. Можно различать дифференциацию языка на нескольких «плоскостях»: а) дифференциация по территории (местные диалекты); б) дифференциация по виду, способу материального воплощения речи (устная и письменная формы языка); в) дифференциация по мононаправленности или полинаправленности средств языка в процессе речи (диалогический и монологический варианты функционирующего языка); г) дифференциация по типам деятельности социального коллектива (функциональные стили языка); д) дифференциация по социальным слоям, группам людей (социальные диалекты); е) дифференциация по типам и жанрам словесных произведений (жанровые стили речи); ж) дифференциация по авторам словесных произведений (авторские стили речи). Плоскости социального членения языка могут совмещаться и пересекаться друг с другом. Дифференцироваться может как структура языка, так и его функционирование.

С о ц и о л о г и я я з ы к а (или с о ц и о л и н г в и с т и к а) должна охватить полностью или частично систему «плоскостных» членений языка, обусловленных воздействиями общества, в частности и в особенности воздействиями социального членения человеческих коллективов. Особого осмысления, в аспекте проблемы «Язык и общество», требуют сложные соотношения и различия книжно-письменного и устно-разговорного вариантов этноязыка. При этом нужно принять во внимание то, что современный развитый литературный язык дает три несовпадающих противопоставления: 1) книжно-письменный вариант языка — устно-разго-

ворный; 2) книжные стили литературного языка — разговорный стиль литературного языка; 3) литературный вариант этноязыка — нелитературные варианты этноязыка. Эти противопоставления помогают, в частности, понять, какие возникают трудности, связанные с терминами «разговорный язык», «разговорная речь», «разговорный стиль» и под.

Общенародность, неклассовость языка не означает, что классы, социальные слои и группы одинаково относятся к языку и одинаково его используют. Общество влияет на язык, но и язык, в свою очередь, влияет на общество, участвуя в различных областях жизни и деятельности людей. Особого обсуждения требует гипотеза лингвистической относительности — в ее немецком и американском вариантах.

Дополнительная литература

Вопросы социальной лингвистики. М., 1969.

Иванов В. В. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза.— Вопросы языкознания, 1978, № 3.

Исаев М. И. Решение национально-языковых проблем в советскую эпоху.— Вопросы языкознания, 1977, № 6.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974 (глава 10).

Маковский М. М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке.— Вопросы языкознания, 1976, № 1.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (глава 6).

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975 (раздел «Язык и общество»).

Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка.— Вопросы языкознания, 1966, № 4.

Глава IV

Язык и сознание. Язык и мышление

§ 29. Прежде чем высказывать какие-то соображения по сложнейшей проблеме, следует, очевидно, договориться о терминах «мышление» и «сознание». Традиция применения этих терминов в философии, логике, психологии и языкознании предполагает их взаимодействие и глубокую внутреннюю зависимость. Условимся «сознанием» называть весь процесс отображения действительности нервно-мозговой системой человека; «мышлением» будем называть процесс отображения действительности в формах понятий, суждений и умозаключений. При таком определении терминов мышление составляет часть сознания, включающего в свой состав, помимо мышления, отображение действительности в иных формах — эмоциональных, эстетических, волевых, конкретно-чувственных. Не забудем, что термин «сознание» применяется в науке и в другом значении — система идей, воззрений, верований, художественных образов, свойственная обществу в целом, его классам, социальным слоям, отдельным людям; в этом втором значении термин «сознание» близок терминам «идеология» и «мировоззрение».

До последнего времени лингвисты мало внимания обращали на соотношение языка и сознания, изучая по преимуществу соотношение языка и мышления. Нередко получалось так, что говорилось о соотношении языка и сознания, а имелось в виду все то же соотношение языка и мышления. Даже проблема значения слова оказалась привязанной почти исключительно к мысли, а не к сознанию в его целом несмотря на то, что лингвистам очень хорошо известны не логические, а эмоциональные и эстетические значения языковых единиц, и эти значения, наряду с логическими, образуют семантику языка.

Здесь уместно еще раз напомнить известное философское определение языка, сформулированное Марксом: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (1, 29). Лингвистическая, психологическая, нейрофизиологическая, философская наука за время, прошедшее после Маркса, много раз подтверждала справедливость тезиса о языке как практическом, действительном сознании. Это говорит о глубине философского проникновения в суть сложнейшей проблемы.

Но сказанное вовсе не означает, что проблема «Язык и сознание» решена лингвистами и психологами. Она во многом остается неясной и спорной как на уровне лингвофилософских абстрак-

ций, так и на уровне конкретных лингвопсихологических наблюдений.

§ 30. Действительность, в которой живет человек, может быть разделена (разумеется, в ее научном описании, прежде всего) на четыре взаимодействующие системы: а) система природы, б) система общества, в) система сознания, г) система языка. Исторически система природы предшествует системе общества. Функционально системы сознания и языка вторичны по отношению к системам природы и материальным сторонам жизни общества. Системы сознания и языка возникли вместе с обществом и представляют собою необходимые стороны его бытия, неразрывно связанные друг с другом и вплетенные в деятельность людей. Труд, по Энгельсу, создал человека, труд создал и сознание, и язык людей; сознание, взаимодействуя с языком в процессе трудовой деятельности человека, само является деятельностью, а язык, будучи практическим действительным сознанием, его выражает и формирует.

Проблема «Язык и сознание» ставит перед наукой ряд теоретических вопросов. Среди них следующие: Каковы функции языка по отношению к сознанию? Каковы функции сознания по отношению к языку? Каковы функции языка по отношению к мышлению? Каковы функции мышления по отношению к языку? Эти четыре основных вопроса получают конкретизацию, если каждый из них будет соотнесен с собственно-языком и с речью. Попытаемся, если не ответить на некоторые из поставленных вопросов, то хотя бы обсудить отдельные стороны возможных ответов.

§ 31. Наметим функции языка по отношению к сознанию. Важнейшая из них указана К. Марксом: язык позволяет сознанию стать практическим, действительным, существующим для других людей и тем самым для меня самого. Это значит, что язык выступает в роли *орудия формирования самих актов сознания*. Только соединив каждый акт, каждое «движение души» со словом и выразив в слове, человек осуществляет этот акт действительно, практически. Без оформления в слове акты сознания остаются смутно-недоступными для самого их носителя и неизвестными для других.

Очевидна, открыта вторая функция языка по отношению к сознанию: *язык есть средство его выражения*. Содержание сознания общества фиксируется и выражается лексикой и грамматическим строем языка. Правда, таким образом фиксируется и выражается не все содержание сознания общества, а лишь те результаты его развития и его деятельности, которые соотнесены с элементами языковой структуры и обобщенно, внеличностно зафиксированы в них. Содержание работающего сознания отдельного человека выражается организацией элементов языка в речевые последовательности.

Язык — это условие и средство моделирования процессов деятельности сознания. Применение языка в речи, развертывание речевой цепи объективирует развертывание содержания сознания, обеспечивая тем самым возможность воспринимать это содержание не только слушателями или читателями, но и самим автором высказываний. Язык, таким образом, становится условием осознания человеком деятельности собственного сознания.

Тем самым язык делает возможным для человека контроль за деятельностью собственного сознания. Объективируя акты сознания, язык позволяет соотносить его деятельность со свойствами и признаками отображаемых сознанием участков мира: речевая модель может быть сопоставлена с моделируемым объектом и тем самым может быть обеспечена возможность исправления модели и стоящей за нею деятельности сознания.

В возникновении и развитии человеческого сознания язык сыграл свою выдающуюся роль как одно из главных условий очеловечивания актов сознания. Зачатки сознания свойственны и животным, они были и у предков человека. Но они не соединялись с мыслью и не обогащались ею. Только язык позволил обобщать отображения чувственные и строить на их базе отображения логические, что было и следствием и предпосылкой трудовой деятельности как деятельности сознательной; это было и условием очеловечивания актов сознания.

Как уже было сказано, проблема «Язык и сознание» может и должна осмысливаться не только как проблема влияния языка на сознание, но и как проблема влияния сознания на язык. Функции сознания по отношению к языку ждут еще дальнейших исследований. И все же можно уже теперь наметить главные из этих функций.

Так, очевидно, сознание, его деятельность, его развитие являются одним из главных условий, непосредственно вызывающим перемены в лексико-семантической системе языка. Конечно, эти перемены вызываются и изменениями в социальных условиях функционирования языка, т. е. влияниями на него общества. Однако все эти влияния осуществляются не непосредственно, а через посредство сознания: только то, что вошло в поле деятельности сознания, может сказаться на значениях слов и их связей. Изменения в сфере мыслей, эмоций, волевых состояний сознания могут вызвать к жизни новые значения, устранить из языка устаревшие, т. е. неактуальные для сознания, перераспределить в слове существующие значения и серии значений. Вероятно при некоптролируемом участии сознания создаются и пересоздаются и значения грамматические.

Сознание — условие и основная причина развертывания речи, т. е. речевого функционирования языка. Механизм языка сам по себе не имеет инерции речевого движения. Языковой механизм побуждается к речевому функцио-

нированию и реально функционирует в речи только благодаря деятельности сознания. Попытки построить «порождающие» модели типа «смысл — текст» являются бесплодными, так как исключают из рассмотрения единственную движущую построение речи силу — силу работающего сознания. Естественно, изменения типов работы сознания — ситуационные, личностные, исторические и иные — меняют его воздействие на речевые структуры, в результате изменяются и типы таких структур. Линейно развертывающаяся речь оказывается своеобразной знаковой моделью деятельности сознания и открывает возможность объективного изучения некоторых сторон этой деятельности.

Из сказанного становится понятным и еще одна очень важная функция сознания по отношению к языку — функция формирования речевых и языковых стилей. Типы речевых структур, которые и лежат в основе устойчивых систем таких типов (или — стилей речи), всегда обусловлены теми или иными устойчивыми различиями работы сознания. А если принять во внимание и то немаловажное обстоятельство, что функциональные стили языка представляют собою не что иное, как отвлечения от устойчивых систем типов речи, и опираются в конечном счете на различия типов деятельности общества, а значит и типов общественного, коллективного сознания, становится понятным определяющее участие сознания как деятельности в формировании стилей языка.

Нужно видеть и еще одну функцию сознания — оно контролирует развертывание речи, отбор в нее языковых элементов и использование связей между ними, соблюдение и нарушение языковых норм, степень соответствия возникающей речевой структуры ее содержанию, логичность и нелогичность связей внутри структуры речи, соответствие содержания реальной ситуации и т. д.

§ 32. Проблема «Язык и мышление» по сути своей должна быть одной из сторон, хотя и главной, проблемы «Язык и сознание». Однако получилось так, что именно проблема «Язык и мышление» выдвинулась на главное место и затенила, а во многих работах и закрыла собою проблему «Язык и сознание». Видимо, одной из причин этого было влияние в истории западноевропейской и русской лингвистики так называемого логико-грамматического направления, а еще ранее — влияние на лингвистические взгляды идей картезианской, рационалистической философии и основанных на ней грамматик.

Возможно, именно господством проблемы «Язык и мышление» в решении задач, относящихся к осмыслению соотношений языка и сознания, нужно объяснить то, что важнейший вопрос лингвистической теории — о сущности значения слова — получил однобокое освещение в науке. Эта однобокость выразилась в том, что значение слова стало отождествляться только с понятиями, выра-

жаемыми словами, или его, значение, стали объявлять структурно-языковым феноменом, соотнесенным опять-таки только с понятиями, как будто в деятельности сознания ничего, кроме понятий, нет и как будто семантика слов и фразеологизмов ничего, кроме информации о понятиях, в себе не содержит.

Если мышление — процесс отображения действительности в голове человека в формах понятий, суждений и умозаключений и если этот процесс представляет собою центральное, но не единственное русло процесса сознания, то можно подумать, что проблема «Язык и мышление» может и должна рассматриваться аналогично осмыслению проблемы «Язык и сознание» (речь идет о лингвистическом к этим проблемам подходе).

Каковы же функции языка по отношению к мышлению людей?

Первая и главная функция — *участие в формировании мысли*. Мышление как деятельность обобщенного отображения действительности в сознании нуждается в постоянной опоре на слово и предложение. Без такой опоры ни суждение, ни умозаключение, ни их составной компонент — понятие — не осуществляются. Это в философском плане установлено К. Марксом и Ф. Энгельсом, а в плане физиологии высшей нервной деятельности И. П. Павловым. Без слова понятие не сформировано, не осуществлено, не действительно, как и суждение без предложения.

Формируя мысль, язык и выражает информацию о ней, т. е. делает возможным «обмен мыслями». *Функция выражения информации о работе мысли* имеет колоссальное значение в процессе общения и является одной из основ и условий его, этого процесса, успешного осуществления. Воспринимая выраженную средствами языка информацию о деятельности мысли автора речи, слушатель или читатель получают возможность воссоздать эту деятельность — разумеется, всегда с известными потерями и наслоениями.

Так что третья функция языка по отношению к мышлению — *возбуждение мысли читателя или слушателя, более или менее адекватной мысли автора воспринятой речи*.

Формируя, выражая, возбуждая мысль, язык позволяет человеку полнее и глубже узнавать мир, полнее и правильнее перерабатывать информацию о нем. В этой своей роли язык оказывается *орудием познания*.

Нельзя, перечисляя функции языка по отношению к мышлению, не назвать и такую своеобразную и мало изученную его функцию, которая может быть названа *моделирующей*. Мышление — процесс, делимый на такие отрезки, такие компоненты, которые в науке принято называть понятиями, суждениями, умозаключениями. В соответствии с процессом мышления и его членением оказывается процесс развертывания высказывания. Последовательность лексических и грамматических элемен-

тов высказывания, а также связи между ними и их состав следуют за развертывающейся при их участии мыслью и оказываются своеобразной ее моделью. Нужно лишь найти методики, которые позволяли бы от наблюдаемой открыто речевой модели мысли переходить к ненаблюдаемой открыто структуре самой мысли.

Ждут пристального внимания лингвистов и психологов, физиологов, логиков и философов и функции мышления по отношению к языку. Пока они могут быть лишь бегло намечены.

Одна из таких функций обеспечивает функционирование единиц языка как знаков. Языковой знак представляет собою единство звучания и значения, материального и идеального. Но идеальное в знаке существует, действует, развивается только потому, что существует, действует, развивается мысль человека, фиксируется в значениях знаков. Если значение языкового знака — это его способность выражать и возбуждать информацию о чем-то, что отличается от самого знака, а это «что-то» оказывается или вещью, предметом, явлением — одним словом, фактом объективного мира, уловленным мыслью, или это «что-то» оказывается самой мыслью,— то и в том, и в другом случае активное участие мысли в образовании значения необходимо. Для того чтобы могла в слове появиться возможность выразить или возбудить информацию о чем-то, что отличается от самого слова, обязательно участие мысли. Таким образом, мысль становится условием и предпосылкой функционирования знаков языка в их языковой сущности.

Можно спросить, почему мы не говорим о роли сознания в целом, обеспечивающей знаковую функцию единиц языка. Видимо, это связано с тем, что мышление в формировании системы значений, присущих системе языковых знаков, играет несоизмеримо бо́льшую роль, чем другие слагаемые сознания. Это становится очевидно, если взять систему грамматических знаний, скажем, частей речи или систему лексических значений в сфере терминологии. В принципе же ничего нельзя возразить против предположения о том, что обсуждаемая здесь функция обеспечения знаковой сущности языковых знаков присуща не только мышлению, но и сознанию в его целом. Сознание человека, и прежде всего — мышление, является главным условием знаковой природы языкового механизма.

Вторая принципиально важная для языка и его научного понимания функция мышления ясно осознается по отношению к семантике. Мышление — главное орудие развития системы лексических и грамматических значений. Любое многозначное слово, при достаточном к нему внимании исследователя, обнаруживает семантические сдвиги, связи, подходы, вызванные работой мысли. *Стол* — разновидность, предмет мебели; *стол* — пища, особенности питания; этимолог скажет, что слово *стол* в далеком прошлом родственно

глаголу *стлать* и могло означать примерно то же, что мы теперь называем скатертью. Что же получается? Мысль человека уловила внутреннюю, необходимую связь между тем, что постлано для еды, и тем, что «поставлено на ноги» — тоже для еды. Далее, мысль уловила внутреннюю, необходимую связь между любой едой, все равно какой, и едой особенной, специальной; так как любая еда связывалась со столом, потому что стояла на нем, со столом оказалась связана в мышлении и специальная еда, и т. д. Достаточно взять хороший толковый словарь любого современного индоевропейского, тюрко-татарского, финно-угорского, иберийско-кавказского языка или языка иной языковой семьи и найти в таком словаре слово *идти* (соответственно, его эквиваленты на любом языке), чтобы увидеть, как одни значения этого глагола связаны с другими, переходят в другие — благодаря работе человеческой мысли, улавливающей связи и переходы между действиями, состояниями, процессами, ситуациями самой действительности.

Особенно отчетливо проявляется влияние мышления на развитие семантики в области терминологии. Т е р м и н — слово с понятийной семантикой. Все иные наслоения, создаваемые работой других сторон сознания, в значении термина сняты. Переходы и связи значений термина прямо говорят о переходах и связях научных, технических, административных или иных понятий. Развитие системы понятий неизбежно влечет за собою перемены в системе терминологических значений. Мышление как орудие развития семантики выступает открыто.

Иначе работает мышление, развивая грамматические значения. Эта работа идет скрыто, подспудно, медленно; она не контролируется и не может контролироваться осознанным вмешательством человека. Она вообще не поддается какому-либо намеренному воздействию отдельных людей. Применяя слова, поэты и ученые в той или иной мере отдают себе отчет в том, что они делают (или что у них получается) со смыслами слов и их сочетаний. Но ни поэты, ни ученые, в том числе и лингвисты, не знают, не видят, что они делают (или что у них получается) с грамматическими значениями частей речи, членов предложения, различных моделей предложения — одним словом, различных грамматических категорий и форм. Чем это объясняется? Видимо, тем, что грамматические значения не должны подчиняться контролю отдельных людей. Грамматические значения — это всегда результат абстрагирующей работы мысли (и — сознания в целом), причем эта работа осуществляется коллективной мыслью — мыслью всех, кто применяет тот или иной язык. Грамматические значения — это результат стихийно-практического обобщения лексических значений и связей между ними, результат стихийно-практического отвлечения от этих значений и связей каких-то сторон их и признаков, информация о которых и действует на наше «языковое мышление» как грамматические значения. Эти обобщения и отвлечения

складываются в процессе массового применения языка его носителями и устанавливаются в языке не по желанию, не по намерению отдельных людей, а как неконтролируемая сознанием необходимость. Но если так, то можно ли говорить об участии мышления в формировании грамматических значений? Конечно, и можно, и нужно. Грамматические значения — это, как сказано, результаты обобщения и отвлечения признаков, свойств, сторон лексических значений, а через них — признаков, сторон, свойств предметов и явлений окружающего нас мира и внутреннего мира людей. А работа обобщения и отвлечения — это работа мысли, однако иная по сравнению с той, которую привыкли изучать логики, пользуясь привычными терминами «понятие», «суждение», «умозаключение». Ни один из этих терминов неприменим для объяснения результатов деятельности мышления, закрепленных в грамматических значениях системы языка.

Проблема грамматических значений и участия в их формировании мышления принадлежит к числу сложнейших в современной науке.

Мышление по отношению к языку служит о р у д и е м в ы б о р а языковых единиц для построения речи. На каждом шаге развертывания речи человеку нужны не все равно какие, а определенные слова, их связи, их формы и категории, не все равно какие, а определенные модели и типы предложений. Выбор нужного элемента языка в известной степени предопределен теми элементами, которые уже включены в речевую цепь. Однако эта предопределенность не жесткая, а вероятностная. Она оставляет, как правило, возможность выбора из нескольких продолжений лишь одного, наилучшего, и этот выбор осуществляет автор речи, подчиняясь прежде всего предписаниям своей мысли.

Из сказанного следует, что мышление осуществляет к о н т р о л ь з а п о с т р о е н и е м р е ч и, оказывается орудием такого контроля. И чем активнее оно действует, тем лучше построена речь, тем она логичнее, точнее, выразительнее. Иными словами, мышление становится условием той совокупности свойств речи, которая дает основание говорить о ее культуре. Ранее уже было сказано, что и сознание в целом является контролером речи, однако эмоциональная сфера сознания не может идти ни в какое сравнение с мышлением в этой роли. Эмоции оказываются нередко причиной различных искажений таких качеств речи, как ее правильность, точность, логичность и чистота.

§ 33. Наука о языке, приняв различение его системы и речи, должна, очевидно, как-то дифференцировать проблему «Язык и сознание, язык и мышление» применительно к собственно-языку как механизму общения и к речи как процессу (и «продукту»), создаваемому применением этого механизма.

Язык как механизм общения не соотносится с деятельностью сознания отдельного человека — он с о о т н о с и т с я с с о з-

панием коллектива, народа. Речь как последовательность знаков языка, созданная по его законам для выражения нужного в определенной ситуации «содержания», — соотносится с работой сознания отдельного человека; но она соотносится и с результатами работы сознания коллектива в той мере, в какой они закреплены средствами, привлеченными в речь из языка.

Язык как механизм общения фиксирует своими элементами и их системной организацией результаты социальной деятельности мышления и сознания, необходимые в качестве базы для работы мысли и сознания отдельных людей. Речь как последовательность знаков языка фиксирует своим построением динамику индивидуальной мысли, индивидуального сознания; но индивидуальные мыслительные процессы и процессы индивидуального сознания имеют общую базу — результаты социальной деятельности сознания, фиксированные языком-механизмом. Открывается возможность (и она постепенно, в ходе истории, «реализуется») совокупных индивидуальных влияний на эти результаты — они меняются, что выражается в развитии систем лексических, словообразовательных и грамматических значений, а также опосредованно, и систем так называемых языковых форм.

Если осмысливать моделирующую функцию языка и речи, обнаруживаются заметные различия. Структура языка моделирует, во-первых, структуру материального мира, во-вторых, структуру человеческого сознания и мышления. Об этом убедительно говорят хорошо известные науке факты, не изученные до сих пор под интересующим нас в связи с обсуждаемой проблемой углом зрения.

Едва ли можно сомневаться в том, что отдельным словам обычно соответствуют предметы и явления мира, а также понятия и другие элементы человеческого сознания. Это само собою разумеется и воспринимается без доказательств. *Книга*, *береза*, *озеро*, *небо*, *синий*, *теплый*, *думать*, *пилить* — кто не увидит соотнесенности этих и множества других слов с фактами действительности? Можно сказать далее, что эти и подобные слова выделяют в жизни не отдельные, единичные предметы и явления, а классы однаковых по совокупности существенных признаков предметов. Всякое слово (речь) уже обобщает — по выражению В. И. Ленина. Слову *береза* соответствует класс предметов, а также каждый отдельный предмет, вошедший в этот класс; береза любая и береза вот эта, конкретная, та самая, которая растет перед твоим домом. Получается, что моделирующая функция лексики ясна и определенна. Но в чем же своеобразие этой функции в речи по сравнению с нею же в механизме языка? В речи слово соотносится с предметом или явлением более точно, строго, определенно, нежели в механизме языка. Механизм языка дает *стол*, *дом*, *идти* — и предполагает возможность соотнесения каждого из этих слов с несколькими разными предметами, явлениями и понятиями. В речи реализуется одна из возможностей, неопределенность снимается, потому что

речь выражает вполне определенную, индивидуальную работу человеческого сознания, а такая работа предполагает устранение словесной неопределенности.

Если взять для изучения в избранном аспекте не слова, а, например, грамматические категории, то обнаружится, что и они, несмотря на их «формальность» и абстрактность, моделируют какие-то стороны действительности и сознания — при этом моделируют по-разному, находясь в составе языкового механизма и в составе речи.

В языковом механизме частям речи, категориям падежа, времени, наклонения, числа, обособления и членов предложения соответствуют их соотнесенности с членениями объективного мира и внутреннего мира человека. Частям речи сопоставлены в действительности классы фактов, охватываемые такими понятиями, как предметы, процессы, качества и свойства, количество и под. Иначе говоря, части речи соотнесены с основными категориями бытия реального мира. Подобную же соотнесенность имеют и грамматические категории, вошедшие исторически в структуру отдельных частей речи. Категория падежа, например, соотнесена с отношениями предметов к процессам и предметов к предметам; а эти отношения — реальны и действительны. Категория времени соотнесена с местом обозначаемых глаголами процессов во времени. И т. д. Пусть эти соотношения грамматического членения языка с предметным членением мира оказываются не прямыми и часто как бы сдвинутыми, пусть грамматический строй не очевидно и не строго с точки зрения логики повседневного здравого смысла соответствует категориям мышления и сознания,— все же существуют и хорошо просматриваются соответствия грамматики, действительности и сознания. Грамматический строй оказывается очень своеобразной моделью мира и сознания. Очень своеобразной именно потому, что обобщения и отвлечения, получаемые мышлением и сознанием в сфере грамматического строя, как уже говорилось, не контролируются человеческим мозгом, да к тому же осуществляются не непосредственно на базе самих предметов и явлений, а на базе их отображения в лексической системе языка. Это, в частности, приводит к тому, что грамматическое моделирование мира и сознания механизмом языка и речевыми структурами различается по иным признакам, нежели лексическое. Лексические членения механизма языка соответствуют некоторым разрядам и классам однотипных по своему существу предметов и явлений. Лексические членения процесса речи есть конкретизация каждого такого класса или аспекта его осознания. Грамматическое членение механизма языка соответствует — но не строго и не жестко — категориальному членению мира и сознания. Грамматическое членение процесса речи соответствует некоторым общим закономерностям связи между категориями материального мира и сознания (в каких-то пределах варьируемой индивидуальным вмешательством). Никакой индиви-

дуализации самих категорий при этом не происходит: имя существительное продолжает обозначать «предмет вообще», глагол — «процесс вообще» и т. д. Грамматическое членение процесса речи моделирует развертывание процесса мышления и сознания, соединяя общность языковых элементов грамматической модели мира и способы их в известной степени индивидуального выбора и соединения мышлением отдельного человека. Пределы индивидуального вмешательства оказываются, как показывает статистика, незначительными, хотя и не исключающими тезис о влиянии индивидуального сознания на грамматическую организацию предложения.

§ 34. Очень сложна и интересна проблема взаимодействия языка и психологии личностного человеческого его восприятия и применения. Общеизвестно, что язык, точнее речь, оказывает сильнейшее и разнообразное влияние на психологические процессы сознания личности. Остается во многом загадкой, как общее и общезначимое (язык и система его значений) превращается в сознании индивида в глубоко личное, индивидуально-неповторимое и как, в свою очередь, это индивидуально-неповторимое объективируется в общее, переходит в системы значений и форм языка народа.

К решению этой проблемы находил интересные и обещающие подходы А. Н. Леонтьев.

А. Н. Леонтьев, осмысливая психологические аспекты значения, пишет: «Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. *Значения* и являются важнейшими «образующими» человеческого сознания» (82, 140). И далее: «Итак, значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, т. е. в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же «не психологичны», как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними.

Значения составляют предмет изучения в лингвистике, семиотике, логике. Вместе с тем в качестве одной из «образующих» индивидуальное сознание они необходимо входят в круг проблем психологии. Главная трудность психологической проблемы значения состоит в том, что в ней воспроизводятся все те противоречия, на которые наталкивается более широкая проблема соот-

ношения логического и психологического в мышлении, логике и психологии понятия» (82, 141).

Итак, значения «сами по себе» не психологичны. И вместе с тем они входят в круг проблем психологии, так как оказываются и «образующими» индивидуального сознания. Значения оказываются двуликими, они ведут двойную жизнь. «Они производятся обществом и имеют свою историю в развитии языка, в развитии форм общественного сознания; в них выражается движение человеческой науки и ее познавательных средств, а также идеологических представлений общества — религиозных, философских, политических. В этом объективном своем бытии они подчиняются общественно-историческим законам и вместе с тем внутренней логике своего развития.

При всем неисчерпаемом богатстве, при всей многосторонности этой жизни значений (подумать только — все науки занимаются ею!) в ней остается полностью скрытой другая их жизнь, другое их движение — их функционирование в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов, хотя посредством этих процессов они только и могут существовать.

В этой второй своей жизни значения индивидуализируются и «субъективируются», но лишь в том смысле, что *непосредственно* их движение в системе отношений общества в них уже не содержится; они вступают в иную систему отношений, в иное движение. Но вот что замечательно: они при этом не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» (82, 147—148).

А. Н. Леонтьев настаивает, в полном соответствии с данными самой истории человечества, на общественно-исторической природе значений: «...сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений. Коммуницируясь, они становятся достоянием сознания индивидов» (82, 144). И вот как раз в этом сознании индивидов они, значения, приобретают психологичность, получают вторую жизнь, не утрачивая при этом своей объективности.

А. Н. Леонтьев видит две стороны движения значений в сознании индивидов. Одна из них «состоит в том «возвращении» их к чувственной предметности мира», которое неизбежно происходит в сознании отдельного человека, когда он осознает и оценивает окружающую его действительность: «В то время как в своей абстрактности, в своей «надиндивидуальности» значения безразличны к формам чувственности, в которых мир открывается конкретному субъекту (можно сказать, что сами по себе значения лишены чувственности), их функционирование в осуществлении его реальных жизненных связей необходимо предполагает их отнесенность к чувственным впечатлениям. Конечно, чувственно-предметная отнесенность значений в сознании субъекта может быть не прямой,

она может реализоваться через как угодно сложные цепи свернутых в них мыслительных операций, особенно когда значения отражают действительность, которая выступает лишь в своих отдаленных косвенных формах. Но в нормальных случаях эта отнесенность всегда существует и исчезает только в продуктах их движения, в их экстериоризациях» (82, 148). Не будем слишком строгими к примененному ученым в последней цитате, в конце ее, способу словесного обозначения, несколько темному и неопределенному. Суть не в этом. Она в том, что ученый видит и другую сторону движения значений в сознании индивида: она состоит в той особой субъективности значений, «которая выражается в приобретенной ими пристрастности. Сторона эта, однако, открывает себя лишь при анализе внутренних отношений, связывающих значения с еще одной «образующей» сознание — личностным смыслом» (82, 148).

«В индивидуальном сознании извне усваиваемые значения действительно как бы раздвигают и одновременно соединяют между собой оба вида чувственности — чувственные впечатления внешней реальности, в которой протекает его деятельность, и формы чувственного переживания ее мотивов, удовлетворения или неудовлетворения скрывающихся за ними потребностей.

В отличие от значения личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего «надиндивидуального», своего «не психологического» существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания» (82, 153).

И еще одна цитата: «Не исчезает, да и не может исчезнуть постоянно воспроизводящее себя несовпадение личностных смыслов, несущих в себе интенциональность, пристрастность сознания субъекта и «равнодушных» к нему значений, посредством которых они только и могут себя выразить. Потому-то внутреннее движение развитой системы индивидуального сознания и полно драматизма. Оно создается смыслами, которые не могут «высказать себя» в адекватных значениях; значениями, лишенными своей жизненной почвы и поэтому иногда мучительно дискредитирующими себя в сознании субъекта; они создаются, наконец, существованием конфликтующих между собой мотивов-целей» (82, 156).

Такова картина, нарисованная выдающимся советским психологом, вошедшим в область языка, обращенного к сознанию индивида. Можно согласиться с тем объяснением различий и слитности значений и личностных смыслов, которое предложено А. Н. Леонтьевым. Значения — объективны, личностные смыслы — субъективны, значения могут стать отвлечениями от чувственности, личностные смыслы всегда связаны с «чувственностью переживания», личностные смыслы объективируются для других через значения,

по «другие» имеют собственную, свою, личностную «чувственность переживания» и потому свяжут с теми же значениями иные личностные смыслы. Именно здесь заключены проблемы взаимопонимания через посредство языка — на уровне психологическом. Достижимо ли оно? Или действительно, по словам Ф. И. Тютчева, «мысль изреченная есть ложь»? Ложь в том смысле, что «чувственность переживания» останется не выраженной говорящим так, чтобы у слушателя возникла адекватная ей?

Отвлекаясь от психологической стороны проблемы «Язык и сознание, язык и мышление», мы обязаны задуматься о том, к а к о е отношение личностные смыслы имеют к семантической структуре языка и речи, и имеют ли вообще. В плане лингвистическом нужно, очевидно, допустить, что эти личностные смыслы всегда выражаются единицами речи, речевыми цепями в составе целого текста и, строго говоря, оказываются за пределами и семантики языка, и семантики речи.

Представляет интерес в лингвистическом же плане вопрос о том, имеются ли различия в степени силы и выраженности личностных смыслов в разных типах речи, связанных с различиями человеческой предметной деятельности и различиями работы человеческого общественного сознания и мышления. Можно думать, что личностные смыслы свободнее формируются на базе значений, реализованных разговорно-бытовой и художественной речью, и формирование личностных смыслов затруднено деловой и научной.

Проблема связи и взаимоотношения личностных смыслов и значений слова не может быть разрешена в пределах одной лингвистики, но она не может быть разрешена и без лингвистики. В частности, можно сказать о том, что в цитированных высказываниях А. Н. Леонтьева действительная природа значения несколько опрощена, так как между собственно значением и понятием не проведено различия, что противоречит существующим лингвистическим взглядам, противоречит и реальностям языка и мышления. И тем не менее проблема «личностных смыслов» очень важна для понимания «работы» слова в речи.

§ 35. Невозможно осмысливать проблему «Язык и мышление, язык и сознание» без изучения идей великого русского физиолога И. П. Павлова, без изучения его теории двух сигнальных систем действительности. Полезно напомнить читателям два-три высказывания И. П. Павлова, прежде чем комментировать его учение.

«В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам первной деятельности. Для животного действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма. Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружаю-

щей внешней среды, как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов. Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы постоянно должны помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми...» (101, 335—336).

«Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом» (100, 197).

Хотя эти два высказывания взяты из разных работ И. П. Павлова и относятся к разным периодам его деятельности, но они принципиально сходны и подтверждают глубокую продуманность ученым теории двух сигнальных систем действительности, которыми пользуется человек.

Вторая, словесная, сигнальная система на уровне физиологии высшей нервной деятельности принципиально однородна с первой: «Слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями животных. Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения» (102, 428—429).

И. П. Павлов обращает внимание на то, что слово, обладая громадной силой отвлечения и обобщения, может удалить нас от действительности. Поэтому ученый говорит: «...Если ты хочешь употреблять слова, то каждую минуту за своими словами разумей действительность» (104, 163).

Вторая сигнальная система исторически выросла на базе первой и функционирует, не теряя связи с нею. Поэтому «нормальный человек, хотя он пользуется вторыми сигналами, которые дали ему возможность изобрести науку, усовершенствоваться и т. д., будет пользоваться второй сигнальной системой эффективно только до тех пор, пока она постоянно и правильно сносится с первой сигнальной системой,

т. е. с ближайшим проводником действительности» (104, 318) (Разрядка моя.— *Б. Г.*).

Между первой и второй сигнальными системами в мозгу человека устанавливаются сложные отношения взаимной обусловленности. Вторая сигнальная система, опираясь на работу первой, в то же время оказывает на нее свое регулирующее влияние.

У разных людей динамические соотношения работ первой и второй сигнальных систем в каких-то пределах колеблются, поэтому «один хорошо думает, но не конкретно, не реально, связь между первой и второй сигнальной системами у него довольно рыхлая, а другой, наоборот, думает также умно, также по логике, но имеет постоянно тенденцию за словом видеть реальное впечатление, т. е. первые сигналы,— он с окружающей действительностью сносится сильнее, чем первый. Так что и для нормальных умов степень отношения к действительности дает себя знать: оба — умные, однако рассуждения одного далеки от действительности, а другой подлинно отображает действительность. Очевидно, что у одного эта связь второй сигнальной системы с первой сильна, а у другого она рыхлая» (104, 320) (Разрядка моя.— *Б. Г.*).

И. П. Павлов различает во второй сигнальной системе «следы трех сортов»: «вторая сигнальная система, которой мы обыкновенно пользуемся, сама состоит из следов трех сортов: звуковых — на слышимое слово, зрительных — на письменное слово, и, наконец, кинестезических, т. е. на след раздражения афферентного кинестезического пункта» (103, 515).

Так постепенно вырисовываются контуры теории, позволяющей объяснить многие стороны проблемы «Язык и сознание, язык и мышление» на фазе физиологии высшей нервной деятельности.

Немало было написано о том, что теория И. П. Павлова объясняет формирование понятий: слово, замещая многие данные человеку в его чувственном опыте предметы с общими признаками, позволяет отвлечь эти признаки и построить обобщенно-отвлеченное отображение предмета (явления), преодолеть сопротивление конкретно-чувственной его единичности в каждом отдельном случае его воздействия на сознание человека.

Но наука о языке до сих пор встает в тупик перед проблемой формирования грамматических значений. Немало лингвистов называет эти значения понятиями. До тех пор пока не будет достигнута строгая договоренность о смысле терминов «понятие» и «значение», едва ли можно и нужно отвергать взгляды, объявляющие понятиями грамматические значения. Но нет никаких прочных оснований и принимать эти взгляды.

Ясно, по крайней мере, и теперь, что грамматические значения — результат громадной обобщающей работы сознания и мышления, работы медленной, постепенной, осуществляемой коллективом носителей языка в процессе его применения, осуществляемой «стихийно» и не контролируемой созна-

нием. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах действительности позволяет предположить, как происходит формирование грамматических значений. Слово такой же реальный условный раздражитель, как все остальные, и вместе с тем слово способно заменять и заменяет, воздействуя на наш мозг, все другие раздражители. Но если слово поставлено И. П. Павловым в ряд с другими раздражителями по признаку физического воздействия на человека, то это означает, что слова могут обобщаться по результатам их воздействия на мозг, подобно тому как обобщаются предметы. А это обобщение может закрепляться особыми средствами языка, при участии которых и формируется грамматический строй.

Отвлечение от чувственных воздействий предметов и обобщение результатов этих воздействий дают лексические значения и понятия. Отвлечение от чувственных воздействий слов (а следовательно, и от свойственных словам значений лексических) и обобщение результатов этих воздействий дают грамматические значения. Лексические значения и понятия могут контролироваться в их развитии и функционировании сознанием отдельного человека. Грамматические значения уходят из-под такого контроля. Лексические значения и понятия могут быть результатом работы сознания отдельного человека: вспомним о роли личности в развитии научных понятий и формировании терминологии, вспомним и о попытках стандартизации терминов. Грамматические значения никогда не бывают результатом работы индивидуального сознания: они всегда суть результаты функционирования языка в коллективе и осуществляемой коллективом абстрагирующей работы, неизбежно присущей самому языковому функционированию: ведь язык есть практическое, действительное сознание.

§ 36. Проблема «Язык и мышление, язык и сознание» не только сложна для решения. Она к тому же многопланова и предполагает ответы на обширный круг вопросов. Лишь некоторые из них были затронуты на предшествующих страницах. Эти вопросы касаются прежде всего общих сторон проблемы, захватывающих язык и мышление в целом, в их существе. Можно и нужно изучать соотношение и взаимодействие языка и сознания, языка и мышления применительно к разным уровням языковой структуры, разным языковым единицам и их категориям. Достаточно напомнить о том, что изучение предложения было связано и остается связанным с изучением (или, вернее, с каким-то принятым пониманием) суждения, единицы мысли; изучение слова и его значения приводит к логической единице — понятию. В настоящем пособии некоторые вопросы проблемы «Язык и сознание, язык и мышление» затрагиваются при обсуждении структурных свойств языка, в особенности при обсуждении свойств предложения и высказывания.

Об отношении современной лингвистики, отечественной и за-

рубежной, к обсуждавшейся здесь проблеме можно судить по обширной и все увеличивающейся в объеме литературе. В частности, можно особо выделить книгу В. З. Панфилова «Взаимоотношение языка и мышления» (М., 1971).

Лингвистика 20—40-х гг. нашего столетия на время потеряла интерес к обсуждаемой проблеме, подчинившись поветрию формального структурного анализа. В 60—70-е годы европейская и американская лингвистическая наука вновь обретает утраченный было интерес к «металингвистическим» вопросам. Об этом можно судить и по следующим интересным высказываниям Э. Бенвениста: «Языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику. Таким образом, стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление протекать без языка или обойти его, словно какую-то помеху, оказывается лишенным смысла» (28, 105). «... Возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык — это структура, несущая значение, и мыслить — значит оперировать знаками языка» (28, 114).

* * *

Тезисно о б о б щ и м сказанное. Условимся сознанием называть весь процесс отображения действительности нервно-мозговой системой человека; мышлением же — процесс отображения действительности в формах понятий, суждений и умозаключений.

Лингвистика до настоящего времени главное внимание уделяет соотношению языка и мышления, но не языка и сознания. Наука подтвердила справедливость тезиса о языке как практическом, действительном сознании. Изучая проблему «Язык и сознание, язык и мышление», нужно понять функции языка по отношению к сознанию (и мышлению) и функции сознания (и мышления) по отношению к языку.

Прежде всего язык — о р у д и е ф о р м и р о в а н и я с а м и х а к т о в с о з н а н и я (вспомним тезис К. Маркса о языке как практическом, действительном сознании). Затем язык — э т о с р е д с т в о в ы р а ж е н и я д е я т е л ь н о с т и с о з н а н и я, позволяющее «мое» сознание сделать доступным другим людям (а тем самым, и мне самому). Далее язык — э т о у с л о в и е и с р е д с т в о р е ч е в о г о м о д е л и р о в а н и я а к т о в р а б о т а ю щ е г о с о з н а н и я. Тем самым язык позволяет контролировать деятельность сознания, сопоставляя его речевую модель с моделируемыми явлениями действительности. Сознание по отношению к языку оказывается одним из главных условий, вызывающих перемены в лексико-семантической системе языка, условием и основной причиной речевого функционирования языка.

Попытки построить «порождающие» модели типа «смысл —

текст» бесплодны, так как исключают из рассмотрения единственную строящую речь силу — силу работающего сознания. Сознание активно участвует в формировании речевых и языковых стилей. Сознание контролирует развертывание речи и является, таким образом, одним из существенных условий речевой культуры человека.

Язык по отношению к мышлению имеет следующие функции: а) участие в формировании мысли; б) выражение информации о содержании мысли, что делает возможным «обмен мыслями»; в) возбуждение мысли читателя или слушателя, более или менее адекватной мысли, выраженной автором речи; г) моделирование процесса развертывания мысли. Функции мышления по отношению к языку могут быть в настоящее время лишь осторожно намечены.

Проблема «Язык и сознание, язык и мышление» должна обсуждаться и решаться дифференцированно применительно к собственно-языку как механизму общения и применительно к речи как процессу (и «продукту»), создаваемому применением этого механизма. Язык как механизм общения соотносится с сознанием коллектива, народа; речь как последовательность знаков языка соотносится и с сознанием отдельного человека.

Теория двух сигнальных систем действительности, обоснованная И. П. Павловым, открывает большие перспективы перед лингвистикой в области изучения и понимания единства и различия языка и сознания, языка и мышления, в области изучения и понимания лексических, грамматических и иных языковых значений.

Дополнительная литература

К о д у х о в В. И. Общее языкознание. М., 1974 (глава 9).

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Л е о н т ь е в А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (глава 5).

П а н ф и л о в В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977 (глава 1).

П а н ф и л о в В. З. Язык, мышление, культура.— Вопросы языкознания, 1975, № 3.

С е р е б р е н н и к о в Б. А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка.— Вопросы языкознания, 1970, № 2.

Глава V

Структура и система языка

§ 37. Осмысливание языка прямо ведет нас к рассмотрению его устройства, организации, к «конструкции его механизма», или, как обычно принято говорить, к анализу его структуры и системы. Правда, сами термины и понятия «структура» и «система» применяются в языкознании и неустойчиво и различно (см.: 72; 107; 116; 128; 150). Достаточно сказать, что во многих работах они легко взаимозаменяются, а значит, и не дифференцируются. В других же работах они устойчиво различаются, но так, что понимаемое под «структурой» одними языковедами оказывается для других «системой» и наоборот. Вероятно, с этим нужно считаться как с одной из особенностей современного научного мышления и состоянием терминологии в языкознании.

Однако полезно взглянуть на то, что обозначается этими двумя терминами не в общей теории (которая еще не окрепла и не стала определенной во взгляде на структуру-систему), а в конкретных лингвистических описаниях. В книге В. В. Виноградова «Русский язык» (М., 1947) термин «структура» достаточно регулярно и четко соотносится с элементами, формами, конструкциями языка и их значениями. Подобным же образом этот термин применяется во множестве отдельных исследований русского и иных языков. В учебнике А. А. Реформатского «Введение в языкознание» (М., 1967) этот термин также использован для обозначения не связей и отношений между элементами языка, а совокупностей и единств самих элементов.

Вместе с тем можно назвать немало работ, авторы которых тот же самый термин применяют для обозначения отношений между элементами языка или для обозначения того сложного целого, которое образуют элементы языка и отношения между ними.

О языке как системе, как уже было сказано, впервые стал думать Ф. де Соссюр. Известный современный французский лингвист Э. Бенвенист пишет: «При описании этого идейного течения (структурализма — *Б. Г.*) нельзя подходить к вопросу упрощенно и следует подчеркнуть, что Соссюр никогда не употреблял слова «структура» в каком бы то ни было смысле. Для него самым существенным было понятие с и с т е м ы. Новизну его учения составляет именно идея о том, что язык образует систему, из этой идеи вытекают далеко идущие следствия, которые в течение долгого времени постепенно осознавались и развивались лингвистами. «Курс» (имеется в виду «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра.— *Б. Г.*) представляет язык именно как систему, и эти формулировки следует напомнить: «Язык есть система, которая подчи-

няется только своему собственному порядку»... «Язык — это система произвольных знаков»... «Язык — это система, все части которой можно и должно рассматривать в их синхроническом единстве»... Соссюр в особенности утверждает примат системы по отношению к составляющим ее элементам: «Большое заблуждение рассматривать слово как соединение какого-то звучания с каким-то понятием. Определять слово подобным образом — значит изолировать его от системы, часть которой оно составляет; это означало бы, что, отправляясь от отдельных слов, можно построить систему как их сумму, тогда как на самом деле, наоборот, следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа дойти до составляющих его элементов»... Последняя фраза содержит в зародыше всю суть «структуральной» концепции. Но Соссюр во всех своих рассуждениях оперирует понятием с и с т е м ы» (28, 61).

Итак, термин «структура» Ф. де Соссюром еще не применялся и был введен в лингвистику его учениками, прежде всего — основоположниками так называемой Пражской школы, а затем и школы Копенгагенской. И если «пражцы», говоря о структуре, имели в виду не только отношения и связи внутри языка, но и его элементы, то «копенгагенцы» абстрагировали отношения и связи внутри языка от его элементов и стали утверждать, что язык может быть сведен к некоторой сетке зависимостей и языковые факты могут рассматриваться как существующие в силу их отношений друг к другу.

§ 38. Скажем несколько слов о дальнейшем использовании в настоящем пособии терминов «структура» и «система» по отношению к языку и примем так называемое «рабочее» определение. Для этого привлечем суждения современных советских лингвистов, факты самого языка.

Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников пишут: «По-видимому, рассмотрение любого естественного объекта, как и любого сложного фрагмента природы, возможно производить по крайней мере в трех (разных) отношениях: а) как определенной совокупности элементов; б) как определенной совокупности отношений между элементами; в) как связного целого, т. е. как определенной согласованной совокупности элементов и отношений, в силу воплощения элементов в определенную субстанцию.

Три этих аспекта в общем соответствуют трем разным сторонам бытия объекта — на уровне элементов, на уровне отношений, на уровне целого. Эти три аспекта нужно и можно разграничить и чисто терминологически. Используя для этого понятия структуры и системы в их наиболее распространенной трактовке (с известными поправками и уточнениями), можно ввести три названия для указанных подходов: элементный, структурный и системный» (97, 24).

В. М. Солнцев говорит: «Поскольку мы определяем систему как некоторый объект в целом, включающий в себя элементы и

взаимосвязи элементов, а структуру — как совокупность внутрисистемных связей, или, что то же самое, как внутреннюю организацию, упорядоченность объекта, постольку между системой (объектом) и структурой следует проводить различие. Структура не равна объекту в целом. Структура есть объект минус составляющие его элементы, или система минус элементы системы. Такое понимание структуры отличается от понимания структуры, принятого в ряде работ по языкознанию...» (126, 26).

А. С. Мельничук отмечает: «...следует признать наиболее целесообразным и соответствующим установившемуся в языке словоупотреблению различение терминов «система» и «структура», при которой под системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны элементов — его частей, а под структурой — состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности. Поскольку определяемые таким образом понятия системы и структуры могут представлять собой различные осмысления одного и того же реального объекта, одна и та же сторона реального объекта может рассматриваться и как элемент структуры, и как компонент системы. Так, например, согласный представляет собой и элемент структуры консонантизма русского языка и компонент системы согласных, подлежащее представляет собой и элемент синтаксической структуры предложения и компонент системы членов предложения» (92, 27).

Принимая во внимание теоретические расхождения в определении терминов «структура» и «система», существующие в современной лингвистике, включая отечественную, а также упомянутое ранее применение термина «структура» для обозначения «устройства» какого-то лингвистического объекта, входящих в него элементов (такое применение этого термина можно встретить во многих конкретных исследованиях русского и других языков), примем изложенное ниже понимание структуры и системы, исходя из следующего:

а) В самой реальной действительности язык в целом, его стороны («уровни»), его единицы и их классы, их формы и категории представляют собою «сложные образования», имеющие внутреннее «устройство», допускающее поэтому расчленение на образующие его элементы и составные части;

б) Между составными частями и элементами языка в целом, его структурных областей, их единиц и категорий в самой же языковой действительности существуют различные связи и отношения, благодаря которым и при участии которых из элементов составляется целое;

в) Между целым и образующими его элементами, отношениями и связями существует взаимная зависимость: изменение целого затрагивает обязательно какие-то элементы его и отношения между ними, изменение элементов и отношений сказывается на целом,

которому они принадлежат. Такое или подобное понимание структуры (системы) делает как будто беспредметным спор о том, как разграничить терминологически структуру и систему, хотя именно на такое (или подобное) понимание опираются почти все спорящие лингвисты, по крайней мере — отечественные. Было бы неплохо, если бы термины «структура» и «система» не конкурировали и не перебивали друг друга. Это было бы возможно в случае, если бы из двух конкурентов остался один. Однако реальность науки такова, что конкуренция двух широкоиспользуемых терминов существует.

А. С. Мельничук, высказывание которого о системе и структуре только что было приведено, предложил в разграничении этих терминов пойти вслед за их нелингвистическими значениями, позволяющими, например, сказать и *система министерства* и *структура министерства*, но не позволяющими сказать вместо *система рычагов* в том же значении *структура рычагов*, вместо *система приемов — структура приемов*, вместо *структура почвы — система почвы*, вместо *структура предложения — система предложения* и т. д.

Обратимся к толковым словарям современного русского литературного языка и посмотрим, как в них разграничены значения слов *система* и *структура*. Четырехтомный «Словарь русского языка» АН СССР при слове *система* дает следующие значения: 1. Определенный порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи частей чего-либо; 2. Классификация, группировка; 3. Совокупность принципов, служащих основанием какого-либо учения; 4. Совокупность каких-либо элементов, единиц, объединенных по общему признаку; 5. Форма, способ, принцип устройства, организации, производства чего-либо. При слове *структура* тот же словарь дает одно значение — взаиморасположение и связь составных частей чего-либо; строение.

Если теперь «наложить» значения, показанные в толковом словаре, на термины «система» и «структура», то становится более или менее очевидно, что первый из них целесообразно было бы применять в смысле «совокупность элементов, организованных связями и отношениями в единое целое», а второй — в смысле «совокупность связей и отношений, организующих элементы в составе целого». Такое разграничение значений этих двух терминов будет по возможности соблюдаться нами в настоящем пособии.

§ 39. Язык как система имеет реальное членение на элементы, его образующие, на разных уровнях. Наиболее общим и крупным оказывается членение языка на такие «элементы», которые принято называть фонетикой, лексикой, словообразованием, морфологией, синтаксисом. Это основные области языкового механизма, относительно автономные его «узлы». Между ними существуют и действуют мощные связи и отношения, ставшие давно предметом внимания лингвистики. Когда мы говорим «связи», то, очевидно,

предполагаем взаимодействие «связанных» элементов. Когда мы говорим «отношения», то предполагаем прежде всего сходства и различия (напомним положение Ф. де Соссюра о том, что в языке нет ничего, кроме сходств и различий). Однако эти сходства и различия участвуют в организации целого, создают ту структуру отношений и «оппозиций», от которой зависит и целое, и элементы; между отношениями и связями нет непреодолимого рубежа.

Наука о языке еще далека от полного и точного понимания и описания связей и отношений между основными областями языкового механизма. Однако многое все же известно, и это позволяет привести два-три примера.

а) Лексика и словообразование и связаны, и соотнесены по многим и разным направлениям. Образование новых слов обязательно опирается на уже существующие слова, механизм словообразования не может работать без такой опоры. Вместе с тем этот механизм, работая, дает новые слова, пополняет и изменяет лексику.

б) Словообразование оказывается связанным и соотнесенным также с морфологией: хорошо известно, что в пределах разных частей речи действуют свои автономные механизмы словообразования. Морфология, таким образом, видоизменяет общие закономерности и способы образования новых слов, приспосабливая их к своим требованиям и возможностям. Достаточно напомнить о резком различии (по крайней мере, в таких языках, как русский и другие славянские) глагольного и именного словообразования; это различие дает о себе знать и в семантике, и в морфемике, и в способах и типах словообразования.

в) Давно и хорошо известны многие линии связей и отношений между морфологией и синтаксисом, обусловленные прежде всего их общей грамматической основой. В области грамматической семантики можно назвать влияние синтаксических словесных позиций (членов предложения) на части речи: как правило, в позиции подлежащего и дополнения используются слова с предметным морфологическим значением; в позицию обстоятельства легче других попадают слова с морфологическим значением «признака другого признака», т. е. наречия и деепричастия. Вместе с тем синтаксическая позиция смещает морфологическое значение слов, не соответствующих ее синтаксическому значению. Этим объясняется причина, почему из существительных с предлогами, оказавшимися в позиции обстоятельства, так легко вырастают новые и новые наречия. Можно назвать десятки изученных и еще не изученных связей и отношений между морфологией и синтаксисом — как в русском, так и в любом ином языке.

При переходе на более низкий уровень членения языковой системы элементами такого членения окажутся уже не главные области языкового механизма, а их составные части — их грамматические, словообразовательные категории, лексические ряды и пласты, морфологические классы, отдельные языковые единицы —

слово, морфема, предложение, фонема и т. д. Таким образом, возникает необходимость, при структурно-системном подходе к языку, устанавливать, какие связи и отношения существуют не только на первом, но и на всех последующих уровнях членения языка. Одновременно возникает и проблема самих уровней членения, определения их количества и выяснения, какие это уровни. Во всяком случае, можно говорить о системном членении и системной организации фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса. Можно, далее, видеть и изучать системное членение отдельных частей речи, словообразовательных типов, типов предложений, лексических рядов, или пластов, и т. д. Предельным уровнем членения окажется отдельная языковая единица (слово, фонема, предложение, морфема).

Возьмем для примера один из синонимических рядов современного русского литературного языка: *думать, размышлять, раздумывать, помышлять, мыслить, мозговать, мерекать, кумекать, соображать.* Этот ряд представляет собою одну из лексических микросистем (или микроструктур) внутри словарного состава. В этой микросистеме налицо ее «элементы», т. е. отдельные слова, затем — связи и отношения между элементами, возникающие прежде всего на базе общности и различия лексических значений отдельных слов. Налицо также и целое — особый автономный синонимический ряд глаголов; очевидна, наконец, и взаимозависимость целого и каждого из элементов, в него вошедших: если из целого мы изымем хотя бы один элемент, целое изменится, станет иным по набору, организации, межсловному распределению вошедших в него лексических значений, но изменившееся целое повлечет за собою и изменение соотношений между оставшимися элементами, изменение их места и функций внутри целого.

Второй иллюстрацией может быть более мощная микросистема, которую принято обозначать термином «предложение». В любом из индоевропейских языков эта система включает, по крайней мере, следующие типы и модели (ее элементы) — предложения простые и сложные: повествовательные, вопросительные и побудительные; восклицательные и невосклицательные; двусоставные и односоставные; односоставные определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, назывные, инфинитивные; нераспространенные и распространенные; полные и неполные; сложносочиненные, сложноподчиненные, сложные бессоюзные, сложные со смешанной грамматической связью. Система получается весьма сложной и многоликой. Однако налицо все ее четыре признака: элементы (ими оказываются на этом уровне членения языка перечисленные типы и модели предложений), отношения и связи между элементами, целое и взаимная зависимость целого и элементов. Воспользуемая лишь минимальным комментарием этого утверждения. Очевидно, что предложение простое и предложение сложное могут и должны быть признаны элементами системы предложения в целом. Очевидно также, что предложение простое и пред-

ложение сложное предполагают наличие друг друга, взаимно соотнесены и связаны. Выдвинем несколько «условное» предположение, что язык устранил предложения сложные. В этом случае исчезло бы их противопоставление простым, и понятие «простое предложение» оказалось бы опустошенным и ненужным. Предложения повествовательные осознаются в своем «повествовательном» качестве только потому, что соотносятся и связаны с предложениями вопросительными и побудительными. Одни, вторые и третьи нужны говорящим и пишущим (соответственно — слушающим и читающим) потому, что обладают при очевидном структурном сходстве очевидными же структурными и функциональными различиями, оказываются структурными вариантами предложения как целого.

Уместно заметить, что зависимости, связи и отношения между элементами языковой системы (значит, в частности, и зависимости между типами, моделями предложений) могут быть материальными и семантическими, функциональными и генетическими, двусторонними и односторонними, одноуровневыми и межуровневыми, обусловленными внешне и обусловленными внутренне и т. д. Едва ли обладают силой, побуждающей научную мысль к более глубокому пониманию языка, попытки известного датского лингвиста Л. Ельмслева и его единомышленников свести все зависимости между элементами языка к интердепенденциям (двусторонним зависимостям), детерминациям (односторонним зависимостям), коммутациям и субституциям (двум видам зависимостей между значениями и их материальным выражением).

Но вернемся к системе и структуре предложения. Несомненна материальная зависимость между предложениями простыми и сложными, повествовательными и вопросительными, полными и неполными и т. д. Так, сложное предложение обязательно построено из частей, материально сходных с простыми предложениями, предложение неполное оказывается, как правило, лишь «осколком» или «отрезком» полного. Можно увидеть, что предложение вопросительное материально, т. е. по количеству и качеству вошедшей в него звуковой материи, трансформируется из повествовательного (и наоборот): *Артисты нашего театра едут сегодня в Киев.— Едут ли артисты нашего театра в Киев?* В общей структуре предложения не найдется ни одного типа, ни одной модели, материально не связанных с другими типами и моделями.

За материальной связью предложений стоит обязательно и связь семантическая: информация, выражаемая одним типом предложения, видоизменяется, но не устраняется другими типами. Так, в случаях трансформирования простого повествовательного предложения *Артист исполнил фортепианный концерт Иванова* в предложения вопросительное и побудительное, и далее — всех трех невосклицательных предложений в восклицательное, мы будем иметь существенные различия в грамматической семантике и вместе с тем — заметную общность семантики лексической, так как

состав слов, вошедших в наши предложения, остается без заметных изменений. Сравним: *Артист исполнил фортепианный концерт Иванова.— Исполнил ли артист фортепианный концерт Иванова?— Артист исполнил фортепианный концерт Иванова!— Пусть исполнит артист фортепианный концерт Иванова!* Показанная только что устойчивость лексической семантики предложений (а точнее — высказываний) и является одной из основ, на которую опирается сама возможность трансформирования предложений (высказываний).

Информация, выражаемая простым предложением, легко входит в информацию, выражаемую предложением сложным. Это утверждение справедливо и в том случае, если мы возьмем лексическое наполнение моделей предложения или возьмем грамматические значения самих моделей предложения. Высказывание *Когда наступило утро, взрослые ушли на работу* построено по модели сложноподчиненного предложения и выявляет зависимость двух сообщений — о наступлении утра (изменение в природе) и об уходе взрослых на работу (изменение в человеческой среде). Каждое из этих сообщений может быть передано и отдельными простыми предложениями: *Наступило утро. Взрослые ушли на работу.* Семантическая общность сложного и двух простых предложений очевидна, семантические различия существуют, но они менее заметны. В частности, без особо направленного внимания может оказаться незамеченным то, что сложное предложение *(Когда наступило утро, взрослые ушли на работу)* открыто связало во времени два факта действительности; простые предложения, поставленные рядом, открыто эту связь не выразили. Кроме того, сложное предложение осуществляет один акт коммуникации, простые предложения выражают в общем ту же самую объективную информацию за два самостоятельных коммуникативных акта. Можно увидеть и показать иные линии семантических связей между простыми и сложными предложениями. И чем структурно богаче сложное предложение, тем многочисленнее и сложнее его семантические связи с простыми и влияние на простые. Это касается не только отдельных вполне конкретных предложений, употребленных в речи, т. е. высказываний. Это касается самой структурной организации синтаксиса: в нем самом, в языке (и в его отображении нашим сознанием) установились и действуют и материальные, и семантические связи и отношения типов, моделей простых и сложных предложений. Именно поэтому человек, свободно владеющий известным запасом тех и других, не может строить и применять простые предложения, не соотнося их со сложными. Материальные и семантические отношения тех и других стали «динамическим стереотипом» речевого поведения человека.

Обратимся к некоторым материальным и семантическим связям и отношениям в области языковой морфологии. Мы помним, что морфология языка — это прежде всего его части речи и что каждая часть представляет собою класс слов, объединенных об-

щностью грамматического значения, парадигматических и синтагматических свойств, а также известной общностью синтаксических функций и словообразовательных особенностей.

Материально части речи связаны общностью морфем и соотнесены регулярными различиями морфемного состава. Так, многие имена прилагательные, возникшие на базе существительных, сохраняют в своей основе главные морфемы существительных, например: *далекий*, *холодный*, *умный*, *теплый*, *хрустальный*, *березовый*, *морской*, *песочный*, *волновой* и т. д. В английском языке существительные и прилагательные нередко оказываются материально тождественными. Аналогичные материальные связи между существительными и прилагательными имеются и во множестве других языков. Материальные отношения между существительными и прилагательными в русском языке в значительной степени зависят от аффиксального оформления тех и других в системе парадигматики. Проще говоря, склонение и изменение по числам имен существительных осуществляется иначе, чем изменение по падежам, родам и числам имен прилагательных. Поэтому в целом парадигма словоизменения имени существительного соотносится с парадигмой словоизменения имени прилагательного по многим линиям, и эти линии отчетливо выступают в случаях, когда мы берем словосочетание «имя прилагательное + имя существительное» и получаем парадигму склонения. При этом замечаем, что материальные различия парадигм весьма значительны. Этого нельзя сказать о материальных соотношениях имен в английском или французском языках.

Функциональные и генетические связи и отношения между элементами языка одного уровня и разных уровней не менее существенны и заметны.

Функциональные связи и отношения между элементами языка обнаруживают себя в процессе функционирования в речи — это связи и отношения прежде всего п а р а д и г м а т и ч е с к и е и с и н т а г м а т и ч е с к и е. Языковой механизм, применяемый сознанием человека, осуществляет на каждом шаге развертывания речевой последовательности выбор некоторого знакового элемента из некоторого их набора и соединение выбранного элемента с другими элементами — предшествующим и последующим. Выбор обычно делается из числа элементов, так или иначе соотнесенных и связанных. Это могут быть синонимические ряды слов, это могут быть ряды грамматических форм, ряды соотнесенных синтаксических конструкций и т. д. И всегда в таких рядах существуют и действуют либо связи, предполагающие зависимость одного элемента от другого (или других), либо отношения, предполагающие лишь сходство и различие. Так, когда мы, строя речевую цепь, выбираем слово — глагол *дремлет* в высказывании *Дремлет чуткий камыш*, то имеем дело с синонимическим глагольным рядом *спать*, *дремать*, *почивать*, *дрыхнуть* и со многими другими глаголами, которые могли бы служить для обозначения состояния камыша,

по оказались непригодными, потому что выражали бы информацию, не соответствующую замыслу, возникшему в сознании автора. Когда мы строим целое высказывание *(Дремлет чуткий камыш)*, границы языковых средств, из числа которых приходится делать выбор, расширяются — и в области лексики, и в области морфологии, и в области синтаксиса.

О функциональных связях и отношениях на уровне синтаксической организации высказываний и речевых цепей следует сказать особо. Рассмотрим лишь связи и отношения между предложениями простыми и предложениями сложными. Связи и отношения между ними устанавливаются в нескольких областях. Во-первых, простое предложение оказывается соотнесенным с предложением сложным в процессе выбора нужной синтаксической структуры. Мы не осознаем этого, но всегда выбираем или сложное, или простое, или ряд простых. Во-вторых, простое предложение, если оно входит в состав сложного, становится его частью, а сложное, в свою очередь, может выделить из своего состава часть, которая окажется реализованной позже как самостоятельное простое. В-третьих, простые и сложные предложения соотнесены количественно, их соотношение по вероятности применения в речи и по фактической частоте становится одним из сильных средств формирования языковых и речевых стилей. В-четвертых, функциональные связи и отношения простых и сложных предложений захватывают деятельность нашего сознания и выражают ее (план психолингвистический): трансформирование одних предложений в другие и порождение тех и других — эти работы сознания человека системны, они ждут еще внимания и объяснения. В-пятых, существует функциональная связь простых и сложных предложений в построении речевых цепей различной сложности и структуры. В-шестых, можно и нужно видеть функции простого предложения в составе сложного и функции сложного по отношению к вошедшим в него простым. Первые как-то принимаются во внимание различными классификациями (типологиями) сложных предложений, вторые пока не получили должного осмысления.

Многочисленны и многокачественны генетические связи и отношения больших и малых языковых элементов в составе больших и малых языковых структур. Генетически связаны друг с другом части речи: например, есть основания думать о том, что дифференциация на имена существительные и имена прилагательные в индоевропейских языках произошла сравнительно недавно. Еще в древнерусском языке краткие имена прилагательные полностью повторяли признаки склонения имен существительных, что является одним из сильных признаков исторического, генетического тождества тех и других. Зависимость формирования наречий от функционирования имен и глаголов несомненна. История языка устанавливает многочисленные факты образования сложных предложений на базе бессоюзного, а затем и союзного объединения простых. Генетически простые предложения моложе сложных, хотя не

нужно забывать о том, что простые предложения до образования сложных не были и не могли быть простыми в современном понимании хотя бы потому, что они не противостояли сложным. В потоке речи не было известного современным развитым языкам четкого членения на отдельные предложения, поэтому не могло быть и четких границ простых предложений. И тем не менее простое предложение в современном понимании начало оформляться раньше сложного, а процесс постепенного вызревания и роста типов и моделей сложного предложения зафиксирован памятниками письменности языков как исторический факт.

Одно состояние системы языка в процессе развития сменяется другим, новым, и между двумя состояниями складываются определенные связи и отношения. Об этом можно судить, рассмотрев лишь небольшой участок языка, например одну часть речи, а внутри нее одну категорию. Так, категория времени русского глагола сравнительно недавно, в XII—XIV вв., имела восемь форм, четыре из которых были простыми и четыре сложными (простые — формы настоящего времени, будущего совершенного, аориста и имперфекта; сложные — формы будущего сложного первого, будущего сложного второго, перфекта и плюсквамперфекта). В современном русском литературном языке, как известно, функционируют лишь четыре временные формы — настоящего времени, будущего совершенного, будущего несовершенного и прошедшего времени. Все временные значения, выражавшиеся восемью формами в древнерусском языке, сохранены и современным русским, однако грамматические средства и способы их выражения изменились, произошло перераспределение временных значений между меньшим числом временных форм, а в связи с этим оказались видоизмененными и сами значения. Так, значения имперфекта, перфекта и аориста утратили грамматическую определенность выражения и передаются теперь одной формой прошедшего времени во взаимодействии с видовыми показателями глаголов. Можно говорить о соотношении и связи современной системы глагольных времен (современной категории времени) в русском языке с системой XII—XIV вв., можно и нужно видеть линии этих связей и отношений, без них системное изучение языка в историческом плане неосуществимо, а объяснение условий возникновения нового качественного состояния языковых явлений недостижимо.

Двусторонние и односторонние связи и отношения в структуре языка также привлекают внимание науки. В тех случаях, когда на базе одного слова образуется другое, связь односторонняя *(дорога — дороженька)*, однако отношение двустороннее: связь дает зависимость от слова *дорога* к слову *дороженька*, но не наоборот; отношением же сопоставлено не только слово *дороженька* со словом *дорога*, но и наоборот: ведь после возникновения слова *дороженька* слово *дорога* оказалось в отношениях сходства и различий с новым для языка словом — *дороженька*, а в результате произошло обогащение и перераспределение смыслов,

выражаемых этими двумя словами. Если воспользоваться теорией Ф. де Соссюра, изменилась значимость слова *дорога*, оказалось затронутым его семантическое место в лексике языка.

Простое предложение и материально, и семантически может функционировать в языке независимо от предложения сложного (имеется в виду каждое отдельное конкретное предложение, а не структура простого предложения в его целом, не инвариант предложения вообще). Однако нередко простое предложение оказывается в составе сложного, а также между частями сложного предложения, т. е. простыми в его составе. Возникают двусторонние и односторонние связи и отношения. Так, связь зависимости придаточного от главного — односторонняя (придаточное зависит, подчиняется, главное — подчиняет), связь грамматического господства главного над придаточным — также односторонняя, однако эти две связи предполагают друг друга и между ними возникает двустороннее отношение: грамматическое господство — грамматическое подчинение.

Помимо описанных типов связей и отношений (материальные и семантические, функциональные и генетические, двусторонние и односторонние), существуют и другие их типы: п а р а д и г м а т и ч е с к и е и с и н т а г м а т и ч е с к и е, о д н о у р о в н е в ы е и м е ж у р о в н е в ы е, о д н о н а п р а в л е н н ы е и м н о г о н а п р а в л е н н ы е.

Парадигматические связи и отношения существуют между элементами системы языка в отвлечении от ее речевой реализации. Простейшие примеры таких связей и отношений дают нам парадигмы склонения или спряжения. Форма (и значение) именительного падежа в современном русском языке, разумеется, соотнесена с формами и значениями всех остальных падежей. Однако нет никаких оснований считать форму именительного падежа господствующей, а формы остальных падежей — подчиненными. Вместе с тем нет оснований и для того, чтобы падежные формы считать лишь соотнесенными (есть сходство и есть различие), но не связанными. Их связывают общность основы слова и общность грамматической категории падежа: ведь во всех падежах сохраняется инвариант падежа — значение отношения между предметами и предметами, предметами и процессами. Это обстоятельство позволяет сказать о том, что в языке есть не только сходства и различия, как думал Соссюр, но также общности и различия. А наличие общности в членах той или иной парадигмы позволяет утверждать, что между ними существуют не только отношения, но и связи: различные падежные формы взаимозависимы, потому что варьируют одно и то же инвариантное грамматическое значение падежа, а внешне — одну и ту же основу.

Синтагматические связи и отношения возникают (или — реализуются), когда языковые элементы низшего уровня входят в состав элементов высшего уровня (фонема — в состав морфемы, морфема — в состав слова и т. д.) или когда слова и предложения оказы-

ваются элементами связной речи. В современной науке о языке и ее вузовском преподавании нередко высказывается (и принимается) мысль о том, что системен язык и несистемна, асистемна речь. Это — заблуждение. В речи реализуются системные свойства языка и возникают новые системные связи и отношения — на базе взаимодействия применяемого для решения конкретного коммуникативного задания языка и работающего человеческого сознания.

Отношения и связи между фонемой и другими фонемами, морфемой и другими морфемами, словом и другими словами, частью речи и другими частями речи, предложением и другими предложениями — это отношения и связи одноуровневые (их иногда называют дистрибутивными). Но ведь есть и иного типа связи и отношения: фонем с морфемами, морфем со словами и их формами, слов с морфологическими классами и категориями, частей речи с предложениями и их членами. Это отношения и связи межуровневые (их иногда называют интегративными) (см.: 28, 134). Включение любого элемента языка в одноуровневые и межуровневые связи и отношения совершенно обязательно.

Однонаправленные и многонаправленные связи и отношения могут быть пояснены примерами. Так, в предложении, начинающем некий текст *Грузовая машина медленно ползла по горной дороге* фонема [г] в слове *грузовая*, само слово *грузовая* во всем предложении, морфема *груз-* в этом слове, словосочетание *грузовая машина* в предложении имеют однонаправленные связи, устанавливающие зависимость с последующими элементами (предшествующих в этом примере просто нет). Однако, по-видимому, однонаправленные связи и отношения могут встретиться только в цепи языковых элементов, т. е. эти связи и зависимости всегда и синтагматические. Что же касается парадигматических связей и отношений, они, по-видимому, всегда многонаправленные. Так, если мы возьмем любую фонему, например фонему [о], то ее парадигматические отношения окажутся различными и многочисленными.

Луи Ельмслев и его последователи внесли в науку о языке идею коммутации как универсального отношения в любом языке между единицами плана содержания и единицами плана выражения. Коммутация оказывается всюду там, где некоторому соответствию единиц в плане выражения сопоставлено соответствие единиц в плане содержания. Различение (взаимозамена) единиц в одном плане сопровождается различением (взаимозаменой) единиц в другом. Так, если перед нами две различные морфемы, им в определенном окружении будут соответствовать два различных смысла (значения): *прочитавший* и *прочитанный*; если перед нами два звуковых комплекса, оформляющие слова, то им будут соответствовать два различных значения: *дождь о р о с и л поле — дождь н а п о и л поле*; если перед нами два значения одного слова, им будут соответствовать различные соединения знаков в плане выражения: *поезд и д е т быстро — торговля и д е т бойко*; если перед нами

два разных звука (фонемы), им будут соответствовать два разных смысла: *бал — был* и т. д.

В формулировке Л. Ельмслева коммутация получает несколько утяжеленное пояснение: «Корреляцию в одном плане, которая имеет реляцию к корреляции в другом плане языка, мы назовем коммутацией» (95, I, 331). Это определение и было пояснено выше несколькими примерами.

Л. Ельмслев распространяет свое понимание универсального знакового отношения и на цепь знаков, и на их последовательность: «Точно так же, как мы можем представить себе корреляцию и взаимозамену в парадигме, имеющей реляцию к соответствующей корреляции и к соответствующей взаимозамене парадигмы в другом плане языка, мы можем вообразить реляцию и сдвиг в цепи, который имеет реляция к соответствующей реляции и к соответствующему сдвигу в цепи в другом плане языка; в этом случае мы будем говорить о пермутации» (95, I, 331).

Непривычность терминологии Копенгагенской школы современного структурализма, представителем которой является Л. Ельмслев, мешает читателю понять цитату. Однако если все же попытаться понять ее, то получится, что пермутация — это коммутация при условии, что либо в плане выражения, либо в плане содержания наблюдается «сдвиг в цепи», изменение в последовательности знаков или смыслов. Так, если вместо *сине-зеленый* мы скажем *зелено-синий*, произойдет «сдвиг в цепи» и в плане содержания: первое прилагательное информирует о зеленом цвете с оттенком синевы, второе — о синем цвете с оттенком зелени; если вместо *Телевидение вытесняет кино* скажем *Кино вытесняет телевидение* происходит «сдвиг в цепи»: реальным деятелем начинает осознаваться кино, а не телевидение. Таким образом, коммутация — это универсальное отношение плана выражения и плана содержания между членами парадигмы, пермутация — это универсальное отношение между членами синтагмы («частями цепи»): для тех и других отношений Л. Ельмслев предложил термин «мутация».

В языковой действительности немало фактов, которые нарушают универсальность коммутации и пермутации. Например, сразу же возникает вопрос, как быть с многозначностью слов, т. е. явлением обычным и очень распространенным в современных языках. Так, многие значения глагола *идти* имеют для своего выражения один и тот же комплекс звуков и различаются уже не парадигмой, а синтагмой, «сдвигом в цепи»: *поезд идет — время идет*. В языках немало случаев, когда замена в плане содержания не влечет за собой замены в плане выражения, если оставаться в области парадигм. И наоборот, можно показать, что нередки случаи, когда замена в плане выражения не дает замены в плане содержания: *велосипед — самокат*, *языкознание — языковедение* и т. д. Поэтому, соглашаясь в принципе с тезисом о соответствии членения плана содержания и плана выражения, едва ли можно безоговорочно принять схему Л. Ельмслева. Правда, следует сказать и о том, что

для Л. Ельмслева и коммутация, и пермутация, и мутация — это термины, говорящие скорее о процедуре анализа языка, нежели о его объективных системных особенностях.

Итак, если вернуться к реальным связям и отношениям между элементами языковой структуры на разных ее уровнях, то можно различить следующие типы этих связей и отношений: материальные и семантические, функциональные и генетические, двусторонние и односторонние, парадигматические и синтагматические, одноуровневые и межуровневые, однонаправленные и многонаправленные.

Изучение языка, его структурных уровней, их составных частей, категорий и единиц требует изучения и всех типов связей и отношений. Только в этом случае будет осуществляться тот подход к фактам языка, который может быть назван системным подходом и который будет соответствовать потребностям и возможностям современной науки. Именно этот подход обеспечит более полное и более строгое понимание языка, его реальных особенностей и свойств, обеспечит приближение научных лингвистических теорий к сущности описываемого объекта.

Осуществление системного подхода — задача очень нелегкая и далекая еще от разрешения. Она предполагает, что наука должна получить и новую информацию о языке от него самого, и переработать старую и новую информацию в глубокие обобщения и точные описания. Пока всего этого нет. Пока мы не можем системно описывать ни язык в целом, ни его структурные области (или уровни), ни классы слов, именуемые частями речи, ни предложения и их типы, ни слова, ни морфемы, ни фонемы. Это, конечно, вовсе не означает, что системное описание языка даже не начато. Оно начато задолго до вызревания самой идеи, которую мы теперь называем системным подходом. Например, А. А. Потебня был великим диалектиком, и его больше, чем что-либо другое, интересовали в языке связи и отношения, осложненные к тому же связями и отношениями языка и мышления. Великие лингвисты прошлого заложили прочные основания системного описания и понимания языка. В этом большие заслуги отечественной науки.

Теперь системный подход становится (но еще не стал!) принципом изучения языка. В утверждении этого принципа заметны и результаты работы многих представителей зарубежного и отечественного структурализма. Можно надеяться на то, что с годами все меньше и меньше будет появляться работ, выполненных в противоречии с духом и смыслом системного подхода.

И тогда окажется, что каждый отдельный звук, каждая морфема, каждое слово и предложение, каждая часть речи, ее категория или форма — включены в различные системные связи и отношения. Важно понять и помнить, что несистемных или внесистемных явлений в языке не существует и задача заключается в том, чтобы непредвзято увидеть и верно описать элементы языка

в их реальных, объективно присущих языку связях и отношениях, не навязывая ему никаких искусственно сконструированных наукой систем.

В 50—70-х гг. XX столетия стало модным создавать «простые», «непротиворечивые», «удобные» системы описания языка. При этом нередко забывается, что система описания должна отвечать описываемой реальной системе, а нельзя подгонять ее к искусственно сконструированным правилам. Нельзя забывать, что реальные языковые системы и сложны, и противоречивы, и вариативны.

Едва ли можно по одним и тем же правилам описания построить надежные научные картины фонетики языка и его лексики, морфологии и синтаксиса, глагола и имени существительного, подлежащего и дополнения, морфемы или фонемы. Например, описывая системное положение фонемы, наука прежде всего видит ее различительные функции и свойства, и на базе именно этих различительных функций и свойств устанавливается ее место в системе. Так как различительные функции и свойства фонемы опираются на исторический выбор языком реальных физических свойств его звуков, становится понятным, что без внимания к физической, материальной стороне фонемы ее место в системе не может быть установлено. Дифференциальные признаки фонемы — это ее физические признаки, которые получили знаковые функции, соотнесенные и противопоставленные говорящим на языке коллективом. Попытки объявить фонему абстракцией, конструктом, лишенным материального, объективного содержания, беспочвенны. Это хорошо доказывается экспериментальным изучением звуков речи, каждый из которых представляет собою социальный, либо индивидуальный вариант фонемы.

Так как фонема — материальный носитель функций различения слов и их форм, то характерные для нее системные связи и отношения оказываются опирающимися на ее физические свойства. И соотнесенность фонем в системе языка, и их взаимодействие в той же системе и системе речи (аккомодация, количественная и качественная редукция и под.)— все это явления физические, хотя и соотнесенные с семантикой.

Иным, построенным на других основаниях, на других реальных свойствах языка окажется системное описание такой смысловой единицы, как слово. Конечно, и слова имеют материальную, физическую соотнесенность. Например, слова *балка — палка — галка — холка — челка* и другие обнаруживают звуковую общность и звуковые различия и образуют, таким способом, некоторую микросистему. Таких микросистем в языке, в словарном его составе, множество. Эти микросистемы обнаруживают известное небезразличие к речевому использованию: вспомним хотя бы о том, что поэтическая речь «заинтересована» в так называемой звукописи, стихотворения, как правило, применяют рифму и т. д. Однако не материальными соотношениями образуются те лексические системы и подсистемы, которыми интересуется прежде всего наука. Так как

слова — основные номинативные единицы языка, то, естественно, их место в языковой системе и их взаимоотношения зависят, прежде всего, от их семантики, от их лексических, словообразовательных и морфологических значений. Поэтому понять и описать систему лексики немыслимо, не обращаясь к семантике слов. Но семантика слов не может ни восприниматься, ни описываться такими же способами и приемами, которые оказываются полезными и нужными при восприятии и описании звуков.

Описание даже отдельного слова, при условии соблюдения хотя бы главных требований и задач системного подхода, становится сложным и многоаспектным. Так, если возьмем в качестве примера и иллюстрации слово *интересный*, то увидим, что оно обнаружит несколько линий семантической связи и соотнесенности: а) синонимия: *интересный, увлекательный, занимательный, занятный, любопытный*; все эти синонимы имеют нечто общее в семантике, но это общее вариативно меняется от слова к слову; б) антонимия: *скучный*; в) предметные связи: *интересный рассказ, разговор, анекдот, доклад, роман, книга, лекция* и т. д.; *увлекательная прогулка, путешествие, беседа, сюжет* и т. д.; *занимательная история, случай, событие, происшествие*; *занятный клоун, собеседник, картина, зрелище* и т. д.; *любопытный случай, разговор, жизнь, книга, загадка, настроение* и т. д.; г) семантические связи через словообразование: *интересный — интерес — интересующийся — интересовать — интересоваться — заинтересовать — заинтересоваться*. Все эти связи и отношения, актуальные для современного языка, получат иной вид, иное содержание, если слово *интересный* будем рассматривать в историко-этимологическом плане. Кроме того, слово *интересный* может выполнять и выполняет в речи определенные синтаксические функции, вступает в структуре высказываний в связи и отношения с членами предложения и конкретными словами, занимающими места членов предложения. Так, даже беглый и неполный обзор системных связей и отношений одного только слова показывает, что их описание не может и не должно повторять системного описания фонем, хотя это не исключает поисков некоторых общих принципов системного подхода к языковым единицам разных структурных уровней.

Проблема системного подхода к языку, понимания и описания языка как системы (или — структуры) не сводится к выявлению и осмыслению внутриструктурных для языка связей и отношений. Язык — одна из соотнесенных и взаимосвязанных систем мира. Языку противостоит материальный действительный мир, языку противостоит социальная структура — общество, языку противостоит система сознания. Таким образом, действуют сложнейшие внешние по отношению к самому языку очень мощные связи и отношения: язык — материальный вещный мир, язык — общество, язык — сознание. Можно назвать и еще одно отношение, хотя оно и занимает подчиненное место в нарисованной системе, это — отношение «язык — человек».

В языкознании не раз возникала иллюзия независимости внутренней структуры языка от внешних его связей и отношений. Ф. де Соссюр утверждал: «Давно признано, что Шлейхер насиловал действительность, рассматривая язык как нечто органическое, в самом себе заключающее свои законы развития; а между тем продолжают, даже не подозревая этого, видеть в языке нечто органическое в другом смысле, полагая, что «гений» расы или этнической группы непрерывно направляет язык на какие-то определенные пути.

Из сделанных нами экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип чисто отрицательного свойства, но тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (127, 269).

Несмотря на категоричность высказанной мысли, она не кажется вполне логичной даже в пределах теоретической системы ее автора. Ведь Ф. де Соссюр, помимо «внутренней лингвистики» (так сказать, подлинной), признает в своем «Курсе» и «внешнюю лингвистику», которая изучает связи между этническими и социальными явлениями, с одной стороны, и языком — с другой. Но почему же, в таком случае, цитированное только что утверждение? Видимо, потому, что, по Соссюру, расовые, этнические, политические и иные «внешние» по отношению к языку явления не проникают в его структуру, которая подчиняется только своим собственным семиотическим законам. В этом именно ключе надо воспринимать и известное, предложенное Соссюром, сравнение языка с шахматной игрой: «Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Уяснению этого может помочь сравнение с игрой в шахматы, где довольно легко отличить, что является внешним, а что внутренним. То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику» игры. Такого рода различение требует, правда, известной степени внимательности, поэтому в каждом случае нужно ставить вопрос о природе явления и при решении его руководствоваться следующим положением: внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему» (127, 61). Ученый не замечает, что если изменение формы или «материи» шахматных фигур не затрагивает системы игры, то изменение единиц и категорий языка обязательно затрагивает всю систему.

Идеи Ф. де Соссюра об изучении языка «в самом себе и для себя» получили развитие в теоретических построениях Л. Ельмслева, одно из убеждений которого выражено в следующем высказывании: «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из от-

ношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» (95, I, 283).

«Освобожденная» от объектов языка лингвистика превращается у Л. Ельмслева в некое подобие алгебры, занимающейся изучением «формы», а не «субстанции», и такой науке становятся чужды привычные лингвистические нужды и заботы, которые объявляются нуждами и заботами акустики, физиологии, психологии, социологии: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру. Только таким образом язык как таковой может рассматриваться научно, не разочаровывая своих исследователей и не ускользая из их поля зрения» (95, I, 267).

В попытках абстрагироваться, уйти, изучая язык, от внешних его связей и отношений, нужно видеть влияние определенных философских позиций. Материализм признает взаимосвязи и взаимодействия элементов («субстанции») и отношений, идеализм допускает независимое существование отношений. Материализм признает язык одной из систем, образующих бóльшую макросистему мира. В пределах этой бóльшей макросистемы язык оказывается одним из образующих ее элементов, и он должен в этом своем качестве испытывать воздействия других ее элементов (природы, общества, сознания и т. д.), а также межэлементных связей и отношений. Именно такого понимания сути вещей требует системный подход к языку. И тогда становятся понятными и обоснованными заботы традиционной лингвистики об изучении воздействий общества и его сознания на язык и языка на общество и его сознание. Возникающие на базе такого понимания две проблемы — «Язык и общество», «Язык и сознание» — по-прежнему остаются ц е н т р а л ь н ы м и проблемами теоретического языкознания.

* * *

Лингвистика нашего времени уделяет очень большое внимание осмыслению и изучению языка как системы или структуры. Такой аспект был отчетливо намечен Соссюром, которого и принято считать основоположником системного подхода к языку, хотя и до Соссюра были ученые, которые понимали, что язык — не случайное скопление элементов, не конгломерат единиц, а строго организованное целое. Особую роль в обосновании системного подхода к языку сыграли лингвистические работы выдающегося отечественного языковеда А. А. Потебни.

К сожалению, термины «система» и «структура» применяются в современной науке о языке непоследовательно и противоречиво. Знакомство с жизнью этих терминов в текстах и с их толкованиями в общих словарях позволяют предложить следующее их применение: термин «система» целесообразно было бы употреблять в смысле «совокупность элементов, организованных связями и отношениями в единое целое», а термин «структура» — в смысле «совокупность связей и отношений, организующих элементы в составе целого».

Связи и отношения существуют и действуют на всех «уровнях» языка, внутри каждого автономного механизма и между механизмами. Когда мы говорим «связи», мы предполагаем зависимость и взаимодействие связанных элементов. Когда говорим «отношения», мы предполагаем прежде всего сходства и различия. Связаны и соотнесены между собою лексика и словообразование, морфология и синтаксис, а также лексические ряды, словообразовательные типы, морфологические категории, категории синтаксиса и т. д.

Возникает необходимость при системном подходе к языку установить, какие связи и отношения существуют не только на первом, наиболее общем, но и на всех последующих уровнях членения языка.

Зависимости между элементами языковой системы могут быть материальными и семантическими, функциональными и генетическими, двусторонними и односторонними, одноуровневыми и межуровневыми, внутренними и внешними к языку. Богаты и многотипны связи и отношения в синтаксисе языка, прежде всего между предложениями, и в морфологии языка, прежде всего между частями речи. Функциональные связи и отношения между элементами языка обнаруживают себя в процессе функционирования этих элементов в речи — это связи и отношения прежде всего парадигматические и синтагматические. Генетические связи и отношения многокачественны и многочисленны, они устанавливаются благодаря смене состояний языковой системы в процессе развития языка. Парадигматические связи и отношения существуют между элементами системы языка в отвлечении от ее речевой реализации. Синтагматические связи и отношения возникают или реализуются, когда языковые элементы низшего уровня входят в состав элементов высшего уровня или когда элементы языка оказываются и элементами связной речи.

Мысль о том, что системен язык и асистемна речь — неубедительна и неверна. В речи реализуются системные свойства языка и возникают новые системные связи и отношения — на базе взаимодействия применяемого для осуществления определенного коммуникативного задания языкового материала и работающего человеческого сознания.

Л. Ельмслев и его последователи внесли в науку о языке идею коммутации как универсального отношения между единицами плана выражения и единицами плана содержания в любом языке. Не-

смотря на силу этой идеи, она встречает и сопротивление фактов языка и обедняет действительное многообразие внутриязыковых отношений. Изучение языка, его структурных уровней, их составных частей, категорий и единиц требует изучения всех типов связей и отношений между ними. Только в этом случае возможно осуществление системного подхода в изучении языка, и этот подход обеспечит более полное и строгое понимание языка, его реальных особенностей и свойств, обеспечит приближение лингвистических теорий и описаний к сущности описываемого объекта.

Проблема системного подхода к языку ведет науку о языке и к его внешним связям и отношениям — с материальным вещным миром, обществом и сознанием. Изучение языка «в самом себе и для себя», как предполагал Ф. де Соссюр, не может дать верной картины языка, его устройства, развития и функционирования.

Дополнительная литература

Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке.— Вопросы языкознания, 1978, № 4.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974 (глава 8).

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975 (глава 1).

Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— Вопросы языкознания, 1970, № 1.

Солнцев В. М. Язык как структурно-системное образование. М., 1971, 1977 (часть I, глава 1).

Глава VI

Знаковая природа языка

§ 40. Современная лингвистика признает язык сложной знаковой системой. Этой точки зрения, несмотря на большие теоретические трудности, с нею связанные, придерживается подавляющее большинство ученых. Сложность обусловлена во многом многоликостью и многозначностью термина «знак». Условимся, не претендуя на окончательность решения, считать знаком любой материальный носитель социальной информации. А информацией будем называть след, оставляемый в объекте (системе) *А* воздействием объекта (системы) *Б*.

В обществе применяются знаки нескольких типов. Наиболее известны знаки-признаки, знаки-сигналы, знаки-символы и языковые знаки. Знаки-признаки несут некоторую информацию о предмете (явлении) вследствие естественной связи с ними: дым в лесу может информировать о разведенном костре, всплеск на реке — об играющей в ней рыбе, морозный узор на стекле окна — о температуре на улице. Знаки-сигналы несут информацию по условию, по договоренности и не имеют никакой естественной связи с предметами (явлениями), о которых они информируют: зеленая ракета может означать начало атаки или начало какого-либо празднества, два камня на берегу показывают место брода, удар в гонг означает окончание работы. Знаки-символы несут информацию о предмете (явлении) на основе отвлечения от него каких-то свойств и признаков, осознаваемых в роли представителей всего явления, его сущности; эти свойства и признаки и можно узнать в знаках-символах (рисунок соединенных во взаимном пожатии рук — символ дружбы, изображение серпа и молота — символ союза рабочих и крестьян, голубь — символ кротости, а в наше время — символ мира). Совершенно особое место в типологии знаков занимают знаки языка.

§ 41. Понимание языка как системы знаков получило обоснование в работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики»: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств...», «Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность...» (127, 99).

Обратим и мы внимание на природу знака и его двусторонности: обе его стороны, и понятие, и акустический образ, в понимании Соссюра, равно психичны: «Это определение ставит важный терминологический вопрос. Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот

термин обычно обозначает только акустический образ, например слово arbor и т. д. Забывают, что если arbor называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие «дерево», так что чувственная сторона предполагает знак как целое.

Двусмысленность исчезнет, если называть все три наличных понятия именами, предполагающими друг друга, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово з н а к для обозначения целого и заменить термины «понятие» и «акустический образ» соответственно терминами «означаемое» и «означающее»; последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого. Что же касается термина «знак», то мы довольствуемся им, не зная, чем его заменить, так как обиходный язык не предлагает никакого иного подходящего термина» (127, 100).

Итак, по убеждению Соссюра, знак — сущность психическая и в целом, и в составляющих его сторонах: обозначаемое — это понятие, обозначающее — акустический образ. В современной лингвистике взгляды Соссюра нередко приспосабливаются к мировоззрению излагающих и обсуждающих эти взгляды лингвистов, и получается, что обозначаемое — это предмет, вещь, а обозначающее — звуковая, материальная оболочка слова; другой вариант: обозначаемое — это понятие, обозначающее — звучание слова. Но это, как легко убедиться, не соответствует взглядам женевского лингвиста, для которого языковой знак — психичен целиком, а значит, психичен и построенный из знаков язык.

Вслед за Соссюром современное языкознание нередко видит в языковом знаке два «первостепенного значения свойства»: первое — произвольность знака, второе — линейный характер означающего (127, 100—103).

Рассмотрим, что́ в «Курсе общей лингвистики» понимается под произвольностью знака.

«Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: я з ы к о в о й з н а к п р о и з в о л е н.

Так, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-œ : -r, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое «бык» выражается означающим b-œ-f (фр. *bœuf*) по одну сторону языковой границы и означающим *o-к-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону ее» (127, 100—101). И далее ученый объясняет слово «произвольный»: «Слово «произвольный» также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, чело-

век не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее немотивировано, т. е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (127, 101).

Вторым свойством знака в «Курсе общей лингвистики» признается линейный характер означающего: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия» (127, 103).

По мнению Соссюра, немотивированность знака и протяженность обозначающего определяют собою два фундаментальных (говоря по-современному) принципа исследования языка, и последствия этих принципов неисчислимы, они подчиняют себе всю лингвистику языка.

§ 42. Рассмотрим эти принципы с позиций материалистического понимания языка — практического, действительного сознания. Языковой знак — реален и объективен (как, впрочем, и любой иной знак); он представляет собою феномен материально-идеальный, а не психический: его значение — идеально, его объективная, доступная восприятию посредством органов чувств форма — материальна.

Тезис о немотивированности знака заслуживает внимания, но не может быть безоговорочно принят, даже если разделить предложенное Соссюром понимание знака как двусторонней психической сущности. Во-первых, если и означающее и означаемое одинаково психичны и образуют психическое же целое, так сказать, сливаются в этом целом, то невозможно представить независимость одной стороны этой двуединой психической сущности (означающего) от другой (означаемого). Во-вторых, просто неверно (и это хорошо показывают факты различных языков), будто звукоморфемная структура слова (означающее) не зависит от его семантики (означаемое). В словах производных (а таких слов в развитых литературных языках большинство) мотивированность их материальной структуры выражаемым значением выявлена достаточно хорошо для того, чтобы ее увидеть: любое сложное слово немецкого языка (таких слов в этом языке множество) говорит и даже кричит о своей большей или меньшей мотивированности: *Bergbauingenieurschüle* 'школа горных инженеров'; *Blumengarten* 'цветник' и т. д. В русских производных, простых и сложных, словах также отчетливо просматривается их мотивированность тем значением, для выражения которого они были созданы языком: *бежать* и *выбежать*, *приклеить* и *отклеить*, *ученик* и *учитель*, *цветоводство* и *цветовод*, *воздухоплаватель* и *космонавтика*. Именно потребности выражаемой информации и сложившиеся в языке словообразова-

тельные закономерности предопределяют ту звукоморфемную оболочку, которую получит вновь рождаемое языком слово. Никакого произвола в смысле независимости одной стороны слова от другой (материальной от семантической) в языке нет.

Между прочим, видный современный лингвист — Э. Бенвенист подвергает сомнению идею произвольности языкового знака: «Одна из составляющих знака, акустический образ, представляет в нем означающее; другая, т. е. понятие,— означаемое. Связь между означаемым и означающим не произвольна; напротив, она необходима. Понятие («означаемое») «бык» в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом («означающим») *bœf*. И может ли быть иначе? Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах. Симбиоз между ними столь тесен, что понятие «бык» является как бы душой акустического образа *bœf*. В сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий» (28, 92).

И далее: «Теперь мы видим сферу «произвольного» и можем очертить ее границы. Произвольность заключается в том, что какой-то один знак, а не какой-то другой прилагается к данному, а не другому элементу реального мира. В этом и только в этом смысле допустимо говорить о случайности, и то, скорее, пожалуй, не для того, чтобы решить проблему, а для того, чтобы наметить ее и временно обойти» (28, 93).

Особенно интересна мысль, выраженная во второй из приведенных цитат из работы Э. Бенвениста: знак соотнесен с элементом реального мира, и эта его соотнесенность, по-видимому, случайна в том только смысле, что материальная форма знака выбирается языком не по предписанию «элемента реального мира». Э. Бенвенист уловил слабое место знаковой теории Соссюра и его последователей, которая знаки языка оторвала от обозначаемого ими мира вещей, а заодно и от обслуживаемого ими мира людей. Мы знаем между тем слова Карла Маркса о том, что ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства: они суть проявления действительной жизни. Эту истину несмотря на ее солидный философский возраст надлежало бы помнить и лингвистам нашего времени.

Что касается второго принципа знаковой теории Соссюра («линейный характер означающего»), то этот принцип, видимо, отражает одну из существенных реальностей языка. Действительно, любые знаки языка, примененные в составе других, более сложных, знаков, образуют л и н е й н у ю п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь. Это очевидно, если под означающим понимать р е а л ь н ы е м а т е р и а л ь н ы е е д и н и ц ы, из которых построено слово или предложение. Но у Соссюра означающее — это акустический образ, слитый с понятием. Остаются неясными, по крайней мере, две вещи: а) имеется ли в виду акустический образ отдельного элемента языка или речевой цепи, состоящей из многих таких элементов; б) если имеется в виду и второе и если означающее имеет линейный характер, почему не допустить, что и означаемое имеет линейный

характер, а значит, и знак в целом? Ведь сущность означающего, означаемого, а также знака в целом одна и та же — психическая?

Произвольность знака и линейный характер означающего влекут за собою важные следствия, в их числе: неизменчивость знака, непрерывность его во времени — и изменчивость знака. Произвольность знака не позволяет людям изменять его по своему усмотрению, потому что нет никаких видимых причин, по которым на место одного слова надлежало бы поставить другое. Язык неизменчив, по мнению Ф. де Соссюра, потому, что его изменению мешает, во-первых, произвольность знака, во-вторых — множественность знаков, необходимых для образования любого языка, в-третьих — слишком сложный характер языковой системы, в-четвертых — сопротивление инертности говорящего коллектива всякому лингвистическому новшеству. В последнем случае имеется в виду инертность языковых навыков. «Именно потому, что знак произволен,— говорит Соссюр,— он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» (127, 107).

В «Курсе общей лингвистики» читаем: «Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, которое на первый взгляд противоположно первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о неизменчивости языкового знака, так и о изменчивости его.

В конце концов, оба эти факта взаимно обусловлены: знак может изменяться, потому что его существование не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности» (127, 107).

Выясним, что же понимает Соссюр под изменяемостью знака. По мысли ученого, это сдвиг отношений между означающим и означаемым. «Прочие общественные установления — обычаи, законы и т. п.— основаны, в различной степени, на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. Даже мода, определяющая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых свойствами человеческого тела. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциации какого угодно понятия с какой угодно последовательностью звуков» (127, 108).

«...Своим произвольным характером язык резко отличается от всех прочих общественных установлений. Это ясно обнаруживается в том, как он развивается; нет ничего сложнее его развития: так как язык существует одновременно и в обществе и во времени, то никто ничего не может в нем изменить; между тем произвольность его знаков теоретически обеспечивает свободу устанавливать

любые отношения между звуковым материалом и понятиями. Из этого следует, что оба элемента, объединенные в знаке, живут в небывалой степени обособленно и что язык изменяется, или, вернее, эволюционирует, под воздействием всех сил, которые могут повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен» (127, 108—109).

§ 43. Мы рассмотрели концепцию Ф. де Соссюра. Она сложна и диалектична. Ее хочется принять и в то же время хочется с нею не согласиться. Ученого связал принцип произвольности знака и понимание знака как двусторонней психической сущности.

Попытаемся взглянуть на дело по-иному. Знак — материальный носитель социальной информации. Он не произволен в системе языка, потому что создание каждого нового знака обусловлено достигнутым состоянием всей системы. Он произволен по отношению к реальным объектам только в том смысле, что сами свойства этих объектов не требуют, чтобы их обозначали одним, а не другим звукосочетанием. Однако знак не случаен и по отношению к объекту, потому что существуют реальные связи между объектами, предуказывающие многие связи между словами, в частности уже существующими и вновь образуемыми. Если в языке есть глагол *читать* и есть закономерные способы образования производных слов, то совершенно не случайно отвлеченное действие будет названо словом *чтение*, человек, осуществляющий это действие, словом *читатель*, а место, где занимаются осуществлением этого действия, *читальня*. Получается, что реальные свойства реальных объектов влияют на выбор людьми той формы, которую получит вновь создаваемое слово. Таким образом, произвольность знака и по отношению к объекту становится весьма и весьма относительной.

Но если знак не произволен, да к тому же и не представляет собою двусторонней психической сущности, перестают действовать те соображения об изменчивости и неизменчивости знака, которые выражены в привлеченных нами для осмысливания теории Ф. де Соссюра цитатах.

Знаки языка обладают у с т о й ч и в о с т ь ю, которая объясняется не их собственной природой, а у с т о й ч и в о с т ь ю общества, его трудовых навыков, его общественных институтов, закономерностей сознания и достигнутых его развитием результатов. Общество заинтересовано в устойчивости языка, обеспечивающего возможность взаимопонимания членов коллектива и преемственность трудового и иного опыта, его передачу от одного поколения другим. Но всякий раз, когда в обществе возникают потребности, которые не в состоянии удовлетворить существующая система языка, в ней начинаются перемены. Язык устойчив, но и изменчив. Изменения в языке вызываются опять-таки не его собственными свойствами, не двусторонней психической сущностью зна-

ка, а условиями его применения, взаимодействием языка и сознания, как проявлений действительной жизни.

Верно, что язык отличается от всех других социальных установлений и не может быть изменен по воле государственных деятелей или ученых. Он слишком сложен, и он подчинен всеобщей традиции его применения, так как он нужен всем и для осуществления всех видов трудовой деятельности. К тому же происходящие в нем перемены и возможности таких перемен не осознаются в повседневном общении и не представляют для него интереса.

Как можно отнестись к идее полной обособленности, независимости изменений каждой из двух сторон знака? И эта идея представляется несколько оторванной от реального облика языка. Звуки сами по себе могут, разумеется, развиваться независимо от изменения смысла слов, но звуковой облик слова, как правило, соотнесен с его морфемной структурой. Морфемная же структура, в свою очередь, соотнесена со значением слова. Поэтому всякая перестройка значения, если она связана со словообразованием, меняет и звуковую сторону знака, слова. А если так, то о независимости звукового изменения знака от изменения его значения можно говорить применительно лишь к тем словам, в смысловой структуре которых возникают перемены без участия механизма словообразования. Так что если и можно говорить о независимости изменения значений слова от изменений в его звучании, то эту независимость нужно признать не абсолютной, а относительной.

§ 44. Определим реальные свойства знака языка.

а) По отношению к реальным вещам он не мотивирован свойствами этих вещей, но мотивирован создавшей его системой.

б) Звуковая сторона знака по отношению к смысловой не мотивирована ее, смысловой стороны, свойствами, но мотивирована системой.

в) Знак языка способен вступать в линейные отношения в составе более сложного знака.

г) Знак языка способен вступать в линейные, пространственные и временные отношения в составе речевой цепи.

д) Знак языка связан с другими знаками отношениями одновременности в сознании носителя языка.

е) Знак языка обладает устойчивостью в силу традиции, необходимой обществу.

ж) Знак языка изменчив во времени в силу изменения условий его применения.

з) Звуковая и смысловая стороны языка в их изменении относительно — в пределах закономерностей языковой системы — независимы друг от друга.

и) Один знак языка обязательно связан или соотнесен с другими знаками.

к) Знаковая система языка сращена с системой сознания и через него связана и соотнесена с системой социальной жизни людей.

л) Знаки языка функционируют и развиваются в пределах свойств своей системы и под давлением связей с системами сознания и социальной жизни людей.

§ 45. Знаки языка допускают функциональную и структурную типологию. Типологические свойства языковых знаков так или иначе проанализированы наукой и приняты во внимание в описаниях фонемного, морфемного, лексического, грамматического строя. Но это не значит, что наука уже построила вполне удовлетворительную функциональную и структурную типологию знаков.

Можно предложить следующее типологическое членение знаков, вытекающее из соотнесенности их двух сторон (формальной и семантической) и степени их сложности.

а) Знаки формальные противопоставлены знакам формально-семантическим; фонемы, слоги — с одной стороны, морфемы, слова, предложения — с другой.

б) Знаки формально-нерасчлененные противопоставлены знакам формально-расчлененным. Это противопоставление оказывается различным на разных структурных уровнях языка. На уровне фонем отдельная фонема противопоставлена морфеме или слову. На уровне морфем отдельная морфема противопоставлена слову. На уровне слов отдельное слово противопоставлено словосочетанию и предложению. На уровне предложений простое предложение противопоставлено сложному или сцеплению предложений в составе сложного синтаксического целого.

в) Знаки семантически-нерасчлененные противопоставлены знакам семантически-расчлененным: морфема — слову, член предложения — предложению, слово или словоформа — их объединению в словосочетании.

г) Знаки непрерывные противостоят знакам дискретным: предложение по отношению к образующим его словам, слово по отношению к составляющим его морфемам, морфема по отношению к образующим ее фонемам.

д) Знаки монофункциональные в самой структуре языка противостоят знакам полифункциональным: фонема различает звуковые оболочки слов; морфема участвует в построении слова, словообразовательной модели и грамматической формы; слово участвует в построении словосочетания и предложения; предложение — в построении целого текста.

е) Противостоят и соотнесены в структуре языка знаки неполные (частичные) — частично-полные — полные и комплексные. Частичными являются фонемы и слоги как знаки односторонние, не имеющие стороны «обозначаемой»; морфемы — знаки частично-полные, потому что они не имеют дискретного обозначаемого; слова — знаки полные; словосочетания и предложения — знаки комплексные, объединяющие, интегрирующие в своей структуре два или несколько полных и неполных знака.

Чем «проще» знак на этой иерархической лестнице, тем слабее его обозначаемое, тем меньшую зависимость обнаруживает он от работы человеческого сознания, тем автономнее и независимее его функционирование и развитие, тем менее он подвержен индивидуальному воздействию речи отдельных людей.

§ 46. По отношению друг к другу знаки языка выполняют три основные функции — различительную, конструктивную и классифицирующую. Так, фонема различает морфемы и слова, а также участвует в построении их материальных оболочек. Морфема классифицирует слова и участвует в построении их основ и грамматических вариантов (форм). Слово участвует в построении словосочетаний и высказываний; словосочетание — в построении высказываний. По отношению к объектам и элементам сознания функции знаков языка иные, главные среди них — номинативная, дейктивная, экспрессивная, сигнификативная, моделирующая, прагматическая. Номинативная функция знака позволяет ему называть объект, дейктивная — указывать на него, экспрессивная — выражать состояние сознания, сигнификативная — обозначать понятие, моделирующая — создавать знаковый аналог ситуации, прагматическая — воздействовать на человека.

По-видимому, есть связь между структурными типами знаков и их структурными функциями. Так, неполные (частичные) знаки имеют функции различительную и конструктивную. Частично-полные знаки — функции классифицирующую и конструктивную. Полные знаки имеют функции конструктивную, номинативную, дейктивную, экспрессивную, сигнификативную. И только комплексные знаки получают функции коммуникативную, моделирующую и прагматическую.

§ 47. Знаковая теория языка у многих лингвистов вызывала и вызывает в настоящее время настороженное к ней отношение. Это вызвано опасением: не искажаем ли мы действительную природу языка как явления социального, как действительного и практического сознания, сводя его элементы, простые и сложные, к их знаковой сути.

Но дело, видимо, не в том, назовем мы знаками элементы языка или нет. Для понимания социальной природы языка это значения не имеет. Дело в ином: как мы поймем и истолкуем знак вообще и знак языка — в частности.

Если знаком мы будем считать чисто условный физический факт, соотнесенный с предметом или понятием, — мы лишим язык его сращенности с сознанием и вплетенности в социальную, трудовую жизнь людей. Если знак мы будем понимать как феномен только психический, мы рискуем потерять критерий объективности языка и независимости его знаковой структуры от индивидуальной деятельности человеческой психики. Но если знак для нас — внешняя, материальная

— носитель социальной информации, и если идеальная сторона знака есть не что иное, как один из видов отображения действительности в сознании человека, — признание знаковости языка не может войти в противоречие с его диалектико-материалистическим пониманием.

Отказ же от признания единиц языка знаками особого свойства повлек бы за собой многие теоретические трудности, и одна из них состояла бы в том, что язык пришлось бы исключить из числа других знаковых систем. А это не только противоречило бы уже сложившимся семиотическим представлениям, теориям и гипотезам, но и не позволило бы увидеть действительные отличия языка от таких систем общения, как музыка, изобразительное искусство, «язык» морской сигнализации, «язык» дорожных знаков и т. д.

Проблема знаковости языка остается одной из центральных в современном языкознании, а также в семиотике и философии. Эта проблема захватывает весь язык в целом и отдельные его элементы, понимание его структуры и его системы, синтагматики и парадигматики, его функционирования и развития. Она открывает возможность сближения языка с другими системами знаков и удаления его от них — в теоретических описаниях и обсуждениях. Она не затемняет и не искажает ни социальной природы языка, ни его свойств практического действительного сознания.

* * *

В современной лингвистике язык признается сложной системой знаков. Условимся считать знаком любой материальный носитель социальной информации. Информацией будем называть след, оставленный в объекте (системе) *А* воздействием объекта (системы) *Б*. В обществе применяются знаки нескольких типов, наиболее известны знаки-признаки, знаки-сигналы, знаки-символы и языковые знаки.

Понимание языка как системы знаков получило обоснование в работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». По убеждению этого лингвиста, знак — явление психическое и в своем целом, и в составляющих его сторонах: обозначаемое — это понятие, обозначающее — это акустический образ. В более поздних работах других филологов обозначаемым нередко называют предмет или понятие, обозначающим — звучание слова. Знаку приписываются, вслед за Ф. де Соссюром, два свойства «первостепенного значения» — произвольность знака и линейный характер обозначаемого. Под произвольностью знака Ф. де Соссюр понимал немотивированность означающего по отношению к означаемому. Линейность обозначающего заключается в его протяженности во времени. По мнению Ф. де Соссюра, произвольность знака и протяженность обозначающего представляют собою два важнейших принципа исследования языка и подчиняют себе всю лингвистику.

Тезис о немотивированности (произвольности) знака заслуживает обсуждения, но не может быть принят безоговорочно. Знаковая теория Соссюра оторвала знаки языка (прежде всего, слова) от обозначаемого ими мира людей. Мы помним между тем слова Карла Маркса о том, что ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства: они суть проявления действительной жизни.

Второй принцип знаковой теории языка, выдвинутый Соссюром, устанавливающий «линейный характер обозначающего», отображает одну из существенных реальностей языка. Любые знаки языка, примененные в составе других, более сложных, знаков, образуют линейную последовательность; при этом они психичны. Однако в реальности языка его знаки не психичны, они не произвольны, они обладают устойчивостью и изменчивостью — в зависимости от потребностей общества и сознания, обе стороны знака, смысловая и материальная, не живут обособленной друг от друга жизнью.

Знаки языка обладают реальными свойствами. По отношению к вещам знаки не мотивированы свойствами этих вещей, но мотивированы создавшей их системой; звуковая сторона знака по отношению к смысловой не мотивирована ее, смысловой стороны, свойствами, но мотивирована системой; знак языка вступает в линейные отношения с другими в составе более сложного знака и речевой цепи; знак языка обладает устойчивостью в силу традиции, необходимой обществу, и изменяется — в силу изменения условий его применения; каждый знак языка обязательно связан или соотнесен с другими знаками; знаки языка как элементы его системы сращены с системой сознания, а через нее — с системой социальной жизни людей; знаки языка функционируют и развиваются в пределах своей системы и под давлением систем сознания и общества. Знаки языка допускают структурную и функциональную типологию.

Проблема знаковой природы языка остается одной из центральных в современной лингвистике, а также в семиотике и философии.

Дополнительная литература

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975 (глава 1, раздел Б).

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (глава 2 — «Знаковая природа языка»).

Панфилов В. З. О гносеологических аспектах проблемы языкового знака.— Вопросы языкознания, 1977, № 2.

Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства.— Вопросы языкознания, 1977, № 2.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1976 (раздел «Язык как объект теории»).

Глава VII

Проблема значения языкового знака

§ 48. Проблеме значения языкового знака, прежде всего слова, посвящена огромная лингвистическая, философская, психологическая, психофизиологическая литература, по этому вопросу высказаны десятки гипотез. Но несмотря на столь большое внимание к проблеме, она не получает достаточно полного и общепринятого решения. Впрочем, на то, чтобы решение этой проблемы оказалось и общепринятым, рассчитывать не приходится, потому что она принадлежит к числу лингвофилософских проблем языкознания, и различие философских позиций в понимании языка неизбежно будет сказываться на понимании значения языкового знака.

Все же в многообразии взглядов и мнений можно выделить сравнительно немногие гипотезы, имеющие довольно большое количество приверженцев и последователей и как-то выявляющие и состояние учения о значении языковых знаков, и его тенденции.

Одна из таких гипотез утверждает, что значение слова — это выраженное им понятие. Она получила распространение в лингвистике в XIX в. и продолжает существовать в современном языкознании. Ее поддерживают своим авторитетом многие видные лексикографы. Гипотеза привлекает своей ясностью и определенностью: язык связан с мышлением, предложение выражает единицу мышления — суждение, слово выражает элемент суждения — понятие. Такой подход удовлетворяет ученых, и идеалистически, и материалистически осознающих язык.

Однако как ни привлекательно такое понимание значения слова, как ни много у него защитников и пропагандистов, оно должно быть отвергнуто как явно противоречащее самим языковым фактам. Если термин «мышление» не считать синонимом термина «сознание» и признавать, что сознание как процесс отображения действительности в человеческой голове шире мышления, и мышление — часть сознания, нетрудно увидеть, что самые обыкновенные общеупотребительные слова активно и часто выражают не только понятия, но и эмоции, и волевые состояния человека, причем такой особенностью наделены не только слова в потоке речи, но и слова в системе языка. Тысячи слов в самом построении имеют показатели, выражающие так называемые эмоционально-оценочные значения (например, в русском языке: *звездочка, домище, теленочек, мужичина, березонька*; *зелененький, тепленький, добренький, кисленький, молоденький*).

В этих и подобных словах эмоциональное значение наслаивается на логическое. Есть и такие слова, в смысле которых вообще не замечается никакого логического содержания, все поглощает выражение эмоций и воли: *дуб, чурбан, осел, медведь, простофиля* (в оценочных высказываниях), все междометия и т. д.

Возникает проблема и сугубо теоретическая. Если значение слова — это выражаемое им понятие, то словом надо признать лишь звуковую материю, или набор звуков, звуковой комплекс (также ряд букв, буквенный комплекс), слово получается сущностью односторонне материальной, а не двусторонней, материально-идеальной. Конечно, можно было бы принять и такое решение, если бы оно не влекло за собой большой ряд вопросов, не получающих ответа, и наблюдений, не имеющих объяснения. Приведем некоторые из них.

а) Не получают объяснения, как уже сказано, слова с ясно выраженными оттенками эмоций.

б) Не получают объяснения словосочетания и высказывания, выражающие мир человеческих переживаний, эмоционально-эстетических состояний сознания, волевых импульсов, чем так богата художественная и разговорно-бытовая речь.

в) Не получает ответа вопрос о том, как и почему возникают очевидные различия систем словесных значений у разных народов, говорящих на разных языках, при одинаковых или сходных системах понятий, свойственных сознанию этих народов.

г) Не получает ответа вопрос о том, чем же, какими средствами языка выражает человек работу эмоциональной и волевой сферы сознания, если лексические значения слов представляют собой понятия, закрепленные за словом.

д) Возникают большие трудности при попытках объяснить развитие словесных значений в речи ребенка, если допускается гипотеза, объявляющая эти значения выраженными в словах понятиями.

е) Не получают никакого объяснения те смысловые оттенки, которыми наделены многие слова и которые несут информацию в контекстах и условиях общения, т. е. не получает никакого объяснения так называемая стилевая и стилистическая окраска слова.

По изложенным соображениям «понятийную» типологию словесных значений следует отклонить.

Не менее распространена, в особенности в зарубежном языкознании, «п р е д м е т н а я» г и п о т е з а словесных значений. Ее сторонники видят в значении слова тот предмет (в конкретно-вещном или отвлеченном его понимании), который обозначен словом. И эта гипотеза значение слова ищет вне самого слова: язык оказывается всего лишь упорядоченным набором звуковых и буквенных комплексов, соотнесенных неизвестно какой силой с миром предметов. И эта гипотеза не может объяснить существования в языках большого слоя отвлеченной лексики, элементы которой (т. е. входящие в нее слова) хорошо соотносятся с понятиями, и очень трудно, а нередко и невозможно их соотнести с предметами: видимых, слышимых, осязаемых, обоняемых предметов просто не оказывается. Таковы многие термины современных абстрактных наук — теоретической физики, математики и т. д. Остаются не разъясненными также и все те вопросы, которые были поставлены в

связи с понятийной гипотезой словесного значения. В частности, остается неизвестным, каким образом разные народы (и разные люди), воспринимая одну и ту же предметную действительность, вырабатывают и применяют столь неодинаковые системы словесных значений.

Третья гипотеза словесных значений, популярная у нас и в особенности на Западе, может быть названа гипотезой отношений. Ее приверженцы думают, что значение слова — это его отношение к предмету, понятию или другому слову (см.: 22; 24; 85; 142). Нужно сразу сказать, что эта гипотеза и богаче, и сильнее предшествующих. Во-первых, она отмечает, что слова несут информацию и о предметах, и о понятиях, и о других элементах самой языковой системы. Во-вторых, эта гипотеза не выводит значение за пределы самого слова: слову присуще отношение к предмету, слово имеет отношение к понятию, слово связано отношением с другими словами. Однако гипотеза не лишена и слабых сторон, осознание которых позволяет отклонить и ее.

Главное возражение заключается в том, что совершенно неясно, какая сила «относит» определенное слово к определенному предмету, понятию или другому слову. Почему, произнося слово *стол* (или его эквиваленты на других языках), мы, не ошибаясь, «относим» это слово к предмету, за которым едят, за которым работают, на котором лежат книги и журналы? По-видимому, для ответа на этот вопрос нам понадобится словесное значение. Именно зная значение слова, человек соотносит в процессе речи это слово и с предметом, и с понятием, и с другим словом.

Четвертая гипотеза словесных значений пытается связать их понимание с марксистско-ленинской теорией отражения. Значение слова — это отображение предмета, явления в человеческом сознании, закрепленное за словом. Слову присущи и функция обозначения, и функция отображения предмета. Как факт физический слово обозначает предмет. Как факт семантический слово отображает предмет. Нет видимых причин возражать против такого понимания слова. Но трудности все же есть. Они заключаются в том, как соотнести значение слова (отображение предмета) и понятие, выражаемое словом (также отображение предмета). Следует ли признать, что предмет отображается, так сказать, дважды — в форме понятия и в форме значения слова? Но в таком случае, чем отличаются друг от друга эти два отображения? Многие попытки увидеть и прояснить соответствующий круг явлений не дали пока вполне надежных результатов. Можно сослаться в качестве примера на интересную работу современного советского языковеда С. Д. Кацнельсона «Содержание слова, значение и обозначение», увидевшую свет в 1965 г., в которой читаем: «Не только научные термины и стоящие за ними абстрактные понятия науки, но и слова обыденной речи являются продуктом абстрагирующей и обобщающей мысли. Но есть ли в таком случае необходимость различать

лексическое значение и понятие, нужно ли вообще сохранить оба термина?

Мнения исследователей по этому вопросу резко расходятся. Одни из них считают возможным отождествлять лексическое значение или, по меньшей мере, его концептуальную «сердцевину» с понятием... Другие исследователи начисто отвергают возможность сопоставления значений и понятий, полагая, что такое сопоставление навязывает лингвистическим фактам чуждую им логическую точку зрения» (разрядка моя.— *Б. Г.*) (71, 12).

Рассмотрим, как С. Д. Кацнельсон преодолевает возникшее теоретическое затруднение. Ученый признает, что «изучение понятийного содержания слова не должно вести к односторонней логической трактовке языковых форм», что «концептуальное ядро значения обычно обволакивается дополнительными смысловыми «оттенками» экспрессивного и стилистического свойства» (71, 14—15). С. Д. Кацнельсон принимает различение понятий формальных и содержательных, полагая, видимо, что такое различение поможет выйти из затруднения. «Формальным понятием мы будем называть тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета» (71, 18). «Содержательное понятие идет дальше формального и охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами» (71, 18). Содержательные понятия у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня развития, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т. д. Что же касается формальных понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности. В этом направлении идет разграничение «ближайшего» и «дальнейшего» значения у А. А. Потебни. «Ближайшее, или формальное значение слов... делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга... Общее между говорящим и слушающим условлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов,— лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка» (110, 20). «Дальнейшие значения» Потебни — это, в сущности, то, что мы называем содержательными понятиями. Согласно Потебне, они «личны», но из них вырастает «высшая объективность науки», имеющая общечеловеческую значимость». После этих высказываний, которые опираются, как видим, и на раздумья А. А. Потебни, приведем еще одну цитату из работы С. Д. Кацнельсона: «Если теперь мы спросим себя, чему соответствует понятийное ядро значения, то ответ, как мы думаем, будет таков: значение слова в своем концептуальном содержании соответствует

формальному понятию» (71, 19). Итак, формальные понятия как бы приравниваются значениям слов, «образуют содержание слов». О том же говорится и в конце работы С. Д. Кацнельсона, т. е. там, где ученый подводит итоги своих поисков: «Основными единицами семантической системы языка являются лексические значения (семемы), по своему объективному содержанию совпадающие (точнее, стремящиеся совпасть) с формальными понятиями» (71, 107).

Но ведь если ученый приходит к выводу о совпадении лексических значений с формальными понятиями, то это означает, что предпринятая им попытка обосновать гипотезу о двояком отображении предмета — в форме понятий и форме лексических значений — окончилась неудачей: лексические значения оказались понятиями, хотя и формальными.

Необходимы новые теоретические усилия для более строгого и полного обоснования гипотезы словесного значения как отражения, отличающегося от понятия.

§ 49. Гипотезы словесного значения, объясняющие значение с помощью мышления, сознания, признающие значение «идеальной» стороной знака, были под влиянием книги известного американского языковеда Л. Блумфилда «Язык» названы м е н т а л и с т с к и м и (от лат. *mens*, *mentis* — ум, разум, мышление, мнение; и франц. *mental* — мысленный, умственный). Гипотеза словесного значения, предложенная Блумфилдом, антименталистская, механистическая, связанная с сильным в США направлением в психологии — бихевиоризмом. Ознакомимся с тем, как понимает значение слова Блумфилд. «Изучение звуков речи в отрыве от значения — это абстракция; в действительности звуки речи используются в качестве сигналов. Мы определили значение языковой формы как с и т у а ц и ю, в которой говорящий ее произносит, и как р е а к ц и ю, которую она вызывает у слушающего» (разрядка моя.— *Б. Г.*). Таким образом, значение слова рассматривается как некоторая цепь стимулов (ситуаций, побуждающих применять язык) и реакций. При этом указывается на трудность определения значений: «Ситуации, которые побуждают человека говорить, охватывают все предметы и события во Вселенной. Чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего. Однако реальный объем человеческих знаний чрезвычайно мал. Мы можем правильно определить значение той или иной языковой формы лишь в том случае, если это значение относится к чему-либо, о чем мы обладаем достаточными научными познаниями» (30, 142). «...Вполне очевидно, что мы должны дифференцировать н е д и с т и н к т и в н ы е признаки ситуации, такие, как величина, форма, окраска и т. д. у какого-либо конкретного яблока, и д и с т и н к т и в н ы е признаки или я з ы к о в ы е з н а ч е н и я (с е-

мантические признаки), которые являются общими для всех ситуаций, вызывающих произнесение данной языковой формы, то есть признаки, являющиеся общими для всех предметов, которые люди, говорящие по-английски, называют *apple* 'яблоко'» (30, 144). «Приверженцы менталистской психологии полагают, что они могут избежать трудностей определения значений, поскольку они считают, что до произнесения языковой формы в говорящем происходит некий нефизический процесс — возникает мысль, понятие, образ, ощущение, волевой акт или нечто подобное этому и что соответствующим же образом в слушающем, воспринявшим звуковые волны, происходит эквивалентный или коррелирующий мыслительный процесс. Менталист поэтому может определить значение языковой формы как специфический мыслительный процесс, который имеет место в каждом говорящем и слушающем в связи с произнесением или восприятием данной языковой формы. У говорящего, который произносит слово *яблоко*, в мыслях уже создан образ яблока, и это слово вызывает сходный образ в сознании слушающего. Для менталиста, таким образом, язык является выражением мыслей, ощущений или желаний» (30, 145).

Нельзя не признать, что Л. Блумфилд скупо и точно изложил суть менталистского понимания некоторых связей слова с мыслью говорящего и слушателя. Почему такое понимание плохо, ученый не говорит. Он утверждает: «Механист такого объяснения не принимает. Он полагает, что мыслительные образы, ощущения и т. п.— это всего лишь общепринятые названия для разнообразных телесных движений, которые в той мере, в какой они связаны с языком, могут в целом быть разделены на три группы:

1) широко распространенные процессы, в значительной степени одинаковые для разных людей...;

2) малозаметные и исключительно многообразные небольшие мускульные движения и секреторная деятельность желез, различные у разных людей...;

3) беззвучные движения органов речи, заменяющие обычные артикулярные движения, но не видимые для других людей...» (30, 146).

Что же можно сказать по поводу гипотезы значения, сводящей значения к ситуациям-стимулам и ответным реакциям? Действительно, эта гипотеза механистическая, она уводит от важнейшей проблемы науки — проблемы единства, но не тождества языка и сознания, она низводит и самый процесс сознания (и мышления) до «разнообразных телесных движений». Становится непонятно, как же может человек, не имеющий сознания и мышления в общепринятом понимании, разграничивать недистинктивные и дистинктивные признаки различных ситуаций, как может выделять общее в конкретном, как может развивать термины и абстракции, без которых невозможно познание мира, столь необходимое, по словам Блумфилда, для точного определения

значений!.. Механистическая гипотеза словесных значений лишний раз убеждает в том, что наиболее сложные и глубокие проблемы науки о языке (как, впрочем, и любой науки) ведут нас к философскому осмыслению действительности.

§ 50. Помимо перечисленных, существуют и иные гипотезы словесного значения, рожденные на стыках лингвистики и математики, лингвистики и теории информации, лингвистики и философии. В учебном пособии нет возможности все их перечислить и прокомментировать. Вернемся к положительному, хотя и неизбежно гипотетическому освещению проблемы значения.

Имеется возможность различить субстанциональное и функциональное понимание словесного значения. Субстанциональное требует ответа на вопрос: «Что такое значение по своей сути, по своей природе?» Функциональное понимание требует ответа на иной вопрос: «Какие функции, какую работу выполняет значение языкового знака?»

Как мы видели, возникшие в науке гипотезы значения носят субстанциональную окраску, и, возможно, поэтому они не вполне удовлетворяют науку. Фактически мы не имеем хорошего субстанционального объяснения и такого общепризнанного элемента мысли, как понятие. Когда мы говорим, что понятие — это обобщенное отображение в сознании общих и существенных признаков предмета, то указываем на функцию, работу понятия (выделяет и обобщает существенные и общие признаки), а не на его субстанциональные особенности.

И все же наука располагает сведениями, позволяющими, не разрушая традиционных лингвистических взглядов, сформулировать такое субстанциональное понимание значения, которое, видимо, не противоречит фактам и не порождает взрывающих изнутри это понимание вопросов.

Известно, что слово как единица языка — явление многостороннее и имеет признаки физиологические, акустические, оптические (буквенное обозначение и его восприятие), анатомические (строение речевого аппарата, необходимого для образования звуковой оболочки слова), психические, социальные. Слово оказывается совокупностью различных по своей природе работ человеческого организма, необходимых для выявления и осуществления различных состояний и действий человеческого сознания.

Известно также, что материальная, физическая сторона слова (т. е. звучание или буквенное изображение) воздействует на наш мозг подобно всем другим физическим раздражителям (пение птицы, звук упавшей на пол монеты, окраска и очертания газетного киоска, рисунок мелом на школьной доске и т. д.). В мозгу формируется образ, отображение звуковой, физической стороны слова. В опыте отдельного человека и коллектива, говорящего на одном и том же языке, отображение физической стороны слова постепенно связывается с отображением обозначенного этим

словом предмета (действия, качества, сложного явления и т. д.). Это неизбежно происходит, потому что каждый новый вступающий в жизнь и постепенно осваивающий ее человек испытывает воздействия и предметов, и слов, их обозначающих и уже известных старшим. В результате вырабатываются прочные условнорефлекторные связи между отображениями предмета и соответствующего ему физического облика слова. Всякий раз, когда мозг человека воспринимает воздействие предмета (или вспоминает этот предмет), в нем, т. е. в мозгу, возникает соответствующий словесный образ. Всякий раз, когда человек слышит, видит или вспоминает физический облик слова, в мозгу возникает образ, отображение соответствующего предмета. Это необходимые психофизиологические связи между отображениями предмета и слова хорошо объясняются на основе учения И. П. Павлова об условнорефлекторной деятельности коры больших полушарий и о двух сигнальных системах действительности. В субстанциональном плане именно эту нервно-мозговую, психофизиологическую связь между двумя отображениями (слова и предмета) можно назвать з н а ч е н и е м с л о в а. Понятным становится, почему и как значение слова обеспечивает его соотнесенность с предметами, понятиями и другими словами. Актуализируется мысль И. П. Павлова об особой роли языка в формировании обобщений, понятий. Именно через слово, на базе его значения мышление человека получает возможность выделять общее в отдельном и формировать обобщенные, а затем и абстрактные отображения предметного мира — понятия. В процессе развития языка и мышления значение слова начинает складываться не только как связь, единство отображения предмета и физического облика слова, но и как связь, единство отображений двух или нескольких слов — обозначающего и обозначаемых. Значения слов абстрактных (гипотеза, теория, отношение, взаимозависимость, материя, позитрон и т. д.) оказываются, если принять предложенную здесь гипотезу, единствами физического облика каждого из этих слов и физического облика каких-то иных слов с их значениями. Абстрактные по значению слова, как известно, не соотносятся с отдельными конкретными вещами и предметами. Это происходит потому, что их значения занимают не первый, а второй «этаж» условнорефлекторных связей: на первом «этаже» возникает связь «образ предмета — образ физического облика слова», на втором «этаже» появляется связь «образы слов — образ физического облика слова». Здесь не случайно применено словосочетание «образы слов», а не «образы физических обликов слов»: формирование абстрактных значений происходит на базе других слов как целостных материально-семантических единиц языка.

Если значение слова — это возникшая и действующая в нашем сознании связь двух отображений — отображения физической стороны слова и отображения предмета (или заместившего его слова), то становятся, как уже сказано, понятными те три отноше-

ния, в которые слово включено в языке и процесс его применения: денотативное (слово — предмет), сигнификативное (слово — понятие), структурное (слово — другое слово). Денотативное отношение первично, потому что значение слова на базе именно этого отношения и формируется. Сигнификативное отношение вторично, потому что понятие формируется на базе словесного значения, но, возникнув, становится его неизбежным спутником. Структурное отношение также вторично, потому что формируется при участии денотативного и сигнификативного отношений.

Осваивая уже существующие и обосновывая новые гипотезы, предлагающие субстанциональное понимание слова, не нужно забывать о том, что наука часто пользуется и функциональными гипотезами, теориями, толкованиями изучаемых объектов. Так, известное определение языка как средства общения построено на понимании функции языка, а не его субстанциональных качеств и признаков. Вполне закономерен функциональный подход и к значению. Такой подход может расширить границы наших знаний о значениях языковых знаков.

Какова же основная функция значения языкового знака, и прежде всего, слова? Очевидно, это функция информативная: значение обеспечивает выражение знаком информации о чем-то, что отличается от него самого, значение знака делает его способным выражать и возбуждать при его восприятии информацию. Информативная функция знака, очевидно, не зависит от индивидуальных различий сознания отдельных людей: она создается обществом, социальным коллективом, ему принадлежит и его обслуживает в процессе общения.

Появляется возможность сформулировать функциональное определение значения: значение языкового знака — это его свойство, способность выражать и возбуждать информацию о чем-то, что отличается от него самого. Термин «информация» использован в этом определении не в количественном, математическом смысле, а в смысле качественном: информация — это отпечаток, след, оставленный в объекте (системе) *Б* воздействием объекта (системы) *А*. Слово не «несет» и не «передает» информацию, оно ее выражает и возбуждает: выражает информацию слово произнесенное и написанное, возбуждает информацию слово услышанное и прочитанное. Иначе говоря, автор речи словами нужную ему информацию выражает, а слушатель или читатель эту информацию воспринимает, так как его мозг, откликаясь на воздействия слов, ее «вспоминает» и преобразует.

§ 51. Независимо от того, принимаем ли мы субстанциональный или функциональный подход к значению словесного знака, возникает задача построения типологии, классификации словесных и иных языковых значений. Типологическое описание значений словесных знаков должно опираться не на одно, а на несколько оснований.

а) Первое основание — источник выражаемой знаком информации. Он может находиться вне сферы сознания, в объективном материальном мире. В таком случае перед нами объектные значения языковых знаков. Источник информации может находиться в сфере самого сознания. В этом случае перед нами — субъектные значения языковых знаков. Наконец, источник информации может находиться в самой языковой структуре и системе. В таком случае перед нами — структурные значения языковых знаков. Легко заметить, что эти три типа значений соотнесены с тремя типами обычно описываемых отношений слова — денотативным, сигнификативным и структурным.

Отчетливее остальных выражены и потому лучше описаны объектные значения отдельных слов. Что же касается объектных значений на уровнях морфологии и синтаксиса, то они еще ждут своего описания и понимания. Этому мешает глубокая и консервативная традиция, противопоставляющая грамматические значения, как якобы формальные, лексическим, как якобы реальным. Структурные значения также нуждаются в пристальном внимании лингвистов.

б) Второе основание типологии значений языковых знаков — структурный тип единицы языка, являющейся носителем информации. По носителю информации можно различать значения фонем, значения морфем, значения слов (лексические значения), значения словообразовательных типов (словообразовательные значения), значения морфологических классов слов и морфологических категорий, значения синтаксических категорий. Пока наука занималась и занимается по преимуществу лексическими значениями, имея очень смутные сведения об остальных.

в) Третье основание — функция значения. По этому основанию можно различать значения номинативные (они позволяют слову называть предмет), сигнификативные (они позволяют слову обозначать и выражать понятия), дейктивные (они позволяют слову указывать на предмет), экспрессивные (они позволяют слову выражать чувства и волю), коммуникативные (они позволяют знакам языка осуществлять акты общения между людьми). Отдельное слово (если оно не приобрело в речи статуса самостоятельного предложения) не обладает коммуникативным значением, это значение свойственно лишь предложению.

г) Четвертое основание типологии значений языковых знаков — различение аспектов, категориальных сторон действительности и сознания. На этом основании сформировались значения предметности, процессуальности, качественности, количества, признаковости, господства, подчиненности, понятийности, эмоциональности, волюнтативности и т. д. Эти значения занимают видное место в грамматической системе языка, хотя они присущи и лексике.

д) Пятое основание — соотношение значений в системе языка. По этому основанию различаются значения производящие —

производные, немотивированные — мотивированные, свободные — связанные, прямые — переносные, синонимичные — антонимичные, моносемные — полисемные, языковые — речевые и т. д. Наука еще далека от сколько-нибудь полного и системного описания всех перечисленных типов значений. В частности, требуют новых подходов и новых лингвистических решений значения речевые («употребления»).

е) Шестое основание — профессиональная и социальная структура общества, связанные с нею различия в требованиях жизни к языку и ответах языка на эти требования. По этому основанию различаются значения литературные — диалектные — жаргонные, общеупотребительные — профессиональные, терминологические — образные и т. д.

Возможны и иные основания типологии значений знаков языка. Но и перечисленных достаточно для того, чтобы представить, насколько сложна и многолика система языковых значений и как сложно эту систему описать в ее целостности.

§ 52. Попытаемся описать небольшой фрагмент системы языковых значений, не претендуя ни на полноту, ни на достаточную строгость этого описания.

Если принять во внимание реальную совмещенность значений, выделяемых по первому основанию, и значений, выделяемых по второму основанию, вырисовывается следующая картина.

а) Выясним, имеют ли значения фонемы. Принято думать, что единицы этого структурного уровня сами по себе незначимы, но лишь участвуют в различении (и выражении) значений. Правда, явления так называемой звукописи в поэзии, а также осуществленные в недавнем прошлом исследования «семантического» восприятия фонемного состава слов (см.: 64) как будто говорят о каком-то своеобразном значении фонем. Но даже если оставить эту сторону вопроса и обратиться к принятому в этом пособии пониманию значения (субстанциональному и функциональному), то можно признать наличие у фонем значений, но только одного типа по источнику информации — значений структурных.

В составе звуковых оболочек слов и в потоке речи фонемы, естественно, следуют одна за другой, вступают в связи друг с другом. Оказывается при этом, что существует определенная вероятность появления после одной фонемы какой-либо другой фонемы. Так, после фонемы [л] велика вероятность появления фонемы [а], фонемы [и], но мала вероятность появления фонемы [р], фонемы [ж], фонемы [ц] и т. д. Это справедливо для современного русского языка. Вполне возможно, что есть иные языки — с иными вероятностями сочетаемости фонем в звуковых оболочках слов и в потоке речи. Главное заключается в том, что фонема с известной вероятностью выражает информацию о том, какая фонема за нею может последовать. По принятому ранее условию, значение, если оно выражает информацию о других знаках языка,

является структурным. Так что есть все основания допустить, что фонема, не обладая ни объектным, ни субъектным значением, все же оказывается единицей значимой — несущей информацию о соседних фонемах, о своих сочетаемостных возможностях.

б) Вопрос о наличии значения у морфем как будто не возникает. Но какие это значения по источнику выражаемой ими информации? Корневые морфемы несут, как правило, информацию о предметах и явлениях объективного мира, следовательно обладают объектными значениями: *вод-а*, *клен*, *книг-а*, *по-лет*, *выход-к-а* и т. д. Корневые морфемы могут нести информацию и о работе сознания, т. е. могут иметь субъектное значение, которое, однако, при анализе осознается нечетко и как бы «приписывается» сознанием самой действительности: *русалк-а*, *леш-ий*, *дракон*, *жар-птица* и под. Видимо, в этом ряду должны находиться и многие научные термины, вернее их корни, имеющие абстрактное значение, не проверяемое прямым соотнесением с действительностью: *понят-и-е*, *позитрон*, *атом*, *гипотез-а* и т. д. Не вполне ясно, нужно ли говорить о структурных значениях корней: видимо, они слабо выражены.

Что касается аффиксальных морфем, то в них соотношение между объектными, субъектными и структурными значениями оказывается, в принципе, иным по сравнению с соотношением этих значений в корневых морфемах. В аффиксах объектное значение затенено или отсутствует, значение субъектное частью аффиксов выражено отчетливо (вспомним хотя бы так называемые суффиксы субъективной оценки в русском языке), структурные значения аффиксов заметны и проявляются в том, что аффикс всегда и неизбежно тяготеет к соединению с другими морфемами в составе слова. Иначе говоря, аффикс несет информацию о своей сочетаемости с другими морфемами, о морфемах последующих или предшествующих, причем эта информация, как и в корнях, и в фонемах, оказывается вероятностной. Кстати, возникает вопрос: не опирается ли вся сочетаемость всех элементов языка на структурные значения?

в) Значения слов (лексем) издавна привлекали внимание лингвистов — теоретиков и практиков. Эти значения описаны в различного типа словарях. Нередко вся языковая семантика приписывается лексике, и за ее пределами перестают видеть значения языковых знаков, хотя нужно постоянно помнить и о том, что крупнейшие представители отечественной науки о языке (Ломоносов, Востоков, Потебня, Шахматов, Виноградов и др.), как и многие видные лингвисты Запада, писали о существовании грамматических значений.

§ 53. Проанализируем, какую информацию — объектную, субъектную или структурную — несут лексические значения. Лексические значения выражают все три типа информации, но наиболее свободно и широко информацию объектную. Подавляю-

грамматические значения большинства морфологических категорий — таких, как падеж, время, вид, залог, число и т. д. Например, категория падежа имени существительного несет информацию (и в этом падежные значения сходны со значениями предлогов) об отношениях предмета к предмету и предмета к процессу. Так, в русском языке в сочетаниях *ножка стола*, *ветка березы*, *читать книгу*, *переплывать реку*, *думать об отпуске*, *встречаться с друзьями*, как и в немецком или эстонском, падежные формы выражают значения отношений предметных и предметно-процессуальных в объективной действительности. Конечно, те же самые падежные формы (и категория падежа в целом) имеют еще и структурные грамматические значения, которые обеспечивают использование категории падежа для связи существительных с существительными и существительных с глаголами.

На уровне морфологии выражаются и субъектные грамматические значения. В современном русском языке это категория глагольного наклонения и категория модальных слов. Категория наклонения несет информацию об отношении сознания к процессу, об осознании этого процесса как факта в настоящем, прошедшем или будущем, как возможности осуществления процесса в определенных условиях и как требуемого актом воли говорящего. Модальные слова имеют грамматические значения оценочного отношения сознания субъекта к объективным явлениям действительности: *конечно*, *вы придете*; *разумеется*, *он прав*; *может быть*, *пойдет дождь*; *вероятно*, *ветер утихнет*; *итак*, *мы вас слушаем*; *следовательно*, *выводы надежны*.

Значения структурные в морфологии проявляют себя более открыто и более активно, чем в лексике. Мы уже познакомились со структурными значениями категории падежа имени существительного. Теперь в качестве примера возьмем структурные значения категорий падежа, числа и рода в именах прилагательных современного русского языка и близких языков. По существу, эти категории имени прилагательного несут информацию не о качествах и свойствах вещей и предметов, а об отношении имени прилагательного к имени существительному: имя прилагательное, как известно, уподобляет свои формы падежа, числа и рода соответствующим категориям имени существительного. Таким образом, если категории падежа и числа имени существительного несут объектное грамматическое значение, то одноименные категории имени прилагательного несут значение структурное. Что касается категории рода имен существительных, то ее грамматическое значение может быть названо формализированным объектным и структурным: в прошлом деление имен по родовым классам было объективно мотивированно, в настоящее время эта мотивация потеряна (не в счет имена, обозначающие различие лиц по признаку пола), формальные же различия используются только как показатели принадлежности имен существительных к тому или иному родовому классу. В целом же морфология любого

языка со стороны семантической представляет собою сложную систему объектных, субъектных и структурных грамматических значений.

§ 55. В современном советском языкознании наметилась оправданная тенденция выделять учение о словообразовании из учения о языковой морфологии и, следовательно, словообразование самого языка отличать от его морфологического строя (см.: 40; 55; 87; 131). Термин и понятие «словообразовательное значение» ныне приобрели права гражданства и используются наряду с терминами и понятиями «лексическое значение» и «морфологическое значение». Рассмотрим, в каком соотношении находится словообразовательное значение с различиями значений объектных, субъектных и структурных.

Возьмем несколько словообразовательных рядов, выражающих разные словообразовательные значения: 1) *трактор — тракторист, машина — машинист, танк — танкист, телеграф — телеграфист, гармонь — гармонист, гитара — гитарист*; 2) *пилить — пилка, колоть — колка, возить — возка*; 3) *бежать — вбежать, плыть — вплыть, идти — войти, лететь — влететь, ползти — вползти, ехать — въехать, катиться — вкатиться*; 4) *синий — синеватый, голубой — голубоватый, теплый — тепловатый, длинный — длинноватый, кислый — кисловатый*; 5) *баба — бабища, рыба — рыбища, голова — головища, тетрадь — тетрадища, борода — бородища, книга — книжища, семга — семжища, пыль — пылища*; 6) *кофе — кофеечек, уголь — уголечек, день — денечек, праздник — праздничек, полтинник — полтинничек, рассольник — рассольничек, год — годочек, друг — дружочек*; 7) *дешевый — дешевенький, здоровый — здоровенький, молодой — молоденький, рыжий — рыженький, толстомордый — толстомординький, кривобокий — кривобокенький, смуглый — смугленький, веселый — веселенький*; 8) *легко — легонько, много — многонько, дорого — дорогонько, далеко — далеконько, глубоко — глубоконько, высоко — высоконько*; 9) *много — многовато, рано — рановато, поздно — поздновато, жарко — жарковато, холодно — холодновато, далеко — далековато.*

Словообразовательные ряды под номерами 1, 2, 3, 4 показывают объектные словообразовательные значения: 1) «тот, кто управляет механизмом, умеет пользоваться инструментом»; 2) «процесс в его предметном выражении»; 3) «действием, обозначенным производящим глаголом, переместиться внутрь предмета»; 4) «имеющий оттенок той окраски, которая обозначена производящим именем прилагательным». Словообразовательный ряд под номером 5 показывает совмещение объектного (увеличительного) и субъектного (оценка удивления) словообразовательных значений; словообразовательные ряды 6, 7, 8, 9 показывают различные оценочные, т. е. субъектные значения, тяготеющие к идее некоторой умиленности и детскости восприятия; эти значения нет при-

чин считать уменьшительными или ласкательными, к тому же они различны.

§ 56. Под интересующим нас углом зрения остается посмотреть на значения синтаксические, выражаемые синтаксическими категориями и формами языка — конструкцией предложения, ее частями и разновидностями. Эти значения по своей природе имеют много общего со значениями морфологическими: и те, и другие принадлежат грамматике языка, поэтому и те, и другие — абстрактны, с трудом осознаются в процессе анализа и плохо логически оцениваются и описываются. Оставим пока в стороне вопрос о природе грамматического значения и посмотрим, как синтаксические значения соотнесены с тем членением всех языковых значений на объектные, субъектные и структурные, которое мы приняли.

Прежде чем это сделать, следует сделать одно терминологическое отступление. Дело в том, что нередко в существующей научной и учебной литературе слово *синтаксический* ведет к любым связям любых элементов языка в их речевой последовательности. Поэтому понятие синтаксического становится расплывчатым и неопределенно широким. В этом пособии явлениями синтаксическими признаются только те, которые п р и н а д л е ж а т с и н т а к с и ч е с к о й с т р у к т у р е я з ы к а, т. е. одному из двух грамматических механизмов, управляющему построением и различением моделей, конструкций предложения, их развитием и функционированием.

Итак, выясним, какими — объектными, субъектными или структурными — значениями обладает модель, конструкция предложения, простого и сложного, какими значениями обладают те элементы такой конструкции, которые привычно называются членами предложения, обособлением, вводностью, однородностью и т. д.

На уровне синтаксиса, как и на всех других уровнях языка (кроме фонетического, фонемного), выражены и функционируют значения всех трех типов. Так, грамматический центр предложения, его так называемая структурная основа (подлежащее плюс сказуемое) имеет объектное значение, информируя о связи предмета и его бытийного признака. На то, что сказуемое обозначает бытийный признак предмета, соотнесенного с подлежащим, обратил в свое время, в первой половине XIX в., акад. П. С. Билярский, а в XX в. об этом писал И. И. Мещанинов. И остальные члены предложения также имеют объектные значения и информируют о различных отношениях между предметами, процессами и их признаками.

Грамматические категории предложения в целом, а именно категории модальности и коммуникативности (но не предикативности) имеют субъектные значения. Так, категория коммуникативности несет информацию завершенности (с точки зрения

говорящего или пишущего) одного акта словесного общения, а категория модальности выражает самые общие различия в отношении сознания к действительности (см. подробнее об этом в описании предложения). Субъектность категории вводности очевидна. Категория однородности, по-видимому, совмещает объектное и субъектное грамматические значения: однородными членами оказываются и такие, за которыми угадывается очевидная однородность предметов (*глиняная, алюминиевая, серебряная, пластмассовая, деревянная посуда*), и такие, которые по каким-то причинам допускают перечисление (*на дороге показалась автомашина — голубая, длинная, сверкающая лаком и стремительная*). Иначе говоря, категория однородности своими грамматическими значениями информирует не только об отношениях между предметами и признаками в реальном объективном мире, но и о том, как эти отношения воспринимаются, осознаются человеческим мозгом.

Значения структурные в синтаксисе активны и сильны. В сложном предложении главная часть информирует о том, что должна быть придаточная, а придаточная часть несет значение, информирующее о главной. Вот почему слушатель или читатель по интонационным или графическим сигналам соответствующего структурного значения хорошо опознает разрывы в осуществлении сложного предложения: *Я знаю...*— и мы ждем продолжения не только потому, что само по себе слово *знаю* его требует, но и потому, что о придаточной части сигнализирует интонация; *...когда пришли и взрослые и дети* — мы недоумеваем: где же первая, главная часть предложения: о ней информирует и союз, и интонация. Грамматические зависимости согласования, управления и примыкания обычно не обсуждаются как явления семантические. Однако этим видам подчинительной связи (морфологическим по существу, но синтаксическим по функции) свойственны значения структурные, несущие информацию о грамматической зависимости, связи одного слова с другим.

Таким образом, и на уровне синтаксиса существуют и функционируют объектные, субъектные и структурные значения.

§ 57. Одна из задач общей теории языка состоит в том, чтобы его семантическую структуру увидеть и обобщить на разных уровнях языка, не приписывая семантику только лексическому уровню и видя различия типов значений под разными углами зрения. Остается по существу не решенной и даже не вполне осознанной серьезнейшая задача типологического и сопоставительного изучения семантических систем различных языков применительно к их разным уровням и их участкам. Дело ограничивается обычно лексикой, лексическими значениями, попытками «формирования» семантических полей и пластов. Что же касается семантики словообразовательных систем, а также систем морфологии и синтаксиса, то эта семантика сколько-нибудь полно и глубоко не описана. Правда, отечественная лингвистика до-

стигла известных успехов, что связано с работами А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова. В недавнее время были сделаны интересные опыты семантического изучения глагольных категорий (А. В. Бондарко). Однако в целом лингвистика еще далека от надежного описания и понимания семантических систем. Изучение значений языковых знаков было надолго заторможено обещаниями отдельных представителей структурализма обойтись без значений в описании языка, обещаниями описать его категории и формы «без обращения к смыслу», причем эти обещания сопровождались громкими обвинениями в адрес «традиционного языкознания» в применении им «интуитивных» подходов и решений, подлежащих якобы изгнанию и замене «формальными» исследовательскими процедурами. Особенно рьяно выступали против изучения языка с обращением к его семантике представители американской дескриптивной лингвистики. Может быть, именно поэтому в современной американской лингвистике особенно популярна сугубо интуитивная идея генеративной грамматики Н. Х. Хомского, широкое применение получили исследовательские задачи, приемы и методики семантического изучения языка.

* * *

Подведем *итог* сказанному. Проблема значения является, может быть, основной проблемой лингвистики, во всяком случае, она одна из основных. Уже существует несколько гипотез, объясняющих *природу значения языкового знака* (прежде всего — слова). Одна из таких гипотез, очень распространенная и наиболее влиятельная, утверждает, что значение слова — это понятие, за ним закрепленное и им выражаемое. Гипотеза привлекает простотой и четкостью, но противоречит фактам языка, порождает большие теоретические трудности.

Вторая гипотеза признает значением слова предмет, этим словом обозначенный. Эту гипотезу также приходится отвергнуть, так как многие абстрактные слова не дают видимой предметной отнесенности, а слово опять-таки превращается лишь в скопление звуков или букв.

Третья гипотеза говорит о том, что в значении проявляются отношения слова к предмету, понятию и другому слову. Эта гипотеза привлекает своей гибкостью и силой, но остается не ясным, что же заставляет слово относиться к вполне определенному, именно этому предмету.

Четвертая, наиболее близкая нам гипотеза видит в значении слова отображение предмета. Но понятие, закрепленное за словом, как мы знаем, также есть отображение предмета. В результате нет ясности, как можно соотнести эти два отображения и зачем они нужны — два вместо одного.

Возникла еще одна гипотеза значения — как ситуаций-стимулов и ответных реакций. Эта гипотеза обходит молчанием обя-

зательную связь языка и сознания и механистична по своему философскому существу.

Есть необходимость и возможность различать субстанциональное и функциональное понимание словесного значения. Первое требует ответа на вопрос: Что такое значение по своей сути, по природе? Второе требует ответа на иной вопрос: Какие функции, какую работу выполняет словесное значение? Философия диалектического материализма и учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах позволяют сказать, что в субстанциональном смысле значение — это нервно-мозговая, психофизическая связь между двумя отображениями (звуковой, материальной оболочки слова и предмета); в функциональном же смысле значение слова — это его свойство, способность выражать и возбуждать информацию о чем-то, что отличается от него самого. Возникает задача построения типологии этих значений. Видны несколько оснований построения таких типологий. Первое из них — источник выражаемой знаком языка информации. На этом основании можно различать значения объектные, субъектные и структурные. Первые выражают информацию об объекте, т. е. о чем-то, что находится вне сферы сознания человека. Вторые выражают информацию о каких-то состояниях самого сознания говорящего субъекта. Третьи выражают информацию о других элементах структуры языка. Второе основание типологии значений знаков языка — это структурный тип единицы языка, выражающей значение (назовем условно такую единицу носителем информации). По этому признаку можно различать значения морфем, значения слов, значения словообразовательных типов, значения морфологических категорий и значения синтаксических категорий.

Между типами значений, выделяемых по первому основанию, и типами значений, выделяемых по второму основанию, устанавливаются сложные связи и соотношения.

Дополнительная литература

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976 (раздел I — Предпосылки).

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965.

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1974 (глава III — «Лексикология»).

Москальская О. И. Вопросы синтаксической семантики.— Вопросы языкознания, 1971, № 2.

Глава VIII

Механизмы, или уровни, языка

§ 58. Лингвистика XIX—XX вв. научилась описывать структурные области, или стороны, или уровни, языка, такие, как совокупность и система фонем, совокупность и система слов, совокупность и система частей речи, совокупность и система типов предложений и их частей. При первом взгляде на соответствующий круг проблем и вопросов, связанных с описанием структурных уровней языка, все представляется достаточно ясным и определенным. Однако при более внимательном анализе этих проблем замечаются и неясности, и противоречия лингвистических позиций, занятых учеными при изучении уровней языка.

Показательна, например, позиция авторов обобщенного труда «Общее языкознание» (М., 1972) (см.: 97, 92, 116), глава вторая которого носит название «Уровни языковой структуры». Здесь высказано множество сомнений и предупреждений от возможных ошибочных взглядов. Авторы как будто принимают различение двух типов уровней — знаковых и незнаковых. И в то же время как будто все-таки признают уровни морфем, слов и предложений (см.: 97, 108—109), но не признают уровни словообразования, частей речи и словосочетаний. В книге различаются сферы деятельности лексикологии, морфологии и синтаксиса как лингвистических дисциплин: различие между ними «определяется не столько различной протяженностью соответствующих единиц, сколько различной преимущественной ориентацией этих дисциплин на план содержания (лексикология, синтаксис) или на план выражения (морфология)» (97, 115). И далее читаем: «Прикрепленность к знаковой единице определенной протяженности в наибольшей степени характеризует, пожалуй, морфологию (включая словообразование), которая занимается выражением значений различных типов (синтаксических или номинативных — грамматических и неграмматических) в пределах слова, часто — но не всегда — эти значения выражаются морфемами...» (97, 116).

Рассмотрим, как решает проблему уровней один из ведущих современных зарубежных лингвистов Э. Бенвенист, непосредственно занимающийся этими вопросами. Э. Бенвенист предпочитает говорить не об уровнях самой структуры языка, а лишь об уровнях ее анализа. Такой подход объясняется, по-видимому, идеалистическим в существе своем убеждением ученого, будто «в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» (28, 129). Но если так, то задача выделения уровней становится задачей не онтологической, а гносеологической: уровни — не области и стороны языковой структуры, а процедуры ее анализа лингвистами. Очень

жаль, что такой известный, чуткий и глубокий исследователь, стоящий прочно на почве языкового реализма, каким является Э. Бенвенист, допускает уступку идеалистическим колебаниям мысли.

Помня о том, что Э. Бенвенист выделяет уровни а н а л и з а языка, а не уровни самого языка, и понимая, что за уровнями анализа стоят все же языковые уровни, рассмотрим, что же нашел нужным выделить ученый.

Э. Бенвенист, решая проблему уровней, опирается на особую методическую процедуру: «Цель всей процедуры анализа заключается в том, чтобы выделить элементы на основе связывающих их отношений. Эта процедура состоит из двух взаимообусловленных операций, от которых зависят и все остальные: 1) сегментация, 2) субституция.

Рассматриваемый текст любой длины прежде всего должен быть сегментирован на все более мелкие отрезки, пока не будет сведен к неразложимым далее элементам. Параллельно этому элементы отождествляются при помощи допустимых субституций. Так, например, франц. *raison* 'разум' сегментируется на [r] — [ɛ] — [z] — [õ], где можно произвести подстановки [s] вместо [r] (= *saison* 'сезон'); [a] вместо [ɛ] (= *rasons* 1-е л. мн. ч. глагола *raser* 'бриться'); [y] вместо [z] (= *rayon* 'луч'); [ɛ] вместо [õ] (= *raisin* 'виноград'). Эти субституции могут быть перечислены: класс субститутов, возможных для [r] в [rezõ], состоит из [b], [s], [m], [t], [v]. Применяя к остальным трем элементам в [rezõ] ту же процедуру, получим перечень всех допустимых субституций, каждая из которых позволит в свою очередь выявить такой сегмент, который может быть отождествлен с некоторым сегментом, входящим в состав других знаков. Постепенно, переходя от одного знака к другому, мы можем выявить всю совокупность элементов и для каждого из них — совокупность возможных субституций. Таков вкратце метод дистрибутивного анализа. Этот метод состоит в том, чтобы определить каждый элемент через множество окружений, в которых он встречается, и посредством двух отношений: отношения к другим элементам, одновременно представленным в том же отрезке высказывания (синтагматическое отношение), и отношения элемента к другим, взаимо подставимым элементам (парадигматическое отношение)» (28, 130).

Э. Бенвенист прямо связывает понятие «уровень» с возможностями методической процедуры и ее применением: «Тут же отметим различие между обеими операциями в сфере их применения. Сегментация и субституция не одинаковы по охвату. Элементы отождествляются по отношению к другим сегментам, с которыми они находятся в отношении подставимости (субституции). Однако субституцию можно применять и к элементам, не выделяемым в качестве сегментов и не членимым далее (non segmentables). Если минимальные элементы, полученные путем сегментации (segmentables), идентифицируются как ф о н е м ы, то

анализ можно продолжить глубже и выделить внутри фонемы различительные признаки. Но эти различительные признаки уже не имеют статуса сегментов, хотя они идентифицируются и могут быть подвергнуты субституции. В [d'] можно выделить четыре различительных признака: смычность, дентальность, звонкость, придыхательность... Таким образом, мы приходим к выделению двух классов минимальных элементов: элементы, одновременно поддающиеся операции сегментации и операции субституции,— фонемы, и элементы, поддающиеся только операции субституции,— различительные признаки фонем. Вследствие того, что различительные признаки фонем не имеют статуса сегментов, они не могут образовать синтагматических классов, но ввиду того, что они поддаются субституции, они образуют парадигматические классы. Следовательно, анализ вскрывает и различает два уровня: фонематический уровень, на котором возможны обе операции (сегментация и субституция), и субфонематический уровень, т. е. уровень различительных признаков, на котором возможна только операция субституции, но не операция сегментации. Здесь предел лингвистического анализа. Все данные ниже этого предела, получаемые при помощи современной специальной техники, относятся к физиологии или акустике и являются внелингвистическими.

Таким путем мы приходим к двум нижним уровням анализа — к уровню минимальных сегментных единиц — фонем, т. е. уровню фонематическому, и к уровню различительных признаков, которые мы предлагаем назвать меризмами (греч. μερισμα,-ατος — отграничение), т. е. к меризматическому уровню» (28, 130—131).

Предложенные читателю цитаты из работы Э. Бенвениста дают возможность увидеть, как ученый понимает уровни. Попытаемся определить, сколько уровней насчитывает Э. Бенвенист. На этот вопрос в цитируемой работе ученого нельзя получить однозначный ответ. Ясно, что выделяются уровень фонем, уровень слов и уровень предложений, который назван категорематическим. Вместе с тем как будто предполагается и уровень морфем. Морфемы как единицы языка упоминаются неоднократно, к тому же утверждается, что «языковая единица является таковой, только если ее можно идентифицировать в составе единицы более высокого уровня. Приемы дистрибутивного анализа не вычленяют этого типа отношений между различными уровнями» (28, 132). Но морфема может быть идентифицирована в составе слова, следовательно, она входит в низший, по отношению к слову, уровень. Э. Бенвенист вводит понятия дистрибутивных и интегративных отношений: дистрибутивные отношения имеют место между элементами одного уровня, интегративные — между элементами разных уровней. И далее читаем: «Каково место... различия между конститутивными элементами и интегрантами в системе знаков языка? Сфера действия этого различия заключена

между двумя границами. Верхняя граница — это предложение, которое содержит конститутивные единицы, но которое, как это будет показано ниже, не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня. Нижняя граница — это «меризм», различительный признак фонемы, который не содержит в себе никаких конститутивных единиц, принадлежащих языку. Следовательно, предложение выделяется только своими конститутивными элементами; меризм определяется только как интегрант. Между этими двумя границами четко выступает промежуточный уровень, уровень знаков — автономных или синономных, слов или морфем, которые одновременно содержат конститутивные единицы и функционируют как интегранты. Такова структура этих отношений» (28, 135). Четырьмя страницами далее сказано: «Фонемы, морфемы, слова (лексемы) имеют дистрибуцию на своем уровне и употребление на высшем». Получается, что есть уровень меризмов, уровень фонем, уровень морфем, уровень слов, уровень предложений. Но возникает вопрос: почему же нет уровней, соответствующих меризмам, в морфемике и лексике? Ведь и в морфемах, и в словах есть аналоги различительных признаков фонемы. Это доказывается тем, что морфемы и слова допускают такой анализ, который использует только операцию субституции и исключает операцию сегментации: в случаях типа *человек идет*, *лекция идет*, *работа идет*, *поезд идет*, *весна идет* — сегментация одна и та же, но субституция меняет значения одного и того же слова. Применительно к фонемам Э. Бенвенист допускает уровень различительных признаков. Почему же он не допустил уровень сем (компонентов значения) применительно к морфемам и словам? Вопрос остается без ответа, и принципы выделения уровней, как видим, оказываются шаткими.

В учебном пособии нет возможности описать и оценить все существующие в лингвистике подходы к выделению уровней языка и уровней анализа. Но из сказанного видно, что еще не удается увидеть язык таким, каков он на самом деле. Поэтому и не прекращаются бесконечные поиски языковых уровней, число которых и «качество» заметно меняются и не обнаруживают стабильности в пределах даже одного десятилетия.

§ 59. Решительного возражения заслуживают идеи о том, что реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют. Реальность языка не зависела и не зависит от методов (методик) его изучения.

Не следует забывать, что самому реальному языку присущи, свойственны различные стороны, области, уровни его структуры. Казалось бы, весь опыт двухтысячелетнего развития науки о языке убеждает нас в этом. Разве не уровни языка описаны много раз и на материале разных языков в словарях, грамматиках и фонетических штудиях? Следует вернуться к этому опыту науки, нужно возвратиться к реальностям самого языка и еще раз пе-

предвзято, принимая во внимание только то, чем располагает сам язык, посмотреть, что же такое его уровни и сколько их.

Для этого, действительно, необходимы некоторые принципы различения уровней. Один из них нередко используется: единицы одного уровня должны быть однородны. Второй принцип (правда, оспариваемый): единица низшего уровня должна входить в состав единицы высшего уровня. Третий принцип: единицы любого уровня должны выделяться путем сегментирования более сложных, чем они сами, структур. Четвертый принцип: единицы любого уровня должны быть знаками языка.

Если применить эти принципы, то мы получим следующее уровневое членение языка — от простого к сложному: уровень фонем, уровень морфем, уровень слов, уровень словосочетаний, уровень предложений. Однако при этом возникает затруднение, связанное с тем, что в числе уровней не оказывается морфологического (части речи) и словообразовательного.

А что если наше желание расположить уровни один над другим является насилием над языком? Может быть, в языке нет уровней, какими они представляются, когда располагаются один над другим? Возможно, нужно увидеть в языке иные реальности, выражающие его структурное членение и структурную организацию? Может быть, и сам привычный термин «уровень» неудачен и только сбивает нас с толку?

Попытаемся разобраться в поставленных вопросах. В целом структуру языка мы вправе называть механизмом общения. Но этот механизм очень сложен. В его состав входят меньшие по объему и более простые, более однородные по устройству механизмы, которые обладают известной автономией, хотя и работают совместно в объеме всего языка.

Наука о языке знает все автономные механизмы языка, они обычно и называются его уровнями. Задача заключается в том, чтобы привести в какую-то достаточно строгую логическую систему описание главных различий между этими механизмами, понять, что может быть и должно быть положено в основание такого описания.

Попытаемся еще раз сформулировать принципы различения автономных механизмов языка (его уровней): а) единицы одного автономного механизма должны входить в состав единиц другого автономного механизма, или участвовать в их построении, или их интегрировать; б) единицы любого автономного механизма вариативно воспроизводимы в единицах другого, более сложного, механизма либо в составе речи; в) единицы любого автономного механизма обладают, каждая, внутренней целостностью; г) каждая единица автономного механизма представляет собою либо знак, либо интеграцию знаков.

Едва ли нужно настаивать на том, чтобы привычный для лингвистики термин «уровень» был заменен другим. Но нужно

связать с привычным термином более определенное и более устойчивое понятийное содержание.

Проанализируем, какие же уровни (автономные механизмы) свойственны языкам на современной ступени их развития. Выясним, какие единицы образуют каждый из уровней.

1. Автономный механизм фонем. Фонема входит в состав звуковой оболочки морфем и слов, вариативно воспроизводится в морфемах и словах, обладает внутренней целостностью (набором дифференциальных признаков), представляет собою элементарный знак, означаемым которого оказывается его различительная функция.

2. Автономный механизм морфем. Морфема входит в состав слов и его грамматических форм, интегрирует в своем звучании фонемы, вариативно воспроизводится в составе слова или его грамматической формы, обладает внутренней целостностью (собственным, инвариантным звучанием и значением), представляет собою знак, означаемым которого является его несамостоятельное значение.

3. Автономный механизм слов. Слово входит в состав словосочетаний, участвует в построении словообразовательных типов и морфологических категорий, интегрирует морфемы и фонемы, вариативно воспроизводится в составе словосочетаний и предложений (высказываний), представляет собою знак, означаемым которого является самостоятельное значение или микросистема значений.

4. Автономный механизм словообразовательных типов (словообразование языка). Словообразовательный тип участвует в построении морфологических классов (частей речи), интегрирует отношения между словами, воспроизводится (пополняется) в составе речи, обладает внутренней целостностью (единство словообразовательного значения и средств и способов его выражения), представляет собою интеграцию знаков.

5. Автономный механизм морфологических категорий (морфология языка). Морфологические категории участвуют в построении категорий синтаксиса (предложения, их типы, члены предложения и т. д.), интегрируют отношения между словами и их грамматическими формами, воспроизводятся вариативно в составе предложения, обладают внутренней целостностью (единство морфологического значения и средств, а также способов их выражения), представляют собою интеграцию знаков.

6. Автономный механизм синтаксических категорий (синтаксис языка). Синтаксические категории участвуют в построении текста, интегрируют синтагматические отношения между морфологическими категориями, видоизменяемые лексикой; вариативно воспроизводятся в структуре текста, обладают внутренней целостностью (единство синтаксического значения и средств, а также способов их выражения), представляют собою интеграцию знаков.

Наглядный образ уровневой организации автономных механизмов языка (один уровень над другим) мало убедителен и мало что поясняет. Можно применить иную наглядно-графическую модель взаимосвязи автономных механизмов языка в составе макромеханизма:

Конечно, и эта модель позволяет видеть лишь часть связей между автономными механизмами языка. Она тоже упрощает, а значит, и искажает реальную картину взаимодействия фонетики, морфемики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса в единой структуре языка в целом. Но эта модель имеет и некоторые достоинства.

Она показывает, например, что фонетика языка непосредственно взаимодействует с морфемикой и лексикой; морфемика — с фонетикой, лексикой и словообразованием; словообразование — с лексикой, морфемикой и морфологией; морфология — с морфемикой и синтаксисом; синтаксис — с морфологией и морфемикой. Кроме того, модель показывает, что морфемика имеет прямые выходы и в морфологию, и в синтаксис. Если фонетике языка какой-то своей стороной принадлежит интонация, то оказывается оправданным расположение по соседству фонетики и синтаксиса. Но все же модель есть модель, она нужна как подспорье, а не как главное и единственное методическое средство проникновения в структуру языка ради ее познания.

В дальнейшем изложении в этой главе внимание читателей будет привлечено прежде всего к трем автономным механизмам языка: фонемному, морфемному и словообразовательному. О механизме лексическом довольно много сказано в различных работах, в частности в пособиях по русскому и другим языкам для вузов (см.: 146). О механизмах морфологическом и синтаксическом рассказано будет в специальной главе.

§ 60. Автономность малых механизмов языка, изображенных нашей графической моделью, опирается прежде всего на однород-

ность, однотипность образующих этот механизм языковых единиц, на их «природное» в языке и функциональное тождество. Все фонемы однородны, однотипны, сходны, тождественны — на определенной ступени отвлечения от их различий. Каждая фонема любого языка принадлежит к классу фонем и потому в какой-то своей сущности тождественна каждой другой фонеме. В том или ином языке количество фонем может меняться (говорят, от 16 до 80), может не совпадать их физический облик, но языковая суть остается: в любом языке фонема — это различитель звуковых оболочек (а через них — и смыслов) морфем, слов и их грамматических форм. Лишенных смыслоразличительной и форморазличительной функции фонем не существует. И языков, лишенных фонем, также не существует.

Фонема — это знак, единство означаемого и означающего, значения и материального выражения. Иногда говорят, что фонема не имеет значения и потому, дескать, фонема не является знаком. В главе, посвященной значениям языковых знаков, мы показали, что значение любого знака языка — это его способность выражать и возбуждать («нести») информацию о чем-то, что отличается от него самого.

Значением нужно признать и способность фонемы выражать и возбуждать информацию об отличиях одной звуковой оболочки от другой, одного звукового фрагмента языковой или речевой единицы от другого. В соответствии с принятым определением знака и значения, фонема — знак, элементарный, неполный, но знак.

Выясним, каковы функции фонемы по отношению к морфеме и слову. Помимо уже упомянутой функции звуко- и смыслоразличения, фонема выполняет также функцию конструктивную — участвует в образовании звуковых оболочек морфем и слов. По отношению к собственным дифференциальным признакам фонема выполняет функцию интегративную, держит эти признаки в целостном единстве.

Фонемы, как известно, образуют систему, состоящую из нескольких подсистем. Системные связи фонем держатся на их различительных признаках. Гласные фонемы образуют подсистему, противопоставленную фонемам согласным по признакам «тоновость — шумность». Звонкие согласные образуют подсистему, противопоставленную глухим по признакам «тон и шум» — «только шум». Носовые гласные образуют подсистему, противопоставленную неносовым по признаку «назальность — неназальность». Каждый различительный признак объединяет несколько фонем в малую подсистему. Так как одна и та же фонема может иметь несколько различительных признаков, то она оказывается в составе нескольких малых подсистем. Так, фонема современного русского языка [ж] — согласная, звонкая, твердая, шумная, шипящая входит в соответствующие подсистемы. По признаку «согласности» она объединяется со всеми другими согласными и

противопоставляется любой гласной фонеме. По признаку звонкости она входит в малую систему звонких, противопоставленных глухим. По признаку твердости оказывается среди звонких и глухих, не имеющих признака мягкости и противопоставленных всем мягким. По признаку шумности объединяется со всеми согласными, кроме сонорных, и противопоставляется любой сонорной. По признаку «шипящности» объединяется только с фонемами [ш], [щ] и противопоставляется всем остальным согласным. Наборы различительных признаков неодинаковы в разных языках, не совпадают и круги фонем, объединенных каждым признаком. Поэтому системы фонем оказываются многоликими и очень разными в этой своей многоликости. И все же, несмотря на эту многоликость, все системы фонем всех языков используют ограниченный набор различительных признаков.

В работе современных лингвистов Р. Якобсона и М. Халле «Фонология в ее отношении к фонетике» говорится: «Внутренние различительные признаки, которые обнаружены в настоящее время в языках мира и вместе с просодическими признаками лежат в основе всего их лексического и морфологического состава, сводятся к двенадцати противопоставлениям, и каждый язык выбирает из их числа то, что ему нужно» (95, II, 254).

Если применять привычную для русиста терминологию и не претендовать на охват всех языков мира, ограничившись индоевропейскими, тюрко-татарскими и финно-угорскими языками, то можно системы фонем того или иного конкретного языка построить, опираясь на следующие противопоставления: гласная (фонема) — согласная, сонорная — шумная, звонкая — глухая, твердая — мягкая, губная — язычная, переднеязычная — среднеязычная — заднеязычная, носовая — неносовая, шипящая — свистящая, взрывная — фрикативная — придыхательная — слитная, боковая — дрожащая, увулярная — гортанная, нижнего подъема — среднего подъема — верхнего подъема, переднего ряда — среднего ряда — заднего ряда, лабиализованная — нелабиализованная, долгая — краткая.

Каждую фонему русского, английского, татарского, башкирского, финского, эстонского и других языков можно описать перечисленным набором признаков (может быть, дополняя эти наборы недостающими). При этом будут обнаруживаться и сближения, и расхождения фонемных систем. Так, в английском языке не обнаружится противопоставления «твердая-мягкая», во французском появится не существующее в русском противопоставление «гласная, носовая — гласная, неносовая», в немецком и английском появится также не существующее в русском противопоставление «гласная, долгая — гласная, краткая», в эстонском языке будут противопоставлены «гласная, огубленная и гласная, неогубленная», в киргизском языке шестнадцать гласных фонем дают восемь пар, внутри каждой пары противо-

поставление по «краткости-долготе», а также противопоставление согласных по «твердости-мягкости» отсутствует.

Функционирование всей системы фонем и ее малых подсистем опирается на различительные признаки. Развитие всей системы фонем и ее малых подсистем есть не что иное, как утрата фонемами одних различительных признаков и приобретение других, с чем связано и появление новых фонем, и перегруппировка существующих.

§ 61. Единицей второго автономного механизма языка — морфемики является морфема, объявленная представителями дескриптивной лингвистики центральной в языковой структуре и заслонившая во многих современных лингвистических работах, особенно западноевропейских и американских, морфологию. Учение о частях речи оказалось растворенным в учении о морфемах, а грамматические значения частей речи и сопутствующих им морфологических категорий кое-кем из лингвистов преданы забвению или объявлены несуществующими. Правда, по словам Э. Бенвениста, «чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки — оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» (28, 136).

И сама морфема, как ни велико было место, отведенное ей в дескриптивных штудиях, нередко оказывалась как бы опустошенной. Нужно было обеспечить строгость формального анализа. А этому якобы всегда мешает обращение к значению. Даже некоторые вдумчивые современные исследователи языка декларировали анализ морфем «без обращения к смыслу». В связи с этим можно поставить вопросы: а нужен ли такой анализ? Можно ли его осуществить? Но на них никто не дал ясного ответа.

В работах дескриптивистов появился коррелят термина «морфема» — стали говорить и писать о морфах. Что это такое? По разъяснению современного советского лингвиста Ю. С. Степанова, «морф — предельная значимая часть слова, неделимая далее без потери своего значения... Для того чтобы пройти путь от фонетики к грамматике, неважно знать, каково именно значение морфов, важно лишь знать, что оно есть» (128, 111). А что же такое морфема? «...Морфема есть и класс единиц, и единица, но уже другого, высшего уровня; морфема есть класс тождественных морфов, каждый из которых состоит из аллофонов и встречается в какой-либо определенной позиции; каждый морф такого класса называется алломорфом; вместе с тем морфема есть единица более общая, чем алломорфы, т. е. принадлежащая более высокому, чем они, уровню языка» (128, 116).

Проанализируем, что же получилось. Во-первых, морфемы и морфы оказались на разных уровнях языка. Почему бы, следуя этому примеру, не расположить на разных уровнях фонемы и

фоны, т. е. варианты фонем? Во-вторых, если морфема — класс тождественных морфов и если нам «неважно знать, каково именно значение морфов», то как мы можем их отождествлять и свести в класс на основе их тождества? Неясность ответа на неизбежно возникающий вопрос сказывается вскоре, на следующей странице книги Ю. С. Степанова. Автор различает три случая обобщения морфов и морфем. «В простейшем случае все морфы одного класса, которые предстоит соединить в морфему (а зачем их соединять, если они соединены самим языком? — *Б. Г.*), состоят из представителей одних и тех же фонем. В русском языке таковы морфы тв. п. мн. ч. муж. р. *-ами (сапогами)*, *-'ами (конями)*. В таком случае мы имеем право сказать, что морфема состоит из самих этих фонем» (128, 117). Но «интерпретация отношения фонемы и морфемы как конституентного неудовлетворительна не только из-за очевидной несообразности утверждения, что значимые элементы могут полностью состоять из незначащих. Тезис «морфемы состоят из фонем» оказывается неверным и в том случае, если под «морфемами» подразумеваются сущности, соответствующие минимальным знакам в плане выражения, т. е. означающие морфем европейской лингвистики, или минимальные «формы» блумфилдовской концепции» (97, 98). Можно к процитированному утверждению добавить, что если морфы состоят из аллофонов, а морфемы — из «самих фонем», то такое положение трудно доказуемо. Ведь каждая фонема физически — «пучок» ее вариантов. Неужели можно предположить, что каждая морфема реализует все варианты всех своих фонем в своих морфах?

Так что, как видим, и в «простейшем случае» обобщение морфов в морфему ждет еще своего объяснения.

Рассмотрим более сложный случай обобщения морфов: по значению они тождественны, а по фонетической форме — состоят из аллофонов разных фонем. Ранее было признано, что нам неважно знать, каково именно значение морфов. Как же в этом случае мы сможем установить их тождественность по значению? «В таких случаях,— пишет Ю. С. Степанов,— лингвистам приходится прибегать к ухищрениям, которые, впрочем, могут быть вполне оправданы объективным устройством языка» (128, 117). Прибегнув к одному из таких «ухищрений», мы можем получить «глубинную морфему» творительного падежа единственного числа существительных женского рода в современном русском языке — {-oju}; тогда {-oj} и {-ju} в случаях *ламп-ой*, *раж-ью* окажутся «поверхностными реализациями нашей «глубинной морфемы».

Ю. С. Степанов говорит и о случаях третьего типа, когда «ухищрения» («закономерные обобщения») не помогают. Выясним, какие это случаи. Прежде всего, это происходит тогда, когда по значению морфы тождественны, а по фонемному составу различны. В качестве примера взяты показатели множественного числа имен существительных в современном английском языке. Из сказанного делается вывод о существовании морфем — омо-

нимов. Используем для сопоставления взглядов положения современного американского лингвиста Г. Глисона, который пишет: «Отметим, что, определяя алломорфы одной морфемы, мы не упоминали об их фонематическом сходстве. Алломорфы и не должны совпадать по форме. Иногда различие между ними может быть весьма значительным, как, например, между *go* (gow) и *went* (went). Гораздо чаще, однако, алломорфы бывают сходны по составу фонем. Обычно различие между ними — наименьшее возможное для данной звуковой системы. Поэтому фонематическое сходство играет важную роль при анализе, хотя оно и не является критерием для объединения элементов в одну морфему. Оно служит скорее для выделения тех пар элементов, которые необходимо подвергнуть дальнейшей проверке...» (54, 125).

Обращение к авторитету двух видных современных лингвистов — советского и зарубежного — показало теоретические трудности, связанные с пониманием и описанием морфемы, но эти трудности не разрешило. Возможно, часть этих трудностей объясняется той методой выделения морфем, которую всячески поддерживает дескриптивная лингвистика, идеи которой близки Г. Глисону и не чужды Ю. С. Степанову.

Морфема — наименьшая смысловая единица языка. Таково традиционное в отечественной лингвистике определение. Его основная идея разделяется большинством представителей различных лингвистических течений и школ. Но начинаются расхождения, как только возникает задача описания вариантов одной и той же морфемы и установления границ между ними и «соседними» в языке морфемами. Эти расхождения поддерживаются различиями в понимании вопросов, *как* выделять морфему, при помощи *каких* методических приемов, и *как* оценивать роль звуковой и смысловой стороны морфемы в сохранении ее тождества.

Дескриптивная лингвистика склонна видеть в морфеме отрезок, сегмент текста. Отечественная лингвистика XIX и начала XX в. видела в морфеме прежде всего единицу языка. Может показаться, что между этими двумя взглядами нет противоречия. Да, противоречия, может быть, и нет. Но есть существенное для понимания и описания морфемы различие аспектов ее восприятия и осознания. Если морфема — всего лишь сегмент текста, мое внимание сосредоточивается на ее фонемном (и буквенном) составе, так как фонема — тоже сегмент того же самого текста. В этом случае становится неважно, *какое* именно значение имеет замеченный мною сегмент, важно только то, что этот сегмент — *значимый*. Если морфема — единица языковой системы, занимающая именно в ней, а не в тексте свое место, то мое внимание направлено на то, *какую* работу осуществляет морфема, *каковы* ее функции, а следовательно, и на то, что же каждая морфема значит.

§ 62. Попытаемся задуматься о функциях морфемы по отношению к «чужим» для нее автономным механизмам языка и их единицам. Видимо, по отношению к фонемам морфема выполняет объединительную, интегративную функцию. Можно было бы сказать, что такую функцию выполняет формальная сторона морфемы; но ведь формальная сторона нужна морфеме для выражения смысловой. Получается, что интегративную функцию имеет смысл, а не сама по себе форма.

По отношению к слову морфема выполняет принципиально иную функцию — строительную, конструктивную. Слова построены из морфем (в предельном случае слово было бы равно морфеме). Обычно в слове заметны «швы», «стыки» между морфемами. С течением времени эти стыки могут оказаться забытыми, граница между соседними морфемами может передвинуться или даже появиться там, где ее совсем не было. Это все известно, описано и обозначено терминами «опрощение», «переразложение», «осложнение». Однако все это не меняет принципиально важной вещи: морфема — минимальная смысловая единица языка, участвующая в построении слова. Отсюда следует, что морфема всегда отличается от слова — даже тогда, когда основа слова равна формально морфеме. Отличия морфемы от слова (тоже смысловой единицы!) хорошо намечены советским лингвистом Н. М. Шанским: «Значимость является таким же необходимым свойством для морфемы, каким она выступает и для слова.

Как известно, это не единственное, что сближает эти языковые единицы... и все же границу между морфемой и словом можно провести четко и определенно по крайней мере по четырем линиям.

1. В качестве значимых единиц языка морфемы существуют лишь в слове, тогда как слова обычно выступают... в составе предложения.

2. В то время как слова в своей подавляющей массе являются структурными целыми составного характера, морфемы всегда являются мельчайшими значимыми единицами языка, членение которых на еще более мелкие невозможно.

3. В отличие от слов морфемы не обладают лексико-грамматической отнесенностью. Слова же всегда выступают в языке как структурные единицы, относящиеся к определенному лексико-грамматическому разряду. Поэтому любое слово обязательно является лексико-грамматическим единством. Что же касается морфемы, то она или представляет собой указание на определенное лексическое значение, или выполняет определенные грамматические функции.

4. Слова могут быть не только воспроизводимыми единицами, но и образованиями, создаваемыми говорящими или пишущими в процессе общения (именно этому их свойству и обязано своим существованием словопроизводство как языковое явление). Морфемы же всегда воспроизводимы (свойство «творимости» им не

характерно совершенно) и являются поэтому конечными значимыми элементами языка, извлекаемыми из памяти в качестве готовых и целостных единиц» (143, 76).

Итак, морфема участвует в конструировании слова и в речи функционирует не самостоятельно, а в составе слова.

В автономном словообразовательном механизме морфема выполняет интегративно-конструктивную функцию. Она участвует в образовании производного и производящего слов (основ), в образовании их соотнесенности, которая оказывается базой и условием работы словообразовательного механизма. Например, новое в 20-е гг. XX в. в русском языке слово *тракторист* возникло на базе соотнесенности слов *машина — машинист*, *телеграф — телеграфист*; прилагательное *электронный* возникло на базе уже существовавшей соотнесенности *железо — железный*, *пшено — пшенный*. Обеспечивая работу словообразовательного механизма (или какой-нибудь его части), морфема вместе с тем собирает, интегрирует слова с одинаковыми, однотипными словообразовательными значениями: *телефонист*, *телеграфист*, *машинист*, *тракторист*, *радист*, *футболист* и т. д. Тем самым морфема участвует в формировании словообразовательного значения и словообразовательного типа.

По отношению к морфологии морфемы выполняют также две ясно различимые функции — конструктивную и интегративную. Морфема участвует в построении так называемых грамматических форм слова (падежных, родовых, форм времени и наклонения, форм числа и т. д.). Вместе с тем морфема объединяет, интегрирует однотипные формы в классы форм и тем самым участвует в формировании грамматических категорий как реальных языковых единств грамматического значения и выражающих это значение формальных, материальных показателей.

В тех языках, которые используют флективные морфемы, можно, видимо, искать и функции морфем по отношению к синтаксическому автономному механизму языка. Во многих учебниках, пособиях для вузов, во многих теоретических описаниях языка, утверждается, что окончания служат для связи слов в предложении. Правда, сам по себе факт связи двух слов еще не говорит, что мы оказались в сфере синтаксиса. Но, с другой стороны, какой же синтаксис без связи слова?

Морфемы (далеко не все), участвуя в образовании морфологических форм слова и тем самым в выражении связи между ними в составе высказывания, действительно приобретают (и выполняют) известную синтаксическую функцию — функцию выразителей синтагматических отношений между грамматическими формами слов, оказавшимися в определенных синтаксических позициях. Но слово (его грамматическая форма) в определенной синтаксической позиции — это член предложения, следовательно, морфемы могут принимать участие в выражении отношений между

членами предложений и, таким образом, прямо вторгаются в далекую от них автономную структурную область языка.

Функции морфем включают их во все автономные механизмы языка, однако не дают никаких оснований для объявления морфемного механизма центральным в языке и для подчинения ему, в описаниях языка, механизма морфологии. Морфемика и морфология глубоко различны и автономно-самостоятельны, сохраняя прочные взаимные связи и отношения.

§ 63. Определим, что собою представляет значение морфемы. Можно ли его поставить в один ряд со значением слова? И можно ли грамматическое значение приравнять значению морфемы?

Обычно значение корневых морфем (корней) противопоставляется значениям морфем аффиксальных (приставки, суффиксы, инфиксы, постфиксы, конфиксы). Предполагается, что корень имеет предметное, вещественное значение (хотя, как правило, не поясняется, что это такое), а морфемы аффиксальные имеют грамматическое или стилистическое значение. Так думает и один из видных современных специалистов в области морфемики и словообразования — Н. М. Шанский: «...особенно четко вычленяются вещественные, грамматические и стилистические значения морфем» (143, 147). Правда, Н. М. Шанский вещественное значение приписывает и аффиксальным морфемам, усматривая это значение в таких фактах, как *баранина*, *говядина*, *свинина*; *читальня*, *спальня*, *гладильня*; *беловатый*, *длинноватый*, *серовато́й*. Ю. С. Степанов определение корня получает, приписывая корню вещественное значение: «центральная часть слова, носительница конкретного, а точнее, «предметного», или «вещественного», значения, называется корнем» (128, 113). В коллективном труде «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» (М., 1972) очень глухо говорится о значениях морфем, которым приписываются функции, напоминающие значение, но в то же время остается неясным, признается ли в этом труде морфема как одна из основных структурных единиц языка и его анализа (см.: 97, 233—259).

Вернемся к вопросу о значениях морфем. Эти значения отличаются как от значений слова (лексических), так и от значений словообразовательных типов (словообразовательных) и грамматических категорий (грамматических), хотя именно с участием значений морфем все остальные типы значений, названные только что, и формируются, и функционируют.

Возьмем для наблюдения значения морфем *недель-*, *весн-*, *книг-*, *жизн-*. Значения этих корней воспринимаются как незавершенные, требующие восполнения и окончательной отделки, шлифовки, которую они получают в составе слова, где они превращаются в лексические значения. Многие корневые значения, взятые сами по себе, оказываются настолько неопределенными и зыбкими, что о них ничего не удается сказать, если пытаешься

их определить примерно так, как это принято делать в словарях. Что, например, значат корни *жи-*, *ши-*, *пи-*, *ли-*, *пе-*, *ви-*, *сме-*, *зна-* и др.? Но стоит прибавить к каждому из этих почти не значащих корней суффикс *-ть* или суффикс *-л*, как все преображается. Корни в составе слова оживают и начинают выражать вполне определенное лексическое значение. Так что значение корня — величина м е н я ю щ а я с я, неизменным остается лишь участие в формировании лексического значения слова. Но мера этого участия, его определенность, его независимость от оформляющих слово аффиксов колеблется в больших пределах. Проблема осложняется еще и тем, что в формировании и оформлении лексического значения слов, помимо корня, принимают активное участие аффиксальные морфемы: *пить — пир — пища — питье — питание — запить — выпить — выпивка — напиток*; *жизнь — жить — живот — житье — пожитки — жилье — жилой — пожилой — нажиться — животное* и т. д. Этих примеров вполне достаточно, чтобы сказать, что значение корня далеко не в каждом слове оказывается семантически главным, от которого прежде всего зависит лексическое значение всего слова. Обратим внимание на то, что в наши иллюстративные ряды не попали слова, в которых корень подвергся процессам размывания или перенесения границ, а следовательно, и размывания семантики, утраты ее и без того слабой определенности. Наблюдение за живым функционированием слов и в их составе корней убеждает в том, что корневая морфема, как правило, не является главной, основной, центральной в формировании и выражении вещественного (лексического?) значения слова. Может быть, лишь исторически, если иметь в виду, откуда «пошло» слово, следовало бы приписывать корню его особую, главную роль в формировании и развитии лексического значения.

Но если роль корня в формировании и выражении лексического значения нередко преувеличивается, то его роль в формировании и выражении словообразовательных и грамматических значений явно преуменьшается. Широко известный пример Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка* толкуется обычно в том смысле, что роль грамматического оформления слова и предложения чрезвычайно велика. Для того, чтобы в «словах» *глокая куздра штеко будланула* узнать последовательно имя прилагательное, имя существительное, глагол и наречие, нужно, чтобы существовали и осознавались не просто некие звукосочетания и звуки *-ая*, *-а*, *-о*, *-а*. Этого еще недостаточно. Нужно, чтобы эти звукосочетания были осознаны в роли аффиксов и со значениями аффиксов, а для этого они должны быть связаны в нашем сознании с «основами» и «корнями» *глок-*, *куздр-*, *штек-*, *будла-*. Грамматического оформления не может быть без корней и основ. Не может быть и выраженного грамматического значения без них. Получается, что корень (основа) принимает участие в формировании и выражении не

только лексического, но и грамматического значения слова. У корней и аффиксов взаимно дополняющие обязанности. Один и тот же корень стягивает в общий лексико-грамматический ряд несколько разных форм. Один и тот же аффикс стягивает в общий ряд несколько (нередко — много) разных слов. Поэтому корень (а точнее, основа) и выражает то общее, что свойственно значению всех «стянутых» грамматических вариантов слова (его форм), поэтому же аффикс выражает то общее, что свойственно стянутым в один ряд многим словам. Корень (основа) находит конкретное значение в значениях общих, аффикс находит общее значение в конкретных, свойственных отдельным словам. В самой же языковой реальности существуют единые значения слов, в которых общее и конкретное присутствует неразрывно. Такова диалектика.

После всех этих пояснений можно вновь вернуться к вопросу: что же такое морфема и есть ли ясно устанавливаемое различие между разными морфемами и вариантами одной морфемы? Этот вопрос вполне уместен хотя бы потому, что в лингвистике уже раздаются голоса, в которых слышится сомнение в возможностях науки справиться с таким капризным ее отпрыском, который получил имя морфемы. Авторы монографии «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» (М., 1972) пишут: «Несмотря... на широкое использование морфемы в лингвистической практике и многочисленные попытки построения грамматических систем в терминах этой единицы, несмотря на усиленное внимание к ней в теоретическом языкознании, а может быть, именно благодаря этому чрезвычайному вниманию, понятие морфемы остается далеким от ясности и единства интерпретации. Некоторые специалисты даже склонны считать этот термин едва ли не самым запутанным в литературе... Можно напомнить также в этой связи следующее замечание о морфеме Х. Путнама: «Что касается меня, то я еще никогда не встречал удовлетворительного определения этого понятия ни в семантических, ни в несемантических терминах»... Заключая обсуждение минимальной единицы морфологии, тот же автор писал, что для ее удовлетворительного решения необходимо «гораздо глубже проникнуть в структуру языка как целого»... (97, 236).

Но, возможно, не так уж безнадежны попытки ответить на вопросы, поставленные развитием науки и поддерживаемые развитием практики школьного и вузовского изучения языка?

Вернемся еще раз к общепринятому определению морфемы как наименьшей значимой единицы языка. Можно к этому добавить: варьируемой в пределах, не уничтожающих ее значения и ее опознаваемого в процессе общения фонемного облика. Например, в формах творительного падежа множественного числа *дел-ами*, *кон-ями*, *гроздь-ями* и даже *лошадь-ми* говорящий на русском языке как на родном склонен не только увидеть, но и услышать одно и то же окончание и отождествить эти четыре фонетических звучания в одном — очевидно, на базе опорных

фонем *(-ми)*. Однако языковое сознание русского человека противится отождествлению окончаний в ряду *стол-ов, этаж-ей* или *волн-ы* и *окн-а*. Нужно, очевидно, признать в качестве одной из реальностей самой языковой структуры отсутствие в ней жестких границ между «соседними», т. е. близкими по фонетическому облику или значению, морфемами. Есть морфемы, отчетливо выделенные и противопоставленные другим; есть морфемы, частично совпавшие в своем фонемном облике, но все же достаточно ясно различимые языковым сознанием говорящих. Есть неопределенно-противопоставленные морфемы. Есть морфемы-омонимы (общность звучания и различие значений и функций). Есть морфемы-синонимы (общность значения и функций и различие звучаний). Если будет построена реалистическая типология морфем, отпадут, думается, упреки в неясности понимания морфемы лингвистической наукой. Что же касается практического изучения языка в школе и вузе, то и существующее понимание морфемы, со всеми его противоречиями, оказывается достаточно надежной базой. А это позволяет думать, что языкознание морфему понимает в общем правильно, в соответствии с реальными свойствами этой единицы языка.

В заключение можно лишь напомнить о том, что по роли в слове морфемы делятся на корневые и аффиксальные, а по роли в структуре языка — на словообразовательные и формообразовательные. Аффиксальные морфемы, в свою очередь, делятся на префиксы, суффиксы и флексии, а также инфиксы. Все аффиксы, стоящие после корня, называются еще и постфиксами. Если в процессе словообразования применяются как бы сцепленные аффиксы (префикс плюс суффикс), нередко говорят о конфиксах. Но все эти сведения — лишь напоминание материалов курса «Введение в языкознание».

§ 64. Автономный языковой механизм словообразования нужен для создания новых слов. Рассмотрим, что является работающим элементом, структурной функционирующей единицей этого механизма. Иначе говоря, из чего же этот для науки еще не очень понятный механизм построен. Ю. С. Степанов в пособии «Основы общего языкознания» отводит словообразованию достаточно места и внимания и предполагает, что механизм словообразования образуют словообразовательные модели, каждая из которых — «не что иное, как цепочка оппозиций, пропорция, представленная в более или менее длинном ряде слов. Ср. *заболевать*: *заболеваемость* = *отставать*: *x*; пропорция, очевидно, разрешается, если *x* = *отставаемость* (например, отставаемость студентов по языкознанию) неологизм. Таким образом, это частный случай общеязыкового явления корреляции» (128, 152). Термин «корреляция» введен Ю. С. Степановым применительно к фонеме следующим образом: «Если фонемы в одной оппозиции соотносятся друг с другом так же, как другие фонемы в другой оппозиции, то обе

эти оппозиции образуют корреляцию. Необходимо подчеркнуть, что в корреляции непосредственным сходством обладают не фонемы, а элементарные оппозиции фонем. Корреляция в фонемном составе может быть до известной степени уподоблена пропорции в математике» (128, 85—86).

На понятии корреляции строится понимание словообразования как промежуточной системы между лексикой и грамматикой. Ю. С. Степанов считает, что если корреляции охватывают малое количество слов данного языка, то они являются в нем лексическими; если корреляции охватывают среднее количество слов, то они становятся словообразовательными; если корреляции охватывают максимально большое количество слов, то они — грамматические (см.: 128, 156).

Возьмем оппозицию противоположности, на которой стоит антонимия: *горячий — холодный = темный — светлый = зло — добро = глупость — ум = низко — высоко = близко — далеко = бездельничать — трудиться = остывать — нагреваться* и т. д. Это мало, средне или много? А ведь это все, несомненно, лексика!

Можно взять другой пример: *свинья — свинина = конь — конина = теленок — телятина = баран — баранина = курица — курятина = медведь — медвежатина = заяц — зайчатина = жеребенок — жеребятина = козел — козлятина = сом — сомятина = гусь — гусятина = утка — утятина.* Вот все или почти все. Это мало, средне или много? Это во всяком случае меньше, чем в случае с антонимами. И вместе с тем это несомненное словообразование. Вряд ли нужно напоминать о том, что в словообразовании есть и такие модели, по которым образовано всего несколько слов.

Авторы уже упоминавшегося «Общего языкознания» (М., 1972) признают словообразование как науку и одобряют ее обоснование, но сомневаются в существовании словообразования как структурного уровня языка. Мотивы сомнений отражены в следующих высказываниях: «...главным критерием уровня как такового мы считаем наличие в данной подсистеме языка своеобразной предельной первичной единицы (prime), демонстрирующей качества и свойства, не выводимые из качеств и свойств составляющих ее единиц... Однако словообразовательная система, характеризуясь особыми единицами, не располагает тем не менее единицами, отличающимися указанными свойствами,— единицы этой системы вторичны и мотивированы. Справедливое признание того факта, что словообразование занимается собственными единицами, и того факта, что подобными единицами являются прежде всего п р о и з в о д н ы е с л о в а в широком смысле этого термина... не может служить достаточным основанием для выделения в качестве отдельного уровня словообразования именно потому, что единицы словообразования представляют собой, по определению, «морфемы» (а также другие формальные средства), образующие отдельные слова и выражающие словообразователь-

ное значение» (цитата из работы В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «К соотношению единиц словообразования и морфологии».— В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.— *Б. Г.*), т. е. в конечном счете потому, что новое специфическое качество словообразовательной единицы — словообразовательное значение — является, как правило, результатом соединения вполне определенных элементов, и, значит, прямым (выводимым) следствием сочетания этих исходных единиц в одно структурное целое... Таким образом, если определять уровень через понятие такой целостной сущности (entity), свойства которой невыводимы из суммы свойств ее компонентов, словообразование уровневым статутом не обладает. Отличительной особенностью производных как единиц словообразования (и слов, и основ) является прежде всего их ярко выраженный вторичный характер — они воспринимаются как единицы зависимые, коррелятивные своим исходным единицам, а нередко и содержащие хотя бы часть этих исходных единиц» (см.: 97, 347). И несколько далее — о том же: «Соответственно, признаком того, что некая единица лежит в основе самостоятельного уровня, может являться только возможность исчерпывающего разбиения текста на эти — и только эти — дискретные единицы. Можно представить любой текст (при этом весь, полностью) в виде цепочек фонем, можно записать его в терминах морфемы или как последовательность определенных структур предложения. В иной форме, по-видимому, запись текста (кроме естественной записи в словах) и невозможна. Во всяком случае, нельзя представить текст через символы и правила образования одних производных, ибо последние составляют только ограниченную часть текста» (97, 349).

Единицы языка на разных уровнях его структуры не одинаковы по своей структурной сущности. Достаточно вспомнить признанный всеми факт разноприродности фонемы и морфемы или слова. Поэтому нет никакой видимой логики, которая побуждала бы требовать от языковой единицы любого уровня, чтобы она, и только она, давала разбиение всей речевой цепи.

Что же касается сведения словообразования к совокупности производных слов, то это слишком далеко от того подхода к словообразованию, который был намечен и затем успешно развивался в трудах известных языковедов Н. В. Крушевского, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, М. Докулила и продолжает развиваться в работах современных исследователей языка.

§ 65. Допустимо думать, что и лексическая, и словообразовательная, и морфологическая, и даже синтаксическая структура языка (ее соответствующие уровни, или механизмы) — это разные виды, разные аспекты того словарного материала, которым располагает язык. И вполне закономерно распространенное убеждение в том, что основной единицей языка является слово (хотя

в каких-то иных отношениях рядом со словом приходится ставить и фонему, и морфему, и предложение).

Если вдуматься в то, что принято называть лексикой, словообразованием и морфологией, то поражает одно обстоятельство: говоря о лексике, словообразовании и морфологии, мы имеем перед собою слова, думаем о словах. Три структурные области языка, три его уровня оказываются в каком-то смысле тождественными, все они оказываются разными аспектами словарного материала языка.

Если это так, то возникает неизбежный вопрос: чем же отличаются друг от друга эти аспекты? Какие отношения слов друг к другу или к чему-то за их словарными пределами дают основание видеть эти три аспекта и признавать их тремя разными уровнями (автономными механизмами) языка?

Прежде всего, слова относятся друг к другу как индивидуальные и индивидуализированные элементы сложной системы. Слово *весна* имеет в языке индивидуальное, только ему свойственное, в системе языка не повторенное отношение к словам *лето*, *зима*, *осень*, к словам *заря*, *тепло*, *зелень*, к словам *трава*, *луга*, *ландыши* и т. д. Даже в синонимическом ряду отношения между словами индивидуальны, не стандартны, несмотря на связывающий семантический ряд общий смысловой стержень: слово *вежливый* относится к слову *деликатный* не так, как к слову *учтивый*; *корректный* по отношению к *отзывчивый* не то же, что по отношению к *предупредительный* и т. д.

Поэтому лексика — это совокупность слов языка в их индивидуальных, структурой языка не воспроизводимых отношениях друг к другу. Конечно, слова в качестве элементов лексики дают те или иные обобщения. Однако эти обобщения носят «неструктурный» характер, так как внешне, в самих словах, ничем не выражены. Результатом подобных обобщений и оказываются различные семантические и стилевые поля, пласты, ряды и группы (антонимы, синонимы, омонимы, канцеляризмы, диалектизмы, прилагательные со значением цвета, глаголы со значением речи и звучания и т. д.).

Резко отличны от лексики морфология и словообразование. Отличны потому, что опираются уже не на индивидуальные, а на типовые, стандартно повторяемые в самой языковой структуре, аналогично воспроизводимые в ней отношения между словами. Не будем пока говорить о том, что собою представляют эти отношения в морфологии. Об этом пойдет речь далее. Посмотрим, каковы они в словообразовании.

Как известно, словообразование зачисляется либо в сферу лексики, либо в сферу морфологии, либо делится между морфологией и лексикой или даже между синтаксисом и лексикой. В недавнее время был поставлен вопрос, не без влияния блестящих научных идей В. В. Виноградова, о словообразовании как самостоятельной структурной области языка.

Если вернуться к защищаемому здесь принципу разноаспектности соотнесения словарных единиц в структуре языка, то место словообразования определяется достаточно строго и точно. Для того чтобы это место стало заметнее, полезно, предваряя беседу о морфологии, отметить, что морфология — это совокупность слов в их стандартных структурных отношениях друг к другу, объединяющих слова в типы и классы, называемые частями речи. Если же использовать термин «грамматическая категория» (подробнее о нем — ниже), то морфологию можно определить как совокупность и систему грамматических категорий слов и грамматических категорий словесных форм.

А словообразование? Это совокупность слов в их стандартно-индивидуальных или аналогически-индивидуальных отношениях друг к другу, возникающих в процессе порождения одного слова другим (или другими). Здесь в качестве иллюстрации очень уместны были бы те пропорции, которыми пользовался Ю. С. Степанов: действительно, *вбежать*: *бежать* = *войти*: *идти* = *вплыть*: *плыть* = *влететь* : *лететь* = *вкатиться* : *катиться*; *тракторист* : *трактор* = *машинист* : *машина* = *телефонист* : *телефон* = *телеграфист* : *телеграф* = *пианист* : *пианино* и т. д. Индивидуальность слов, как видим, словообразовательными отношениями не стирается, но она ослабляется и одновременно приобретает как бы вспомогательную роль, а на главную начинает претендовать то, что повторяется, воспроизводится, стандартизуется в соотношениях членов каждой пары. Это и повторяющаяся, типовая семантика (словообразовательное значение), и повторяющиеся средства ее выражения (в наших примерах приставка *в-* и суффикс *-ист*). Если быть более точным, средством выражения словообразовательного значения оказывается не один только аффикс, а и его соединение с определенным кругом производящих слов, основ. Для наблюдателя словообразовательных рядов типовое не выступает вне семантической связи с индивидуальным, индивидуальное не исчезает в типовом, не растворяется в нем, как это получается, по существу, в морфологии. Вот почему применительно к словообразованию можно говорить не об индивидуальных и не о «надиндивидуальных» стандартных отношениях между словами, а об отношениях стандартно-индивидуальных или аналогически-индивидуальных между ними.

Отношения между словами в лексике прежде всего семантичны (физические формы слов обычно не останавливают на себе внимания говорящих, если это слова родного языка). Отношения слов в морфологии прежде всего формальны (семантика грамматических категорий людьми обычно не осознается и не контролируется). Отношения слов в словообразовании формально-семантичны (легко замечается как изменение «формы», так и изменение словесного индивидуального значения, хотя типовое, словообразовательное значение также обычно остается неузнанным без специальной лингвистической методики).

Таким образом, есть все основания говорить, что словообразование не входит в лексику или морфологию, оно стоит рядом с ними. Лексика, морфология и словообразование — три аспекта структуры языка и три автономных его механизма, возникающие на основе трех типов отношений между словами. Поэтому словообразование должно признаваться равноправным с лексикой и морфологией предметом лингвистического изучения.

§ 66. Обоснование «особенности» механизма словообразования и его равноправности с другими автономными механизмами языка еще не означает, что понимание того, что есть словообразование, достигнуто. Даже чисто терминологически под словообразованием понимается очень разное: а) процесс создания, образования новых слов, свойственный любому живому, функционирующему языку; б) психофизиологический акт речи, выражающийся в «творении», создании нового слова; в) механизм языка, создающий новые слова; г) структура слова в аспекте, отражающем его, слова, образование; д) лингвистическое учение, наука о том, как язык создает новые слова.

Процесс создания новых слов и пополнения ими словарного состава — одна из важнейших сторон истории любого языка, и изучается она, по-видимому, в рамках задач и возможностей исторической лексикологии. Психофизиологический акт речи, выразившийся в создании говорящим или пишущим нового слова (известно, что дети и некоторые поэты особенно склонны к таким актам словотворения), может изучаться, очевидно, не в пределах собственно лингвистики, а, например, психофизиологии речи. На долю описательной лингвистики выпадает осмысление самого механизма словообразования и отражения его действия в структуре отдельных слов.

Попытаемся найти в словообразовании элементарную ячейку, простейшее звено, элемент словообразования, простейший элемент составляющих словообразовательный механизм единиц. Таким элементом является, видимо, словопроизводная пара, т. е. два слова (или слово и словосочетание), одно из которых мы склонны осознавать как образованное на базе другого и путем изменения структуры этого другого (слова и словосочетания). Приведем несколько легко осознаваемых примеров: *вода — водник, трава — травяной, цвет — цветок, цветок — цветочный, цветочный — цветочница, читать — читальня, читать — перечитать, читать — начитаться, читать — чтение, белый ствол — белоствольный, железная дорога — железнодорожный* и т. д.

Члены словопроизводной пары относятся друг к другу как производящий и производный (точнее было бы — произведенный). Соответственно могут и должны различаться производящая и производная материальные формы слов (словосочетаний), про-

изводящее и производное значения. Отношение производности охватывает обязательно не только область материальной структуры слов, но и область значения. Если утрачивается отношение производности по значению, разрушается и словопроизводная пара. Слова *побег* и *побежать* как будто соотнесены отношением производности, однако *побежать* в современном русском языке по смыслу, по значению не соотносится со словом *побег*; то же можно сказать о близких словах *спица* и *спичка*; *дышать* и *отдых* и мн. др.

Между членами словопроизводной пары существует словообразовательное отношение, представляющее собою единство их тождества и различия как в области семантики, так и в области материальной структуры слов (словосочетаний). Так, слова *книга* и *книжный* материально тождественны, если иметь в виду наличие в обоих словах морфемы — основы *книг-* — *книж-*, но они же материально различны, если иметь в виду аффикс *-а* в одном слове и аффиксы *-н-ый* в другом. Эти слова по значению (семантически) тождественны, если иметь в виду значение 'книга' (оно присутствует и в слове *книжный*), но они же семантически различны: в одном слове значение 'книга' ничем не осложнено; в другом осложнено и трансформировано: *книжный* имеет значение 'относящийся к книге'.

§ 67. Мы подошли к чрезвычайно важному для понимания всего механизма словообразования явлению: имеется в виду словообразовательное значение, которое постепенно становится полноправным в глазах многих лингвистов. Лингвистика прошлого предпочитала не замечать словообразовательные значения и не включала в типологию значений знаков языка. Попытаемся выяснить, что же такое словообразовательное значение. Это не что иное, как различие в области семантики между членами словопроизводной пары, способное к стандартному или аналогическому воспроизведению (повторению) в других словопроизводных парах — существующих или тех, которые могут быть созданы. Вот тут нам пригодятся пропорции еще раз: *выйти* : *идти* = *выбежать* : *бежать* = *вылететь* : *лететь* = *выплыть* : *плыть* = *выползти* : *ползти* = *вытанцевать* : *танцевать* и т. д. Может быть, в словарях и нет глагола *вытанцевать* в смысле 'танцуя, переместиться изнутри наружу' (например, из одной комнаты в другую). Но он легко может быть осознан говорящими (и, по-видимому, не раз создавался, оставаясь фактом речи отдельных людей) просто потому, что различие в области семантики между *выйти* и *идти*, *выбежать* и *бежать* может быть воспроизведено и парой *вытанцевать* — *танцевать*, так как глагол *танцевать* одним из своих периферийных значений имеет — 'передвигаться, перемещаться в процессе танца'.

Носителем и выразителем лексического значения является отдельное слово, носителем и выразителем морфологического

значения — класс слов, объединенных общностью изменения их формы, общностью их типовой сочетаемости, общностью соотношений с другими морфологическими классами; носителем и выразителем морфологического значения может быть и класс форм, варьирующих морфологическую природу лексем (слова). Что же касается словообразовательного значения, то его носителем и выразителем оказывается словопроизводная пара или ряд таких пар, имеющих стандартно или аналогически воспроизводимое словообразовательное отношение.

Для обозначения такого ряда словопроизводных пар можно использовать уже принятый лингвистической наукой термин «словообразовательный тип». Можно предложить и два других определения словообразовательного типа:

а) словообразовательный тип — это ряд словопроизводных пар, объединенных одним и тем же словообразовательным значением и одними и теми же его формальными выразителями (обычно аффиксами);

б) словообразовательный тип — это ряд словопроизводных пар, объединенных тождеством различия их членов и различием их тождества.

Второе определение нуждается в пояснении. Например, в ряду пар *поговорить* : *говорить*, *почитать*: *читать*, *описать* : *писать*, *попеть*: *петь*, *поиграть*: *играть* тождественными, стандартно повторяемыми оказываются именно различия между членами каждой пары: во всех пяти случаях первый член отличается от второго прибавлением приставки *по-* и одинаковым трансформированием производящего значения, т. е. появлением одинакового словообразовательного значения 'ослабленно и временно осуществить то действие, которое обозначено производящим глаголом'. В том же ряду словопроизводных пар тождественные их элементы (т. е.— *говорить* — *говорить*, — *петь* — *петь* и т. д.) различны: тождество, формальное и смысловое, элементов одной пары отличается от тождества элементов других пар; это обстоятельство, между прочим, отчетливо говорит о связи словообразования с лексикой языка.

Можно принять и еще одно определение словообразовательного типа, не меняя существа, но облегчая несколько форму и содержание определения и допуская при этом некоторую потерю информации: словообразовательный тип — это ряд словопроизводных пар, объединенных общностью словообразовательного значения.

При изучении словообразовательного типа неизбежно возникает вопрос о его структуре. Рассмотрим, что в нее входит. Подобно тому как для словопроизводной пары необходимы производящий член, производный член и словообразовательное отношение между ними, включающее сходства и различия, формальные и семантические, между членами,— подобно этому в словообразовательный тип необходимо вводят производящий ряд (слов или словосочетаний), производный ряд (слов), словообразовательное

отношение между ними. Кроме того, составным и необходимым элементом структуры словообразовательного типа становится так называемая модель словообразования, под которой обычно понимается общая схема построения всех слов одного и того же словообразовательного типа. Например, существительные русского языка *читатель*, *любитель*, *ваятель*, *руководитель*, *проситель*, *писатель* построены по одной и той же модели: основа переходного глагола + суффикс лица *-тель*. Все имена существительные немецкого языка типа *Anlehnung* 'примыкание', *Anleitung* 'руководство', *Anordnung* 'приказание', *Anschreibung* 'приписка', *Entwirrung* 'распутывание', *Ergründung* 'измерение глубины', *Heranbildung* 'подготовка, обучение', *Verschmelzung* 'плавление, плавка' и под.— все они имеют одну и ту же схему, построены по одной модели: основа глагола + суффикс отвлеченной предметности *-ung*.

В структуре словообразовательного типа особый интерес для лингвиста приобретают производящий и производный ряды. Дело в том, что соответствующие члены этих рядов соотнесены друг с другом вовсе не по всем своим лексическим значениям. Например, прилагательное *школьный* соотнесено со словом *школа* лишь в двух его значениях из семи, отмеченных словарями. Слово *школьник* соотнесено со словом *школа* лишь по одному значению. Глагол *набрать* соотнесен с глаголом *брать* лишь по пяти его значениям из пятнадцати и т. д. Любопытно, что из значений глагола *идти*, показанных словарем, лишь два-три отражены в парном ему по словообразовательному отношению глаголе *найти*.

Возникает, таким образом, необходимость различения л е к с и ч е с к о г о п р о и з в о д я щ е г о р я д а и с е м а н т и ч е с к о г о п р о и з в о д я щ е г о р я д а. Изучение первого еще почти ничего не дает для понимания семантического механизма словообразовательных отношений, семантической структуры словообразовательного типа.

Изучение словообразовательного механизма языка должно быть направлено, как уже говорилось, прежде всего на словообразовательные типы, особенности их семантической и материальной структуры. «Понять» словообразовательный тип — это значит: а) увидеть реализованные и потенциальные семантические и лексические возможности производящего ряда; б) уловить ту семантическую сторону в разных значениях слов производящего ряда, которая оказывается общей для всего ряда и «входит» в типовое словообразовательное значение; в) уловить и определить словообразовательное значение; г) увидеть производный ряд слов, понять его реализованные и потенциальные семантические возможности; д) установить тождества и различия производящего и производного рядов — семантические и материально-структурные; е) понять и описать так называемые способы словообразования, обслуживающие изучаемый тип; ж) увидеть положение словообразовательного типа среди других словообразовательных ти-

пов, связи и отношения между типами, в частности синонимические; з) увидеть и описать языковые (лексические, морфологические и иные) условия функционирования типа, взаимодействие его с лексикой, морфологией и т. д.

§ 68. Только что были упомянуты способы словообразования. Этот термин небезразличен для видения и понимания словообразовательного механизма языка. Мы получим ответ на вопрос о том, что такое способы словообразования, если будем знать, как, какими «приемами», действиями создает этот механизм новые слова. Лингвисты неплохо знают такие приемы: аффиксация, сложение основ, аббревиация, конверсия, разрыв семантических связей в структуре производящего слова, усечение словосочетания и аффиксация *(читалка, курилка)* и др. Связи между словообразовательными типами и способами словообразования не всегда ясны и нередко противоречивы: наиболее четко словообразовательные отношения передает способ аффиксации. В то же время способ семантический (отрыв одного из значений производящего слова от остальных) затрудняет, если и не исключает, формирование словообразовательного типа и позволяет говорить об индивидуальном, а не типовом образовании слов — в пределах лексики.

Механизм словообразования включает в себя не только словопроизводные пары и словообразовательные типы. В языках бывает и так, что один и тот же формальный элемент, «выражающий» словообразовательное значение (приставка, суффикс и т. д.), может обслуживать не один, а несколько словообразовательных типов. В таком случае перед нами *словообразовательный типовой ряд* — как, например, в современном русском языке ряд словообразовательных типов с приставкой *за-* в глаголах, ряд словообразовательных типов с суффиксом *-н-* в именах прилагательных и т. д. Словообразовательные типы и словообразовательные типовые ряды обычно дифференцированы между частями речи. Вся совокупность словообразовательных типов и их рядов в пределах одной и той же части речи — это *словообразовательный класс*. Так намечается одно из возможных иерархических описаний словообразовательного механизма: на самой низшей ступени — словопроизводная пара, выше — словообразовательный тип, еще выше — словообразовательный типовой ряд, еще выше — словообразовательный класс и, наконец,— словообразовательный механизм языка. Известны иные схемы иерархического описания словообразования. Но какую бы схему мы ни приняли, остается идея *сложной организации словообразовательного механизма*.

Именно — механизма. Очень важно понять, что словообразование — это не отдельные слова с прозрачной структурой, извещающей о том, как было создано слово (*воздухоплаватель, паровозовагоноремонтный* и т. д.), а то, что словообразование — механизм,

создающий слова. Каждое слово, им созданное, становится достоянием лексики, пополняет словарный состав языка, оказывается фактом исторического развития лексики. Словообразовательный механизм языка тоже, разумеется, имеет историю, тоже развивается: усиливаются одни словообразовательные типы, ослабевают и уходят в прошлое другие, появляются вновь третьи, изменяются средства и способы словообразования, внутренние семантические структуры типов, взаимоотношения между типами. Между тем немало лингвистических работ, особенно вышедших в последние десятилетия, в которых изучение механизма словообразования подменяется наблюдением за тем, как образованы слова. А между тем Л. В. Щерба уже предупреждал: «Одним из основных отделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова — дело словаря, где должна быть дана и делимость слова, если его состав еще ощущается...» (152, 17). Пусть нас не смущает терминология двадцатых годов: мысль выражена предельно ясно: «правила словообразования» (а они-то и составляют механизм, делающий слова) четко противопоставлены сделанным словам как факту лексики.

Конечно, это вовсе не значит, что при изучении словообразования нужно перестать обращать внимание на то, как сделаны слова, т. е. на их словообразовательную структуру. Типовая (и даже индивидуальная, свойственная отдельному слову) словообразовательная структура входит в механизм словообразования именно потому, что позволяет языковому сознанию человека уловить соотношение производящего и производного элементов. Словообразовательная структура слова — это застывший в нем акт порождения слова другим и база новых подобных актов. Словообразовательная структура слова отражает соотношение производного и производящего элементов, позволяет увидеть производящий в производном и по той же модели построить новое производное слово на базе нового производящего. Если слово не позволяет увидеть в своей структуре производящий элемент,— такое слово не имеет словообразовательной структуры и не участвует в дальнейших актах словообразования в качестве члена словопроизводной пары; но такое слово имеет морфематическую структуру, т. е. набор морфем и синтагматические связи между ними. Так, слова современного русского языка *подключить*, *выключить* и под. в сущности утратили свою словообразовательную структуру, так как не выделяют для сознания говорящего по-русски человека живую производящую основу: никакого глагола *ключить* в наше время нет, а слово *ключ* не соотносится по значению со значением глаголов.

Было бы небесполезно различать словообразование и словопорождение. Один из этих терминов обозначал бы реально существующие в языке системы отношений между производящими и производными основами (словами), системы сло-

вообразовательных типов (т. е. автономного механизма, создающего новые слова), а второй термин (словопорождение) был бы занят обозначением реального, живого, актуального процесса создания новых слов в пределах того или иного словообразовательного типа и на базе той или иной словообразовательной модели.

§ 69. Определим, каковы функции словообразования по отношению к другим автономным механизмам языка.

Прежде всего, отчетливо вырисовывается функция пополнения и изменения словарного состава, лексики. Эту функцию можно назвать п р о д у к т и в н о й, потому что новые слова, если они созданы словообразовательным механизмом,— продукция этого механизма. Продуктивная функция словообразования существенно отличается от конструктивной функции фонем по отношению к звуковым оболочкам морфем и слов и от конструктивной функции морфем по отношению к словам и их формам. Фонемы не создают звуковых оболочек слов, а лишь участвуют в их построении. Механизм словообразования создает новые слова — новые лексические единицы языка.

По отношению к морфемам функция словообразования интегративная: словообразование соединяет, стягивает, сплачивает, интегрирует морфемы в составе слова. Интегративную (помимо основной, продуктивной) функцию обнаруживает механизм словообразования и по отношению к лексике, так как объединяет ряды слов на базе производящего значения и на базе значения словообразовательного. Эта интегративная функция вместе с тем оказывается и классифицирующей, так как распределяет слова по группам, разрядам, типам.

По отношению к морфологии языка (части речи, прежде всего) механизм словообразования выполняет функцию вариативную: различные словообразовательные типы стягиваются, как об этом уже было сказано, в словообразовательные классы — свойствами одной и той же части речи. Все типы одного класса, естественно, выражают одно и то же морфологическое значение «своей» части речи (значение предметности, процесса, качества и т. д.), но в то же время и видоизменяют его в соответствии с влияниями своей семантики: *обучение*, *наблюдение*, *выдувание*, *ответвление*, *заделывание* иначе «представляют» грамматическое значение предметности, нежели *тракторист*, *телефонист*, *телеграфист*, *машинист* и *пианист*. Возникают модификации единого морфологического значения, вызванные «наложениями» на него значения словообразовательных типов. Не остаются безразличными к влияниям словообразовательного механизма и формальные признаки слов, относящихся к одной и той же части речи. Это заметно и в индоевропейских языках, и в языках, очень далеких от них, например в китайском или японском, где словообразование оформляет части речи заметнее, чем в языках флективных.

Не видно прямых выходов словообразования в области синтаксиса, но зато очевидно влияние синтаксиса на словообразование: способ основосложения — синтаксический по своей базе; на той же базе основана деривато логия, т. е. создание составных наименований.

* * *

Подведем итоги сказанному. Лингвистика XIX—XX вв. видит и умеет описывать структурные области, или стороны, или «уровни», языка. Однако в понимании уровней, границ между ними, их числа существует немало противоречий. Есть попытки «уровни» самого языка подменить «уровнями» его анализа и описания. Нужно решительно возражать против идеи, будто реальность изучаемого объекта неотделима от метода его наблюдения и описания. Нужно столь же решительно настаивать на том, что самому реальному языку объективно свойственны различные области, стороны, уровни его структуры. Может быть, следует говорить о том, что механизм языка в целом включает в себя ряд меньших по объему, более простых и более однородных по устройству механизмов. Они обладают известной автономией и совместно работают в языке в целом.

Наука о языке знает все его автономные механизмы. Задача состоит в том, чтобы получить их логичное, строгое описание и чтобы выработать его основания. Можно сформулировать принципы различения автономных механизмов языка (его уровней): единицы одного автономного механизма должны входить в состав единиц другого автономного механизма, или участвовать в их построении, или их интегрировать. Единицы любого автономного механизма вариативно воспроизводимы в единицах другого, более сложного, механизма либо в составе речи. Каждая единица любого автономного механизма представляет собой либо знак, либо интеграцию знаков.

Язык на современной ступени его развития имеет следующие автономные механизмы: автономный механизм фонем, автономный механизм морфем, автономный механизм слов, автономный механизм словообразовательных типов (словообразование языка), автономный механизм морфологических категорий (морфология языка), автономный механизм синтаксических категорий (синтаксис языка). Может быть построена наглядно-графическая модель взаимосвязи автономных механизмов в составе макромеханизма языка в его целом.

Автономность малых механизмов языка опирается прежде всего на однородность, однотипность образующих этот механизм единиц, на их «природное» и функциональное тождество. Фонема (единица автономного механизма фонем) и морфема (единица автономного механизма морфем) обладают, каждая, наборами функций — различительных, конструктивных и интегративных. Несмотря на то, что описание и теоретические истолкования сути

фонемы и морфемы многочисленны и имеют многовековую традицию, до сих пор остаются без ответа многие вопросы как теории фонем, так и теории морфем.

Отношения слов в лексике — индивидуальны и семантичны, отношения слов в морфологии — стандартны и, прежде всего, формальны, отношения слов в словообразовании — стандартно-индивидуальны и формально-семантичны. Лексика, морфология и словообразование — три аспекта структуры языка и три автономных его механизма, сформированные на основе трех типов отношений между словами. Структурной единицей автономного механизма словообразования является словообразовательный тип — ряд словопроизводных пар, объединенных одним и тем же словообразовательным значением и одними и теми же его формальными выразителями (очень часто в их роли выступают аффиксы). Очень важно понять, что словообразование — это не отдельные слова с прозрачной структурой, говорящей о том, как было создано слово, а механизм, создающий слова. Этот механизм, как и другие, не только функционирует, но и развивается, т. е. имеет историю. Механизм словообразования имеет следующие функции: пополнения и изменения словарного состава (функция конструктивная); объединения морфем в составе слова и объединения слов в ряды на основе общности значения и формальных показателей (функция интегративная); видоизменения значения частей речи наслоениями на это значение значений словообразовательных (функция вариативная — по отношению к морфологии).

Дополнительная литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974 (глава X — «Уровни лингвистического анализа»).

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к практике и лексикологии (На материале русского и родственных языков).— В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976 (раздел I — Предпосылки).

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974 (глава 8 — «Язык как система»).

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972 (глава 2 — «Уровни языковой структуры»).

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975 (раздел «Язык как объект теории», глава I).

Глава IX

Грамматические категории

§ 70. В предшествующей главе не рассматривался один из важнейших автономных механизмов языка — грамматический. Его описание и обсуждение выделено в самостоятельную главу и потому, что он занял особое место во всей лингвистической литературе, и потому, что он занимает особое положение в общей системе языка.

Можно начать с термина «грамматика» и двух его видовых коррелятов — морфология и синтаксис. Каждый из них, по крайней мере, двузначен, что породило и продолжает порождать путаницу представлений и мыслей об устройстве языка не только в головах обучаемых, но и в головах обучающих.

Грамматика — это область языковой структуры, это один из автономных механизмов языка, это его собственная грамматика, или грамматический строй. Но грамматика это и наука, изучающая и описывающая первую грамматику, учение об устройстве, функционировании и развитии грамматического строя.

В каком соотношении находятся эти две грамматики? Какая от какой зависит? Какая какой подчиняется? Может ли вторая грамматика изменить первую или хотя бы как-то повлиять на нее?

К сожалению, соотношение двух грамматик или совсем не обсуждается в пособиях по общему языкознанию (и другим теоретическим языковедческим дисциплинам) или обсуждается очень скупо, при помощи глухих и тусклых пояснений. Между тем и студенту, и специалисту-филологу или лингвисту, и образованному человеку любой специальности и профессии полезно знать, что грамматика языка не зависит от грамматики как науки; грамматика как наука обязанностью своей имела и имеет познание свойств и закономерностей грамматики языка и, следовательно, зависит от нее. Грамматика как наука должна быть, в идеале, адекватным грамматике языка ее научным отображением.

Что же является, по современным представлениям, составной единицей грамматического строя языка, его автономного грамматического механизма? К сожалению, поставив этот вопрос перед современным языкознанием, мы не получим однозначного и всеми лингвистами признанного ответа. А во многих работах, которые по своему содержанию должны бы иметь этот ответ, он оказывается просто обойденным.

Так, авторы «Грамматики современного русского литературного языка» (в дальнейшем изложении будем ее называть АГ-70) не разъясняют термин «грамматика», а заодно избежали и вопроса о единице грамматического строя. А раздел «Морфология» открывается словами: «Предмет морфологии — грамматические классы и разряды слов, принадлежащие им грамматические

категории и те системы форм (парадигмы), в которых эти категории существуют и выявляются.

Морфология изучает те грамматические явления, которые относятся к существованию и изменению слова как грамматической единицы. Слово как грамматическая единица обладает значением и формой. Грамматическое значение слова — это такое абстрактное значение слова, которое, определяясь его принадлежностью к тому или иному классу, формируется на основе парадигматических отношений, т. е. в системе форм самого слова, и синтагматических связей, т. е. в словосочетании и предложении» (58, 302). Можно лишь предположить, что это пояснение дает нам знать о том, что для его авторов грамматическая единица — это слово. Впрочем, может быть, это и не так.

Авторы «Общего языкознания» (М., 1972) предлагают читателю обзор широких и узких концепций грамматики и, в частности, говорят: «...широко принятое противопоставление грамматики лексике (внутри «знакового уровня») основано в некоторых лингвистических концепциях на признаке «протяженности» соответствующих единиц: лексика имеет отношение к словам как целостным единицам словаря, а грамматика к меньшим либо большим, чем слово, единицам... Соответственно сохраняется традиционное деление грамматики на два раздела: морфологию (этимологически — «наука о формах» от греч. *morphe* — «форма») и синтаксис (этимологически — «соположение, сочетание» от греч. *syntaxis*), первый из которых, согласно распространенному определению, исследует внутреннюю структуру слов, а второй — правила сочетания слов в предложении... Такое деление грамматики непосредственным образом связано с признанием слова основной грамматической единицей: в традиционной грамматике считалось само собой разумеющимся, что «формы», изучаемые «наукой о формах» — морфологией, являются формами слова и словами же являются единицы, сочетание которых должна исследовать «наука о сочетаниях» — синтаксис.

Многие представители современной лингвистики считают базисной единицей грамматики не слово, а минимальный значимый элемент, обычно называемый морфемой или монемой, и не склонны придавать принципиальное значение различию между сочетаниями морфем, образующими «слова» (например, *писа-тель, дом-ик, рук-а*), и комбинациями, образующими более сложные единства (словосочетания, предложения). При таком понимании снимается необходимость деления грамматики на морфологию и синтаксис и грамматика определяется как «значимая аранжировка форм»... как «морфотактика» (т. е. закономерности сочетаемости морфем), противопоставляемая «фонотактике» (т. е. закономерностям сочетаемости фонем, изучаемым фонологией)...» (97, 202—203).

Дескриптивист Г. Глисон пишет [1]: «Используя фонемы и мор-

[1] О дескриптивизме см. подробнее во II части пособия.

фемы в качестве основных единиц, лингвисты смогли построить исчерпывающую теорию о системе выражения языка и создать детальное и развернутое учение о системах выражения отдельных языков... Дескриптивная лингвистика обычно делится на две части: фонологию, имеющую дело с фонемами и их последовательностями, и грамматику, имеющую дело с морфемами и их сочетаниями» (54, 43).

Итак, одна точка зрения дает слово в качестве грамматической единицы, вторая — морфему. Обе точки зрения уязвимы для критики, в особенности вторая. Грамматическую модель предложения трудно вывести из слов и их соединений: она не есть ни слово, ни соединение слов, она, скорее, схема, заполняемая словами, ряд синтаксических позиций. Из слов не выводятся и такие грамматические (морфологические) категории, как время, наклонение, род, падеж, лицо и т. д. Ни одна из таких категорий не сводима к слову и невыводима из слова, но каждая из них охватывает многие и разные слова и их так называемые грамматические формы. Видимо, грамматика языка построена не из лексем и их соединений, а из чего-то другого, что подчиняет себе, интегрирует эти лексемы и их сцепления.

Это хорошо понимали выдающиеся русские лингвисты, в их числе А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий, В. В. Виноградов. В. В. Виноградов свою знаменитую книгу «Русский язык», хотя она и имеет подзаголовок «Грамматическое учение о слове», посвятил описанию и анализу грамматических категорий, совокупность и систему которых ученый, видимо, и объединял термином «грамматика». Конечно, грамматические категории не стоят вне слов, их сочетаний и предложений, но они, эти категории, и несводимы к словам, словосочетаниям и предложениям (точнее, к высказываниям). Мы не можем описать грамматический строй ни одного языка, оставаясь в кругу слов как лексических единиц; мы должны будем перейти на иной уровень анализа — грамматический, т. е. должны будем понять, что именно в словах выделено, обобщено, сведено в сравнительно небольшое число типов (или категорий), получивших стандартные признаки и в области значения, и в области выражения этого значения. Вот эти типы, или категории, отвлекаемые от лексического материала и обобщающие его своими подчас очень далекими от лексических значениями и формами их выражения,— эти категории и являются структурными единицами грамматического строя языка. Поэтому центральный вопрос изучения и понимания грамматического механизма языка — это вопрос о грамматических категориях.

§ 71. К сожалению, термин и понятие «грамматическая категория» не получил в нашей и зарубежной лингвистике сколько-нибудь однотипного толкования и единообразного применения. Об этом хорошо говорят некоторые, взятые почти наугад определения и пояснения. Л. И. Баранникова: «Грамматиче-

скими категориями называются общие грамматические понятия, определяющие характер языка и получающие свое выражение в слове и предложении» (27, 216). Д. А. Штелинг: грамматическая категория — это «противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм» (149, 56). Ю. С. Маслов: «Грамматические противопоставления (оппозиции) образуют системы, называемые грамматическими категориями. Таким образом, грамматическую категорию можно определить как систему (упорядоченную совокупность) противопоставленных друг другу грамматических значений, выраженных теми или иными формальными показателями. Грамматические категории чрезвычайно разнообразны — и по количеству противопоставленных членов, или граммем, и по способам формального выражения, и по характеру выраженных грамматических значений, и отношению этих значений к действительности» (89, 159—160). Авторы АГ-70: «Формально выраженные частные грамматические значения слов объединяются в грамматические категории, которые представляют собой обобщения и совокупности этих значений» (58, 302). В. Н. Перетрухин: «Совокупность грамматических форм, выражающих однородные или взаимопротивопоставленные грамматические значения, составляет грамматическую категорию» (107, 203).

Не будем комментировать эти определения. Однако можно с удовлетворением сказать, что ни в одном из них не исключено грамматическое значение как компонент грамматической категории. Это позволяет вернуться в прошлое и посмотреть, как понимали грамматическую категорию представители классического отечественного языкознания. Вот мнение А. М. Пешковского: «Возьмем, положим, глагольные формы *неси*, *веди*, *люби* и т. д. В формальной части их — мы находим то значение, которое называется обычно значением повелительного наклонения... Совершенно то же значение, без малейших изменений, мы найдем и в формах *вынь*, *тронь*, *сядь*, *жарь*, *трать* и т. д., т. е. в формах со смягчением последнего согласного основы и с нулевым аффиксом (на письме аффиксом является -ь). Далее, мы найдем его же в формах *читай*, *гуляй*, *жалей*, *толстей*, *рисуй*, *торжествуй*, т. е. в глаголах с основами на -й и тоже с нулевым аффиксом... Таким образом, три совершенно различных ряда форм с такими различными формальными частями... образуют по значению один ряд, не допускающий никакого разделения. Далее, сравнивая наши три ряда *неси*, *вынь*, *гуляй* с рядами *несите*, *выньте*, *гуляйте*, мы найдем, что в отношении повелительного значения ничего не изменилось. Изменилось что-то другое... по повелительный оттенок остался совершенно тот же. Следовательно, мы уже шесть рядов форм можем объединить по значению повеления в один ряд. Вот такой-то ряд форм, различных по своим формальным частям,

несовершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть формальной категорией слов, в данном случае категорией повелительного наклонения глагола» (108, 26). И далее: «...ряд форм, объединенный комплексом разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой форме, мы тоже будем называть категорией» (108, 27). И, наконец, А. М. Пешковский предлагает читателю определение формальной (в нашей терминологии — грамматической) категории: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную знаковую характеристику.

Объединение же форм со стороны значения может осуществляться при помощи: 1) единого значения, 2) единого комплекса однородных значений, 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм» (108, 27).

Приведем мнение очень глубокого лингвиста, реалистически осознававшего язык,— Л. В. Щербы: «Существование всякой грамматической категории обусловливается тесной неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков. Не видя смысла, нельзя еще устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно, существуют ли они, как таковые, и существует ли сама категория» (154, 65).

Уже говорилось, что В. В. Виноградов свою книгу «Русский язык» построил как аналитическое описание структуры морфологических категорий современного русского языка, и описание каждой категории представляло собою анализ и грамматического значения (или значений), и формального показателя (или показателей) в их действительном языковом единстве.

Трудно что-либо возразить против того подхода к грамматическим категориям и их исследованию, который намечен и реализован в трудах многих русских языковедов, в особенности — А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, А. И. Смирницкого, В. В. Виноградова.

Да, грамматический механизм языка построен не из морфем и не из слов, а из единиц иной природы, и для наименования этих единиц наша наука создала термин — «грамматическая категория». Определение грамматической категории должно соответствовать реальностям самого языка.

Но ведь помимо изложенного понимания грамматической категории есть и иные подходы к ней, связанные, в частности, с такими именами, как А. А. Шахматов, П. С. Кузнецов, Н. С. Поспелов, Р. А. Будагов, Л. И. Барашникова и др. Грамматическая категория рассматривается то как общее, характерное для данного языка грамматическое значение, то как общее грамматическое понятие, находящее себе морфологическое или синтаксическое выражение, то как что-то подобное сказанному (см.: 27; 35; 109;

144). Такой подход к грамматическому значению не удается принять без сомнений в возможности его обоснования.

Давно узаконен в лингвистике термин «грамматическое значение», соотносительный с термином «значение лексическое». Лексическое значение конкретно по сравнению с грамматическим в том смысле, что принадлежит этому, отдельному, конкретному слову. Грамматическое значение всегда оказывается общим по сравнению с лексическим просто потому, что принадлежит большому классу слов или их форм. Вместе с тем грамматическое значение, как правило, имеет более отвлеченный и обобщенный характер и по отношению к реалиям жизни; грамматическое значение предмета или процесса обобщает очень широкий круг явлений действительности — неизмеримо более широкий, чем ряды предметов или действий, обобщенных лексическим значением слов *береза* и *читать*.

Если согласиться с мнением, будто грамматическое значение — это обобщенное значение, обобщенное понятие, выраженное морфологически и синтаксически, возникают неизбежно недоуменные вопросы. Если грамматические категории считать «общими грамматическими значениями», или «общими понятиями грамматики», хотя бы и выраженными морфологически и синтаксически (кстати: что это может означать? Ведь сами грамматические значения являются компонентами грамматики языка, и так называемое морфологическое и синтаксическое выражение не существует и не опознается без обращения к грамматическому значению), то появляются противоречия, которые трудно преодолеть. Так, становится непонятным, зачем нужно параллельное употребление двух терминов — «грамматическое значение» и «грамматическая категория»: ведь грамматическое значение всегда имеет обобщенный характер и всегда морфологически или синтаксически выражено. Чем же оно отличается от грамматической категории? Если согласиться с утверждением, что грамматические категории — это предельно общие грамматические значения, то пришлось бы к числу грамматических категорий отнести значение предметности, процесса, качественности, модальности, предикативности (видимо, «предельно общие значения»), но такие значения, как значения падежа, вида, наклонения, времени, лица, числа и под., пришлось бы числить по разряду просто грамматических значений. При таком решении вопроса мы сразу же оказываемся в противоречии с требованиями элементарной логики и с практикой исследования грамматического строя (во всяком случае, отечественной практикой, которая термин «грамматическая категория» относит не только к частям речи, нередко к частям речи как раз не относит, но и к таким явлениям, как вид, падеж и т. д.).

Если считать грамматические категории «общими понятиями» грамматики, также появляются логические и фактические, связанные с осмыслением фактов языка трудности. Чем отличаются эти «общие понятия грамматики» от грамматических значений?

Есть ли качественная разница грамматических обобщений, возникающих на базе логики и грамматики? Она, видимо, есть, но признание грамматических категорий общими понятиями грамматики не позволяет эту разницу увидеть. И возникает опасность смещения научных логических обобщений, вырабатываемых учеными в сфере исследований грамматического строя, и грамматических обобщений, возникающих в процессе развития грамматического строя и имеющих объективный и общенародный характер — в противоположность логическим обобщениям лингвистической науки, которые могут быть и субъективными и личностными.

В признании грамматических категорий «общими понятиями грамматики» сквозит нечеткое различение представлений о предмете — объекте научного исследования и об отражении этого объекта в голове ученого. Действительно, термину «грамматическая категория» может соответствовать 1) реальное языковое единство грамматического значения и формальных средств его выражения, 2) наиболее общее научное понятие, отражающее более или менее адекватно существо реально функционирующих в языке грамматических категорий. Поэтому можно различать и, очевидно, нужно различать грамматические категории языка и логические категории науки о грамматическом строе языка; вторые являются лишь отображениями первых. Грамматика как наука, естественно, занимается изучением системы языковых грамматических категорий в процессе их развития и их функционирования; она может изучать и содержание общих понятий грамматической науки — с точки зрения их соответствия действительности самого языка.

На рубеже 50-х и 60-х гг. XX в. в нашей лингвистике была предпринята попытка наметить еще один аспект понимания грамматической категории. Эта попытка осуществлена Д. А. Штелингом. Вот, еще раз, определение грамматической категории, предложенное Д. А. Штелингом: «Собственно грамматическую категорию можно определить как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм: это единство взаимоисключающих противоположностей» (149, 56).

По мнению автора определения, в грамматической категории отражен, таким образом, основной закон человеческого мышления — закон единства противоположностей. Но как же быть с такими фактами грамматического строя, которые трудно и невозможно уложить в логико-понятийное пространство, очерченное определением Штелинга, как быть, например, с падежами во многих языках многих систем, когда этих падежей оказывается по четыре, шесть, десять — и до двух с лишком десятков? Как быть с системами времен древнерусского или современного английского языка, если противопоставлены отнюдь не два ряда форм, а значительно больше?

Может быть, защитники обсуждаемого определения грамматических категорий правы. Допустим на минуту такую возможность. Но тогда получится произвольное сужение терминологического значения — перенесение его с рода (любое единство грамматического значения и формального выражения этого значения) на вид (единство, характеризуемое противопоставлением только двух рядов форм). Но разве это дает решение проблемы?

Может быть, защитники понимания грамматической категории как отношения, выраженного противопоставлением двух (и не более) формально-грамматических рядов, взаимоисключающих друг друга, хотят сказать, что охватываемые таким определением явления грамматики принципиально, по сути своей, отличаются от сходных явлений, охватываемых «традиционным» применением термина? Но так ли? Ведь и вид, и время, и залог, и лицо, и падеж, и число, и род, и степени сравнения, и многие другие явления многих языков мира выражают, каждое по-своему, отнотипные в языке, так сказать, одноприродные — грамматические значения однотипными, одноприродными формальными показателями. И возможное типологическое, классификационное описание таких явлений не может закрыть или устранить очевидное единство их языковой природы.

Можно только порадоваться тому, что в одном из новейших пособий по общему языкознанию, написанном Ю. С. Степановым, грамматическая категория признается единством грамматического значения и грамматических форм (см.: 128, 144, 150). Именно это понимание грамматической категории, принятое, по существу, еще А. М. Пешковским, Л. В. Щербой, А. И. Смирницким и В. В. Виноградовым, снимает многие противоречия грамматической теории.

§ 72. Итак, единицей грамматического механизма языка является не морфема и не слово, а грамматическая категория. Грамматическая категория — это реально существующее в языке единство некоторого грамматического значения и формальных средств его выражения. Ведущей, организующей стороной грамматической категории является ее значение. Между значением и формальным показателем, выражающим это значение, не обязательно однозначное соотношение. Например, значение родительного падежа имени существительного в современном русском языке выражается несколькими различными формальными показателями. И наоборот, один формальный показатель — окончание *-а* в том же языке участвует в выражении нескольких грамматических значений. Если принять термин «граммема» для обозначения каждого отдельного грамматического значения, то получится, что теоретически могут быть такие главные типы соотношений между граммемами и формальными показателями в одной и той же грамматической категории: а) одна граммема выражается одним формальным показателем; б) одна граммема выражается

несколькими формальными показателями; в) один формальный показатель выражает несколько граммем; г) несколько граммем выражаются несколькими формальными показателями. Типы соотношений *в* и *г* требуют пояснений. Если один формальный показатель выражает несколько грамматических значений, тут могут быть три разных случая. Первый, когда несколько граммем существуют как обязательные спутники друг друга и регулярно выражаются одним формальным показателем в своей совокупности: формальный показатель второго лица единственного числа современных русских глаголов *-ешь* регулярно выражает граммему настоящего (будущего) времени, граммему лица, граммему числа, граммему изъявительного наклонения. Второй случай, когда несколько граммем существуют раздельно, чередуются друг с другом в процессе функционирования языковых единиц, но выражаются одним и тем же формальным показателем. Так, окончание *-ой* в именах прилагательных единственного числа (современный русский язык) выражает граммему родительного падежа, граммему дательного падежа, граммему творительного падежа и граммему предложного падежа. Третий случай, когда граммемы существуют раздельно и принадлежат разноименным категориям: например, формальный показатель *-а* (современный русский язык) может выражать значения родительного падежа единственного числа имени существительного, именительного падежа женского рода единственного числа, именительного падежа множественного числа мужского и среднего рода и — женский род кратких имен прилагательных и глаголов прошедшего времени.

Особенно любопытны с точки зрения теории грамматических явлений языка такие соотношения граммем и формальных показателей, когда и граммем несколько, причем существующих раздельно, и формальных показателей также несколько. Поучительный пример такой категории — родительный падеж имен существительных в русском языке. Этот падеж располагает набором граммем (значение принадлежности, значение части целого, значение объекта действия, значение субъекта действия, значение определительное и иные). Эти граммемы чередуются в речи, они не выступают в совокупности. Они выражены разными формальными показателями (окончания *-а*, *-и*, *-ы*, *-ов*, *-ей*, *-о*), причем любой из этих показателей в определенных условиях речевого применения имени существительного может стать выразителем любого из грамматических значений. Как наше языковое сознание «собирает» столь многоликий и пестрый материал в одну грамматическую категорию? Видимо, это происходит так. Какая-то из граммем, например значение принадлежности, воспринимается нами в связи со всеми перечисленными формальными показателями, устанавливается их тождественный по выражаемому значению ряд. С этим же функциональным рядом показателей грамматического значения связывается другая граммема — скажем, значение части целого или определительное. Затем сознание устанавливает внут-

реннюю взаимосвязь граммем по их принадлежности падежной системе и, может быть, их внутренним семантическим переходам. Таким образом, сознание связывает один и тот же функциональный ряд формальных показателей с одним и тем же пучком граммем. Что и требовалось установить.

Можно наметить типологию грамматических категорий, в основание которой будет положен тот знаковый языковой материал, который ими обобщается.

Так, грамматические категории могут формироваться на основе обобщения классов слов по единому для всего класса грамматическому значению. Это всем хорошо известные части речи, каждая из которых представляет собою единство грамматического значения и средств, показателей, формальных выразителей этого значения. Говоря строже, грамматической категорией, которую мы называем частью речи, оказывается не сам по себе класс слов как некоторый упорядоченный или неупорядоченный их «набор» (или совокупность), а тот общий для всех слов класса грамматический стержень, который все эти слова делает грамматически одинаковыми или очень похожими. Для существительного таким стержнем является категория предметности, для глагола — категория процессуальности и т. д. Метонимически и сам класс слов мы называем грамматической категорией. Устойчиво убеждение в том, что часть речи — это лексико-грамматический разряд (или класс) слов. Почему лексико-? Почему не просто грамматический? Потому что обобщаются слова? Но мы уже говорили о том, что слова могут получать и получают в структуре языка три типа обобщений — лексические, словообразовательные и грамматические. Части речи — это грамматически обобщенные классы слов, безразличные к лексическим их значениям, что не исключает, впрочем, взаимодействия между лексикой и грамматикой и известного давления лексики на грамматику: например, слова вещественные, собирательные и отвлеченные во многих языках оказывают воздействие на такую грамматическую категорию имени существительного, как число.

К первому типу грамматических категорий — категориям слов принадлежат не только сами части речи, но и такие более узкие по составу лексем категории, выделяемые внутри той или иной части речи, как родовые классы, типы склонения и спряжения, качественность-относительность в именах прилагательных и т. д.

И тогда, когда грамматическая категория первого типа объединяет слова в пределах всей части речи, и тогда, когда такая категория объединяет слова в подклассы внутри класса (части речи), остается общий признак таких категорий — обобщение их грамматическим значением не ряда форм, вариантов слова, а ряда, класса слов.

Ко второму типу грамматических категорий, формируемых языком на базе обобщения его материала, нужно отнести категории словесных форм. Каждая из таких грамматических категорий

своим грамматическим значением обобщает ряды, классы и подклассы грамматических форм слова — по общности грамматического значения. К числу таких именно категорий принадлежит категория падежа в индоевропейских, тюрко-татарских, финно-угорских и иных языках. К их числу относится и одна из наиболее распространенных в разных языках глагольных категорий — категория времени. В русском и других славянских языках категориями словесных форм являются категории лица и числа в глаголе, числа, рода и падежа в имени прилагательном и т. д. Может случиться так, что категория одного и того же имени (вернее, названная одним и тем же именем) в разных языках и даже в одном языке окажется принадлежащей к разным типам — категориям слов или категориям словесных форм. Род имен существительных обобщает подклассы слов в пределах имен существительных и классы форм в пределах имен прилагательных (разумеется, в тех языках, где родовые различия прилагательных выражены).

Совокупность и система грамматических категорий слов и грамматических категорий словесных форм и образуют морфологию языка.

Третий тип грамматических категорий — это категории словесных позиций. Понятие позиции применяется довольно широко в лингвистике, но не всегда уточняется. Мы будем иметь в виду, говоря о позиции, «место», занимаемое полнознаменательным словом в микроструктуре предложения. Эти «места» представляют собою не что иное, как типовые, воспроизводимые в структурах предложений отношения их структурных частей, или членов предложения. Каждый член предложения как раз и есть одна из грамматических категорий третьего типа, т. е. категорий, обусловленных позиционно. Действительно, каждый член предложения имеет свойственное ему грамматическое значение и свои формальные показатели, это значение выражающее. Количество и качество членов предложения как грамматических категорий зависит от их включенности в три-четыре типа отношений: а) отношения предикативные (предмет — его бытийный признак), б) отношения объектные (зависимый предмет и предмет или процесс господствующий), в) отношения определительные (признак предмета и предмет) и г) отношения обстоятельственные (обстоятельства, условия и процесс, который в них протекает). На базе этих именно четырех типов отношений сложилась грамматическая категория членов предложения и выделились в языке подлежащее и сказуемое, связанные предикативным отношением, дополнение, определение и обстоятельство. Не кажутся убедительными и обоснованными попытки изгнать из современных грамматических описаний предложения второстепенные члены предложения. Ссылки на то, что в каких-то случаях второстепенные члены предложения выделены нечетко или осознание их противоречиво и двойственно,— такие ссылки неубедительны. Нужно вспомнить школьную практику, которая много-много раз доказала, что подлежащее, сказуе-

мое, дополнение, определение и обстоятельство — реальные языковые единицы, легко и, как правило, непротиворечиво обнаруживаемые и учащимися. Случаи же неотчетливого выделения и опознавания членов предложения есть, они и должны быть, но они сравнительно немногочисленны и обычно объясняются двузначностью тех или иных членов предложения (*поехал в город* — к у д а? обстоятельство; *цветок положил в книгу* — в о ч т о? и к у д а? дополнение и обстоятельство; *книга лежит на диване* — г д е? и н а ч е м? обстоятельство и дополнение).

Члены предложения, и главные и второстепенные, будучи грамматическими категориями словесных позиций, объединяют общностью грамматического значения полнознаменательные слова, занявшие в высказываниях соответствующую позицию, т. е. вступившие в воспроизводимый высказываниями тип синтаксических отношений.

Подлежащее — член предложения, занимающий грамматически независимую позицию со значением предмета. Значение предмета в синтаксисе не совпадает со значением предмета в морфологии, хотя и опирается на него. Подлежащее, как правило, выражается словами с предметным морфологическим значением (имена существительные, местоимения — существительные), но может выражаться, как известно, и другими частями речи, и словосочетаниями, и даже целыми высказываниями *(Ее резкое «Нет, я тебе ничего не скажу» нас удивило и озадачило)*. Для языка как будто становится безразличным, какие морфологические и лексические средства использованы, лишь бы была занята синтаксическая позиция грамматической независимости и со значением предмета. Но что же такое предмет в синтаксисе?

В морфологии предмет — это все то, что можно мыслить обладающим признаками и способным действовать (быть включенным в процесс). В синтаксисе предмет — это все то, что можно мыслить независимым и обладающим бытийным признаком: *Пятью пять — двадцать пять*; *Учиться — никогда не поздно*; *Чистота — залог здоровья*; *Далече грянуло «ура!»*; *Поезд опаздывает на полчаса*. Бытийный признак предмета обнаруживает для нашего сознания бытие предмета во времени, соединением подлежащего и сказуемого (а этот член предложения как раз и обозначает бытийный признак предмета, обозначенного подлежащим) мы как бы устанавливаем включенность в процесс бытия того явления, которое поименовано словом (или словами), стоящим в позиции подлежащего. Это «то, о чем говорится в предложении», а сказуемое обозначает «то, что говорится о подлежащем»,— но взятое не в плане актуального мышления, а в плане фиксации моделью предложения как бы застывшего, бесконечно повторяемого акта опознавания сознанием двух связанных вещей — чего-то существующего в мире и того признака, благодаря которому это «что-то» обнаруживает для нашего сознания свое бытие, свою включенность в процесс бытия; тем самым как бы

вновь и вновь, каждым применением каждого предложения, подтверждается простая истина: а нам не дано осознать ни одно явление вне категории его бытия.

Сказуемое, как уже сказано,— это член предложения, занимающий грамматически полузависимую позицию со значением бытийного признака предмета. В лингвистических работах 40—70-х гг. XX в. нередко появляются утверждения о примате сказуемого по сравнению с подлежащим. Сказуемое объявляется вершинной точкой цепи («дерева») предложения, «абсолютным независимым». Может быть, для того чтобы нарисовать дерево зависимостей, обозначающее структуру предложения, такое выдвижение сказуемого на первое, высшее, грамматически независимое место и можно как-то объяснить. Но если думать не о деревьях зависимостей, изображающих предложения, а о действительной структуре реальных предложений, то отстоять такой взгляд едва ли возможно. Дело в том, что подлежащее и сказуемое предполагают друг друга: они связаны одним и тем же, предикативным, отношением. В самом этом отношении участвуют две позиции и два значения — предмет и его признак. Кому приходило в голову признак объявить главным элементом отношения, а предмет, которому признак принадлежит,— зависимым? Но есть и другая сторона медали. Морфологически подлежащее легче и чаще выражается именами существительными и местоимениями-существительными (во всяком случае, в тех трех семьях языков, которые прежде всего приняты здесь во внимание); сказуемое морфологически выражается легче и чаще глаголами и прилагательными с глагольной связкой. Так вот, если взять морфологическое выражение подлежащего и сказуемого, то, что от чего зависит на этом уровне выражения?

В предложениях *Птицы прилетели* и *Весна — дружная* морфологически не может имя существительное уподобляться глаголу и имени прилагательному. Происходит только обратное, т. е. уподобление глагола и имени прилагательного имени существительному. Назвать это можно как угодно — согласованием или координацией — суть от этого не меняется: морфологическое уподобление одного слова другому существует, и это не может быть уподоблением имени существительного прилагательному или глаголу. Так что ни отношения, связывающие два главные члена предложения с их значениями предмета и бытийного признака, ни морфологическое выражение этих отношений не дают основания и права называть сказуемое центральным, главным, основным членом и подчинять ему подлежащее. Грамматически независимым было и остается только подлежащее, сказуемое же, по сравнению со второстепенными членами, обладает полузависимостью, потому что оно может подчиняться только подлежащему и никакому иному члену предложения, да и зависимость его от подлежащего несколько отличается от зависимости второстепенных членов от своих грамматически господствующих коррелятов.

§ 73. Не очень давно возникла проблема второстепенных членов предложения. Казалось, что вполне устоялись представления о том, что существуют в предложении дополнения, определения и обстоятельства, имеют свойственные им грамматические значения и свою систему выражения этих значений. Однако одна за другой появилось несколько статей, авторы которых доказывали несостоятельность традиционных взглядов. В. В. Виноградов пишет: «И все же синтаксические признаки второстепенных членов предложения складываются и развиваются на базе твердо установившихся морфологических категорий и их функционально-синтаксического осложнения в системе разных типов словосочетаний. Именно так установилась категория определения, морфологическим ядром которой явились качественные и относительные прилагательные. Не менее определенны морфологические основы категории дополнения-формы и функции косвенных падежей имен существительных в тех случаях, когда предметное значение имени не поглощается оттенками определительного и обстоятельственного характера и не растворяется в них. Морфологическую базу синтаксической категории обстоятельства составляют наречие и функционально близкие к нему формы косвенных падежей существительных (обычно с предлогом), когда в них закрепляются значения обстоятельственных отношений» (40, 281—282). Таким образом, В. В. Виноградов недвусмысленно признает как языковые реальности второстепенные члены предложения, хотя далее и пишет: «...выделение трех второстепенных членов предложения и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на грамматических принципах.

Таким образом, традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре. Этот пересмотр требует углубленного изучения всех видов синтаксических связей между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений» (40, 282—283).

Предпринята не одна попытка пересмотреть традиционную модель второстепенных членов предложения, хотя нет ни одной работы, в которой излагались бы результаты основательного изучения всей проблемы; обычно дело ограничивается критикой традиционной концепции и предложениями новых концепций — без углубления в материал языка и теорию его описания и понимания.

Одну из попыток пересмотра учения о второстепенных членах предложения осуществил И. П. Распопов. Отказавшись от принятого традицией деления второстепенных членов на дополнения, определения и обстоятельства, И. П. Распопов предлагает различать атрибутивные определения *(интересная книга, наши друзья)*, номинативные определения *(попрыгунья-стрекоза, река Волга)*, субстантивные дополнения *(читает книгу, увлекается шахмата-*

ми), инфинитивные дополнения *(желание встретиться, обещание приехать)*, атрибутивные дополнения *(весело смеется, читал до изнеможения, говорит шепотом)* и обстоятельственные дополнения *(приехал вчера, при желании сделает, подсматривал из любопытства, кувыркался для потехи, путешествие по Волге, возвращение через месяц, жизнь в неволе, любовь из сострадания)*. Все примеры взяты из числа предложенных самим И. П. Распоповым, и они поучительны ⟨115, 60—61⟩.

Но, может быть, все же еще раз задуматься, стоит ли отказываться от традиции в учении о второстепенных членах предложения? Как можно посмотреть на второстепенные члены под углом зрения грамматических категорий? Если подлежащее и сказуемое связаны отношением «предмет — его бытийный признак», то второстепенные члены предложения связаны отношениями трех типов — объектными, определительными и обстоятельственными. Обязательным участником объектного отношения является зависимый член предложения со значением предмета. С таким членом предложения соотносятся формы косвенных падежей вопросительно-относительных местоимений *кто* и *что*. Полезно задуматься, что скрывается за такой соотнесенностью. *Мы читаем книги, слушаем радиопередачи, смотрим телерепортажи и кинокартины, изучаем литературу и астрономию, отдыхаем на море, ездим на Байкал*. В этом высказывании после глаголов-сказуемых идут второстепенные члены, которые мы и проверим на соотнесенность с местоимениями *кто, что*. Получилось: ч т о — *книги*, ч т о — *радиопередачи*, ч т о — *телерепортажи*, ч т о — *кинокартины*, ч т о — *литературу*, ч т о — *астрономию*. А дальше соотнесенность меняется: *отдыхаем на море* — г д е, *ездим на Байкал* — к у д а. Должен или не должен лингвист считаться с этим очевидным фактом, который, если нужно, будет установлен почти любым школьником восьмого класса? Видимо, должен. Но если так, лингвист не может не заметить того, что изменение соотнесенности второстепенных членов с местоименными словами указывает на изменение отношений между членами предложений и изменение грамматического значения этих членов. Почему столь разные лексически единицы языка, как *книги, радиопередачи, телерепортажи, кинокартины, литературу, астрономию* и многие другие соотносятся с одним и тем же местоимением *что*? Очевидно, потому, что местоимение *что* проявляет скрытое в этих разных словах как членах предложения их грамматическое значение зависимого предмета. Можно, с известным приближением к действительности, построить такую модель предложения: *Кто-то осуществляет что-то* и соотносить с этой моделью реальные высказывания: *Мальчик читает книгу; Студенты изучают математику; Ветер пригибает деревья; Солнце освещает поля; Народы завоевывают свободу; Сознание отображает бытие*. Все эти высказывания вполне удовлетворительно соотнесены с нашей моделью, и эта соотнесенность дает многое для понимания того, что

такое грамматическое значение членов предложения: подлежащее имеет значение независимого предмета, дополнение — зависимого.

Итак, дополнение — это второстепенный член предложения, имеющий значение грамматически зависимого предмета.

Определение — это второстепенный член предложения, имеющий значение грамматического признака предмета.

Обстоятельство — это второстепенный член предложения, имеющий значение грамматического признака процесса или другого признака.

Примем эти дефинитивные разграничения второстепенных членов, понимая необходимость улучшения дефиниций. Но и без идеальных дефиниций второстепенных членов предложения ясно, что они представляют собою синтаксические категории: каждый второстепенный член имеет свое грамматическое значение и выражение этого значения.

Ясно и другое: второстепенные члены — это не конкретные слова в высказывании,— это те грамматические позиции, которые конкретными словами замещаются и которые представляют собою типовые отношения, возникающие в структуре простого предложения. И подобно тому как в узнавании морфологического значения повелительного наклонения мы идем, как это хорошо показал А. М. Пешковский, не от формы, а от значения к форме,— подобно этому в узнавании каждого второстепенного члена мы также идем не от средств выражения его грамматического значения, а именно от самого этого значения. И когда мы соотносим то или иное местоименное слово с членами простого предложения, мы осуществляем операцию выделения в конкретных лексемах того общего, грамматического, синтаксического «смысла», той синтаксической семантики, которая и является внутренней стороной грамматической категории. Попытаемся еще раз построить несовершенную, но тем не менее пригодную для работы модель простого предложения: *Какой-то деятель как-то осуществляет что-то.* И пусть в этой модели слово *деятель* имеет предельно широкий, почти местоименный смысл. Тогда по этой модели мы можем построить такие, например, высказывания: *Маленький мальчик быстро ест суп*; *Человек в шляпе медленно пересекает площадь*; *Жители поселка с увлечением сажают деревья*; *Весеннее солнце хорошо прогревает почву*; *Наши приятели легко осваивают производство.* Модель, как видим, работает. Она обобщает разные слова, занимающие одинаковые синтаксические позиции. Подобную работу осуществляют и схемы простых и сложных предложений, используемые школой, а также система грамматических вопросов, применяемых в процессе «разбора предложений»: если какой-то член предложения соотносится с определенным грамматическим вопросом, это означает, что местоимение, входящее в конструкцию вопроса, может быть подставлено на место члена предложения — именно потому, что член предложения и местоимение имеют общность или сходство грамматического значения. Местоимения в со-

ставе грамматических вопросов становятся всеобщими эквивалентами всех полнознаменательных слов, занимающих в любых высказываниях одну и ту же синтаксическую позицию. Иначе говоря, такие местоимения оказываются и выразителями грамматического значения соответствующих членов предложения, наряду с другими морфологическими средствами выражения членов предложения, использованными в самой структуре высказывания.

Нередко говорят и пишут о том, что деление второстепенных членов на дополнения, определения и обстоятельства неудовлетворительно, потому что не дает четких контуров каждого члена. Этот аргумент слаб по двум, по крайней мере, причинам. Во-первых, кто установил, будто контуры каждого второстепенного члена предложения должны быть вполне четкими? Не осмотрительнее ли предположить, что этой четкости язык и не должен давать — из-за общей подвижности всех его категорий и из-за непрерывного развития сознания и мысли людей. Во-вторых, нужно принимать во внимание синтаксическую полисемию, подобно тому как мы принимаем синонимию лексическую. И тогда мы не будем в любом слове любого высказывания искать один и только один грамматический смысл. Многие члены предложения двузначны, т. е. совмещают в одной форме два грамматических значения — объектное и определительное, объектное и обстоятельственное, определительное и обстоятельственное. Естественно, соответствующие члены предложения могут и должны в описаниях грамматических структур получать двойное терминологическое обозначение. В таких случаях одна из задач изучения и описания языка будет заключаться в том, чтобы выяснялись причины и условия, в которых члены предложения приобретают двузначность; среди этих причин и условий может быть и взаимодействие лексики и грамматики, влияние синтагматических связей лексических единиц на синтаксические отношения членов предложения. В настоящее время в науке нередки случаи смешения синтагматики лексических единиц и синтаксических отношений членов предложения, что, по-видимому, как-то отразилось и в очень интересной работе Г. А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (М., 1973). Трудно, например, согласиться со следующим утверждением автора этой книги: «Наиболее существенным с точки зрения синтаксических связей является тот признак слова, который можно назвать степенью семантической наполненности.

Степень семантической наполненности определяет степень необходимости в восполнении смысла данного слова другими словами, следовательно, необходимости для него синтаксической связи с другими словами» (68, 45). И далее, со ссылкой на мнения Л. В. Щербы и В. Шмилауэра, говорится о словах с абсолютным значением и словах с релятивным значением: первые «обладают достаточной семантической наполненностью, чтобы не нуждаться в обязательном восполнении. Они могут быть распространены другими словами: *письменный стол*, *стол из пластика*, *стол для*

работы, *сильный ветер*, *ветер с юга*, *дышать носом* и т. п., но они не требуют этого распространения как необходимого.

Слова с релятивным значением нуждаются в восполнении, без восполняющих слов смысл их недостаточен: *увидеть*, *встретить*, *потерять* требуют восполнения, отвечающего на вопрос к о г о — ч т о?, как и вся категория переходных глаголов; *любоваться*, *руководить*, *заведовать* неполны без ответа на вопрос к е м — ч е м? *очутиться*, *находиться*, *обитать* — на вопрос г д е? и т. д.» (68, 46).

Если признавать различные типы синтагматики, то нужно, видимо, признать, что те явления в словах и их сочетаемостных возможностях, о которых пишет Г. А. Золотова, вполне укладываются в пределы синтагматики лексической и, частично, морфологической. Почему все это должно признаваться наиболее существенным с точки зрения синтаксиса, остается неразъясненным.

Видимо, связано как-то с общими теоретическими позициями Г. А. Золотовой в области синтаксиса и следующее ее утверждение: «Возьмем падежную парадигму имени. Сложилось прочное представление, что главная граница в парадигме проходит между именительным падежом и всеми остальными, косвенными падежами. По этой линии и на этом единственном основании проводится противопоставление независимой формы — зависимой, неподчиненной, неуправляемой — подчиненной, управляемой, главного члена предложения — второстепенным, подлежащего — дополнению, субъекта — объекту и т. д. Этим делением определяются многие пункты принятых в грамматике классификаций и квалификаций» (68, 50—51). Хочется заступиться за принятые в грамматиках классификации, противопоставления. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что в традиционном смысле и понимании не главный член противопоставляется второстепенным, а главные, и само противопоставление главных членов второстепенным отнюдь не «на этом единственном основании» осуществляется. Не «на этом единственном основании» противопоставляется подлежащее дополнению и разграничиваются второстепенные члены. В книге Г. А. Золотовой как бы морфологизуется не только понимание синтаксиса языка, но и синтаксической науки.

Действительно, существует новая и сложная проблема, поставленная своеобразно и остро В. В. Виноградовым,— проблема взаимодействия синтаксиса, морфологии и лексики. Однако она еще ждет не только своего решения, но и правильного обоснования для ее исследования. Известно, что семантика лексическая, значения конкретных слов влияют на морфологическую синтагматику и на синтаксические отношения, возникающие между словами в предложении. *Выступление артиста — выступление* ч ь е? или к о г о? *встреча артиста — встреча* к о г о? и походка артиста — к а к а я? В первом случае перед нами субъектное значение, во втором — объектное, в третьем — определительное. Первое значение даст дополнение, второе также дополнение,

третье — определение. Однако эти и подобные факты не могут поколебать навязываемого ими лингвисту представления о том, что все многообразие значений и отношений между знаменательными словами в словосочетании и предложении обобщается, на уровне синтаксической структуры, в трех категориях второстепенных членов предложения и двух категориях главных членов.

Очевидно, существует и проблема взаимодействия словосочетания и членов предложения. В словосочетании слова находят друг друга на базе лексико-семантической и морфологической валентности. Для простоты не будем принимать сейчас во внимание словосочетания сочинительные, тем более что многие лингвисты оспаривают их признание. В словосочетании подчинительном (*чтение книги, игра в пятнашки, белая береза, читать бегло, заниматься до усталости* и т. д.) всегда есть смысловые связи и связи морфологические, этими связями регулируется форма словосочетания и его лексическое наполнение. Кроме того, в любом подчинительном словосочетании возникают отношения, ведущие к синтаксису, отношения господства и подчинения, и синтаксические отношения объектности, определительности, обстоятельственности.

В любом подчинительном словосочетании зависимое слово выступает в двух, по крайней мере, грамматических функциях, очень существенных для понимания собственно синтаксических отношений и понимания грамматических категорий второстепенных членов предложения. Одна функция — это функция реализатора морфологической валентности господствующего слова, вторая — функция выразителя собственного отношения к господствующему слову. В словосочетании *Читать журнал* зависимое слово реализует морфологическую валентность глагола *читать* и выражает свое, объектное, отношение к этому глаголу. Первая функция имеет направленность от господствующего слова к зависимому и является морфологической по существу, что может быть установлено при помощи грамматических вопросов: *отдыхать под деревья́ми* (п о д ч е м?), *яблоко из корзины* (и з ч е г о?). Вторая функция имеет направленность от зависимого слова к господствующему и является по существу своему синтаксической, что тоже может быть установлено при помощи соответствующих вопросов: *отдыхать под деревьями, в лесу, на поляне, за городом, вдалеке от дома* (г д е?); *яблоко — спелое, с привкусом горечи, из корзины, для десерта, из-за моря* (к а к о е?). Легко заметить, что форма грамматического вопроса, нужного для «проявления» первой функции, может не совпасть с формой вопроса, нужного для «проявления» второй функции.

Таким образом, уже в пределах словосочетания возникают те отношения, на основе которых традиционное синтаксическое учение разграничивает дополнение, определение и обстоятельство. Это, по существу, те зависимые типовые позиции, в которых оказываются полнознаменательные слова в составе словосочетания и

предложения. Слова меняются, а позиция остается. Даже морфологический облик слова может меняться в одной и той же позиции (определение может быть выражено именем прилагательным, именем существительным несогласованным, местоимением, инфинитивом и т. д.). Полнознаменательные слова в составе предложения нередко имеют две связи — и связь господства, и связь подчинения. Однако, когда мы устанавливаем, какой перед нами член предложения, нас интересуют только зависимые связи соответствующих слов. Получается, что господствующее грамматически слово в своем отношении к зависимому прежде всего морфологично (оно реализует свои синтагматические возможности как часть речи), то же самое слово как зависимое в своем отношении к господствующему прежде всего синтаксично (оно выявляет одно из типовых синтаксических отношений, выявляет синтаксическое значение члена предложения).

Иначе говоря, полнознаменательное слово в высказывании мы опознаем как член предложения по его позиции грамматической зависимости, а не грамматического господства. В высказывании *Весеннее солнце вновь озарило своими лучами лесную поляну, уже покрывшуюся зеленью молодой травы* слова *озарило, лучами, поляну, покрывшуюся, зеленью, травы* одновременно и грамматически зависят, каждое от какого-то слова, и господствуют над каким-то словом. Но, когда мы решаем, что *озарило* — сказуемое, *лучами* — дополнение, *поляну* — дополнение, *покрывшуюся* — определение, *зеленью* — дополнение, *травы* — дополнение, нас не интересует позиция грамматического господства этих слов — мы принимаем во внимание их позицию подчинения: *поляну* — дополнение потому, что имеет значение зависимого объекта, отвечает на вопрос винительного падежа; *покрывшуюся* — определение потому, что имеет значение признака предмета, зависит от существительного, отвечает на вопрос к а к у ю?; *лучами* — дополнение потому, что имеет значение зависимого объекта — орудия действия, отвечает на вопрос творительного падежа ч е м?; *зеленью* — дополнение потому, что имеет объектное значение, отвечает на вопрос ч е м?; *травы* — дополнение или определение потому, что имеет два грамматических значения — объекта и признака предмета — и отвечает соответственно на два вопроса ч е г о? или к а к о ю?

Проблема второстепенных членов остается проблемою, в частности потому, что синтаксические отношения в простом предложении выражаются при участии морфологической синтагматики, т. е. при участии соединений слов как частей речи.

На отношения синтаксические накладываются и с ними переплетаются отношения слов как частей речи в их соединении. Создается впечатление, что структурной единицей синтаксиса является словоформа, а не синтаксическая категория. Между тем предложение в его речевой реализации (высказывание) имеет три уровня построения — собственно-синтаксический, морфологи-

ческий и лексико-семантический. Очевидно, что когда мы говорим о предложении как структурной единице языка, мы должны уметь отвлечься от лексического, а затем и морфологического уровней его речевой реализации. Мы должны попытаться снять два пласта, не позволяющих нам увидеть синтаксис. А для этого, кроме разграничения трех упомянутых уровней построения высказывания, необходимо помнить о несовпадении языка и речи. В языке — синтаксические категории словесных позиций и словесных конструкций, в речи — их воплощение в слове как факте лексики и морфологии.

Помимо главных и второстепенных членов предложения, к числу грамматических категорий синтаксических позиций нужно отнести категории вводности, обособления, однородности и обращения. Каждая из них имеет устойчиво повторяющееся из одного предложения в другое грамматическое значение и средства его формального выражения.

§ 74. Взглянем бегло на грамматические категории словесных конструкций, которые вместе с категориями словесных позиций и образуют синтаксическую структуру языка. Возможно, наука пока не имеет настолько ясного понимания категорий этого типа, чтобы можно было отчетливо и непротиворечиво их описать. Поэтому те соображения, которые будут здесь высказаны, предназначены не для того, чтобы дать читателю однозначный ответ на соответствующий круг вопросов, а для того, чтобы побудить его к обдумыванию возможных ответов.

Само предложение, простое или сложное, уже есть синтаксическая категория, и, как любая грамматическая категория, оно имеет грамматическое значение и средства выражения этого значения. Что значит предложение как синтаксическая категория? Информацию о чем или о ком оно выражает и возбуждает?

По-видимому, прежде всего информацию об осуществлении одного акта сознания (или мышления) и об адресованности его результатов слушателю или читателю. Именно поэтому предложение — единица коммуникативная, т. е. не называющая только какие-то предметы, явления, процессы, признаки и т. д. (это делают слова), а сообщающее более или менее завершенную информацию, что совершенно необходимо для реализации акта общения. Предложение — минимальная коммуникативная единица языка. Его грамматическое значение выражается разными грамматическими средствами, в больших пределах видоизменяемыми в разных языках. Но одно из средств оказывается обязательным — это интонация завершенности структуры одного предложения. Эта интонация будет иметь свой рисунок в английском, русском, хиндустани или суахили. Но рисунок будет, и он будет повторяться, и повторяясь, информировать о завершенности акта сознания и его выражения — наподобие того, как это происходит в нашем родном языке: «*Он поежился, застегнул шинель. С реки задувал холод-*

ный ветер. Кузьмин разыскал помощника капитана, спросил, долго ли пароход простоит в Наволоках.— Часа три,— ответил помощник.— Смотря по погрузке. А вам зачем? Вы же едете дальше.— Письмо надо передать. От соседа по госпиталю. Его жене. Она здесь, в Наволоках». (К. Паустовский.) Читатель замечает, как интонация завершенности которой соответствуют на письме точки и вопросительный знак, членит речевой отрезок на предложения, и каждое из них «выдает» читателю информацию о завершенности одного акта сознания — мысли.

За привычными со школьной парты грамматическими терминами: «предложение простое» — «предложение сложное», «предложение двусоставное» — «предложение односоставное», «предложение полное» — «предложение неполное», «предложение повествовательное» — «предложение вопросительное» — «предложение побудительное», «предложение невосклицательное» — «предложение восклицательное» и т. д.— стоят разные синтаксические категории словесных конструкций. Описать и понять каждую из них — это значит описать и понять свойственное ей грамматическое значение и выражающие это значение формальные показатели.

Совокупность и система грамматических категорий словесных позиций и грамматических категорий словесных конструкций — это и есть синтаксис языка, соотнесенный и связанный в пределах грамматики с морфологией языка.

§ 75. Грамматические категории могут иметь более простое и более сложное внутреннее устройство, внутреннюю организацию. Это выражается, в частности, в том, что в составе категории могут выделяться, в свою очередь, категории, ее образующие. Так, в составе категории имени существительного во многих языках выделяются такие категории, как падеж, род, число, определенность, принадлежность; в глаголе — такие категории, как залог, вид, наклонение, время, лицо и т. д. Категория падежа или категория времени, в свою очередь, дают варианты, каждый из которых тоже оказывается категорией (именительный падеж — винительный падеж, настоящее время — прошедшее время — будущее время). Получается, что в грамматике того или иного языка есть основные категории и есть сопутствующие основным, конкретизирующие их и реализующие их внутреннюю природу. Все-таки, как правило, категория имени существительного, а не глагол, обладает сопутствующими категориями падежа, а глагол, как правило, имеет сопутствующие категории наклонения и времени. Между значением предметности имени существительного и значениями падежей, информирующих о связях предметов с предметами и предметов с процессами, обнаруживается некая глубокая внутренняя зависимость. То же самое можно сказать о значении процесса и значениях категорий залога, вида, наклоне-

ния, времени. Обнаруживается внутренняя зависимость и между сопутствующими категориями, свойственными одной и той же главной, или основной. Есть зависимость между категорией падежа и категорией рода, между категорией вида и категорией времени, категорией залога и категорией вида и т. д. Внутренняя организация каждой основной категории оказывается подчиненной возможностям ее грамматического значения и свойствам каждой из сопутствующих категорий.

Не только морфология, но и синтаксис располагает основными и сопутствующими категориями. Назовем здесь хотя бы категории коммуникативности, модальности и предикативности в простом предложении, категории разных типов подчинения в сложном и т. д. Задача описания и истолкования этих категорий непроста, и об этом можно судить хотя бы по тем противоречиям и по той смутности решений, которые предлагаются во многих современных работах. Показательны и поучительны колебания авторов АГ-54 и АГ-70 в разъяснениях понятий и терминов «предикативность» и «модальность». В АГ-54 сказано: «Таким образом, значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» (57, 80). И далее на той же странице: «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения...» И далее: «Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальное отношение. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложений. Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается модальными частицами и словами, а также особыми формами интонаций» (57, 81).

Еще неопределеннее говорится о категориях предикативности и модальности в АГ-70: «Простое предложение обладает своей собственной системой формальных свойств, позволяющих ему специальными грамматическими средствами обозначать, что то, о чем сообщается, или реально осуществляется в настоящем, прошедшем или будущем, или же мыслится как ирреальное, т. е. возможное, желаемое, должное или требуемое. Весь этот комплекс грамматических значений называется *объективно-модальными значениями* или *объективной модальностью*.

Синтаксические категории, в которых определенными грамматическими средствами представлены объективно-модальные значения, образуют систему синтаксических времен и наклонений».

«Итак, простое предложение обладает категориями объективной модальности и синтаксического времени и соответствующей системой средств их выражения. Обе эти категории не существуют друг без друга, они образуют неразрывное единство — к а т е г о р и ю п р е д и к а т и в н о с т и, которая присутствует в каждом предложении и является его г р а м м а т и ч е с к и м з н а ч е н и е м.

Наличие к а т е г о р и и п р е д и к а т и в н о с т и, т. е. выражаемого специальными средствами нерасчленяемого значения объективной модальности и синтаксического времени, наряду с существованием собственной структурной схемы, является важнейшим признаком простого предложения и как самостоятельной грамматической (синтаксической) категории» (58, 542).

Ни АГ-54, ни АГ-70 не пояснили убедительно термины «модальность» и «предикативность». Кроме того, предложенное этими грамматиками понимание предикативности резко разошлось с традиционным: сама категория получила иную предметную отнесенность. Было принято предикативность связывать с отношением сказуемого к подлежащему, и в этом отношении искать и значение предикативности, и его выражение. Не претендуя на решение вопроса и опираясь на языковые факты, мы можем принять следующие определения терминов:

м о д а л ь н о с т ь — грамматическая категория предложения, информирующая о самых общих фиксированных синтаксической структурой различиях в отношении сознания к действительности. Не содержания высказывания, а сознания! Содержание высказывания всегда отображает действительность — и только;

п р е д и к а т и в н о с т ь — грамматическая категория предложения, информирующая о связи двух фактов (явлений) как предмета и его бытийного признака;

к о м м у н и к а т и в н о с т ь — грамматическая категория предложения, информирующая о завершенности одного акта сознания с целью общения. Модальность, предикативность и коммуникативность — важнейшие грамматические категории, формирующие категорию предложения и подчиненные ей. В сущности, эти три категории внутренне хорошо связаны друг с другом. Вступая в общение с другими, мы сообщаем о каком-то акте сознания, мысли. Осознавая, осмысливая что-то, мы выражаем к осознаваемому свое отношение. И, как правило, мы говорим о чем-то, что осознаем существующим во времени. Категории коммуникативности и модальности обязательны для каждого предложения, категория предикативности может в отдельных типах предложений отсутствовать. Главными средствами выражения

этих категорий оказываются интонация, словопорядок и категории глагола.

§ 76. Каковы функции грамматических категорий по отношению к единицам других автономных механизмов языка, других уровней? Каковы функции морфологических категорий по отношению к синтаксическим и синтаксических категорий — к морфологическим?

Дескриптивная лингвистика выстроила все единицы языка в одну линию. В линейной последовательности знаков выделяются фонемы и морфемы и составленные из тех и других слова и предложения. При таком представлении все единицы языка разбредаются по уровням, и каждая единица низшего уровня участвует в построении и различении единицы высшего уровня.

Как уже говорилось, уровневое представление языковых единиц и связей между ними заманчиво своей кажущейся простотой, но едва ли оправдывается фактами самого языка. Каждая из единиц языка имеет не только протяженность, но и глубину и объем. Это справедливо применительно даже к простейшим единицам — фонеме и морфеме. Это тем более справедливо применительно к грамматическим категориям. В речевой цепи нет части речи, а есть слово, включенное в грамматическую категорию глагола, имени существительного или иной части речи.

В речевой цепи нет категории подлежащего, а есть слово, занявшее позицию подлежащего. Фонема входит в морфему как ее элемент, точнее — элемент звуковой стороны морфемы. Морфема входит в слово как его часть, слово состоит из морфем в линейном плане. Но линейные представления оказываются ненужными, как только мы переходим от слова к морфологической категории. Ни одна морфологическая категория не есть последовательность слов. И ни одна синтаксическая категория не есть последовательность морфем, слов и словосочетаний. В этом глубокое отличие грамматической категории от линейной единицы — фонемы, морфемы и слова (хотя и их линейность относительна). Грамматические категории имеют другое измерение: они «глубинны» и объемны. Они находятся не на линии текста, а в пространстве языка. В тексте оказываются только их представители, репрезентанты.

В каком же отношении категории морфологии и синтаксиса находятся к фонеме, морфеме и слову? Слова эти категории интегрируют, объединяют в классы, закрепленные в самом словарном составе (морфология) или постоянно возобновляемые в высказываниях и не закрепленные в словаре (синтаксис). Морфему эти категории используют в роли интегративного показателя и выразителя грамматического значения. К фонеме категории безразличны и прямо, непосредственно ее не затрагивают.

Отношение к словообразованию у морфологических и синтаксических категорий различно. Морфологические категории взаимодействуют с типами словообразования, влияют на них и принимают

их влияние. Категории синтаксические осуществляют взаимодействие с типами словообразования через синтагматику, которая подвержена влиянию словообразования и вместе с тем участвует в словообразовании, питая процессы создания новых сложных слов и аббревиатур, в частности.

Что касается функций морфологических категорий по отношению к синтаксису и синтаксических по отношению к морфологии, то они мало изучены, хотя и известно, что длительное употребление слов того или иного морфологического типа в одной и той же синтаксической позиции может привести к изменению морфологической спецификации слова. Наречия формировались во многих языках и продолжают формироваться из имен существительных, с предлогами и без предлогов, часто применяемых в позиции обстоятельства. Значение члена предложения закрепляется за словом, трансформируясь, становится его морфологическим значением, а в соответствии с новым значением, его требованиями, преобразуется и форма, утрачивает вариативность и застывает как всякая форма наречия в таких языках, как русский и другие славянские, немецкий и др. Можно предполагать, что в далеком прошлом деление первичных слов на имена и глаголы осуществилось также не без влияния синтаксических позиций, как и более позднее деление имен на существительные и прилагательные.

Категории синтаксические обобщают различные части речи по сходству или единству функции в предложении: прилагательные, причастия, числительные, местоимения, существительные, инфинитивы — в функции определения; существительные, местоимения, наречия, деепричастия — в функции обстоятельства и т. д. Слово *функция* здесь использовано в смысле «роль», а не «значение». Выполняя одну и ту же функцию, слова разных частей речи становятся выразителями одного и того же синтаксического значения.

§ 77. В современных зарубежных и отечественных лингвистических работах нередко встречаются термины «глубинные структуры», «глубинные синтаксические структуры», «глубинный синтаксис» и «поверхностный синтаксис». С этой терминологией связана и некоторая совокупность лингвистических идей, открывающих как будто новые области исследования и новые теоретические возможности. Одним из самых осведомленных в этих вопросах единодушно признан Н. Хомский, современный американский лингвист. Однако пояснения ученого, относящиеся к терминам «глубинные» и «поверхностные структуры», не отличаются четкостью и определенностью: «В картезианской теории Пор-Рояля составляющая соответствует сложной идее, а предложение подразделяется на ряд последовательных сочетаний слов (составляющих), которые, в свою очередь, подразделяются на составляющие и так далее, до тех пор, пока не будет достигнут уровень слова. Таким путем мы получаем то, что можно было бы назвать «поверхностной

структурой» рассматриваемого предложения». «Согласно теории Пор-Рояля, поверхностная структура соответствует только звуковой стороне — материальному аспекту языка; но когда производится сигнал, наряду с его поверхностной структурой, происходит соответствующий мыслительный анализ того, что мы можем назвать глубинной структурой,— формальной структуры, которая прямо соответствует не звуку, а значению». «В теории Пор-Рояля суждения *a man is wise* «человек мудр» и *a man is honest* «человек честен» и входят в глубинную структуру. Скорее эти высказывания входят в сложные идеи, которые даны уму, хотя они редко вычленяются в сигнале, когда предложение произносится в речи».

«Глубинная структура соотносится с поверхностной структурой посредством некоторых мыслительных операций, в современной терминологии — посредством грамматических трансформаций. Каждый язык может рассматриваться как определенное отношение между звуком и значением. Следуя за теорией Пор-Рояля до ее логического завершения, мы должны сказать тогда, что грамматика языка должна содержать систему правил, характеризующую глубинные и поверхностные структуры и трансформационное отношение между ними» (140, 27—28). Вдумаемся в сказанное Н. Хомским. Можно, конечно, ошибиться в истолковании его мыслей: выражены они не столь отчетливо, чтобы исключить «разночтения». Поверхностная структура соответствует звуковой стороне, материальному аспекту языка, следовательно, это членение предложения, которое представлено фонемами и звуковыми оболочками морфем и слов. Глубинная структура — это суждения, пропозиции, это мысли, выраженные поверхностной структурой. Грамматика как лингвистическая теория должна содержать конечный перечень правил бесконечного преобразования глубинных структур в поверхностные; но так как те и другие мыслятся как структуры абстрактные, грамматика должна также располагать правилами их соотнесения с конкретными фонетическими и смысловыми репрезентациями. Вот основная теоретическая идея порождающей грамматики Н. Хомского, заимствованная многими современными исследователями.

Многое в этой идее настораживает. Если глубинные структуры оказываются старыми-престарыми суждениями, зачем терминологическое переодевание? Ведь проблема соотношения суждения и предложения поставлена давно и появились надежды на ее хотя бы частичное решение, эти надежды связаны, например, с так называемым актуальным членением предложения. Если же глубинные структуры — это что-то не совпадающее с суждениями, понятиями, мыслями и другими явлениями сознания,— тем необходимее становится прояснение самого термина «глубинные структуры». Но он остается непроясненным. Более того, он применяется в очень разных значениях. Поклонники семантической философии и порождающих грамматик создают модели, способные только смутить умы молодежи и запутать ясные вещи. Между тем есть

три взаимодействующие макросистемы мира: система объективной жизни (природа и общество), система сознания, отражающего эту жизнь и участвующего в ней, система языка, выражающего деятельность сознания и моделирующего действительную жизнь. Система языка — знаковая система выражения информации сама по себе не обладает активностью, необходимой для превращения смыслов в тексты. Этой активностью обладает сознание. Именно сознание оказывается тем работающим механизмом, который занимается преобразованием смыслов в тексты, т. е. применением языка для выражения нужной людям информации.

* * *

Кратко о б о б щ и м сказанное. В современной лингвистике, отечественной и зарубежной, есть разные взгляды на единицу грамматического строя языка. Многие думают, что единицей грамматического строя является морфема, многие считают, что такой единицей нужно признать слово. В работах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого и других советских лингвистов сложилось понимание единицы грамматического строя как грамматической категории. Г р а м м а т и ч е с к а я к а т е г о р и я — это единство грамматического значения и средств, показателей его формального, внешнего выражения. Грамматическая категория, в отличие от фонемы, морфемы и слова, не может быть выделена в процессе сегментации речевой цепи (выделение фонемы, морфемы и слова таким путем возможно, но оно все же не полно). Грамматическая категория интегрирует, обобщает классы слов, классы форм слов, классы словесных позиций и классы словесных конструкций. В зависимости от этого различаются четыре типа грамматических категорий.

Система грамматических категорий слов и словесных форм образует морфологию языка, система грамматических категорий словесных позиций и словесных конструкций образует синтаксис языка.

Каждая синтаксическая категория имеет свойственное ей грамматическое значение — более обобщенное, чем значение морфологическое. Проблема членов предложения — это проблема грамматических категорий словесных позиций в предложении. Традиционное различение главных и второстепенных членов реалистично и опирается на реальное существование четырех типов отношений между знаменательными словами в предложении: предикативного, объектного, определительного и обстоятельственного. Деление второстепенных членов на дополнения, определения и обстоятельства не поколеблено ни старыми, ни новыми сомнениями. Однако это не значит, что учение о второстепенных членах предложения не может и не должно уточняться, в частности благодаря включению в него сведений о взаимодействии членов предложения и морфологической синтагматики, которая к тому же взаимодействует с синтагматикой лексико-семантической. Синтак-

сические отношения, дающие выделение в предложении дополнений, определений и обстоятельств, возникают уже в пределах словосочетания, в котором зависимое слово выступает в двух функциях — реализатора морфологической валентности господствующего слова и выразителя собственного отношения к господствующему слову. Вторая функция и является синтаксической по существу и лежит в основе различения второстепенных членов предложения, которые могут осознаваться как те зависимые типовые позиции, в которых оказывается зависимое слово в составе словосочетания и предложения. Не нужно забывать о необходимости различения синтаксических категорий в языке и их реализации в речи, в высказывании. Предложение само является одним из типов синтаксических категорий, ему свойственно грамматическое значение (информация о завершенности одного акта сознания и коммуникативной установке говорящего) и формальные выразители этого значения, среди которых главное интонация.

Грамматические категории имеют внутреннюю организацию и позволяют различать категории основные, главные, и сопутствующие основным, их конкретизирующие.

Идеи порождающей грамматики Н. Хомского и глубинной синтаксической структуры не находят места в системе грамматических взглядов, опирающихся на признание грамматических категорий.

Дополнительная литература

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1977 (глава I — Грамматические категории).

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972 («Введение...», § 6).

Докулин М. К. К вопросу о морфологической категории.— Вопросы языкознания, 1967, № 6.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956 (Общая часть. II. Понятие о формальной категории слов).

Поспелов Н. С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи.— В кн.:Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

Степанов Ю С. Основы общего языкознания. М., 1975 (глава III).

Штелинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий.— Вопросы языкознания, 1959, № 1.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке.— В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Глава X

Парадигматика и синтагматика языка

§ 78. В современной лингвистике заметное место занимают гипотезы парадигматической и синтагматической организации языка. Основоположник учения о парадигматических и синтагматических отношениях между единицами языка Фердинанд де Соссюр писал: «С одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно... Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать с и н т а г м а м и» (127, 155). «С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых образуются весьма разнообразные отношения. Так, слово *enseignement* 'обучение' невольно вызывает в сознании множество других слов (например, *ensiegner* 'обучать', *renseigner* 'снова учить' и др., или *armement* 'вооружение', *changement* 'перемена' и др., или *éducation* 'образование', *apprentissage* 'учение' и др.), которые той или иной чертой сходны между собою.

Нетрудно видеть, что эти отношения имеют совершенно иной характер, нежели те отношения, о которых только что шла речь. Они не опираются на протяженность, локализуются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть а с с о ц и а т и в н ы м и о т н о ш е н и я м и.

Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда in absentia» (127, 155—156).

«Все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций» (127, 169).

Учение Ф. де Соссюра о синтагматических и ассоциативных отношениях в языке привлекает своей глубиной. Вместе с тем в этом учении кое-что и настораживает. Так, очевидно, что ассоциативным отношениям дается психологическое, а не объективно-языковое структурное толкование. Ассоциативные отношения, таким образом, переводятся из области языковой системы в отвлечении от психологии ее носителей — в область речевой деятельности; в речевую деятельность погружены у Ф. де Соссюра и синтагматические отношения. Получается, по существу, неявная подмена объекта наблюдения и анализа: вместо социального меха-

низма общения — языка — перед нами индивидуальная психологическая деятельность, связанная с его применением. Возможно, это получается потому, что все учение Ф. де Соссюра о языке несет на себе печать психологизма. Не случайно же ученым сказаны примечательные слова: «В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» (127, 53). Не случайно, по-видимому, и то, что ассоциативные отношения противопоставлены Ф. де Соссюром синтагматическим как «отсутствующие» «наличным». Ассоциативные отношения «в мозгу» и составляют тот запас, который у каждого индивида образует язык, они «соединяют элементы отсутствующие в потенциальный, мнемонический ряд». Невольно создается впечатление, что синтагматические отношения — реальны и потому социальны (они «всегда налицо», «in praesentia»); ассоциативные же отношения индивидуально-психичны, у каждого индивида образуют язык и «соединяют члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд, члены его всегда in absentia» (127, 156).

Наука о языке в настоящее время не может обойтись без обращения к идее Ф. де Соссюра о двух типах отношений, хотя эта идея и получает несколько иное толкование, а термин «ассоциативные отношения» заменяется в исследованиях языка и его вузовском преподавании термином «парадигматические отношения».

Общая теория языка и его изучения, т. е. общее языкознание, не может обойтись без изложения сведений о парадигматике и синтагматике языка — этих двух типах структурной организации всех его элементов и категорий.

Правда, приходится с сожалением сказать, то в существующих работах (имеется в виду, прежде всего, трехтомный труд «Общее языкознание», вышедший в 1970—1973 гг.) парадигматике и синтагматике языка уделено очень малое внимание; к тому же термины и соответствующие им понятия очерчены бегло и смутно. Приведем основное разъяснение по этому вопросу: «Одним из наиболее общих делений языковых отношений является деление отношений на парадигматические (отношения между элементами на парадигматической оси языка) и синтагматические (отношения между элементами на синтагматической оси языка). Понятия синтагматической и парадигматической осей, от толкования которых зависит и трактовка соответствующих типов отношений, в строгом смысле слова являются неопределяемыми в лингвистике. Первоначально понятие синтагматической оси применялось только в том случае, когда речь шла о тексте, в противоположность парадигматической оси, относимой к системе (ср., например, синонимическое словоупотребление синтагматического плана и речевого потока у Мартине...). Однако по мере усложнения интерпретации

понятия системы «синтагматическая ось» стала вводиться и в построение системы.., при этом из понятия «синтагматическая ось» исчез признак физического времени... и заменился признаком логического времени. «Синтагматическое» не обязательно предполагает «последовательное» (seqnential), — пишет в этой связи Дж. Лайенс... «Синтагматические отношения не обязательно предполагают упорядоченность единиц в линейной последовательности, так чтобы субстанциональная реализация одного элемента предшествовала во времени субстанциональной реализации другого». Таким образом, в современной трактовке с и н т а г м а т и ч е с к а я о с ь — это ось логической последовательности элементов (в частном случае, применительно к речевому потоку, логическая последовательность может совпадать с временной в физическом смысле), а парадигматическая ось — это ось логической одновременности элементов» (97, 169).

Для сопоставления точек зрения приведем высказывания Ю. Д. Апресяна из его книги «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (М., 1966). Ф. де Соссюр рассмотрел два вида отношений (противопоставлений) между языковыми единицами: «парадигматические (Ф. де Соссюр называл их ассоциативными) и синтагматические. Первые возникают в результате ассоциации единиц по сходству на парадигматической (вертикальной) оси языка, а вторые — в результате ассоциации единиц по смежности на синтагматической (горизонтальной) оси языка, т. е. в речевом потоке» (22, 33). «Учением о синтагматике и парадигматике Ф. де Соссюр,— пишет Ю. Д. Апресян, – по существу, снял традиционное деление грамматики на морфологию и синтаксис и заменил его различением теории парадигм, изучающей отношения языковых единиц на парадигматической оси, и теории синтагм, изучающей отношения лингвистических единиц на синтагматической оси» (22, 34).

Как видим, авторы двух серьезных работ по проблемам общего языкознания, к сожалению, не имеют сходного понимания парадигматики и синтагматики, хотя и видят все научное значение этого различения. Несколько смущает терминологическая неосторожность, проявившаяся хотя бы в том, что в основу объяснения парадигматики и синтагматики положены термины «парадигматическая ось», «вертикальная ось», «синтагматическая ось», «горизонтальная ось», т. е. термины, сами требующие объяснения. И оказывается, что эти «оси» «в строгом смысле» неопределяемы в лингвистике.

§ 79. Попытаемся представить яснее суть вещей. Думается, что она не так безнадежно сложна, чтобы до нее нельзя было добраться. У Ф. де Соссюра, Н. В. Крушевского и во многих других работах подходы к ней намечены достаточно определенно. Требуется лишь одно: внимательно присмотреться к реальным свойствам и особенностям языковых единиц всех уровней — фо-

нем, морфем, слов, словообразовательных типов, морфологических и синтаксических категорий.

Все эти структурные единицы, во-первых, варьируют, сохраняя, каждая, свое инвариативное существо, и, во-вторых, соединяются с себе подобными (фонемы с фонемами, морфемы с морфемами, слова со словами и т. д.). Вот эти совершенно очевидные вещи и дают основание различать два типа отношений между единицами языка — парадигматические и синтагматические.

На этом основании может быть получено и удовлетворительное определение парадигматики и синтагматики — без обращения к осям, вертикальным, горизонтальным или иным.

Любая парадигма, на любом уровне языковой структуры, представляет собою совокупность вариантов, объединенных общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями. Члены парадигмы избираются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач высказывания, а также структурных свойств членов и парадигмы в целом. Иными словами, члены парадигмы функционируют в речи и вступают в ней в синтагматические отношения. Они существуют в структуре языка и не могут одновременно занимать одно и то же место в потоке речи, структура которой, развертываясь во времени, выбирает, на каждом шаге своего движения, один из членов той или иной парадигмы.

Простейшие примеры парадигм: парадигма спряжения глагола в современном русском, в древнерусском, в современном английском, в современном немецком и т. д. языках; парадигма склонения имени существительного или имени прилагательного в различных языках. Это примеры, так сказать, хрестоматийные. Они, конечно, недостаточны для понимания всей сложности парадигматических отношений в языке.

Для того чтобы «увидеть» парадигматику языка, нужно знать, как она проявляется на различных его уровнях.

Рассмотрим, что представляют парадигмы фонем. Едва ли все лингвисты дадут однозначный ответ на этот вопрос. Однако если обратиться с ним не к лингвистам, а к самому языку, то его ответ окажется достаточно четким.

Так, известно, что одна и та же фонема может иметь несколько позиционных вариантов, т. е. таких вариантов, которые появляются во вполне определенных фонетических условиях — «позициях»: под ударением и в безударном положении, перед гласными и перед согласными, в окружении твердых и в окружении мягких и т. д. В разных языках наборы позиций, разумеется, не совпадают. Однако суть от этого не меняется. Она и заключается в том, что фонема реализуется всегда в одном из своих вариантов. Совокупность закономерно соотнесенных вариантов одной и той же фонемы и есть ее парадигма. Так, в современном русском языке фонема

понятия системы «синтагматическая ось» стала вводиться и в построение системы.., при этом из понятия «синтагматическая ось» исчез признак физического времени... и заменился признаком логического времени. «Синтагматическое» не обязательно предполагает «последовательное» (seqnential), — пишет в этой связи Дж. Лайенс... «Синтагматические отношения не обязательно предполагают упорядоченность единиц в линейной последовательности, так чтобы субстанциональная реализация одного элемента предшествовала во времени субстанциональной реализации другого». Таким образом, в современной трактовке с и н т а г м а т и ч е с к а я о с ь — это ось логической последовательности элементов (в частном случае, применительно к речевому потоку, логическая последовательность может совпадать с временной в физическом смысле), а парадигматическая ось — это ось логической одновременности элементов» (97, 169).

Для сопоставления точек зрения приведем высказывания Ю. Д. Апресяна из его книги «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (М., 1966). Ф. де Соссюр рассмотрел два вида отношений (противопоставлений) между языковыми единицами: «парадигматические (Ф. де Соссюр называл их ассоциативными) и синтагматические. Первые возникают в результате ассоциации единиц по сходству на парадигматической (вертикальной) оси языка, а вторые — в результате ассоциации единиц по смежности на синтагматической (горизонтальной) оси языка, т. е. в речевом потоке» (22, 33). «Учением о синтагматике и парадигматике Ф. де Соссюр,— пишет Ю. Д. Апресян, – по существу, снял традиционное деление грамматики на морфологию и синтаксис и заменил его различением теории парадигм, изучающей отношения языковых единиц на парадигматической оси, и теории синтагм, изучающей отношения лингвистических единиц на синтагматической оси» (22, 34).

Как видим, авторы двух серьезных работ по проблемам общего языкознания, к сожалению, не имеют сходного понимания парадигматики и синтагматики, хотя и видят все научное значение этого различения. Несколько смущает терминологическая неосторожность, проявившаяся хотя бы в том, что в основу объяснения парадигматики и синтагматики положены термины «парадигматическая ось», «вертикальная ось», «синтагматическая ось», «горизонтальная ось», т. е. термины, сами требующие объяснения. И оказывается, что эти «оси» «в строгом смысле» неопределяемы в лингвистике.

§ 79. Попытаемся представить яснее суть вещей. Думается, что она не так безнадежно сложна, чтобы до нее нельзя было добраться. У Ф. де Соссюра, Н. В. Крушевского и во многих других работах подходы к ней намечены достаточно определенно. Требуется лишь одно: внимательно присмотреться к реальным свойствам и особенностям языковых единиц всех уровней — фо-

нем, морфем, слов, словообразовательных типов, морфологических и синтаксических категорий.

Все эти структурные единицы, во-первых, варьируют, сохраняя, каждая, свое инвариативное существо, и, во-вторых, соединяются с себе подобными (фонемы с фонемами, морфемы с морфемами, слова со словами и т. д.). Вот эти совершенно очевидные вещи и дают основание различать два типа отношений между единицами языка — парадигматические и синтагматические.

На этом основании может быть получено и удовлетворительное определение парадигматики и синтагматики — без обращения к осям, вертикальным, горизонтальным или иным.

Любая парадигма, на любом уровне языковой структуры, представляет собою совокупность вариантов, объединенных общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями. Члены парадигмы избираются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач высказывания, а также структурных свойств членов и парадигмы в целом. Иными словами, члены парадигмы функционируют в речи и вступают в ней в синтагматические отношения. Они существуют в структуре языка и не могут одновременно занимать одно и то же место в потоке речи, структура которой, развертываясь во времени, выбирает, на каждом шаге своего движения, один из членов той или иной парадигмы.

Простейшие примеры парадигм: парадигма спряжения глагола в современном русском, в древнерусском, в современном английском, в современном немецком и т. д. языках; парадигма склонения имени существительного или имени прилагательного в различных языках. Это примеры, так сказать, хрестоматийные. Они, конечно, недостаточны для понимания всей сложности парадигматических отношений в языке.

Для того чтобы «увидеть» парадигматику языка, нужно знать, как она проявляется на различных его уровнях.

Рассмотрим, что представляют парадигмы фонем. Едва ли все лингвисты дадут однозначный ответ на этот вопрос. Однако если обратиться с ним не к лингвистам, а к самому языку, то его ответ окажется достаточно четким.

Так, известно, что одна и та же фонема может иметь несколько позиционных вариантов, т. е. таких вариантов, которые появляются во вполне определенных фонетических условиях — «позициях»: под ударением и в безударном положении, перед гласными и перед согласными, в окружении твердых и в окружении мягких и т. д. В разных языках наборы позиций, разумеется, не совпадают. Однако суть от этого не меняется. Она и заключается в том, что фонема реализуется всегда в одном из своих вариантов. Совокупность закономерно соотнесенных вариантов одной и той же фонемы и есть ее парадигма. Так, в современном русском языке фонема

[а] может быть под ударением и в различных безударных положениях, в начале слова — и в конце слова, совпадающем с концом высказывания, перед мягкой согласной фонемой и перед твердой, после мягкой и после твердой и т. д. Все эти меняющиеся условия, в которых оказывается фонема [а], меняют ее облик, обнаруживают набор ее вариантов, т. е. реализуют ее парадигму. Парадигматические свойства и возможности разных фонем неодинаковы, как неодинаковы парадигматические картины фонемных систем разных языков. Изучение этих парадигматических картин на базе их сопоставления дало бы интересный результат сопоставительной фонологии. И в плане исторического развития одного языка или группы родственных языков сведения о том, как менялись парадигматические картины фонетической системы одного языка или фонетических систем родственных языков — также крайне важны.

Язык позволяет принять и более широкое понимание фонемной (фонетической) парадигмы. Все гласные фонемы в отличие от согласных имеют некоторый инвариант «гласности» и могут рассматриваться как его варианты; при таком понимании система гласных образует одну парадигму, а система согласных — другую. Можно говорить о парадигме сонорных, парадигме твердых, парадигме мягких фонем и т. д. Но такое расширительное понимание парадигмы едва ли целесообразно, потому что само понятие и термин «парадигма» становится при таком понимании безбрежно широким, поглощающим другие принятые наукой о языке термины и понятия — такие, как «система гласных», «система согласных» и под.

Парадигматика на уровне морфем представлена совокупностями закономерно соотнесенных вариантов одной и той же морфемы. Правда, оказывается, что лингвисты до сих пор не нашли еще вполне надежных критериев отграничения одной морфемы от другой, споры и разноречия по этому вопросу продолжаются.

Эта запутанность понимания термина не может все же помешать наблюдению реального варьирования морфем, так как во многих случаях эти единицы языка выделяются достаточно единообразно — во всяком случае, в русле русской лингвистической традиции и практики изучения языков. Варьирование морфем признается многими лингвистами и описывается ими. Действительно, вследствие различных исторических причин звуковой состав морфемы может видоизменяться, возникают исторические и функциональные чередования фонем и их вариантов в составе одной и той же морфемы: [нага́] — [по́шка] — [но́жък] — [нок]; *школь-ник — школь-нщ-а*; *обком-овец — обком-овк-а*; *счаст-ливец — счаст-лив-ищ-а*; *мужич-есть-о — пижон-ств-о* и т. д. Морфема в отличие от фонемы двусторонняя единица языка, т. е. имеющая и «план выражения» и «план содержания». Поэтому могут возникать и возникают варианты не только в звучании морфемы, но и в ее значении: суффикс *-ник-* может в словах современного русского

языка участвовать в выражении значений: 'помещение для скота, птицы' *(курятник, коровник)*, 'орудие действия' *(кипятильник, напильник)*, 'лицо определенной профессии' *(башмачник, сапожник)*, 'место, занятое каким-то лесом, кустарником, растительностью'; *(осинник, малинник, земляничник, клубничник)* и т. д. В результате варьирования звучания и значения морфем (причем то и другое варьирование независимы друг от друга) возникают сближения фонетически разных морфем по смыслу, появляются семантические варианты общего значения, выраженные совершенно разными звуковыми комплексами. Например, участвовать в выражении значения лица по роду занятий, профессии могут суффиксы *-ник-*, *-щик-*, *-тель-*, *-ист-* и др. Появляется возможность говорить о морфемных парадигмах, объединяющих разные морфемы на базе их общего словообразовательного значения. По-видимому, целесообразно было бы различать мономорфемные и полиморфемные парадигмы, обозначая первым термином совокупности закономерно соотнесенных фонетических или семантических вариантов одной морфемы, а вторым — совокупности закономерно соотнесенных семантически близких морфем, варьирующих общее морфемное значение.

На лексико-семантическом уровне языка проблема парадигматических отношений также начинает привлекать пристальное внимание лингвистов. В отечественной науке о языке одна из первых серьезных работ, поставивших и решающих проблему лексико-семантической парадигматики, принадлежит современному языковеду Д. Н. Шмелеву, по мнению которого «значения слов *старик* и *подросток* взаимно исключают друг друга... они не взаимозаменимы, поэтому могут рассматриваться как члены определенной семантической парадигмы, включающей «обозначения лиц по возрасту». Взаимно исключают друг друга и слова *лесник* и *тракторист* как «обозначения лиц по профессии», опять-таки парадигматически сопоставленные друг с другом. Слова же *лесник*, *старик*, *хитрец* не находятся, как таковые, в непосредственных парадигматических отношениях, хотя парадигмы, в которые они входят, в целом могли бы опять-таки рассматриваться как члены более общей «парадигмы», или парадигмы следующей ступени, в которой были бы противопоставлены обозначения лиц: «по возрасту», «по профессии», «по определенным внутренним качествам» и т. д.» (145, 132).

Если сохранить ранее принятое в этом пособии определение парадигмы, то примеры, предложенные читателю Д. Н. Шмелевым, получают свое истолкование: действительно, слова *старик*, *подросток*, *юноша*, *ребенок*, *взрослый*, *младенец* — обозначают и некий инвариант («возраст») и его варианты (возрастные различия). Но парадигму образуют и слова одного синонимического ряда, т. е. допускающие в определенных условиях взаимозамену: ведь все синонимы являются вариантами, причем семантически крайне сближенными, одного и того же инвариантного значения,

одной семантической «идеи»: *дружеский*, *дружественный*, *дружелюбный*, *теплый*, *сердечный*, *задушевный* — эти слова имеют общую «идею»: проникнутый теплом, искренностью, добрым расположением к кому-либо.

Видимо, не следует пытаться все отношения, которые Ф. де Соссюр назвал ассоциативными, приписать тем или иным конкретным парадигмам. Понятие ассоциативных отношений шире понятия парадигматических отношений. Может быть принято иное терминологическое решение: все отношения, названные Ф. де Соссюром ассоциативными, называть, в соответствии с наметившейся тенденцией, парадигматическими, но не считать, что любое парадигматическое отношение ведет нас внутрь той или иной сформированной языком парадигмы. Парадигму нужно видеть там, где достаточно четко выражены варианты некоторого инварианта. Если этого нет, можно говорить о парадигматическом поле, парадигматическом ряде, но не о парадигме: такое ограничение этого термина вызывается его традиционной узостью и определенностью и нежелательностью терять эту определенность.

Итак, на дограмматических уровнях языка (фонетика, морфемика, лексика) существуют и парадигматические отношения, и парадигмы. Они существуют на предграмматическом уровне — в области словообразования. Возьмем в качестве примера хотя бы выражение окончательности процесса в приставочном глагольном словообразовании современного русского языка: глаголы *пропеть — спеть — допеть*, *проиграть — сыграть — доиграть* и под. входят в разные словообразовательные типы, однако варьируют одно и то же инвариантное значение оконченности процесса. Имена существительные *машинист*, *тракторист*, *станочник*, *крановщик*, *вязальщик*, *паяльщик* — принадлежат к разным словообразовательным типам, но выражают варианты одного и того же, словообразованием «эксплицируемого» значения — профессиональной принадлежности лица, управляющего механизмом, обозначенным производящей основой, осуществляющего обозначенный ею процесс — деятельность.

§ 80. На всех бегло показанных дограмматических уровнях, помимо парадигматических отношений и парадигм, существуют и «работают» синтагматические отношения и синтагмы. Для того чтобы построить речевую цепь, говорящий или пишущий вынужден не только делать выбор нужных единиц языка и затрагивать, таким образом, парадигматические отношения и парадигмы — говорящий вынужден также ставить в ряд одну за другой отобранные из языка единицы, причем в самих этих единицах, если они сложнее, чем фонемы, также использованы ряды, последовательности языковых элементов. Опыт нам подсказывает, а теория языка объясняет то немаловажное обстоятельство, что единицы языка организуются в речевую последовательность не по прихоти автора

речи, а по законам языковой структуры, в соответствии с сочетательными возможностями фонем, морфем, слов и т. д. Правда, эти законы не жесткие, а вероятностные, т. е. предписывающие и запрещающие те или иные соединения языковых единиц в пределах от и до, с той или иной вероятностью. Мы знаем, что вероятность того, что после сонорной фонемы [л] появится в речевой цепи фонема [а] или фонема [и] велика, а вероятность появления после [л] фонемы [ш] ничтожна. Вероятность того, что после корня [вод] из слова *вода* появится один из суффиксов *-н-*, *-ян-*, *-ник-*, *-ичк-* значительна, а вероятность появления после этого корня суффикса *-лив-* нулевая. Имя прилагательное *гористый* легко соединяется со словами *местность*, *берег*, но не соединяется со множеством других слов. В то же время прилагательное *теплый* сочетается с очень большим числом имен существительных, обозначающих не только предметы, температура которых может быть измерена или каким-то образом уловлена, но и предметы, не наделенные температурой в физическом смысле: *теплый взгляд*, *теплое отношение*, *теплая улыбка*, *теплый прием*, *теплое рукопожатие*, *теплая встреча* и др. Возникает даже вопрос, много ли наберется имен существительных, с которыми не удается сочетать прилагательное *теплый* в одном из вторичных или в прямом значении. И если, таким образом, сочетательные возможности слова *гористый* резко ограничены, то сочетательные возможности слова *теплый*, наоборот, получили очень широкие пределы.

Все эти примеры должны пояснить основную для понимания синтагматики языка мысль о том, что каждый его элемент, каждая его единица способны вступать в линейную связь с другими единицами, другими элементами, и эти связи регулируются синтагматическими закономерностями языковой структуры. Поэтому без изучения и понимания синтагматики языка не может быть изучения и понимания языковой структуры в целом.

Так мы подходим к определению синтагматики языка как совокупности и системы опирающихся на структурные значения языковых единиц их сочетательных возможностей.

Особый интерес представляет проблема парадигматики и синтагматики на уровне грамматическом, в области морфологии и синтаксиса. Этот интерес объясняется, в частности, тем, что традиционное применение терминов «парадигматика» и «синтагматика» побуждает их связывать, прежде всего, с морфологией (первый термин) и синтаксисом (второй термин). При этом, естественно, оказывается снятым вопрос о синтагматике на уровне морфологии и парадигматике на уровне синтаксиса. Между тем морфологическая синтагматика столь же реальна, как и синтаксическая парадигматика.

В словосочетании и предложении слова связаны друг с другом. Однако эта связь получает неполное и однобокое объяснение, когда приписывается исключительно синтаксису и, в редких слу-

чаях, лексике. На самом деле и в словосочетании, и в предложении связи между словами идут на нескольких уровнях языковой структуры. В предложении *Полосатый котенок вбегает в комнату* слова связаны, во-первых, на уровне лексики и лексической семантики (ср. бессмысленность предложения *Водянистый котенок течет в гипотенузу*); во-вторых, слова связаны на уровне морфологии (ср. неправильность, «неотмеченность» предложения *Полосатого котенку вбегали в комнатой*); в-третьих, слова связаны на уровне синтаксиса (ср. *Котенок в комнату вбегает взъерошенный*); в-четвертых, слова связаны и на уровне интонационном, если мы этот уровень условно выделим: интонационное оформление предложения *Полосатый котенок вбегает в комнату* и предложения *Вбегает в комнату котенок полосатый* явно различно. Таким образом, одно-единственное предложение оказалось в состоянии показать четыре типа синтагматических отношений — лексико-семантические, морфологические, синтаксические и интонационные. Само собою разумеется, что в пределах каждого слова и на стыках между словами использованы разнообразные связи фонем и слогов (фонемный уровень), а также корней и аффиксов (уровень морфем).

Известно, что слова как элементы морфологии языка обладают определенными сочетательными свойствами. Так, имена прилагательные свободно соединяются с именами существительными и почти не соединяются с глаголами; глаголы действительного залога легко присоединяют винительный падеж прямого объекта, а глаголы страдательного залога — творительный падеж деятеля и т. д. (имеется в виду современный русский язык и близкие ему славянские и — шире — индоевропейские языки). Эти сочетательные свойства обусловлены морфологическими признаками, морфологической природой тех или иных морфологических классов и свойственных им морфологических категорий, таких, как падеж, вид, залог, время, лицо и т. д.

Можно и нужно в области морфологической синтагматики (как, впрочем, и синтагматики на других уровнях языка) различать морфологическую валентность и морфологическую сочетаемость. Первый термин может обозначать потенциальные синтагматические свойства, возможности частей речи и их морфологических категорий. Второй термин может обозначать реализацию этих свойств и возможностей в потоке речи. Зная морфологическую валентность, можно предсказывать морфологическую сочетаемость, можно отличать правильное и неправильное на морфологическом уровне речевых структур. Наблюдая морфологическую сочетаемость, можно получить информацию о закономерностях морфологической валентности.

§ 81. Приняв идею морфологической валентности, морфологической синтагматики, лингвист должен будет критически отнестись к отдельным, достаточно распространенным взглядам на

синтаксическую якобы природу таких явлений, как словосочетание, виды подчинительной связи слов, категории падежа имени существительного, залога в глаголе и т. д.

Идея морфологической синтагматики не мирится с пониманием структуры словосочетания как явления только синтаксического. Ведь в словосочетании объединяются, сцепляются слова, прежде всего, не как члены предложения, а как элементы лексики и носители синтагматических свойств на уровне морфологии. Морфологическая, а не синтаксическая сочетаемость слов лежит в основе грамматической структуры словосочетания, в основе его грамматической организации. Это, в сущности, и признается традиционным взглядом на словосочетание и выражается в морфологической терминологии, используемой для обозначения структурных типов словосочетаний («именные словосочетания», «глагольные словосочетания» и т. д.). Словосочетание может и должно изучаться на разных уровнях языковой структуры — лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом. И все же по своей языковой природе оно в первую очередь морфологично, так как строится в результате реализации синтагматических свойств частей речи и их морфологических категорий, а вовсе не членов предложения.

Нельзя, разумеется, усмотреть ничего синтаксического в самой природе, в самом существе «видов подчинительной связи» — согласовании, управлении и примыкании. Известно, что согласование — это морфологическое уподобление грамматически зависимого слова грамматически господствующему. Управление обусловлено синтагматическими свойствами частей речи, а не членов предложения. Примыкание также обусловлено синтагматикой частей речи и их категорий. Конечно, и согласование, и управление, и примыкание используются синтаксисом для грамматической организации предложения, соединяя в единое целое его члены. Но это уже вопрос особый.

Непрекращающиеся споры о том, какому уровню грамматического строя (морфологии или синтаксису) принадлежат такие категории, как падеж имени существительного, залог глагола, категории вида и времени (в индоевропейских языках), — эти споры объясняются во многом, если и не во всем, неразличением синтаксиса и морфологической синтагматики.

В самом деле, что заставляет некоторых лингвистов усматривать в категории падежа или залога нечто синтаксическое? По-видимому, то, что значения падежей и залогов выявляются в сочетании имен и глаголов. Но если только на этом основании признавать падеж и залог категориями синтаксическими, то придется и всю лексику объявить синтаксической, так как лексические значения отдельных слов выявляются в их сочетаниях друг с другом. Однако такой крайний вывод все же обычно не делается. Лексика остается лексикой, а морфология должна оставаться морфологией. Категория падежа и категория залога (разумеется, речь идет о тех языках, где эти категории есть) имеют в числе других и свойства

синтагматические, зависящие, прежде всего, от особенностей грамматических значений этих категорий. Падежные и залоговые синтагматические возможности (присущие именам и глаголам в морфологии, а не в синтаксисе) реализуются в той или иной сочетаемости, которая и оказывается формальным признаком и показателем сущности падежа или залога, т. е. присущего падежу или залогу, независимо от предложения, т. е. от синтаксиса, грамматического значения. Действительное или страдательное залоговое значение сохраняется глаголом в любой синтаксической позиции: *Мальчик читает книгу* (позиция сказуемого); *Читать книги — полезно* (позиция подлежащего); *Я прошу тебя читать эти книги* (позиция дополнения); *Умение читать стихи было у него поразительным* (позиция определения); *Дедушка поехал в библиотеку читать какие-то книги* (позиция обстоятельства); *Войдя в комнату, я увидел девушку, читающую книгу* (позиция определения в составе обособленного причастного оборота); *Читая книгу, я испытывал восхищение и радость* (позиция обстоятельства в составе обособленного деепричастного оборота). Как видим, в совершенно разных позициях различные формы одного и того же глагола *читать*, имеющего действительное залоговое значение, обнаруживают одни и те же синтагматические свойства, выраженные в устойчивой сочетаемости с винительным падежом объекта. При чем здесь синтаксис? И как же мы искажаем языковую реальность, утверждая, будто залоги обозначают отношение процесса к грамматическому субъекту (т. е. подлежащему) и объекту. Языковая действительность иная: категория русского глагольного залога (и залога в сходных по этому признаку с русским языках, например, славянских) различает процессы по соотнесенности или несоотнесенности действия и вызванного им состояния: глаголы действительного залога обозначают процессы — действия, соотнесенные с вызванными ими процессами — состояниями; глаголы страдательного залога обозначают процессы — состояния, соотнесенные с вызвавшими их процессами — действиями. Глаголы среднего залога обозначают процессы (действия и состояния), лишенные указанной соотнесенности. Понятно поэтому, что никакого прямого отношения к существу категории залога (оно — морфологично) не имеют действительная и страдательная конструкции. Но эти же конструкции имеют прямое отношение к синтагматическим свойствам и сочетаемости русского глагольного залога и залога в других языках, имеющих аналогичную структуру глагола.

§ 82. Традиционное представление о морфологии как наборе морфем и их сочетаний едва ли правильно. Увлечения в последние десятилетия американского дескриптивизма формальной регистрацией морфов и алломорфов, их окружений и дистрибуций показали еще один угол зрения на морфологию, но не разъяснили ее существа. Морфология не только формальна, но и семантична

(хотя ее семантика иной природы, иного уровня абстракции и иных связей с действительностью, нежели семантика лексическая). Поэтому никакое «чисто формальное» описание морфологии языка по существу невозможно. Поэтому же невозможно и такое описание частей речи и их морфологических категорий, которое оставляет в стороне проблемы сочетаемости как свойства и самих частей речи и их категорий. Но если в грамматическую характеристику частей речи, их грамматических категорий войдет и описание их синтагматических свойств, то отпадут многие предубеждения, неизбежно возникающие в развитии науки, и, в частности, станет ясно, что ни падеж, ни залог, ни вид, ни время, ни многие другие категории, нередко перемещаемые в научных описаниях языка в область синтаксиса, ничего или почти ничего синтаксического не имеют.

Подобно тому как морфология языка имеет свою собственную синтагматику (а не только парадигматику) и требует от науки соответствующего внимания к синтагматическим своим особенностям,— подобно этому и синтаксис языка имеет свою собственную парадигматику (а не только синтагматику) и требует соответствующего внимания к парадигматическим своим особенностям. И конечно, нужно приветствовать первые попытки описать парадигматику предложений, предпринятые чешскими учеными и вслед за ними — авторами книги «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970), известной также под названием Академическая грамматика-70.

Одним из главных препятствий, мешающих в настоящее время получить удовлетворительное описание парадигматики синтаксиса, в частности — парадигматики предложения, остается неясность самого понятия «парадигма» применительно к синтаксису. Впрочем, это естественно: грамматическая наука только начинает прояснять новый для нее круг задач, связанных с изучением синтаксической парадигматики. Никаких определенных теоретических решений в этой области дать сейчас, разумеется, невозможно. Но те или иные предположения возможны и необходимы.

Если парадигмой признать совокупность системно связанных вариантов одной и той же языковой единицы или категории (эти варианты функционируют при построении речи), то естественно возникает мысль и о парадигмах членов предложения. Оставляя без обсуждения вопрос о целесообразности традиционного учения о главных и второстепенных членах предложения, примем все же, как допустимую, гипотезу, признающую языковыми реальностями и подлежащее, и сказуемое, и дополнение, и определение, и обстоятельство. (Кстати говоря, эта гипотеза хорошо согласуется с языковыми фактами, изучаемыми уже в начальной и средней школе, и потому едва ли ее следует отклонять.) Известно, что каждый из пяти названных членов предложения получает в речи морфологические варианты, сохраняя при этом некий устойчивый синтаксический инвариант, позволяющий отождествлять в про-

цессе анализа морфологические варианты. Подлежащее в современном русском литературном языке может быть выражено то именем существительным в именительном падеже, то именем прилагательным в том же падеже, то местоимением, то инфинитивом, то словосочетанием. Аналогично в английском, венгерском, башкирском, литовском и многих других языках. Видимо, совокупность и система морфологических вариантов подлежащего и может пониматься как его парадигма. Так же может пониматься парадигма сказуемого или любого второстепенного члена предложения.

Допустив парадигмы членов предложения, мы должны, очевидно, допустить и парадигмы предложений — простых и сложных. Авторы Академической грамматики-70, вслед за чешскими учеными, вводят описание парадигматики простого предложения (см. с. 577—595 этого труда). Это описание построено на базе морфологического варьирования «структурной схемы» предложения, т. е. прежде всего принимается во внимание морфологическая структура глагола, выражающего сказуемое. Это хорошо видно, когда читаешь примеры, показывающие парадигмы предложений. Так, парадигма предложения *Сын учится* имеет следующий вид: *Сын учится.— Сын учился.— Сын будет учиться.— Сын учился бы.— Сын учись (...).— Учился бы сын! Если бы (лишь бы...) сын учился! — Пусть сын учится! Пусть сын будет учиться! Сын будет учиться! Чтоб сын учился!* (с. 583).

В настоящее время, когда идут поиски парадигматического описания синтаксиса, такое решение не может вызвать принципиальных возражений. Но уже теперь видно, что не исключены и иные подходы к решению новой проблемы. И не вполне ясно, нужно ли парадигму предложения отождествлять с парадигматическими изменениями глагола (в позиции сказуемого) по признакам времени и наклонения. В лучшем случае таким путем мы и получим морфологическую парадигму сказуемого. Но может ли и должна ли такая парадигма приравниваться парадигме предложения, совсем не ясно. В случае, предложенном Академической грамматикой-70, возникает принципиальная теоретическая трудность, создаваемая зачислением в одну парадигму предложений разных модальных типов *(Жучка ест горячие щи.— Жучка, ешь горячие щи! — Ест ли Жучка горячие щи?)*. Модальные различия являются конститутивными для структуры предложения, и пока не видно, почему бы от такого понимания модальности нужно было отказываться. Правда, авторы Академической грамматики-70 вопросительные предложения (вопросительные структуры) не дают в перечне парадигматических форм— на том, видимо, основании, что такие структуры не имеют собственного варианта глагола-сказуемого. Но этим умолчанием положение не облегчается: если желательное и побудительное наклонения объявляются членами той же парадигмы предложения, в которую входят и предложения повествовательные, то значит — модальные различия не дают разных предложений, и если, допустив такое решение, авторы Акаде-

мической грамматики-70 выделяют вопросительные предложения в отдельную парадигму, то они это делают только потому, что в основание парадигматического описания предложений положили не синтаксический, а морфологический признак — формы глагола-сказуемого или глагольной связки в составе именного сказуемого. О том же говорит и содержание короткого 1374-го параграфа этого труда, названного «Предложения, не имеющие форм изменения». В этом параграфе рассматриваются предложения типа *Долголетие — это физкультура; Экономия — прекрасно; Ах, она змея; Хватит болтать; Вот и зима; Как здоровье?* В составе таких предложений нет и не может быть глагола-сказуемого, поэтому они и объявлены не имеющими парадигмы.

Между тем возможен совсем иной, синтаксический, подход к парадигматике предложения, простого и сложного. В морфологии парадигмы варьируют одну и ту же грамматическую категорию — падежа, времени, наклонения, рода, лица и т. д. Главные синтаксические категории предложения — коммуникативность, модальность и предикативность. Если не смещать резко общеграмматическое значение термина «парадигма», то можно и нужно увидеть в синтаксисе предложения коммуникативную, модальную и предикативную парадигмы. Коммуникативная парадигма варьирует изменениями форм прдложения коммуникативную установку высказывания. В современном русском литературном языке с этой задачей хорошо справляются варианты предложения, отличающиеся друг от друга изменением словопорядка: *Жанна пришла из кино поздно вечером.— Жанна поздно вечером пришла из кино.— Из кино поздно вечером пришла Жанна.— Из кино поздно вечером Жанна пришла.— Поздно вечером Жанна пришла из кино.* И т. д. То же назначение — варьировать коммуникативную установку высказывания — могут выполнять и другие средства синтаксической организации предложения, в частности синтагматическое его членение. Модальная парадигма изменениями форм предложения (или соотнесениями разных предложений) варьирует модальность высказываний.

Допустимо и желательно теоретическое размежевание парадигмы сказуемого и парадигмы предложения. Парадигма сказуемого создается варьированием всех морфологических средств его выражения (глагол — имя со связкой — наречие со связкой — фразеологизм и т. д.). При этом должны приниматься во внимание не отдельные высказывания, а предложение как языковая структура, как схема отношений, наполняемая в речи конкретным словесным материалом. Парадигма предложения — это совокупность и система вариантов выражения его главных категорий — предикативности, модальности и коммуникативности. Эти категории могут быть взяты на «абстрактном уровне» всего синтаксиса и могут быть взяты, изучены и описаны применительно к отдельным предложениям. Так, можно говорить о категории предикативности и ее вариантах в современном русском (или любом ином) языке.

Мы получим такую, примерно, парадигму: имя существительное в именительном падеже плюс глагол в личной форме — местоимение в именительном падеже плюс глагол в личной форме — имя существительное в именительном падеже плюс связка плюс имя прилагательное в именительном падеже — имя существительное в именительном падеже плюс связка плюс имя существительное в именительном падеже и т. д.

Парадигмы предложений могли бы пониматься, как совокупности закономерных вариантов их схемы, образуемых изменениями структуры их главных членов. Для обозначения таких парадигм целесообразно ввести известные элементы формализации — ради сокращения записи. И мы, например, получим: предложение П+Ск имеет парадигму: а) С+Г; б) М+Г; в) Ч+Г; г) Г+Г; д) С+С; е) С+П; ж) С+М; з) М+С; и) М+П и т. д.

Помимо парадигм структурных, аналогичных только что показанной, существуют в языках с относительно свободным словопорядком и парадигмы позиционные, образуемые варьированием порядка следования одних и тех же членов предложения. И чем больше в составе предложения «позиционных мест», т. е. членов, тем обширнее парадигма: предложение П+Ск имеет и вариант Ск+П, но предложение О+П+Ск+О+Д получает уже более десяти вариантов: *Мой знакомый пьет крепкий кофе.— Мой знакомый пьет кофе крепкий.— Пьет мой знакомый крепкий кофе.— Пьет мой знакомый кофе крепкий.— Кофе крепкий мой знакомый пьет.— Крепкий кофе мой знакомый пьет.— Знакомый мой пьет крепкий кофе.— Знакомый мой пьет кофе крепкий.— Пьет знакомый мой крепкий кофе.— Крепкий кофе знакомый мой пьет.— Кофе крепкий знакомый мой пьет.— Кофе крепкий пьет знакомый мой.— Крепкий пьет мой знакомый кофе.— Крепкий мой знакомый пьет кофе* и др.

В предложенном описании парадигма предложения оказывается значительно сложнее парадигмы имени или глагола. Структура предложения и ее речевая реализация сложнее структуры слова и его речевого варьирования. Так намечаются контуры построения в будущем обоснованного описания синтаксической парадигматики.

Непроста и проблема синтаксической синтагматики. Если есть синтагматика лексическая и синтагматика морфологическая, то это, в частности, означает, что сочетаемость слов как элементов лексики и как представителей морфологических классов не может быть отнесена к плану синтагматики синтаксической. Но в таком случае, каков же он, этот синтаксический план, что им охватывается?

Видимо, прежде всего, это сочетаемостные свойства членов предложения и сочетаемостные свойства простых предложений в составе сложного. Способно ли подлежащее сочетаться, помимо сказуемого, с другими членами предложения, и если способно, то в каких условиях? Как при этом действуют закономерности слово-

порядка и обособления? Как реализуются возможности контактного и дистантного сцепления членов предложения? В каких условиях и какие именно члены предложения объединяются в синтаксические ряды, т. е. ряды однородных членов? Как взаимодействуют сцепленные члены предложения с интонацией, образуя синтагмы? Каковы закономерности распространения главных членов второстепенными и построения, на базе подобного распространения, сложных словосочетаний как синтаксических уже, а не морфологических по природе структур; от чего зависит глубина и объем таких словосочетаний? Как реализуются сочетательные возможности предложений в составе сложносочиненных и сложноподчиненных? Каковы синтаксические и логико-семантические условия, разрешающие, ограничивающие или запрещающие реализацию сочетательных возможностей простых предложений при образовании сложных? Каковы условия и закономерности объединения простых и сложных предложений в речевые единицы типа «абзаца» и сложного синтаксического целого? Вот далеко не полный перечень вопросов, на которые необходимо ответить, прежде чем можно будет говорить о том, что наука о языке имеет описание синтаксической синтагматики языка.

§ 83. Итак, мы бегло наметили некоторые линии парадигматического и синтагматического изучения двух областей грамматического строя — морфологии и синтаксиса. В этой новой области изучения языка сделано еще мало, но будущее обещает появление и новых идей, и новых конкретных результатов. Становятся яснее видны различия морфологии и синтаксиса, с одной стороны, парадигматики и синтагматики — с другой; становится очевидным, как неправы те лингвисты, которые, признав парадигматику и синтагматику, хотели бы отказаться от различения морфологии и синтаксиса, свести их к парадигматике и синтагматике. Можно, в аспекте парадигматики и синтагматики, надеяться на уточнение научных представлений о частях речи, членах предложения, словосочетании и предложении. В частности, напрашивается гипотеза об известной аналогии между морфологической и синтаксической структурами языка на абстрактных уровнях его теоретического анализа: в морфологии — части речи, в синтаксисе — предложения; части речи объединяют своими структурными свойствами слова в морфологические классы, предложения объединяют присущими им структурными свойствами в классы отдельные высказывания; части речи парадигматически варьируют в кругу своих категорий, предложения то же делают в кругу своих, в частности в кругу членов предложения и их словопорядка; части речи обнаруживают свою грамматико-семантическую сущность в сочетаемости друг с другом, предложения — в сочетаемости своих членов и в сочетаемости более простых предложений в составе более сложных; число частей речи невелико, невелико и число членов и типов предложений; части речи — основные струк-

турные узлы морфологии, предложения — основные структурные узлы синтаксиса. На абстрактном уровне описания становится ясно, что совокупность и система частей речи и предложений образуют грамматический строй языка, единицы и категории которого функционируют, подчиняясь закономерностям его парадигматики и синтагматики, реализуемой на каждом шаге движения речи любого стиля и любого типа.

* * *

О б о б щ и м все вышесказанное. В современной лингвистике заметное место занимают гипотезы парадигматики и синтагматики языка, восходящие, прежде всего, к идеям Ф. де Соссюра о линейных (в речевой цепи) и ассоциативных (в памяти людей) отношениях между элементами языка. По мнению Соссюра, «все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций».

Несмотря на существующие в лингвистике наших дней противоречия и неясности в понимании ассоциативных (парадигматических) и синтагматических отношений между единицами языка, можно, видимо, согласиться с тем, что все они, во-первых, варьируют, сохраняя каждая свой инвариантный «стержень», и, во-вторых, соединяются с себе подобными в речи (фонема с фонемой, морфема с морфемой, слово со словом и т. д.). В первом случае перед нами п а р а д и г м а т и ч е с к и е, во втором — с и н т а г м а т и ч е с к и е отношения между языковыми единицами.

Любая парадигма, на любом уровне языковой структуры, представляет собою совокупность вариантов, объединенных общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Нужно увидеть и уметь описывать не только парадигмы имен и глаголов, но и парадигмы фонем, парадигмы морфем, парадигмы слов (лексем), парадигмы частей речи и их категорий, парадигмы предложений и их членов.

Парадигматику языка можно определить как с о в о к у п н о с т ь и с и с т е м у допускаемых структурой языка вариантов его единиц и категорий — вариантов, из числа которых автор речи на каждом шаге развертывания речи делает выбор лишь одного.

С и н т а г м а т и к а языка может быть определена как совокупность и система свойственных языковым единицам и категориям языка их сочетательных возможностей и их реализаций в процессе речи. Как и парадигматика, синтагматика свойственна всем уровням языковой структуры: нужно признать, увидеть и уметь описывать синтагматику фонем, синтагматику морфем, синтагматику слов, синтагматику словообразовательных типов, синтагматику частей речи и их категорий, синтагматику предложений и их членов. Но если синтагматика и парадигматика — это две формы функционирования всех единиц языка на всех его уровнях, то отсюда следует, что существуют синтагматика морфологическая

и парадигматика синтаксическая. Отсюда же следует и ряд иных теоретических выводов. В частности, становится очевидным, что природа словосочетания не может признаваться как чисто синтаксическая: в словосочетании, в его структурной организации действуют одновременно лексические, морфологические и синтаксические силы, связанные с соответствующими областями синтагматики. Следует помнить, что словосочетание, прежде всего, морфологично, а не синтаксично. Едва ли синтаксичны по своему структурному существу и виды подчинительной связи слов — согласование, управление и примыкание. Они скорее морфологичны, хотя и обслуживают нужды синтаксиса. Нет ничего синтаксического в языковой природе категорий падежа, времени, залога и вида, хотя каждая из них имеет отношение к связям между словами и их формами в структуре речи: нужно различать синтаксис и морфологическую синтагматику.

Проблема синтаксической парадигматики уже поставлена наукой, и делаются попытки описания парадигм предложения. Однако пока не ясно, на какой базе парадигмы предложения должны выделяться лингвистом, правомерно ли такой базой считать категории времени и наклонения тех глаголов, которые выражают значение сказуемого (или принимают участие в выражении этого значения). Остается без ответа вопрос о парадигмах членов предложения, хотя и появляется возможность их, парадигм, понимания как вариантов морфологического выражения грамматического значения одного и того же члена предложения. Требует всестороннего осмысления и решения на основе доказательных наблюдений проблема синтаксической синтагматики как совокупности и системы закономерных связей предложений, а также членов предложений — на уровне синтаксиса, а не морфологии.

Дополнительная литература

Костинский Ю. М. Вопросы синтаксической парадигматики.— Вопросы языкознания, 1969, № 5.

Распопов И. П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике.— Вопросы языкознания, 1969, № 4.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971; Изд. 2-е. М., 1977 (глава II — Система языка. Парадигматика, синтагматика, отношения иерархичности).

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975 (раздел «Язык как объект теории», глава I).

Фурашов В. И. Проблема второстепенных членов предложения и синтагматическая парадигматика.— Вопросы языкознания, 1974, № 3.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964 (главы: «Парадигматические отношения в семантике», «Синтагматические отношения в семантике»).

Глава XI

Проблема языковых и речевых стилей

§ 84. Пожалуй, немного в лингвистике таких многоликих и многозначных терминов, как «стиль». И дело не в том, что о стилях пишут и говорят не только лингвисты, но и их собратья по филологии — литературоведы и другие специалисты. При этом большое расхождение взглядов на стили обнаруживается в лингвистике и литературоведении. Дело еще и в том, что в самой науке о языке стили понимаются по-разному, и эта разность оказывается нередко очень заметной и теоретически существенной. Не имея ни возможности, ни места для обзора всех точек зрения на стили, ограничимся изложением взглядов ведущих филологов, уделивших особенное внимание проблеме стилей: М. В. Ломоносова, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, К. Гаузенбласа и Ш. Балли.

Как известно, М. В. Ломоносов, приняв во внимание особенности русского литературного языка XVIII в., пришел к выводу о наличии в нем трех «родов речений»; соответствующие суждения великого ученого окрасили теорию стилей на целые два столетия.

М. В. Ломоносов в русском языке своего времени, обслуживающем литературу, находит три типа слов: общеславянскую лексику; церковнославянскую, понятную всем грамотным людям; лексику восточнославянскую или собственно русскую. Правда, Ломоносов заметил существование еще двух типов слов, но не включил их в число «родов речений». Это «неупотребительные и весьма обветшалые» слова, а также «презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях». Если применить для именования этих двух групп лексики современные термины, то можно сказать, что Ломоносов имел в виду архаичные старославянизмы и русское околожаргонное просторечие.

Таким образом, теория трех штилей М. В. Ломоносова построена на признании разнотипности русской лексики XVIII в., что объяснялось историческими условиями, в которых на протяжении восьми предшествующих веков формировался русский литературный язык.

Примечателен и следующий, обычно оставляемый без комментирования факт теории Ломоносова: ученый не только устанавливает границы языковых стилей, излагает свое их понимание — он видит эти стили в речевом применении, он советует, из каких речений и в каких пропорциях можно и нужно составлять речевые структуры (пользуюсь термином нашего времени). Так что ломоносовская теория трех штилей какой-то своей стороной охватывает и речевое применение трех «родов речений», вторгается в сферу лексической организации речи, несет в себе элементы нормативно-

рекомендательного отношения ученого к речевой практике своего времени.

Конечно, теория трех штилей недостаточно полно охватила те явления в речи, которые фиксировались и показывались русской литературой. Едва ли эта теория была вполне адекватна реальному положению вещей в языке. Но тем не менее она надолго предопределила подходы русской лингвистической науки к языковым стилям, а ее отголоски слышатся даже и в наши дни. В частности, так называемые стилистические пометы в толковых словарях русского литературного языка XX в. представляют собою не что иное, как лексикографическое отображение, обновленное и обогащенное, ломоносовской в основе теории стилей.

Вдумаемся в то, как понимал стили Г. О. Винокур, один из наиболее глубоких стилистов-теоретиков XX в. «Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового у п о т р е б л е н и я, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления. То, что здесь названо употреблением, представляет собой совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, неодинаковый для разных условий языкового общения. Так создаются понятия разных с т и л е й языка — языка правильного и неправильного, торжественного и делового, официального и фамильярного, поэтического и обиходного и т. п. Все такого рода «языки» представляют собой не что иное, как разные манеры пользоваться языком» (45, 221). И далее: «Необходимо тщательно отличать экспрессивные качества речи, имеющие своим источником личные свойства и состояния говорящего или пишущего, от таких фактов языковой экспрессии, которые коренятся в общественной психологии и представляют собой проявления именно общественной реакции на принадлежащий данному обществу язык» (45, 222). «Мы имеем право утверждать, что действительно в с а м о м я з ы к е, а вовсе не в психологии говорящих и пишущих, которая лингвиста непосредственно не интересует, кроме звуков, форм и знаков, есть еще нечто, именно э к с п р е с с и я, принадлежащая звукам, формам и знакам. Из всего этого следует, что одно дело стиль я з ы к а, а другое дело стиль тех, кто пишет или говорит» (45, 222). Наука, изучающая историю языка, представляется ученому состоящей из следующих дисциплин: дисциплины, изучающие с т р о й языка,— фонетика (и орфография), грамматика и семасиология; им противостоит дисциплина, изучающая у п о т р е б л е н и я языка,— стилистика. Такова, в самом общем виде, в изложении Г. О. Винокура, его концепция стилей языка.

Следует отметить, что в концепции Г. О. Винокура стили языка оказываются, скорее, стилями речи, потому что они охватываются не проблемой языкового строя, а проблемой его употребле-

ния. Кроме того, можно предполагать, что Г. О. Винокур склонен был стили связывать с разными типами социально закрепленной за «звуками, формами и знаками языка» экспрессии, понимаемой достаточно широко, если утверждается, что язык выделяет стили правильный и неправильный, торжественный и деловой, официальный и фамильярный, обиходный и поэтический и т. д. Число стилей оказывается весьма большим, а сами стили становятся неопределенными в своих границах и признаках.

В 1947 г. Г. О. Винокур в статье «Понятие поэтического языка», как будто наметил, но не развернул обновленное понимание стиля: «Под поэтическим языком можно понимать прежде всего язык, употребленный в поэтических произведениях.

В этом случае имеется в виду не какое-нибудь внутреннее качество языка, не какая-нибудь особая его функция, в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а только особая традиция языкового употребления. Поэтический язык в этом смысле представляет собой особый стиль речи в ряду других: языка официального, научного, дипломатического, военного и т. д. Точно так же, как есть формы, слова, обороты речи, которые принято употреблять в языке науки или дипломатии, есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических произведениях. История того, как и почему изменился состав языковых средств, принятых в употреблении в этой традиции, и есть, с этой точки зрения, история поэтического языка» (45, 388). Здесь уже нет экспрессии как условия формирования стилей. На первый план выдвинута особая традиция употребления языка, то, что обозначается словами «принято» и «не принято». Конечно, по этим глухим высказываниям нельзя судить, как менялась и менялась ли концепция стилей ученого, но можно сказать, что она не была ни простой, ни легкой для него самого и его читателей, а это еще раз говорит о сложности самой проблемы.

Л. В. Щерба склонялся, видимо, к такому пониманию стилей, которое было своеобразным продолжением идей Ломоносова в новых условиях языкового развития. Л. В. Щерба писал: «Русским филологам предстоит еще большая работа по созданию настоящей полной стилистики русского литературного языка. В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» (154, 121). «Стилистическая структура языка состоит, как известно, в том, что слова его образуют группы по какому-либо сопровождающему их оттенку: либо это возвышенные слова — *вкушать*, *возвещать* и т. д.,

либо это обыденные слова (их можно бы назвать с некоторым основанием «внестилевыми») — *есть*, *сообщать*, либо фамильярные — *уплетать*, *выкладывать* (*он в пять минут выложил нам все новости*), либо официальные — *потреблять* (в смысле *есть*), *доводить до сведения* и т. д. В словаре Ушакова таких групп насчитывается 36. Их, конечно, гораздо больше...» (154, 138). Как видим, Л. В. Щерба прямо не отвечает на вопрос, что же такое стиль. Мы только можем предположить, что стили, в его представлении,— это соотнесенные, на базе синонимии, круги (или пласты) слов и фразеологизмов, сопровождаемых, в каждом круге, «дополнительным оттенком». В концепции Л. В. Щербы стили оказываются частично похожими на «штили» Ломоносова, частично — на стили Винокура — с той только разницей, что у Винокура — экспрессия организует средства языка в пределах стиля, а у Щербы — дополнительный оттенок стягивает в один стиль лексику и фразеологию. Щерба как будто готов видеть в стилях и разновидности литературного языка: «Оставив для простоты устный литературный язык в стороне, перейдем к разным формам письменного языка. Здесь найдем прежде всего две большие группы его разновидностей: разные формы языка художественной литературы и разные формы делового языка. Обращаясь к последним, мы видим тут канцелярский язык, или стиль, язык законов, научный язык, эпистолярный стиль, переходящий в том смысле, как обыкновенно употребляют этот термин, в формы художественного языка, и другие» (154, 118). «Разнородность элементов дала основу нашей стилистике; старые книжные элементы продолжают свое бытие в торжественной, возвышенной речи, народные элементы образуют обыденную речь, утонченную зачастую совершенно незаметным для невооруженного глаза французским влиянием, а интернациональная терминология составляет ткань научного языка» (154, 125).

Поисками пути, который вел бы к обоснованному фактами и логикой мышления пониманию стилей, отмечены размышления о них многих других известных лингвистов нашей страны и Запада.

Одним из крупнейших специалистов по вопросам стилистики в XX в. стал Ш. Балли. Однако развиваемое им понимание стилистики и стиля очень далеко от нашей отечественной лингвистической традиции. Ш. Балли видит главную задачу стилистики в изучении эмоционально-выразительных средств и оттенков речи: «Следовательно, стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» (26, 33). Термин «стиль» ученый склонен даже отмежевать от стилистики, допустив существование индивидуального стиля только там, где есть сознательное и целесообразное использование языка в эстетических целях (см. 26, 36—37).

Один из современных специалистов в области стилистики, К. Гаузенблас говорит: «Хотя в славянской стилистике накоп-

лен богатый опыт исследования явлений стиля с разных точек зрения, причем некоторые из них описаны очень детально, до сих пор в славянской и в не славянской науке о стиле законченная стилистическая теория отсутствует» (53, 69). «К сожалению, приходится констатировать, что даже центральное понятие «стиль» не выяснено в своих основных свойствах настолько, чтобы можно было избежать его замены смежными понятиями» (53, 70). Придя к столь малоутешительным выводам, чешский ученый все же не делает и попытки «выяснить» центральное понятие «стиль», ограничиваясь боковыми его наблюдениями с отдаленного расстояния. «Необходимо выявить отличие стиля от других способов организации высказывания, коммуниката». (Означает ли это, что и стиль один из способов организации высказываний? — *Б. Г.*). В этом отношении главным является противопоставление стилевой организации коммуниката его организации по грамматическим правилам. Собственно грамматическими в структуре коммуниката являются те его элементы, которые в своем проявлении не зависят от частных условий коммуникации; элементы стиля отличаются от них тем, что их проявление ограничено определенными условиями коммуникации. «Соотношение стиля и языка полезно осветить еще с одной стороны»,— говорит К. Гаузенблас (53, 72). «Различие отдельных (интериндивидуальных, например, функциональных) стилей находит свое отражение в системе языковых средств (лексических, грамматических). Наряду со стилистически нейтральными средствами в нее входят и стилистически окрашенные, типичные для одного или нескольких стилей. Эти последние иногда составляют целые пласты в языковой системе, которые называют «стилями языка». В другом понимании под стилями языка подразумевают совокупность не только стилистически окрашенных средств (комбинаций языковых и тектонических средств), но также и остальных языковых средств, употребляемых в высказываниях данного стиля. Однако, если придерживаться такого понимания стиля языковой коммуникации, которое соответствует определению этого явления в других областях человеческой деятельности, то ни стилевые пласты средств, ни целая соответствующая подсистема средств (включая стилистически нейтральные) не должна считаться стилем в собственном смысле слова. Подобно тому, как в меньшем масштабе мы различаем стиль автора и язык автора, следовало бы также различать, с одной стороны, например, стиль науки, с другой — язык науки. Что касается научной терминологии, ее удобно считать тем, чем она и является, т. е. главной составной частью специфического пласта средств языка науки» (53, 73—74). И далее: «Если исходным положением стилистики считать то, что стили (и частные стилевые явления) зависят от определенных условий коммуникативного процесса, то целесообразно при классификации и характеристике стилей исходить из этих условий как стилеобразующих факторов с целью установления того, как они влияют на способы построения коммуникатов» (53, 74—75).

Что же нам предложил К. Гаузенблас? Он как будто принял, что стиль — это способ организации высказываний и что стиль зависит от коммуникативных условий. Вместе с тем получается, что не имея еще определения и понимания стиля, мы уже можем свободно говорить о стилевых пластах, стилеобразующих факторах и прочих вещах и понятиях, которые оказываются, логически, не условиями, а результатами «прояснения» центрального понятия — стиля. И хотя статья, написанная ученым, называется «К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования», уточнения самого понятия не получилось.

Между тем логика развития отечественной лингвистической науки привела к формированию достаточно цельной концепции стилей, связанной с работами В. В. Виноградова, М. Н. Кожиной, О. Б. Сиротининой, В. И. Перебийнос, Д. Н. Шмелева и др. Наше внимание прежде всего должны привлечь взгляды В. В. Виноградова, крупнейшего специалиста по стилистике середины XX столетия. Взгляды В. В. Виноградова на стили и стилистику эволюционировали, и мы возьмем для рассмотрения их наиболее завершенное выражение.

В кругу стилистики «следовало бы различать, по крайней мере, три разных круга исследований, тесно соприкасающихся, часто взаимно пересекающихся и всегда соотносительных, однако наделенных своей проблематикой, своими задачами, своими критериями и категориями. Это, во-первых, стилистика языка как «системы систем», или структурная стилистика; во-вторых, стилистика речи, т. е. разных видов и актов общественного употребления языка; в-третьих, стилистика художественной литературы» (44, 5). Стилистика языка изучает те стили, которые «обычно называются функциональными, например, разговорный, противопоставленный книжному вообще и отграниченный от других стилей языка коммуникативно-бытовой функцией, поэтому в этой сфере иногда выделяются обиходно-бытовой и обиходно-деловой стили; научно-деловой, специальный, определяющийся своеобразными свойствами и принадлежностями научно-коммуникативной функции; газетно- или журнально-публицистический, выделяющийся по характерным качествам и приметам агитационно-коммуникативной функции; официально-канцелярский или официально-документальный и некоторые другие (например, парадно-риторический, художественно-изобразительный). Можно — в связи с различиями понимания основных функций языка — представить и иное соотношение стилей. При выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия). Эти стили соотносительны. Они

отчасти противопоставлены, но в значительно большей степени сопоставлены. Иногда они находятся в глубоком взаимодействии и даже в смешении. Разные и притом очень далекие, несоотносительные стили могут найти применение в одной и той же сфере общественной деятельности» (44, 5—6). «Стилистика речи базируется на стилистике языка. Языковая система не только «порождает» речь, не только сдерживает ее поток в известных берегах и пределах, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием». «...На первый план исследования выступают способы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи и в разных композиционных системах, вызванных или кодифицированных общественной практикой — социально-групповой, производственно-профессиональной и т. д. Только такой подход и создает возможность построить стилистику речи на основе анализа форм общественной языковой практики... Однако, перенося все эти проблемы в область стилистики, следует подчеркнуть, что стили речи — это прежде всего некие композиционные системы в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи» (44, 14).

Цитированные высказывания В. В. Виноградова хотя неполно и фрагментарно, но передают содержание теории стилей, созданной ученым. В. В. Виноградов пришел к твердому убеждению, что необходимо различать стили языка и стили речи, он выделил особо стили художественной литературы, связал стили с теми социальными функциями, которые осуществляются языком, и с социальной практикой людей, он понял, как многолика и сложна стилевая система языка и речи и как, следовательно, неполны и односторонни научные отображения этой системы, если они строятся на предположении, будто по одному лишь признаку (скажем, «роды речений», «экспрессия», «дополнительный оттенок» и т. д.) можно указать каждому стилю его место в языке.

Думая о том, как понимали стили языка такие большие ученые, как Ломоносов, Винокур, Щерба, Виноградов, Балли и другие, мы вправе спросить себя: почему же они, с их умом и талантом, с их умением проникнуть в сущностные и «глубинные» свойства языка,— почему они приходили к неодинаковому пониманию, казалось бы, одних и тех же сторон языка и почему как будто и не стремились как-то согласовать свои научные позиции? Одна из причин этого разномыслия и разноречия в несложившейся еще по-настоящему теории стилей, видимо, состоит в том, что сам термин «стиль» получает у разных исследователей различную предметную отнесенность. Вследствие этого каждый прав по-своему и может не соглашаться со своим коллегой. Ломоносов обозначил термином стиль «роды речений» в их отношении к жанрам литературы. То и другое было в действительности. Следовательно, Ломоносов прав. Балли и Винокур тем же самым термином обозначили экспрессивно окрашенные средства языка в их применении

в речи. То и другое есть в действительности. Винокур и Балли также правы. Щерба тем же самым термином назвал соотнесенные синонимически ряды или круги слов. И это есть в реальной жизни языка. И Щерба прав. Виноградов обозначает тем же термином функционально соотнесенные частные системы языковых средств. И это есть в языковой жизни. И Виноградов также прав.

Науке о стилях не хватает либо обобщающего разные ви́дения языковых и речевых стилей их понимания и соответствующей их типологии, либо терминологического упорядочивания сложившихся научных представлений. А вернее, нужно и то, и другое.

§ 85. При всем многообразии точек зрения на стили в этом многообразии есть и некоторое е д и н с т в о: все ученые, говоря о стилях языка и речи, имеют в виду какие-то типы, виды, варианты языкового материала и его применения. Есть и вторая общая линия, соединяющая, если и не объединяющая, различные точки зрения на стили: признание связи между стилями и использованием, функциями средств языка. Видимо, эти две общие для разных концепций стиля идеи — идею вариативности и идею функциональности и можно использовать в новых попытках построить приемлемую, т. е. достаточно адекватную самому языку (и речи), теоретическую модель стилевой системы. И в этом именно направлении идут поиски многих советских лингвистов — в их числе Кожина, Сиротинина, Перебийнос, Шмелев и др.

Примем сразу же два ограничения. Первое будет касаться того множества языков, на которые, предположительно, может быть ориентирована предлагаемая концепция стилей: это, прежде всего, языки индо-европейские, финно-угорские и тюрко-татарские, имеющие давнюю письменную форму и литературную традицию. Второе ограничение будет касаться «объяснительной силы» предлагаемой концепции: она не претендует на полную адекватность реальным стилевым системам языков, однако и не отказывается от стремления к адекватности.

Известно (об этом уже говорилось в пособии), что любой этноязык представляет собою сложную систему исторически возникающих и функционирующих вариантов (письменная и устная «формы» языка, общий язык и племенные, а позже территориальные диалекты, литературный язык и язык разговорный и т. д.). Проблема стилей языка связана также с вариативностью этноязыка, причем той его «формы», которую называют литературным языком. Задача состоит в том, чтобы, взвешивая свидетельства многоликой речевой практики говорящих и пишущих на литературном языке, понять, на к а к о й о с н о в е возникают и действуют те структурные, или функциональные, или структурно-функциональные варианты литературного языка, к которым может быть приложен и прилагается термин «стиль». Эта основа установлена: это типы и виды деятельности общества. Приспосабливаясь к ним, структура языка получает ту или иную

не жесткую специфику, соотнесенную с «отмеченными» ею типами деятельности людей. При этом совершенно не обязательно, чтобы все типы и виды человеческой деятельности получили «отмеченность» в той или иной специфике структурных средств языка и их организации в процессе применения. К настоящему времени, т. е. в развитых литературных языках как языках национальных, «отмеченными» оказались следующие типы социальной деятельности: производственно-трудовая, научная, художественная, управленчески-деловая, политико-публицистическая, повседневно-бытовая. Но нет оснований говорить об «отмеченности» спецификой структурных средств языка и их организации таких видов деятельности, как образовательная, дипломатическая, военная, торговая, воспитательная и т. д. Возможно, и эти типы или виды деятельности получат со временем «отмеченность» в структуре языка и ее функционировании. Но пока этого нет или почти нет. Вот почему до сих пор наука о языке выделяет обычно следующие так называемые функциональные стили: производственно-технический, научный, художественный, деловой, общественно-публицистический, разговорно-бытовой.

В. В. Виноградов эти стили связывает с функциями общения, сообщения и воздействия. Такая их связь заслуживает внимания и изучения. Хотя нельзя не заметить того, что функция общения наличествует, видимо, во всех языковых стилях. Едва ли научному работнику язык нужен лишь для сообщения, но не для общения. Поэтому, возможно, осторожнее было бы, различая эти три функции языка, говорить о разной степени выраженности каждой из них в том или ином функциональном стиле.

Возможен и иной подход к объяснению определения «функциональный» при термине «стиль». Да, эти основные языковые стили — функциональные потому, что каждый из них функционирует в рамках определенного типа человеческой деятельности, каждый из них формируется на базе тех различий, которые устанавливаются типами деятельности в требованиях к функционирующему языку. Для науки нужны слова строго понятийной семантики, нужны структуры предложений, обеспечивающие строгость логических связей между суждениями — и язык, откликаясь на эти нужды, на эти требования науки, дает ей, функционируя, термины и синтаксические модели, обеспечивающие достаточно логичное изложение научной информации. Для управления нужны стандартизированные способы обозначения повторяющихся ситуаций «управляемых» участков жизни, нужны объективные, лишенные налета личностного отношения способы выражения деловой информации — и язык, откликаясь на эти запросы, дает управлению, функционируя, словесные штампы как наиболее экономное средство обозначения стандартных, повторяющихся управленческих ситуаций, дает соответствующую фразеологию и синтаксис — и вместе с тем дает речь, часто лишенную выразитель-

ности и силы. Подобным же образом предъявляют свои запросы и выражают нужды остальные типы человеческой деятельности, «отмеченные» своим стилем. Какая-то часть средств языка, ориентированных его историей на функционирование в каком-то определенном стиле по преимуществу, может получить «печать» своего стиля, особую стилевую окраску — профессиональной понятийности, стандартности, выразительности и т. д. Могут формироваться особые пласты лексики, каждый из которых несет такую печать. Это с т и л е в ы е пласты. Однако не они являются главной силой, формирующей стили. Н е й т р а л ь н ы е, т. е. лишенные какой-либо специфической стилевой окраски, слова, фразеологизмы и другие средства языка — вот главный источник, из которого черпают свою специфику стили современных развитых литературных языков, условно скажем, европейского типа. Вот почему ломоносовская теория стилей неприменима к объяснению тех вариантов литературного языка, которые здесь осознаются и объясняются как его функциональные стили.

Но как же нейтральные к стилям средства языка, не несущие на себе никакой стилевой печати — как они могут быть главной базой, основным источником и ведущей силой формирования языковых стилей? На этот вопрос не удастся ответить, если в понимании стилей оставаться в русле традиционных представлений, принимающих во внимание лишь качественные различия стилеобразующих явлений языка. В настоящее время наука о языке располагает вполне достаточным числом наблюдений и полученных в процессе экспериментов результатов, чтобы можно было утверждать, что практически все элементы всех уровней языка в той или иной степени дифференцируют языковые стили. Но дифференцирующая сила «нейтральных» элементов языка проявляется в различии их активности в разных областях человеческой деятельности. Активность же — это признак количественный, он допускает и требует применения статистической методики в процессе изучения языковых стилей. Возьмем лишь два-три примера — не с целью характеристики стилей языка, а с целью иллюстрации высказанной только что мысли. Так, имена прилагательные качественные полные составляют (в современном русском литературном языке) по отношению ко всем прилагательным: в публицистике — 30%, в научной прозе — 45%, в поэзии — 61%, в художественной прозе — 63,5%, в драматургии — 64,6%; имена прилагательные относительные: в драматургии — 11%, в поэзии — 21%, в художественной прозе — 23%, в научной прозе — 48%, в публицистике — 66%; краткие формы качественных имен прилагательных: в публицистике — 0,8%, в художественной прозе — 3,3%, в поэзии — 7,2%, в драматургии — 18,4%, в научной прозе — 2,9%; имена прилагательные в роли сказуемого: в публицистике — 2%, в научной прозе — 4%, в художественной прозе — 5,4%, в поэзии — 6,3%, в драматургии — 44,6%; имена прилагательные, подчиняющиеся имени существительному (в составе высказывания):

в драматургии — 64%, в поэзии — 87%, в художественной прозе — 90,6%, в научной прозе — 96%, в публицистике — 98% (80, 155—163).

Для иллюстрации специально были взяты статистические сведения о функционировании разных категорий и форм одной и той же части речи современного русского литературного языка. Эти сведения показывают, как небезразлично ведут себя категории и формы имени прилагательного в текстах, воплощающих разные языковые стили. Эти данные позволяют выдвинуть немало предположений с целью объяснить уловленные статистикой различия. Конечно, нужно помнить, что сообщенные здесь сведения об активности имени прилагательного в разных языковых стилях — усредненные. За ними стоят реальные частоты во многих текстовых выборках, и эти большие частотные ряды, полученные в процессе эксперимента, убеждают не только в том, что имя прилагательное участвует в дифференциации стилей, но и в том, что его частоты в каждом из стилей обладают большой устойчивостью, т. е. колеблются в допустимых статистическими законами пределах.

Бесспорно, стилеобразующая активность разных грамматических, словообразовательных, лексических, фонетических и интонационных средств языка неодинакова. Есть элементы языка, участвующие в различении и образовании всех шести основных функциональных стилей современного русского литературного языка; есть элементы языка дифференцирующие два или три стиля; есть, наконец, и такие, которые обнаруживают примерно одинаковую активность во всех стилях. Однако все это вместе взятое и означает, что стилевая система языка опирается в большой мере на к о л и ч е с т в е н н ы е различия, которые, накапливаясь, устойчиво взаимодействуя в речи, в тексте, осуществляют суммарное воздействие на наше сознание, и мы узнаем стиль, даже не имея никаких о нем теоретических знаний.

Если это так, то не может быть строгих, четких разграничительных линий между стилями. И их действительно нет. Разнообразные и многотипные тексты говорят об этом достаточно внятно. Для того чтобы каждый из основных функциональных стилей языка проявил себя, нужны соответствующие условия применения языка, т. е. нужен соответствующий тип человеческой деятельности.

Основные функциональные стили языка могут быть поняснены следующей несложной моделью. Представим себе, что перед нами некий весьма «скромный» язык, включающий в свой состав двадцать слов-лексем и десять служебных элементов типа слов-морфем (лексика и грамматика нашего языка). Далее допустим, что в словарном составе нашего языка семь единиц — это слова с конкретно-вещными значениями (обозначим их буквами латиницы: *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, *g*); семь единиц — это слова с отвлеченно-понятийными значениями (обозначим их большими буквами латиницы: *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G*) и шесть единиц — это стандартные словосочетания со значением типовых ситуаций (обозначим их греческими буквами:

α, β, γ, δ, ε, η). Допустим также, что в грамматике нашего языка пять служебных элементов не имеют никакой определенной семантики и лишь связывают слова и высказывания (наподобие русских союзов *что*, *и*), а другие пять элементов имеют логическую семантику причины, следствия, цели, вывода. Наш язык применяется для обслуживания науки, художественной литературы и деловой жизни. По-видимому, в научном тексте более активными окажутся, как правило, слова с отвлеченно-понятийными значениями просто потому, что слова с конкретно-вещными значениями не смогут выразить теоретическую информацию; в тексте художественном на первое место выйдут, по активности, слова с конкретно-вещными значениями — просто потому, что они потребуются для выражения образно-чувственной информации; в деловых текстах приобретают активность стандартные словосочетания, способные информировать о стандартных ситуациях, и станут практически ненужными слова с конкретно-вещными значениями — за исключением тех случаев, когда они будут нужны в роли номенклатуры, в роли словесных этикеток каких-то изделий и т. д. Нечто подобное произойдет и с нашей грамматикой: в научном тексте выйдут на первое место по активности служебные элементы логической семантики, в художественном — размытой, неопределенной семантики, в деловом, по-видимому, будут безразлично применяться те и другие. Облик речевых цепей будет, естественно, меняться от научного текста к художественному и от художественного к деловому: *DAγDBAcβEADFδαFA*, *baeAfagbAαbfcdBecfgA*; *γαAαεηDbaηβD*.

Изменение типовой повторяющейся знаковой структуры текста воспринимается нашим сознанием как те самые различия между стилями, которые становятся предметом наблюдений, анализа и описания лингвистов. Получается, что в самой системе языка единицы и категории его, помимо качественных свойств (значение, материальная форма), имеют еще и количественные свойства (меняющуюся от одного типа деятельности человека к другому вероятность применения в речи, набор таких вероятностей). Нашу модель языка можно представить в виде таблицы

Стили	*a*	*b*	*A*	*B*	α	β
Научный	0,01	0,03	0,23	0,37	0,15	0,14
Художественный	0,17	0,22	0,07	0,04	0,05	0,06
Деловой	0,10	0,08	0,06	0,07	0,27	0,34

Эта условная таблица очень похожа на те, которые получают экспериментаторы, изучающие стили при помощи статистики. Все отчетливее вырисовывается необходимость обогащения привычных качественных, к тому же весьма противоречивых, представлений

о стилях языка и стилях речи представлениями количественными. Эта необходимость особенно ясно осознается в решении проблем прикладного языкознания.

Возможность и необходимость применения количественных сведений в изучении и теоретическом понимании стилей заложены в самой природе языка, его функционирования и развития. В настоящее время накоплено вполне достаточно сведений, говорящих о том, что и процессы функционирования, и процессы развития языка подчинены не «жестким» (их философы часто называют «динамическими»), а вероятностным законам, результаты действия которых могут быть установлены при помощи статистики и выражаются в устойчивых колебаниях активности языковых единиц и категорий около некоторой, закономерно средней величины. Именно эту величину и пределы колебания частот около нее должна обнаружить статистическая методика, если мы хотим получить более надежное, чем в современных традиционных описаниях, отображение стилей.

Итак, повторим: языковые единицы и категории обладают, помимо качественных, еще и количественными свойствами, т. е. активностью применения в речи, или, точнее, вероятностью. Так, гласные звуки русского языка качественно отличаются от согласных наборами своих дифференциальных признаков; но гласные имеют и свойственные им вероятности, обнаруживаемые в тех частотных соотношениях звуков, которые дают речевые цепи. При этом не нужно забывать о том, что никаких среднеязыковых вероятностей языковая единица не имеет. Нет в русском языке вероятности фонемы [а] вообще, в среднем. Нет вероятности родительного падежа имени существительного вообще, в среднем, но есть вероятности родительного падежа, реализуемые в бытовой речи и в художественной прозе, в публицистике и науке — словом, в разных типовых условиях общения, связанных с типами деятельности людей. Вероятности языковых единиц и категорий могут меняться и меняются в зависимости от области применения языка и целей его использования, в зависимости от периода исторического развития и т. д. Именно эти изменения вероятностей и становятся одной из важных проблем изучения стилей, с т и л е в о й д и ф ф е р е н ц и а ц и и литературных языков.

Что же различается в функциональных языковых стилях — «наборы» единиц и категорий языка или же их соотношения по степени активности и вызываемое различием этих соотношений качество речевых структур? По-видимому, стили отличаются друг от друга и «наборами» активно функционирующих элементов языка, и соотношениями активностей элементов языка. По существу же своему с т и л и я з ы к а (в том понимании, которое здесь принято) — э т о т и п ы е г о ф у н к ц и о н и р о в а н и я, режимы его работы, соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга системами устойчивых особенностей отбора и применения языкового материала. Можно дать и несколь-

ко иное определение: стили языка — это структурно-функциональные его варианты, соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга системами устойчивых особенностей в отборе и применении языкового материала. Наконец, еще одно определение, не меняющее существа уже предложенных, но построенное на базе понятий о вероятности: функциональные стили языка — это типы его функционирования, соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга системами существенных различий вероятностей языковых единиц и категорий, достаточными для их качественного опознавания людьми на интуитивном уровне восприятия речи. Однако известные логические сдвиги в содержании трех определений функциональных стилей языка оставляют нетронутым главное: стили — явление не только и не столько структурное, но прежде всего функциональное, и вне функционирования языка его стили не существуют. Что же касается тех «стилей», которые выделялись и выделяются поныне и представляют собою пласты и области языковых средств прежде всего лексических и фразеологических («штили» Ломоносова, стили Щербы и т. д.), то они существуют как языковые реальности и в отдельных языках (например, языках Востока) могут занимать очень заметное место. Они имеют разные исторические истоки, но в современных развитых литературных языках связаны с функциональными стилями, им подчинены, их обслуживают, ими поддерживаются или разрушаются, и их лучше было бы называть стилевыми пластами языка.

Но как же быть, если принять предлагаемое здесь понимание стилей, с такими явлениями, как «риторический стиль», «иронический стиль», «возвышенный стиль», «сниженный стиль», «сатирический стиль», «правильный стиль» и т. д.? И как быть с экспрессией, которая, по мнению ученых, как раз и является чуть ли не единственной и главной основой формирования и различения стилей? Все перечисленные в кавычках и им подобные стили — теоретически очень разнородные явления. «Правильный» или «неправильный» стиль — это, по-видимому, типы речи, отличающиеся друг от друга соблюдением или нарушением языковых норм. Возвышенный и сниженный стили — это либо пласты лексики, получившей исторически «печать» возвышенности или сниженности (как это было в русском языке в XVIII — начале XIX в.), либо это типы речи, совокупностью своих средств напоминающие о ситуации общения — торжественно-приподнятой либо обыденно-сниженной. Риторический, иронический, экс-

прессивные «стили» — это ведет нас в сферу речевых структур и их типовой организации в составе целого текста. Так что можно и нужно говорить о ситуативных типах (или стилях) речи, многочисленных и не имеющих более или менее четких очертаний. Ситуативные типы (стили) речи легко переходят в стили экспрессивно-оценочные, а эти, в свою очередь, в стили индивидуально-личностные. На базе экспрессивно-оценочных и ситуативных типов (стилей) речи могут возникать лексические группы, удерживающие более или менее заметную семантическую окраску «своего» стиля. В сущности, такая окраска есть не что иное, как информация, выражаемая словом, о его ситуативно-экспрессивной приуроченности и о его связи с определенным типом (стилем) речи.

Таким образом, мы пришли к необходимости различения стилей языка и стилей речи. Если стили языка — это его структурно-функциональные варианты, это типы его функционирования, то стили речи — это более или менее устойчивые типы ее организации, соотнесенные с функциональными стилями языка, ситуацией общения, экспрессивно-оценочной деятельностью сознания, жанрами литературы, личностными особенностями автора и т. д. Стили речи отличаются друг от друга устойчивыми особенностями отбора языковых средств и их организации в составе речевых структур, их использования.

Типология стилей речи сложна и не вполне ясна. Хорошо заметны речевые стили, соотнесенные с функциональными стилями языка. Мы знаем, что существует научная речь, публицистическая, художественная, деловая, производственно-техническая, разговорно-бытовая. Эти типы речи и есть ее основные стили. Однако этот ряд мог бы быть продолжен или конкретизирован в результате внутренней дифференциации каждого из основных речевых стилей, скажем, в зависимости от профессии, области знания, ситуации, жанра и т. д. Выделяются, с большей или меньшей определенностью, профессиональные варианты производственно-технического стиля речи: речь металлургов, речь текстильщиков, речь таксистов, речь строителей, речь агрономов и т. д. Выделяются жанровые разновидности основных стилей речи: речь передовицы или аналогичной ей по назначению газетной статьи, речь газетного фельетона, речь информации, речь научной статьи, речь лекции, речь романа, речь юмористического или лирического рассказа, речь драмы, речь политического стихотворения и т. д. Выделяются ситуативные варианты основных стилей речи: беседа преподавателя со студентом о курсовой работе, беседа друзей, беседа влюбленных, беседа врача с пациентом, беседа матери с ребенком на прогулке... А сколько стилевых разновидностей получает речевой монолог! Хорошо известны индивидуальные речевые стили, иногда по своей выразительности и определенности более сильные, чем ситуативные или жанровые. Недаром люди говорят (вслед за Бюффоном, забыв, что ему

принадлежит приоритет) —«стиль — это человек». Да, чем яснее выражены личностные качества человека, чем оригинальнее и самобытнее личность, тем своеобразнее его индивидуально-личностный стиль. Нужно ли в связи с этим напоминать о том, что человечество время от времени, хотя и не так часто, получает возможность иметь радость общения с такими гигантами, как Пушкин и Ленин? Но и самые обыкновенные люди не лишены индивидуально-личностного речевого стиля, и с ним оказываются связаны многие психологические проблемы общения в разных сферах жизни. Так что система речевых стилей многообразна и сложна. А если принять во внимание то немаловажное обстоятельство, что границы между речевыми стилями практически отсутствуют, один стиль может перейти в другой, стили накладываются друг на друга — становится понятным то, что современная наука о стилях не имеет пока ни ясного взгляда на них (т. е. на речевые стили), ни сколько-нибудь удовлетворительного их описания.

§ 86. Лингвистов и литературоведов волнует проблема «языка художественной литературы». Этим термином обозначаются разные вещи: а) та система языковых средств, которая обслуживает художественную литературу и которая едва ли сколько-нибудь заметно отличается от общей системы литературного языка; б) тот структурно-функциональный вариант языка, который соотнесен с художественной деятельностью людей; в) та система типов речи, которую создают образцовые художники слова в своих поэтических в широком смысле произведениях. Так что прежде чем делать новые попытки понять друг друга в продолжающейся десятилетия дискуссии по вопросу «Что же такое язык художественной литературы?», нужно точно договориться, о чем мы думаем, когда применяем этот термин. Нередко приходится читать и слышать решительные возражения против признания «языка художественной литературы» одним из функциональных языковых стилей. Говорят, что язык «художественной литературы» не рядоположен к другим функциональным стилям. Почему же? Оказывается, потому, что в «художественном произведении есть все». Этими или подобными словами обычно хотят сказать, что в художественном тексте могут функционировать слова разных тематических, лексических и стилевых пластов и групп, могут применяться синтаксические структуры и интонации, типичные для научного, разговорного или делового стиля и т. д. Все это действительно так. Но если так, то выдвигается второй довод: «язык художественной литературы» — это совершенно особая система, это язык в языке, и в этой особой системе, подчиненной задачам эстетического воспроизведения мира, осуществляется принципиально новый и очень своеобразный сплав разнородных языковых элементов, создающих тем не менее единую эстетическую систему. Оба эти аргумента должны быть отвергнуты. Что касается соображения «в языке художественной литературы есть все», оно неверно в следующем

смысле. Когда говорят «есть все», то имеют в виду не язык, а произведение, текст, содержательная структура которого может потребовать от художника где-то включить диалектизмы, где-то термины, где-то дать элементы ненормированной речи и т. д. Но ведь и в тексте научном, при подобном к нему подходе, можно найти все. Скажем, ученый-историк, изображая этнографическую сторону жизни, развитие культуры и психологии, может включить в свой сугубо ученый текст элементы народной речи, пословицы, песни, местные названия орудий труда и трудовых действий и т. д. Будет ли это означать, что и научный стиль, обслуживающий нужды исторической науки, уже перестает быть стилем и становится еще одним «языком в языке»?

Для лучшего уяснения места так называемого «языка художественной литературы» в системе функциональных языковых стилей полезно взять эти стили в их отношении к действительности, к деятельности сознания и к структурной организации речи. Попытаемся сопоставить хотя бы некоторые из языковых стилей с аспектами действительности: научный стиль имеет перед собой действительность как объект логико-понятийного моделирования ее существенных связей и закономерностей; публицистический стиль — как объект выражения ее социальной оценки; деловой стиль — как объект регулирования человеческих взаимоотношений; в этом же ряду и художественный стиль, для которого действительность — объект образно-«чувственного» моделирования, причем моделируется не только сам материальный мир, но и его «переживание» человеком.

Сопоставим некоторые языковые стили с деятельностью сознания: научный стиль соотнесен с обобщающе-познавательной работой сознания, в процессе которой слово направлено прежде всего на познаваемый объект и отображающее его понятие; публицистический стиль соотнесен с познавательно-оценивающей работой сознания, в процессе которой слово направлено прежде всего на оцениваемую социальную ситуацию; разговорно-бытовой стиль соотнесен с информационно-эмоциональной работой сознания, в процессе которой слово направлено прежде всего на собеседника; в этом же ряду и художественный стиль, который соотнесен с изобразительно-выразительной и эстетической работой сознания, в процессе которой слово оказывается направлено прежде всего не только на предмет, но и на субъект, и на другое слово — потому что писатель или поэт всегда выражает самого себя и отражает в своем слове слово своих персонажей или словесно перекликается с другими литературными произведениями и их персонажами, с народной речью и т. д.

Отчетливо обнаруживается включенность так называемого языка художественной литературы в систему функциональных стилей и по отношению стилей к структурной организации речи: в речи научной господствуют термины и связанные с их осмыслением синтаксические конструкции; в речи публицис-

тической господствуют словесные сцепления, выражающие понимание и оценку социальных явлений; в речи разговорно-бытовой господствуют слова и выражения бытового обихода и связанная с ними незамысловатость синтаксических структур; в речи художественной господствуют слова и их соединения в образно-эмоциональном значении, вызывающие «сопереживание» читателя или слушателя писателю, а также связанные с этими значениями многоразличные синтаксические и интонационные средства языка. Статистическое изучение художественной, деловой, научной, публицистической, производственно-технической и разговорно-бытовой речи обнаруживает устойчивые, закономерно возобновляемые расхождения между этими стилями по многим морфологическим, синтаксическим и лексическим, а также интонационно-фонетическим признакам. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что стиль художественный, имея ярко выраженную специфику, принципиально иначе подчиняется закономерностям использования средств языка в речи, нежели другие языковые стили. Конечно, если кому-то из исследователей хочется изучать именно «язык» художественной литературы, т. е., говоря словами Л. В. Щербы, прежде всего грамматику и словарь, применяемые в художественных текстах, то это не только возможно, но и целесообразно. Но это никак не может повлиять на убеждение в том, что стиль художественный существует как один из функциональных стилей развитого литературного языка нового времени.

* *
*

О б о б щ и м изложенное в этой главе. Проблема стилей остается одной из сложных и не вполне проясненных в современном языкознании. Термин «стиль» получает разную предметную отнесенность у разных исследователей. Как правило, этот термин относят к «типам речений» (Ломоносов), или, по-современному, к лексическим пластам, намечаемым и выделяемым по разным основаниям (экспрессия у Винокура, синонимическая соотнесенность у Щербы, дополнительный оттенок у Щербы, эмоциональная окраска у Балли и т. д.). В работах В. В. Виноградова в основание выделения и разграничения стилей языка положено различие его функций — общения, сообщения и воздействия. В. В. Виноградов различает стилистику языка, стилистику речи и стилистику художественной литературы. Взгляды ученого оказали большое влияние на отечественное учение о стилях (назовем его с т и л е л о г и е й, а не стилистикой из-за «изношенности» этого термина) и получили своеобразное развитие и подтверждение в работах современных ученых иного направления — Кожиной, Перебийнос, Сиротининой и других, применивших широко статистическую методику. Можно думать, что проблема стилей языка — это проблема его вариативности в связи с разными типами социальной деятельности. Приспосабливаясь к ним, структура языка получает

ту или иную не «жесткую» специфику, соотнесенную с «отмеченными» языком типами деятельности людей.

К настоящему времени в развитых национальных литературных языках «отмечены» производственно-трудовая, научная, художественная, управленчески-деловая, политико-публицистическая, повседневно-бытовая деятельность общества. Каждый из основных стилей языка функционирует, обслуживая одну из перечисленных деятельностей и потому может быть назван функциональным. Какие-то средства языка, функционируя по преимуществу в рамках одного стиля, могут получить его «печать», в результате могут формироваться стилевые пласты лексики. Однако не они, а так называемые нейтральные средства языка являются главным источником и главной силой формирования языковых стилей. Дифференцирующая сила «нейтральных» элементов языка проявляется в закономерных различиях их активности в разных стилях, что устанавливается при помощи статистической методики. Количественные различия между стилями, суммарно воздействуя на наше сознание, воспринимаются как различия качественные, говорящие о неодинаковой семантической, логической и эмоциональной окраске стилей и неодинаковой их способности воздействовать на ум и чувства человека.

Четких, строгих разграничительных линий между стилями нет и быть не может. Языковые единицы и категории обладают, помимо качественных, еще и количественными свойствами, т. е. активностью применения в речи, или вероятностью, которая усваивается в процессе усвоения языка в условиях длительного однозычного окружения.

Стили языка отличаются друг от друга и «наборами» языковых элементов и активностью их функционирования, соотношениями активности различных элементов языка.

Стили языка — это типы его функционирования («режимы его работы»), соотнесенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга системами устойчивых особенностей отбора и применения языкового материала. Возможно определение стилей с использованием понятия вероятности.

Функциональные стили языка реализуются в стилях речи, система которых сложна и обширна. Можно говорить о стилях речи, соотнесенных со стилями языка, о ситуативных стилях речи, профессиональных, жанровых, личностных и т. д. Границы между речевыми стилями практически отсутствуют, один стиль переходит в другой или накладывается на другой. Теория речевых стилей еще не сложилась.

Лингвистов и литературоведов волнует проблема «языка художественной литературы». Нужна четкая предметная отнесенность термина. Во всяком случае, нет никаких оснований возражать против признания в системе функциональных языковых стилей и стиля художественного. Однако художественный стиль

литературного языка не нужно смешивать со стилем художественного произведения — категорией литературоведческой.

Учение о стилях языка и стилях речи нуждается в продуманном теоретическом развитии с применением статистики и всех традиционных методик. Оно могло бы получить иное терминологическое наименование, как об этом уже было сказано: стилелогия — это учение о стилях языка и стилях речи. Что же такое стилистика в ее существующем «размытом» понимании и применении, остается неясным. Поэтому термин «стилистика» нежелателен в привычном его применении.

Дополнительная литература

Балли Ш. Французская стилистика (русск. пер.). М., 1961 (Введение).

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. К проблеме классификации функциональных стилей в языках различных типов. — Вопросы языкознания, 1978, № 1.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977 (главы I, II).

Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля.— Вопросы языкознания, 1978, № 1.

Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка.— Вопросы языкознания, 1973, № 2.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Глава XII

Развитие и функционирование языка

§ 87. В современной лингвистической теории большое место занимают термины и соответствующие понятия — «развитие языка» и «функционирование языка». Нередко возникают острые разногласия по вопросу о том, что важнее для общей теории языка — изучение его функционирования или изучение его развития. XIXв. в европейской лингвистике ознаменован идеей историзма, поисками проблем и их решений в рамках сравнительно-исторического языкознания. XX в. выдвинул на первое место функционирование языковой структуры и ее внутреннюю организацию. Однако проблема языкового развития не могла быть и не была забыта. Функционирование и развитие языка оказались взаимосвязанными в сознании многих ведущих лингвистов, и осмысление связей и различий между функционированием и развитием долгое время зависело от концепций Ф. де Соссюра — от его учения о синхронии и диахронии. Эти термины и понятия и привлекут к себе наше внимание.

По словам Ф. де Соссюра, «...в интересах всех вообще наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать... 1) ось одновременности (АВ), касающуюся отношений между существующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) ось последовательности (СД), на которой никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» (127, 113). Изучением языка на оси одновременности (она проведена ученым горизонтально) должна заниматься лингвистика статическая, или синхроническая; изучением языка на оси последовательности (она проведена вертикально) должна заниматься лингвистика эволюционная, или диахроническая. Термины «синхрония» (от греч. *syn* — вместе, *chronos* — время) и «диахрония» (от греч. *dia* — через, сквозь и *chronos*) — «будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции» (127, 114).

По мнению Ф. де Соссюра, «противоположность двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютно и не терпит компромисса» (127, 116). «...Из коренной антиномии между фактом эволюционным и фактом статическим следует, что решительно все понятия, относящиеся к тому или другому, в одинаковой мере несводимы друг к другу. Любое из этих понятий может служить доказательством этой несводимости. Таким образом, синхроническое явление не имеет ничего общего с диахроническим..: первое есть отношение между одновременно существующими элементами, второе — замена во времени одного

элемента другим, то есть событие» (127, 124). «...Синхронические факты, каковы бы они ни были, обладают определенной регулярностью, но совершенно лишены какого-либо императивного характера; напротив, диахронические факты навязаны языку, но не имеют характера общности» (127, 127).

«Попытка объединить внутри одной дисциплины столь различные по характеру факты представляется фантастическим предприятием. В диахронической перспективе мы имеем дело с явлениями, которые не имеют никакого отношения к системам, хотя и обусловливают их» (127, 118).

Как можно видеть, противопоставление синхронии и диахронии как двух точек зрения осуществлено Ф. де Соссюром достаточно категорично. Это дало основание противникам швейцарского лингвиста обвинить его в разрыве диахронии и синхронии, в забвении реальной связи между историей и современным состоянием языка. Однако такой упрек явно несправедлив. Эту связь Ф. де Соссюр видит, ее иллюстрирует, ее утверждает — хотя бы только что цитированным высказыванием («В диахронической перспективе мы имеем дело с явлениями, которые никак не относятся к системам, хотя и обусловливают их»). Концепция диахронической и синхронической лингвистики, построенная Ф. де Соссюром, не может быть принята без оговорок и возражений по другим причинам.

а) Нельзя согласиться с мыслью о том, что в диахронической ретроспективе мы имеем дело всегда только с одним-единственным феноменом, одним фактом или явлением. (На оси последовательности «никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз».) Это неверно ни в плане онтологии самого языка, т. е. его бытия, реального существования, ни в плане гносеологии, т. е. его изучения и познания. Никем не доказано и не показано, будто изменения структурных элементов языка во времени всегда происходят поодиночке. Скорее наоборот. Например, перестройка форм и значений категории времени в истории русского глагола на протяжении XV—XVIII вв. охватила всю систему временных и личностно-временных форм и никак не может быть сведена к изменению каждой временной формы каждого глагола поодиночке и вне связей внутри всей глагольно-временной системы форм и значений. Нельзя также представить, почему лингвисту, изучающему историю русского глагола, недоступно видение изменений всей системы временных форм и значений. Зрительный, графический образ оси, избранный Ф. де Соссюром для конкретизации мысли о синхронии и диахронии, возможно, повлек за собой представление о невозможности расположить в плане диахронии (ведь это всегонавсего линейная ось!) ничего, кроме смены отдельных фактов. Видимо, реальному положению вещей лучше отвечал бы иной образ — системы параллельных и непараллельных линий — как по вертикали, так и по горизонтали. Такой графический образ, соответствующим способом интерпретированный, помог бы увидеть «синхронность» диахронии и «диахронность» синхронии.

б) Очень уязвима мысль Ф. де Соссюра о системности языка в плане синхронии и асистемности, случайной единичности в плане диахронии; при этом оказывается все же, что случайные изменения во времени отдельных фактов затем захватывают более или менее широко языковую систему.

Отсюда странное утверждение ученого, по существу отвергающее какую бы то ни было возможность закономерного изменения языка: «Изменения никогда не происходят во всей системе в целом, а лишь в том или другом из ее элементов, они могут изучаться только вне ее» (127, 120). Но если изменения могут изучаться вне системы самого языка, они внесистемны и незакономерны.

Любопытно, как использовано в книге Ф. де Соссюра в развитии мыслей о синхронии и диахронии, сравнение языка с игрой в шахматы: «а) Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру; так и в языке изменениям подвергаются только отдельные элементы.

б) Несмотря на это, каждый ход сказывается на всей системе; игрок не может в точности предвидеть последствия каждого хода...

в) Ход отдельной фигурой есть факт, абсолютно отличный от предшествовавшего ему и следующего за ним состояния равновесия. Произведенное изменение не относится ни к одному из этих двух состояний; для нас же важны одни лишь состояния.

В шахматной партии любая данная позиция характеризуется, между прочим, тем, что она совершенно независима от всего того, что ей предшествовало; совершенно безразлично, каким путем она сложилась; зритель, следивший за всей партией с самого начала, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришел взглянуть на положение партии в критический момент...» (127, 122).

Ф. де Соссюр как бы забывает о том, что правила игры в шахматы не меняются в зависимости от течения партии. Между тем «правила игры» в системе языка как раз меняются вместе с изменением его структурных элементов. Поэтому «наблюдатель языка», следивший за тем, как действовала система языка в XV в., не сможет понять систему языка XX в., не перестроив своих представлений о «правилах игры». Также было бы неразумно переносить мерки XX столетия на язык и речевую деятельность XV в. И «любое данное положение» в языке никогда не бывает «совершенно освобождено от всего, что ему предшествовало» и никогда не бывает «совершенно безразлично, каким путем оно установилось», хотя эти цитаты справедливы по отношению к игре в шахматы.

В лингвистике XX столетия термины и понятия «синхрония» и «диахрония» заняли прочное место. Пражская лингвистическая школа и советское языкознание заметно видоизменили понимание и применение этих терминов, в частности, не без влияния взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского о статике и динамике языка. В советском языкознании признается взаимная связь синхронии и диахронии, взаимная закономерная их зависи-

мость. Вместе с тем синхрония и диахрония понимаются и как два аспекта лингвистического исследования, предполагающие видение и изучение языка в определенный период, на определенном рубеже его истории, в совокупности и системе связей и отношений между его элементами (синхрония), а также видение и изучение языка в последовательной смене его состояний на протяжении ряда исторических периодов его жизни (диахрония).

§ 88. Термины «синхрония» — «диахрония» оказались соотнесенными в современном советском языкознании с терминами «функционирование» — «развитие», и эти две терминологические пары становятся нередко конкурентами в выражении сходного, подобного или идентичного содержания. К тому же, как об этом было сказано, термины «синхрония» — «диахрония» приобрели не только онтологический, но и гносеологический оттенок и стали выражать понятия о двух аспектах лингвистического исследования, этого второго оттенка, второго значения не имеют термины «функционирование» — «развитие», что и позволяет предпочесть именно их при описании соответствующих сторон жизни языка.

Несмотря на привлекающую ясность термина «развитие языка», он (термин) все же требует определения. В этом пособии он будет применяться в следующем значении: это изменение во времени структуры языка, ее элементов и их связей, изменение во времени функций языковой структуры, ее «частей» и ее элементов.

В соответствии с принятым определением можно и нужно различать: а) развитие языка в целом; б) развитие его форм и вариантов; в) развитие его структурных сторон («уровней»); г) развитие отдельных грамматических, словообразовательных, лексических, фонетических категорий; д) развитие отдельных элементов языка (грамматических форм, морфем, слов, фонем, значений и т. д.); е) развитие функций языка в целом; ж) развитие функций исторических форм языка и его вариантов; з) развитие функций структурных сторон языка (его «уровней»); и) развитие функций отдельных грамматических и иных языковых категорий; к) развитие функций отдельных элементов языка, отдельных языковых единиц.

Возьмем несколько иллюстративных примеров, ни в какой мере не претендуя на полное и системное изложение общетеоретических представлений о всем круге развития языка, очерченном только что предложенной читателю схемой.

Так, язык древних римлян (латинский), благодаря распространению Римской империи на многие территории Западной Европы, вступил в сложные и длительные взаимоотношения с языками народов, населявших завоеванные римлянами территории. В результате менялась вся структура языка и постепенно формировались, ставшие ныне родственными, но и весьма различные романские языки (испанский, португальский, французский, румынский, молдавский).

Если правильно предположение лингвистов и историков о существовании в прошлом (VI—VIII вв.) общеславянского языка-основы, в результате дальнейшего развития которого постепенно выделились южнославянские, восточнославянские и западнославянские языки,— правильной окажется и мысль о том, что в процессе этого развития происходила перестройка, бóльшая или мéньшая, всей структуры языка в целом, которая, разумеется, охватывала и его стороны, категории и единицы, а также и его функции.

В истории русского языка XIV—XVIII вв. заметным переменам подверглась грамматическая система глагола, включая категории времени, вида, залога, наклонения, лица, причастий. Все эти категории испытали те или иные перемены во времени, т. е. то или иное развитие — как в области формы, так и в области значений. При этом прослеживается бóльшая или мéньшая внутренняя зависимость изменения одних категорий от других, а это значит, что изменение охватывало не отдельные разрозненные единицы языка, а их грамматические системы, и развитие глагольных категорий было системным, по своему существу, явлением.

Не останавливая внимания читателей на развитии отдельных фактов языка (звуков, слов, форм), возьмем один-два примера, говорящих и о развитии функций.

Так, лишь национальные литературные языки становятся языками полифункциональными, причем разные языковые стили берут на себя и разные социальные функции: разговорный стиль — функция бытового общения, научный стиль — функция логического моделирования процесса познания, художественный стиль — функция эстетического отображения и моделирования действительности, деловой стиль — функция регулирования общественных отношений между людьми и т. д. До формирования литературных языков на национальной основе общенародные разговорные языки и местные диалекты не могли иметь и не имели функционального варьирования. Естественно, что перестройка долитературного языкового состояния в литературно-языковые системы была вместе с тем развитием языковых функций.

Второй пример развития функций будет взят из области грамматического строя. Известно, что одной из главных внутриструктурных функций частей речи была и остается функция синтаксическая: часть речи обслуживает синтаксис, занимая в структуре предложения те или иные синтаксические позиции. Известно также, что в современных индоевропейских языках имя существительное легко и свободно выполняет функции подлежащего, дополнения, а также определения, выступая в этой функции конкурентом имени прилагательного. Функция определения для имени существительного — сравнительно новая и развилась на базе функции объекта. Функциональные сдвиги отдельных частей речи могут привести к перемещению слов из одной части речи в другую, как это происходит и в настоящее время с именами существительными в функции обстоятельства: такие имена существительные

нередко перемещаются в сферу наречий и дают или парные именам существительным наречные омонимы или даже только наречия — при утрате исходного в процессе развития имени существительного (вчера, завтра и под.). Так намечается взаимодействие развития функций и развития структуры частей речи,— один из самых широких процессов в истории языков.

§ 89. Проблема развития языков требует осмысления его внутренних и внешних условий. В советском языкознании первым опытом широкого описания тех и других стало коллективное исследование «Общее языкознание» (М., 1970, отв. редактор — Б. А. Серебренников). Его авторы справедливо говорят о двух крайних точках зрения на причины языкового развития. Одна из них (А. Мартине, Ю. Курилович и др.) признает только внутренние, в самой структуре языка заложенные причины. Вторая (А. Мейе, А. Соммерфельд и др.) склонна принимать во внимание только причины внешние, которые часто называют экстралингвистическими. Обе точки зрения авторы «Общего языкознания» признают достаточно ограниченными и пишут: «Исходя из тезиса о двусторонней зависимости эволюции языка от факторов внешних и внутренних, мы хотим подчеркнуть тем самым, что современная постановка проблемы заключается не в том, чтобы изучать одни причины в ущерб другим, а в том, чтобы объективно показать, в чем именно может проявиться действие тех и других и их конкретное переплетение» (96, 218).

В советском языкознании после лингвистической дискуссии 1950 г. неоднократно обсуждался вопрос о так называемых внутренних законах языкового развития, предполагаемых, по-видимому, и авторами упомянутого «Общего языкознания» и обозначаемых ими, как правило, словом «причины».

Возможно, что проблема языкового развития нуждается для ее «просветления» не только и не столько в термине «причина», сколько в термине «условия». Да, любое изменение языка во времени, малое или большое, происходит в определенных условиях, внешних и внутренних. Этими условиями оказываются, в частности и прежде всего, внутренние и внешние системные связи языка: первые устанавливаются и меняются в самом языке, вторые устанавливаются и меняются между языком и другими структурами (природа, общество, сознание человека). Изменения в этих «других» системах меняют их связи с системой языка, и, откликаясь на эти перемены, язык осуществляет перемены в своей структурной организации и ее функциях.

Итак, каковы же внешние и внутренние условия языкового изменения, языкового развития и что можно называть его внутренними законами?

К числу в н е ш н и х условий должны быть отнесены:

а) Социальная структура общества, изменение которой, особенно в периоды революционных преобразований, сказывается

на языке,— прежде всего и в особенности, на его словарном составе, в котором активизируются лексико-семантические пласты, отражающие интересы и нужды завоевавших господство классов; так было в период французской буржуазной революции конца XVIII в., так было в период Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

б) Этнический состав населения одной страны: чем однороднее по этническому признаку население, тем свободнее его язык от иносистемных примесей и влияний.

в) Форма исторической общности людей — племя, народность, нация. История превращения племен в народности, а народностей в нации во всем мире связана с большими или меньшими преобразованиями языковых структур и их функций.

г) Производство, техника, орудия и приемы трудового воздействия человека на природу, изменение, развитие которых сказывается на словарном составе, семантике словосочетаний, терминологии, словообразовании и, менее заметно, на синтаксической организации высказываний.

д) Наука, развиваясь, совершенствуясь, расширяя сферы и интенсивность познания человеком мира и себя самого, оказывает непрерывное воздействие на язык, ускоряет и расширяет области его терминологии и синтаксиса, мощно влияет на его семантику.

е) Художественная литература. Ее влияние на развитие языков и их стилей общепризнано, и не случайно основоположниками литературных языков в разных странах называют выдающихся писателей.

ж) Государство, в частности такие его институты, как суд и школа. Известно очень много примеров влияния государственной документации, судебного красноречия, университетского ораторства на речевую практику общества.

з) Идеология, в частности религиозная. В языках Востока, например японском, китайском, хиндустани и бенгали, многие явления традиционной семантики и фразеологии складывались под сильнейшим влиянием религиозных мировоззрений.

и) Контакты, в частности торговые, с другими народами и государствами неизбежно приносят в языки контактирующих народов те или иные перемены.

к) Особо в перечне внешних условий языкового развития нужно назвать деятельность сознания и мышления человека, общества. Особо потому, что сам язык есть, по Марксу, практическое, действительное сознание, а также потому, что влияния на язык, идущие со стороны всех перечисленных ранее социальных явлений, осуществляются при обязательном участии сознания, мышления человека. Однако признавая язык практическим, действительным сознанием, лингвисты-марксисты не отождествляют язык с собственно сознанием и мышлением как идеальными формами отображения мира в мозгу людей. Сознание и мышление деятельны и вплетены в процесс повседневного труда общественного чело-

века; вместе с тем сознание и мышление материализованы в языке и, развиваясь, действуя, оказывают на язык непрерывное влияние.

Но каковы внутренние условия языкового развития? Авторы «Общего языкознания» (М., 1970) предпочитают говорить не об условиях, а о причинах языковых изменений и устанавливают следующие типы причин: а) приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма; б) необходимость улучшения языкового механизма; в) необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности; г) внутренние языковые изменения и процессы, не связанные с действием определенных тенденций; д) внутренние противоречия и их характер; е) случаи полезного взаимодействия процессов (см.: 96, 235, 250, 254, 256, 262, 264). Приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма и необходимость улучшения языкового механизма проявляются в форме ряда тенденций — таких, как тенденция к облегчению произношения, тенденция к выражению разных значений разными формами, тенденция к экономии языковых средств, тенденция к ограничению сложности речевых сообщений, тенденция к употреблению более экспрессивных форм и другие (см.: 96, 235—254).

Достаточно вдуматься в словесные обозначения типов и тенденций, чтобы заметить, насколько сложна и все еще мало доступна та область языковых явлений, которую так смело затронули авторы «Общего языкознания» (М., 1970).

Задумаемся хотя бы о следующем. Если механизм языка вынужден все время приспосабливаться к физиологическим особенностям человеческого организма, а человеческий организм, несомненно, что-то внешнее по отношению к языку как знаковой системе общения,— это означает, что перед нами не внутренние, а внешние причины языкового развития, вполне подобные различным социальным воздействиям на язык по своей первичности по отношению к нему. «Необходимость улучшения языкового механизма» и «необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности» не могут, очевидно, заключаться в самом языке — они возникают в обществе и им поддерживаются, а это означает, что и они не могут рассматриваться как «внутренние причины» языкового развития; достаточно напомнить хорошо известный факт прекращения языкового развития в тех случаях, когда язык перестает употребляться и исчезают две обозначенные выше необходимости.

Могут вызвать сомнения и некоторые из тенденций, устанавливаемых в «Общем языкознании» (М., 1970) и другими лингвистами. Если бы в языках действительно существовала тенденция к облегчению произношения как постоянный фактор языкового развития, как могли бы возникать те «трудные» для произношения звуки и их скопления, которые, возникнув, позже начинают «облегчаться». Подобным же образом может быть сформулирован

вопрос и относительно двух других тенденций — к экономии языковых средств и к ограничению сложности речевых сообщений. Разумеется, психофизиологический механизм общения, управляющий применением языкового механизма, налагает на него известные ограничения, т. е. не допускает возникновения в нем знаковых структур бóльшей, чем это предписывается законами психофизиологии, сложности. Но из этого следует лишь то, что и упрощать в языковом механизме оказывается нечего: в нем осуществляется динамическое равновесие сложного и простого и идет непрерывный процесс упрощения сложного и усложнения простого. Никак нельзя принять предположение о действии в языках тенденции к выражению разных значений разными формами и тенденции к употреблению более экспрессивных форм. Во-первых, это предположение отчетливо противоречит фактам: грамматическая и лексическая многозначность в процессе развития языка может и убывать, и возрастать — в различных частях и участках языковой структуры. Во-вторых, тенденция к выражению разных значений разными формами явно противоречила бы тенденции к экономии языковых средств, если такая в действительности существует. Что же касается второй из упомянутых двух тенденций, она вызывает лишь недоумение: о каком же возрастании употребления более экспрессивных форм можно говорить, если по мере развития науки и управления усиливаются во всех языках научный и деловой стили с их действительной тенденцией замены экспрессивных средств выражения неэкспрессивными, нейтральными по отношению ко всякой экспрессии?

Так что остается по-прежнему неясным, что имеется в виду, когда пишут и говорят о внутренних причинах или условиях, о внутренних законах языкового развития. Язык, взятый сам по себе, вне его связей с социальными и психофизиологическими условиями его бытия и развития, видимо, не обладает никакими внутренними стимулами самодвижения.

Но это вовсе не означает, что в языке нет никаких внутренних условий его исторического развития. Они есть. И они могут быть отражены в следующей формулировке: каждое новое явление в языке возникает на базе существующих и обусловлено их действующими системными связями и отношениями. Это, может быть, и есть главный внутренний закон языкового развития. Могут меняться и меняются внешние по отношению к языку импульсы и влияния — социальные и психофизиологические. Однако любой такой импульс, любое влияние вызывает в языке какие-то перемены не само по себе, не непосредственно, а через посредство уже сложившейся и работающей знаковой структуры. Новые слова возникают не по запросам самого языка, а по запросам жизни. Но свою форму и свое значение они устанавливают в зависимости от того, каким знаковым материалом располагает язык, что и как может использовать при создании нового слова. Новые типы словосочетаний появляются потому, что их ищет и находит рабо-

тающая мысль человека, но форма и семантика таких словосочетаний обусловлены самим языком, его структурными возможностями. И чем отвлеченнее, «удаленнее» от «вещного» мира развивающиеся языковые структуры, тем слабее на них воздействия социальные и сильнее воздействия психофизиологические, тем очевиднее и внутриструктурная, в самом языке, их обусловленность.

§ 90. Можно наметить типы языкового развития — по тем условиям, в которых оно осуществляется: а) обусловленные функционированием языка в меняющейся социальной среде; б) обусловленные воздействиями на структуру языка меняющегося человеческого сознания; в) обусловленные приспособлениями языковой структуры к психофизиологическим возможностям и особенностям человеческого организма; г) обусловленные приспособлениями одной языковой структуры к другой или другим (языковые контакты); д) вызванные неизвестными причинами, заложенными, по предположению, в свойствах языка самого по себе (так называемые спонтанные изменения языковых единиц и категорий).

О первых трех типах языкового развития кое-что было сказано на предшествующих страницах. Задержим внимание на языковых контактах и спонтанных изменениях языка.

Языковые контакты возникают там, где непосредственно или опосредованно встречаются две или несколько языковых структур (или их участков, частей, элементов) в их речевом применении одними и теми же людьми.

Это бывает:

а) когда территорию, на которой живет население, говорящее на одном языке, занимает население, говорящее на другом языке;

б) когда на одной и той же территории мирно живет разноязычное население;

в) когда разноязычное население живет на соседних территориях, что облегчает взаимное общение;

г) когда часть населения одной страны вступает в торговые, научные и иные контакты с населением другой страны, говорящим на другом языке;

д) когда часть населения одной страны усваивает язык другой страны в процессе обучения в школах и практически его использует.

В случае *а* язык пришельцев может растворить в себе язык местного населения или может раствориться в нем, третий возможный исход — мирное сожительство на одной территории разноязычного населения. Если в случае *а* один язык растворяется в другом, утрачивает свою самостоятельность и теряет свой структурный облик, то он все же обязательно сохраняет следы своего воздействия на язык победивший. Лингвистика для такого исхода применяет термины субстрат и суперстрат. Субстрат — это язык-

подоснова, язык местного населения, ассимилированный, «усвоенный» языком пришельцев; суперстрат — это язык-надоснова, язык пришельцев, ассимилированный, «усвоенный» языком местного населения. Субстратом стал дравидский язык для языков индийских, кельтский — для романских, можно говорить о финском субстрате для ряда русских говоров севера Европейской части СССР и т. д. Суперстратом стал латинский язык по отношению к ряду местных языков Западной Европы, немецкий по отношению к языку чехов и т. д. Степень ассимиляции «победившим» языком языка-субстрата или суперстрата может быть очень различной, как и степень проникновения структурных элементов языка «побежденного» в язык «победивший». Хорошо известно, что наиболее проницаемой для иноязычных воздействий, идущих со стороны языка субстрата или суперстрата, оказывается лексика, менее доступна такому воздействию синтаксическая система, а также система словообразования, и еще менее «проницаема» система морфологии.

Помимо терминов «субстрат» (Дж. Асколи) и «суперстрат» (В. Вартбург), современное языкознание применяет термины «адстрат» (М. Бартоли) и «интерстрат»; язык-адстрат — это язык, усваиваемый другим языком, при условии территориального соседства населения, говорящего на том и другом; предполагается, что элементы языка-адстрата проникают в ассимилирующий язык первоначально на линии соприкосновения двух народов, а затем, позже, эти элементы распространяются в глубь территории, занятой населением, говорящим на ассимилирующем языке. Языки-интерстраты находятся в отношении взаимного воздействия друг на друга. Примером языковых отношений, связанных с языками-адстратами, могут служить белорусско-литовские, польско-литовские языковые отношения в период русского средневековья. Интерстратными отношениями наделены многие языки Советского Союза.

Языковые контакты всегда связаны с двуязычием (билингвизмом) и часто — с так называемой интерференцией.

Что такое билингвизм? Это функционирование двух языков на одной и той же территории, в одной и той же этнической среде. По-иному, это использование в процессе общения двух языков одним и тем населением. Лиц, общающихся на двух языках, называют билингвами. Естественно, в языковом сознании билингвов, в системе их речевых навыков могут происходить и происходят включения в одну языковую систему каких-то свойств, признаков, особенностей другой системы. В результате билингв может начать говорить и писать не на чистом языке, а на родном языке с примесью второго, неродного. Билингв, как правило, будет говорить и писать на неродном языке, внося в него какие-то особенности и признаки родного. Возникает своеобразное приспособление систем двух языков друг к другу — при сохранении каждым из них своей самостоятельности и своего облика. При этом не обра-

зуется никакого нового, «смешанного», языка. Но возникают более или менее сильные явления так называемой интерференции, которая может давать частичное смешение лексики, частичное усвоение синтаксических моделей одним языком из другого, частичные видоизменения произношения, ударения и интонирования, привнесение чужого акцента.

Проблемы билингвизма существуют во многих районах и странах мира, существуют они и в Советском Союзе — в условиях свободного развития наций, национальных культур и национальных языков. Изучение билингвизма — одна из актуальных проблем современного языкознания.

§ 91. Несмотря на то что проблема внутренних законов языкового развития остается открытой для поисков и решений и несмотря на то что могут быть высказаны новые и новые сомнения в существовании «чистых» внутренних законов,— все же можно попытаться некоторые из них наметить, имея в виду не отдельные языковые факты, а общие тенденции языковой истории.

а) Во всех языках действует тенденция к абстрагированию элементов языковой структуры. Действие этой тенденции выражается в том, что с течением времени более конкретные элементы языка изменяются, перерастают в более абстрактные и увеличивается мера их абстрактности. Примерами действия этой тенденции (этого закона) могут служить: развитие абстрактных значений на базе значений конкретных в лексике; развитие неполнозначных слов (предлогов, союзов) на базе полнозначных в области морфологии; развитие абстрактного формализованного значения категории рода имен существительных в индоевропейских языках на базе менее абстрактных значений родовых классов — в морфологии; развитие абстрактных значений категорий предикативности и модальности на базе менее абстрактных значений времени, лица и наклонения — в синтаксисе и т. д.

В результате действия тенденции (закона) к абстрагированию элементов языковой структуры отдельное слово современного развитого языка оказывается носителем и выразителем языковых значений четырех ступеней абстрагирования — лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического (последнее значение удерживается словом лишь в составе синтаксической конструкции).

б) Видимо, во всех языках действует также тенденция к дифференциации языковой структуры и языковых функций. Благодаря этой тенденции древнейшие звуки-высказывания дифференцировались на звуки (фонемы) и морфемы-высказывания. Позднее слово было противопоставлено языком морфеме и предложению. Цепочки слабо организованных и грамматически неоформленных предложений были дифференцированы на предложения простые и сложные. Сложные предложения получили со временем членение на сложносочиненные и сложноподчиненные, союзные и бес-

союзные; простые предложения уточняли типовую дифференциацию. В области морфологии можно назвать хорошо установленный историей языка факт формирования имен и глаголов на базе более раннего недифференцированного по признаку «предмет — процесс» класса слов; и совсем недавно, в период письменной фиксации, завершился в индоевропейских языках процесс дифференциации имен на имена существительные и имена прилагательные. Тенденция к дифференциации языковой структуры и ее функций привела и к таким общеструктурным переменам, как возникновение функциональных вариантов литературного языка, или его стилей.

в) Тенденция к интеграции структурных элементов языка действует одновременно с тенденцией к дифференциации. Морфемы, объединяясь, дают слово (его основу), слова объединяются в словосочетания, слова и словосочетания — в предложения, простые предложения — в сложные и т. д. На базе морфологии и ее значений слова, очень разные по своим лексическим и словообразовательным признакам, оказываются стянутыми в один класс — часть речи. Процессами интеграции захватываются племенные и территориальные диалекты, на базе сплочения и объединения которых складываются общие языки народностей, а затем и национальные языки. Научное общение разноязычных стран и народов уже привело к появлению довольно широкого международного терминологического фонда, и он может и должен восприниматься как один из результатов действия закона интеграции.

г) Прослеживается в различных языках вполне ясно и тенденция к усложнению и обогащению языковой структуры. Эта тенденция не очевидна лишь на одном уровне языка — фонетическом. Лексика же увеличивается в объеме и становится разнообразнее. Возникают новые словообразовательные модели и типы. Усложняются и количественно возрастают синтаксические структуры. Неясны направления и пределы действия тенденции к усложнению в области морфологии. В общем процессе исторического развития языков возрастает количество частей речи и свойственных им грамматических категорий, значений и форм. Однако в отдельные периоды развития отдельных языков может уменьшаться количество категорий и форм, как это было, например, в истории русского глагола или в истории падежной системы французского и английского языков.

д) Во всех языках во все периоды их развития действует тенденция к изменению по аналогии («закон аналогии»). Эта тенденция выражается в том, что один языковой факт меняет какие-то стороны и признаки своей структуры по аналогии с тем, что есть в другом факте (или других фактах). Так, в разговорном просторечии русского языка заимствованные слова *пальто*, *кино*, не имеющие падежных окончаний, приобретают их по аналогии с имеющими такие окончания русскими словами *окно*, *долото* (возможно, что и литературный язык примет в конце концов такие аналоги-

ческие изменения названных двух слов). По аналогии со структурой существующих образуются структуры новых слов: сравним *приземлиться* и *прилуниться*, *приокеаниться*. По аналогии пересоздаются системы склонения и спряжения, образуются синтаксические структуры высказываний, передвигается ударение (аналогические влияния поддерживают, например, нарушение литературной нормы в глаголе *звонить*: *звóнишь*, *звóнит* — как *прóсишь*, *прóсит*, *хóдишь*, *хóдит* и т. д.). Для того чтобы какая-то языковая единица аналогически изменилась под влиянием другой или других, нужно, чтобы уподобляемая единица имела некоторую базу уподобления, т. е. уже была бы сходной по ряду признаков с теми единицами, которым она уподобляется. Так, аналогичность глагола *звонить* глаголам *просить*, *ходить* и подобным (сходство основы инфинитива, сходство личных окончаний, сходство морфемного строения основы) ведет к уподоблению и по месту ударения в личных формах настоящего — будущего простого. Конечно, тенденция к аналогическому уподоблению одних языковых единиц другим имеет психофизиологические основания, однако и вся система языка не лишена таких оснований: язык — знаковый механизм, приводимый в действие именно психофизиологическими механизмами человека. Поэтому наличие психофизиологической базы закона аналогии не дает оснований исключить его из числа внутренних законов развития языка.

е) Здесь уместно напомнить и о ясной тенденции внутриструктурной обусловленности всех тех изменений в языке, которые имеют внешние импульсы со стороны социальной среды общения или развивающегося сознания. Эти импульсы вызывают то или иное изменение в структуре языка, но форма этих изменений всегда обусловлена наличным в языке материалом и закономерностями его функционирования. Язык не просто «действует» в окружении других структур действительности — он взаимодействует с ними, не теряя при этом известной автономности своих законов.

§ 92. Изменение языка во времени, т. е. его развитие, не контролируется, по-видимому, сознанием человека, хотя и осуществляется всегда при участии этого сознания. Можно в связи со сказанным сослаться на мнение Э. Бенвениста: «Применения языка, на котором мы говорим, столь многообразны, что одно их перечисление вылилось бы в обширный список всех сфер деятельности, к каким только может быть причастен человеческий разум. Однако при всем их разнообразии эти применения имеют два общих свойства. Одно заключается в том, что сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным; за исключением случая собственно лингвистических исследований, мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения» (28, 104). Эта неконтролируемость сознанием функционирования и развития языка лишний раз говорит о его объективности и невозможности в настоящее время целенаправленного и контроли-

руемого его изменения. В связи с этим находится тревожащий многих лингвистов и нелингвистов вопрос о том, можно или нет реформировать язык. Видимо, реформу допускает лишь вспомогательная техника его письменной формы (орфография, пунктуация, графика). Что же касается структурных элементов собственно языка, то пока не видно, каким путем можно было бы осуществить перестройку в желаемом направлении, да и не ясно, каким могло бы быть это направление.

Однако это не означает, что развитие языка, в особенности литературного, не испытывает или не может испытывать осознанного воздействия общества — науки и государства. Грамматики, толковые словари, словари ударений и произношения, учебные пособия по родному языку и популярная литература по вопросам речевой культуры регулируют речевую деятельность людей и через нее в той или иной степени влияют на языковое развитие. И не случайно, конечно, В. И. Ленин в записке М. Н. Покровскому от 5 мая 1920 г. говорит: «Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли примерно)» (12, 192). В этом высказывании не только забота о просвещении народа, подъеме культуры людей, но и понимание возможности воздействия на язык.

Политика буржуазных правительств тормозила и тормозит развитие многих десятков языков народностей и национальностей Азии и Африки, лишая эти языки письменности, литературной формы, сдерживая складывание более совершенных культур и стилевых вариантов. Политика Советского правительства, наоборот, стимулировала национально-языковое развитие, формирование литературных языков и систем письма, создавала условия для обогащения ранее отставших в своем развитии языков народностей царской России новыми структурными элементами — лексическими и синтаксическими, возникавшими как на почве родного языка, так и заимствованными из других языков, прежде всего из русского языка.

Можно упомянуть и о том, что в XIX столетии ученые ряда стран Европы, своеобразно понимая свою роль в национальном развитии науки, тормозили проникновение в свои языки интернациональных элементов, терминологии (опирающихся обычно на греко-латинскую корневую основу) и развивали терминологию на базе родных языков (венгры, чехи и др.). В настоящее время в европейской и американо-канадской науке наметилась тенденция поддерживать формирующийся международный терминологический фонд, и эта тенденция отвечает требованиям развивающейся научно-технической революции.

Еще очевиднее и необходимее сознательное воздействие общества и государства на речевую деятельность людей.

§ 93. От языкового развития лингвистика отличает языковое функционирование. Что может стоять за этим термином?

Если использовать термины «парадигматика» и «синтагматика», можно ответить на поставленный вопрос так: функционирование языка в речи — это реализация языком, в процессе ее построения, своей парадигматики и синтагматики. И действительно, на каждом шаге развертывания речевой цепи язык, побуждаемый и направляемый сознанием, реализует один из парадигматических вариантов и включает его в связь с предшествующим и последующим в речи вариантами другой или той же самой парадигмы.

При изучении понимаемого так функционирования языка возникают и ждут ответа следующие вопросы:

а) какие парадигмы и какие их варианты используются на каждом шаге развертывания речи и, в связи с этим, какими парадигмами, готовыми к речевому применению, располагает определенный язык в определенный период его развития;

б) какие синтагматические возможности языка реализуются в речи и, в связи с этим, каким «набором» таких возможностей располагает определенный язык на определенном этапе его развития;

в) какие значения знаков языка актуализируются речевым применением его парадигматики и синтагматики и, в связи с этим, какими системами значений располагает язык на том или ином рубеже его развития;

г) какие внутриструктурные функции осуществляются различными знаками языка, образующими речевую цепь, и, в связи с этим, каковы системы этих функций в языке на определенном этапе его развития;

д) какое знаковое окружение возникает у языковых единиц в процессе построения речи, каким закономерностям оно подчиняется;

е) какова активность речевого применения различных вариантов отдельных языковых парадигм и активность их синтагматических связей и окружений;

ж) какова зависимость всех перечисленных явлений от контекстно-ситуативных условий построения речи, в частности для развитых литературных языков — каковы возможности, закономерности и пределы стилевого варьирования речи и т. д.

Некоторую информацию о функционировании языка мы получаем из грамматических описаний и словарей, именно поэтому такие описания и словари оказываются неплохими руководствами к речевому поведению человека. Когда грамматики предлагают нам парадигмы склонений и спряжений, описывают формы и грамматические значения этих форм, когда в грамматиках даются описания синтаксических функций частей речи,— читатель получает насущную, нужную, хотя и очень неполную информацию о том, как те или иные участки языковых структур функционируют

в речи. То же самое можно сказать о толковых словарях, показывающих и описывающих значения слов, лексическую синонимию и антонимию, фразеологию живых языков и т. д.; видимо, в будущем словари станут лучше ориентированными на то, чтобы служить пособиями, помогающими человеку строить свою речь в полном соответствии с живыми закономерностями функционирования языка во всем их богатстве и многообразии.

Только что бегло описанный аспект функционирования языка — важнейший для лингвистики, но не единственный. Это функционирование можно назвать структурно-речевым, так как имеется в виду применение единиц, категорий и закономерностей языка в построении речи.

Помимо участия в построении речевых цепей, единицы языка участвуют в построении других единиц языка. Этот аспект функционирования можно назвать структурно-языковым. В этом случае нужно будет иметь в виду участие фонем в построении слогов, морфем и слов, участие морфем в построении слов и их форм, участие морфем и слов в формировании словообразовательных типов, участие слов и словообразовательных типов в формировании частей речи, участие частей речи и отдельных слов (и их словоформ) [illegible] вании словосочетаний, участие частей речи, слов и с [illegible] в формировании предложений. Нужно будет им [illegible] ду воздействие синтаксических структур на выбо [illegible] их парадигм, воздействие частей речи на выбор с [illegible] т. д. Далеко не все вопросы такого подхода к [illegible] чению функционирования языка ясны, и ону [illegible] ения.

[illegible] рно-языковое функционирование [illegible] р надо отличать от функционирования к [illegible] ым, неязыковым структурам, т. е. по отношению к материальному предметному миру, обществу и человеческому сознанию. По-иному это различение можно было бы назвать внутриязыковым и внеязыковым. Современное языкознание пока еще очень осторожно смотрит на возможность изучения того, как функционирует язык по отношению к миру вещей и миру людей.

§ 94. К внеязыковым аспектам функционирования языка нужно отнести объектное, субъектное и прагматическое.

Объектное функционирование языка должно рассматриваться как отображение и моделирование языком и речью объектного, вещного мира. Так как язык человека — это его практическое, действительное сознание (Маркс), а сознание всегда процесс отображения объективного мира в головах людей, то уже по одной этой причине язык не может не отображать мира объектов, в котором живет и действует человек. Понять функционирование языка по отношению к объективному и объектному миру —

это значит понять, как этот мир отражен и смоделирован самой структурой языка и речевыми структурами, построенными из знаков языка. Обратим внимание хотя бы на то, что части речи и члены предложения соотнесены, хотя и не строго, с членениями материального предметного мира и отношениями, организующими такое членение. Имя существительное и имя прилагательное в индоевропейских, финно-угорских, тюрко-татарских (можно предполагать — и в других) языках соотнесены с предметной и признаковой сторонами мира. Глагол и наречие в тех же языках соотнесены с процессуальной стороной мира (глаголам соответствуют процессы, наречиям — признаки процессов). Подлежащее и дополнение моделируют предметы, включенные в отношения независимости и зависимости; сказуемое и определение могут осознаваться как модели временных и вневременных признаков. И т. д. Нет, разумеется, прямой и строгой соотнесенности грамматического членения языковой структуры и предметного членения объективного мира. Но нет и независимости первого членения от членения второго. И одна из проблем изучения языкового функционирования и заключается, очевидно, в том, чтобы увидеть, как и с какой степенью строгости моделирует языковая структура структуру мира, каковы сходства и различия конкретных языков и их семей по этому признаку — на разных этапах их исторической жизни.

Структурно-языковое членение речи также (и с большим основанием) может осознаваться как своеобразная знаковая модель каких-то явлений и событий реальной жизни. Поток речи динамичен, и он хорошо моделирует динамику жизни. Когда мы читаем известные строки поэта *Летят перелетные птицы в осенней дали голубой*, мы за каждым словом и каждой связью между словами осознаем предметы, процессы, признаки и связи между ними; устанавливается хорошая соотнесенность между «кусочком действительности», с одной стороны, и его знаковым обозначением — с другой. Конечно, моделирующая, по отношению к действительности, функция речи позволяет и искажать, и даже неузнаваемо трансформировать эту действительность, как, например, в высказывании *Пластиковые самолеты с визгом вгрызались в песчаные айсберги*. И одна из задач изучения этой функции сводится к тому, чтобы понять условия и возможности построения адекватных действительности и неадекватных ей речевых моделей.

Второй аспект «внешнего» функционирования языка — субъектный. Объектному противостоит субъектное функционирование в том смысле, что это функционирование создает модели человеческого сознания и его «составной части» — мышления. Оговоримся сразу же, что под сознанием здесь понимается процесс отображения действительности в головах людей, а под мышлением — процесс отображения действительности в специфических логических формах — понятия, суждения и умозаключения.

Как языковая структура в ее целом, ее «составных частях»

и элементах соотнесена с человеческим сознанием и мышлением, с результатами их деятельности — вот одна из центральных проблем изучения субъектного функционирования языка. Подобно тому как структурное членение языка своеобразно моделирует предметное членение мира,— подобно этому структурное членение языка своеобразно моделирует и результаты деятельности коллективного сознания людей. За словами, за семантикой, стоят обобщения мысли и эмоций. За грамматическими категориями, их значениями, просматриваются еще более широкие и отвлеченные обобщения — как результаты неконтролируемой абстрагирующей работы сознания, осуществляемой именно благодаря его «сращенности» с языком.

Очевиднее с у б ъ е к т н о е функционирование речи. Последовательность ее развертывания подчиняется свойствам и возможностям языка и в большей степени — потребностям и воздействиям формируемого в процессе речи и выражаемого ею сознания (мышления). Речевая последовательность очень неплохо моделирует процесс мысли. За словами и их смысловыми связями в составе высказывания, за высказываниями и смысловыми связями между ними в составе текста хорошо просматриваются понятия и связи между ними, суждения и умозаключения. Изучая структуру речи, ее развертывание, можно, очевидно, увидеть и понять некоторые стороны и признаки динамики человеческой мысли и шире — сознания. Мысль и сознание остаются для науки все еще — во многом — «черным ящиком». Но на входе в этот ящик и на выходе из него — речь, ее структура, ее развертывание. Можно с уверенностью думать о том времени, когда наука найдет методики, позволяющие проникнуть в «черный ящик» мышления посредством изучения речи.

§ 95. Особо нужно говорить о третьем типе внеязыкового функционирования структурных сторон и элементов языка, о третьем аспекте — п р а г м а т и ч е с к о м (от греч. pragma — дело, действие, деятельность). Прагматическое функционирование языка и речи — это функционирование в среде людей, по отношению к людям, их «внутреннему» и внешнему поведению. О прагматическом функционировании собственно-языка говорить едва ли нужно: сами по себе разрозненные или так или иначе систематизированные элементы языка, как правило, не имеют воздействия на людей, потому что информация, выражаемая такими элементами, не коммуникативна. Коммуникативную функцию, а вместе с тем и функцию воздействия (т. е. прагматическую) единицы языка приобретают в речи. Эта функция речи существенна и охватывает все стороны поведения людей. Речь информирует, речь регулирует их действия, меняет их настроение, речь формирует научные понятия, речь объединяет и разобщает, речь доставляет эстетическое удовлетворение. Как? Чем? В каких условиях? Наука о языке только начинает, и то очень робко, приближаться к проблемам

и вопросам изучения прагматической функции речи, ее, этой функции, варьирования, ее обогащения вместе с развитием языка и сознания людей в усложняющихся и меняющихся условиях труда, знания, культуры и общения.

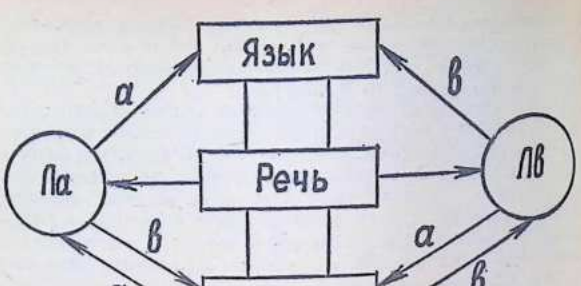
Прагматическое функционирование языка (речи) рано или поздно приводит к вопросам психологии производства и восприятия слова, высказывания. Слово в речевой цепи, тем более целое высказывание,— это мощнейший источник воздействия на психику человека. Французская пословица «словом можно убить человека и вернуть его к жизни» получает и оправдание, и обоснование при достаточном внимании к вопросам о том, как, чем и в каких условиях речевое воздействие на психику человека усиливается или уменьшается.

Проблема прагматического функционирования языка затрагивает практически, в реальной жизни, и миллионы людей, и каждого отдельного человека. Деловое регулирование трудовых усилий в процессе управления, степень успешности пропаганды и агитации, эффективность научного общения, впечатление, возникающее в сознании читателя художественной литературы, успех преподавания в начальной и средней школе, результаты вузовского преподавания и т. д.— все это находится в большой зависимости от прагматической функции языка, меры, реализации ее возможностей.

Прагматическое функционирование речи ведет нас и к непростым проблемам ее культуры, ее оптимального или близкого к оптимальному применению. Вместе с тем возникают и проблемы культуры терминологической — начиная от того, как рационально строить терминологию, и кончая тем, как рационально применять уже построенную. Но и об общей, и о терминологической культуре речи — в своем месте.

Из сказанного становится ясно, что во всем своем объеме проблематика, связанная с прагматическим функционированием языка, не может быть рассмотрена в пределах подходов и методик одной лингвистики. Необходимы контакты науки о языке с науками о человеческой психологии и человеческом мышлении. Но на стыке этих наук пытается определить себя новая область знания — психолингвистика. И может быть, изучение прагматического функционирования языка и речи — задачи и забота этой новой науки. Правда, и в пределах существующего языкознания может быть найдено место проблематике и методикам активного изучения языковой прагматики и активного же введения в жизнь людей результатов такого изучения.

§ 96. Кажется заманчивым построить схематическую (графическую) модель, которая позволяла бы более наглядно описать объектное, субъектное и прагматическое функционирование речи. Вот графические контуры такой модели:

Линии со стреловидным концом указывают направление воздействий, простые линии — соотнесенность; буквенным символом *Л* обозначены участники процесса коммуникации, малыми буквами *а* и *в* — различаются функционально-речевые «роли» двух участников.

Предложенную модель можно прочитать следующим образом. Некоторый объект (ситуация) оказывает воздействие на сознание одного из участников коммуникации — *Ла*; если этот участник коммуникации решает выразить информацию об объекте (ситуации), он воздействует на язык и строит из него речь, соотнесенную с объектом (ситуацией); речь воздействует на второго участника коммуникации — *Лв*, который «находит» объект (ситуацию), побудивший первого участника коммуникации построить речь. Круг замыкается, первый и второй участники коммуникации осознают один и тот же объект (ситуацию). Взаимопонимание достигнуто. Второй участник коммуникации может, в свою очередь, испытав воздействие найденного им объекта, обратиться к языку, построить речь, которая будет воспринята первым участником коммуникации. И т. д.

Предложенная модель позволяет увидеть и более сложные факты. *Ла*, *Лв* — это люди с присущей им работой сознания, и когда *Ла* испытывает воздействие объекта (ситуации), в его сознании этот объект отображается не во всей его целостности, а лишь какими-то своими сторонами и признаками; кроме того, сознание вносит в отображение объекта (ситуации) так называемые оценочные моменты, обычно эмоциальные. Поэтому на отрезке *Ла* — язык оказывается информация не о «чистом» объекте (ситуации), а об объекте, воспринятом индивидуальным сознанием человека; иначе говоря, на отрезке *Ла* — язык окажется информация и об объекте (ситуации), и о работе сознания человека. Для выражения этой информации будут избраны средства языка и построена речь,

которую воспримет второй участник коммуникации. Значит, второму участнику коммуникации придется отыскивать не только объект (ситуацию), но и угол зрения, под которым его увидел первый из участников коммуникации, и особенности работы сознания этого участника, и даже коммуникативные свойства воспринятой речевой цепи. Поэтому могут возникнуть различные помехи, которые и создадут те или иные расхождения между участниками коммуникации в понимании, казалось бы, одной и той же информации.

Помехи, «шумы» могут возникнуть на любом отрезке коммуникативного циркулирования информации: на отрезке объект — *Ла* потому, что *Ла* недостаточно четко «видит» объект; на отрезке *Ла* — язык потому, что не были найдены своевременно адекватные выражаемой информации средства языка или неотчетливо сработало сознание; на отрезке язык — речь потому, что сознание плохо контролировало образование речи; на отрезке речь — *Лв* потому, что *Лв* не был достаточно внимателен; на отрезке *Лв* — объект (ситуация) потому, что объект (ситуация) был виден с другой стороны и при иной освещенности. Конечно, реально значительно больше причин, вызывающих «шумы», и поэтому сохранить информацию той именно структуры, которую она имела в сознании *Ла*, второму участнику коммуникации очень не просто.

§ 97. Функционирование языка и его развитие предполагают друг друга: развивается язык функционирующий, функционирует язык развивающийся. Антиномия Ф. де Соссюра диахрония — синхрония оказывается мнимой, как и утверждаемая ученым асистемность диахронии. Это вовсе не устраняет и возможности, и необходимости изучать язык в каком-то одном плане — плане его развития (диахрония) или его функционирования (синхрония). И для того чтобы увидеть и понять функционирование языка как систему реализаций его парадигматики и синтагматики в речи,— для этого действительно нужен «синхронный срез» языка, т. е. фиксация его динамического состояния в одно и то же время. А для того чтобы увидеть и понять развитие языка как систему изменений его элементов во времени,— для этого нужен «диахронный разрез» языка, т. е. фиксация системы его структурных элементов на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий, лучше — столетий, а еще лучше — тысячелетий.

Пожалуй, самое сложное в проблеме функционирования и развития языка — это понимание того, что сам механизм функционирования развивается, а закономерности развития функционируют. Иначе говоря, меняются во времени не только единицы и категории языка, их функции, отношения между ними — меняются во времени и закономерности, перечисленными изменениями управляющие; функционируют в речевом пространстве не только элементы языка, но и закономерности, меняющие эти элементы. Так,

властно входит в мышление ученого-лингвиста философская диалектика Гегеля — Маркса — Энгельса — Ленина, диалектика самой жизни.

* * *

Обобщим сказанное. В современной лингвистике большое место занимают термины и соответствующие им понятия — «функционирование языка» и «развитие языка», «синхрония» и «диахрония». Ф. де Соссюр противопоставил синхронию и диахронию языка излишне категорично, предположив, что одна точка зрения на язык (синхрония) исключает другую (диахрония) и что первая — предполагает систему языка, вторая — ее исключает. В реальной жизни языка синхрония и диахрония взаимодействуют как две формы существования его структуры и системы.

Термины «синхрония» и «диахрония» приобрели в современной лингвистике два смысла — онтологический и гносеологический. Во многих случаях этим терминам нужно предпочесть термины «развитие языка» и «функционирование языка». Первый термин означает изменение во времени структуры языка, ее элементов и связей между ними, а также изменение во времени функций языковой структуры, ее «частей» и элементов.

Проблема развития языка требует осмысления его, развития, внешних и внутренних условий. К числу внешних должны быть отнесены: социальная структура общества; этнический состав населения; формы исторической общности людей; производство и техника; наука; художественная литература; государство и его институты; идеология; контакты государств и народов; деятельность сознания и мышления людей. К числу внутренних условий должны быть отнесены установившиеся в языке состояния его структурных областей (фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, стилей), разрешающие или ограничивающие формирование новых элементов языка, изменение уже существующих. Каждое новое явление в языке, вызываемое внешними условиями, возникает лишь на базе уже существующих явлений и обусловлено их действующими системными связями и отношениями.

В развитии языков велика роль их контактов и связанного с ними двуязычия (билингвизма).

Проблема внутренних законов языкового развития остается открытой для поисков и решений, но и теперь можно наметить некоторые из них, имея в виду общие тенденции языковой истории: это тенденция к абстрагированию элементов языковой структуры, тенденция к дифференциации языковой структуры и языковых функций, тенденция к интеграции структурных элементов языка, тенденция к обогащению и усложнению языковой структуры, тенденция к изменению по аналогии («закон анало-

гии»), тенденция к внутриструктурной обусловленности всех изменений в языке, намечаемых внешними воздействиями.

От развития языка нужно отличать его функционирование. Функционирование языка в речи — это реализация языком, в процессе построения речи, своей парадигматики и синтагматики. Можно различать структурно-речевое функционирование языка (которое только что было определено), структурно-языковое (когда одни единицы языка участвуют в построении других) и прагматическое, являющееся одним из видов функционирования языка по отношению к неязыковым структурам. Видов такого функционирования — три: объектное (по отношению к миру объективных вещей и явлений), субъектное (по отношению к миру сознания и мышления людей) и прагматическое (по отношению к человеку, его деятельности, его «внутреннему» и внешнему поведению). Прагматическое функционирование языка и речи опирается на функционирование объектное и субъектное и занимает, в процессе общения людей, очень важное место. Можно построить графическую модель объектного, субъектного и прагматического функционирования языка в речи.

Функционирование и развитие языка предполагают друг друга: функционирует язык развивающийся, развивается — функционирующий. Можно сказать и более: сами закономерности функционирования языка — развиваются, а закономерности развития языка — функционируют. Вот, почему, в частности, схема «диахрония — синхрония языка», предложенная Ф. де Соссюром, обедняет и искажает действительную жизнь языка.

Дополнительная литература

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973 (извлечения из работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского).

Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — Вопросы языкознания, 1972, № 1.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (глава третья).

Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования русского языка.— Вопросы языкознания, 1975, № 3.

Глава XIII

Терминология

§ 98. В современных развитых литературных языках большое и значимое место занимает терминология. Она оказывается существеннейшей стороной того языкового стиля, который обычно называют языком науки. Поэтому никакая лингвистическая теория, в особенности если она стремится отразить современное состояние развитых литературных языков, не может не рассматривать круг проблем и вопросов, связанных с изучением терминологии. Лингвистика должна осмыслить место термина в системе языка, его специфику и его общеязыковые свойства и признаки, его влияние на развитие науки, техники, производства, образования, управления, она должна понять, как строятся и функционируют большие и малые терминосистемы, как связана научная терминология с научными идеями и каково взаимовлияние той и других, должна дать разумные рекомендации для лучшего применения существующих терминов и создания новых.

И, разумеется, первоочередным остается вопрос: что же такое термин? Ответ на такой вопрос предварительно может дать определение, дефиниция. Наука уже имеет немало дефиниций термина, более удачных и менее удачных. Не обсуждая и не анализируя каждую из имеющихся дефиниций, можно принять следующее определение: термин — это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии.

Наивно думать, будто термины появляются только тогда, когда начинает развиваться наука, теоретическое знание. И в прошлом, и в наше время любая профессия, любой вид трудовой деятельности рождает свою терминологию. И многие слова (обычно имена существительные), которые воспринимаются как общеупотребительные и, следовательно, нетерминологические, в речи профессиональной приобретают значение и функции терминов. В обычной речи слова *береза*, *дуб*, *вяз*, *клен*, *сосна* — общеупотребительные; в речи ботаников или лесорубов они термины. В повседневном общении слова *потолок*, *стена*, *кухня* — обычные, общеупотребительные, в речи архитекторов и строителей это термины. Применение терминов представителями одной и той же профессии (специальности) обеспечивает общение в процессе совместной деятельности и влияет на степень ее эффективности.

§ 99. Несмотря на нерешенность до настоящего времени во всей ее сложности и объеме проблемы специфики термина, все же можно утверждать, что термин — это всегда *результат и орудие профессионального мышления*. Поэтому специалисты, представители одной и той же профессии, всегда заинтересованы в том, чтобы *значение* термина было *четким однозначным* в своем слове или словосочетании. Это избавляет участников общения от разномыслия в понимании и применении одних и тех же терминов, уменьшает потери в восприятии и усвоении информации. Вот почему термину предъявляются идеальные требования — *однозначность и точность*. Однако именно мышление и не позволяет выполнить эти идеальные требования. Одна и та же сила постоянно поддерживает тенденцию к точности и однозначности терминов — и постоянно же эту тенденцию разрушает: мышление и процесс трудового освоения мира, в который мышление вплетено и непременным участником которого оно является, непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий, в особенности в области теории, и создает новые понятия, требующие словесного, терминологического обозначения и выражения. Поэтому значения терминов, их понятийное содержание не застывают раз и навсегда, они подвижны, семантические границы терминов изменчивы, точность и однозначность временны и непрочны.

Все сказанное в полной мере относится к терминам теоретических областей знания. Что касается производства и техники, здесь положение несколько иное: названия механизмов и их частей, простейших трудовых действий и производственных операций, названия материалов и веществ, специальностей и профессий не столь подвержены изменяющему терминологические значения влиянию времени и меняющегося производства. И самое главное: такие названия имеют, как правило, *четкие смысловые границы*.

Термин — один из видов лексических, шире — *номинативных, называющих и обозначающих единиц языка*. *Терминологическое значение* — один из типов *словесных значений*. Словообразование терминов подчиняется в общем тем же закономерностям и регулируется теми же моделями, что и словообразование в целом. Морфологические свойства терминов как имен существительных по преимуществу подчинены единым для всего языка «правилам» грамматического строя. Синтаксические позиции, в которых стоят термины в высказывании, ничем, по-видимому, не отличаются от синтаксических позиций остальных слов языка. Так что терминология — это не язык в языке, а особый, очень сильный *лексико-фразеологический слой языка*, обслуживающий профессионально-трудовые нужды людей.

Однако сказанное вовсе не означает, будто у терминов нет никаких присущих им свойств и особенностей, как-то выделяю-

щих терминосистемы в общей системе лексики и фразеологии.

Укажем хотя бы некоторые из этих особенностей.

Термин лишен или почти лишен «созначений», оттеночных вариантов смысла, эмоциональных и стилистических наслоений, ему не свойственны и не нужны те многоликие образно-эстетические смысловые повороты, которые обычное слово может получить и получает в художественном, а нередко и обыденном тексте. Значение термина по сравнению со значениями общеупотребительных слов строго понятийно, т. е. информирует о понятии, выражает понятие, участвует в формировании понятия. Чистая понятийность лексического значения термина лишает его некоторых синтагматических и словообразовательных свойств, присущих общеупотребительным словам. Термины не могут, например, свободно вступать в синтагматические связи, создающие переносно-образные, в частности метафорические смыслы, хотя такие связи и не исключаются. Как правило, не принимают термины и суффиксов субъективной оценки, вообще не участвуют в образовании производных слов со значением экспрессии и модальности.

Одной из структурных особенностей современной терминологии оказывается ее тяготение к освобождению от воздействий корневых и основных значений слов своего языка. Термин нужен для выражения и осмысления определенного научного, технического, производственного, управленческого или общественно-политического понятия. И если термин создан, образован на базе общеизвестного слова, значение этого слова, его корня или основы, будет проступать в значении термина и мешать его профессиональному осмыслению. Это нежелательно. Поэтому в развитии терминологии, в процессе создания новых терминов действует, особенно в наше время, довольно сильная тенденция — опираться на иноязычные корни и основы, очень часто — на древнегреческие или латинские. Правда, традиции развития национальных терминологических систем неодинаковы, и во многих странах, обычно под влиянием национальных движений и стремления сохранить свою национальную самобытность и как бы подчеркнуть ее, международные, в частности греко-латинские элементы терминов ослаблены, а подчас подменяются национальными эквивалентами. Могут оказывать противодействие проникновению в отдельные языки иноязычных терминов и терминоэлементов и резкие структурные расхождения заимствующих языков и тех языков, из которых терминология могла бы заимствоваться. В целом же проблема перемещения терминов из одного языка в другой или другие, проблема формирования международного (не обязательно мирового, а и регионального, скажем, в пределах Западной Европы) терминологического фонда — это проблема социолингвистическая по преимуществу, решаемая в кругу проблем «язык и общество».

В русском, болгарском, венгерском, немецком, польском, румынском, словацком и чешском языках имеют сходное значение и звучание, например, такие термины в одной из областей науки — информатике: *библиография*, *бюллетень*, *гектограф*, *гомоморфизм*, *грамматика*, *декодирование*, *дескриптор*, *дефиниция*, *диаграмма*, *диапозитив*, *документ*, *дубликат*, *изоморфизм*, *инвариант*, *инициал*, *информация* и др. Однако таких совпадающих и международных терминов сравнительно немного. В большинстве случаев сравнение терминов перечисленных восьми языков показывает, что один, или два, или три языка дают свои национальные эквиваленты. Нередки и такие случаи, когда каждый язык имеет свой собственный термин для выражения международного научного понятия. Относительно больше терминов, построенных на национальной основе, в венгерском, чешском и словацком языках, затем немецком и т. д. Вероятно, это имеет социальное и структурно-языковое объяснение. И чем сложнее устройство термина, тем меньше вероятность того, что все его национальные эквиваленты окажутся сходными по звучанию, т. е. международными, опирающимися на общую основу. Двухсловные и многословные термины почти все имеют национальный языковой облик.

§ 100. Лингвистические взгляды на строение терминов пока односторонни и неполны. Когда пишут и говорят о термине, обычно имеют в виду термин однословный и, в лучшем случае, двухсловный. Термины такой именно структуры показываются и поясняются в терминологических словарях. Между тем легко заметить, что в научных, технических, производственных, деловых, общественно-публицистических текстах получили распространение термины трехсловные, четырехсловные, а также построенные из большего числа слов-частей. Терминоведение должно знать, как термины такой структуры построены, как они функционируют, как они соотнесены в терминосистемах с однословными терминами и друг с другом, как их нужно показывать в словарях различного назначения.

По-видимому, последовательное присоединение к исходному однословному термину слов-уточнителей используется языком для конкретизации исходного понятия и для образования его видовых коррелятов. Возьмем в качестве примера лингвистический термин *значение*. Его производные, построенные путем присоединения к нему уточнителей — отдельных слов, дадут новые термины, связанные с исходными, базовыми, отношениями конкретизации и родо-видовыми: *значение лексическое*, *значение грамматическое*, *значение слова*, *значение морфемы* и т. д. К этим терминам, в свою очередь, могут быть присоединены слова-уточнители: *лексическое значение глагола*, *лексическое значение наречия*, *грамматическое значение местоимения*, *грамматическое значение предложения*. Если мы примем термин «деривация» и будем называть этим термином образование составных наименований, включая и терминологи-

ческое, то сможем терминологической деривато-логией называть модели, способы и закономерности распространения исходных терминов для образования новых терминов различной сложности. Вернувшись к термину *значение* как исходному, базовому, мы сможем получить и такие термины-дериваты, каждый из которых будет включать в себя четыре, пять и более слов: *значение формы первого лица глагола настоящего времени*; *значение формы прошедшего времени в современном русском литературном языке*. Правда, возникает сомнение, термины ли перед нами. Возможно, это уже сочетания терминов. Но если это и сочетания терминов, функционирующие как один термин, т. е. применяемые для выражения целостного, устойчивого, хотя и расчлененного понятия, то такие терминосочетания должны, по крайней мере, функционально приравниваться к терминам и рассматриваться в их системе.

Конечно, признание в системе терминологии терминов-дериватов разной степени сложности ставит ряд новых задач: нужно знать, по каким моделям такие термины строятся, какой морфологический состав имеют, какие синтагматические отношения внутри структуры таких терминов возникают, какими признаками эти термины отличаются от случайных, речевых сцеплений слов терминологического значения, чем и как устанавливаются границы терминов-дериватов, обладают ли они устойчивой воспроизводимостью или они производятся каждый раз заново говорящими и пишущими — в соответствии с запросами выражаемой информации и предписаниями закономерностей языка. Особо важной задачей становится лексикографическое описание терминов-дериватов. Существующие терминологические словари эту задачу решают неполно. Правда, есть и обнадеживающие новшества: неоднословные термины более щедро, чем обычно, даны в «Терминологическом словаре по научной информации» СЭВ (М., 1966) и еще полнее они показаны в «Тезаурусе научно-технических терминов» (общая ред. Ю. И. Шемакина. М., 1972).

§ 101. Одна из проблем, связанная с изучением составных терминов,— это «термины языка и термины речи». Потребности мышления ученых, конструкторов, технологов, специалистов по управлению могут столкнуться с отсутствием готовых терминов, необходимых для выражения новых, создаваемых динамичной мыслью специалиста понятий. Какой же выход подсказывает речевая деятельность специалиста? Он создает временный термин, нужный именно в этом тексте, в этом речевом куске, для выражения этого, актуального понятия. Возможно, это понятие окажется нужным в науке и технике, его примет жизнь, вместе с ним может быть принято и терминированное в речи словосочетание. Оно получит устойчивость и воспроизводимость, станет единицей языка — термином. Границы между актуальными терминами речи и узуальными термина-

ми языка зыбки и подвижны. Видимо, существует много переходных случаев, переходных ступеней в движении от речи к языку актуально терминированного словосочетания. Возникает задача найти, обнаружить какие-то методические процедуры, которые позволяли бы, во-первых, выделять многословные термины в речи, и, во-вторых, отличать термины речи от терминов, вошедших в систему языка. Одна из таких возможных процедур — воспроизводимость, повторяемость терминированного словосочетания в тексте. Но возникает опасность, что такая процедура не может быть успешно применена, так как среди многословных терминов немало таких, которые применяются редко и уловить в тексте их повторяемость непросто. Можно применять процедуру эксперимента, проверяющего возможность воспроизведения термина в иных контекстных, в частности синтаксических условиях. Предположим, что нас интересует, можно ли признать термином сочетание слов «значение форм времени современного русского глагола в литературном языке». Вопрос: Что вы изучаете? Ответ: *Мы изучаем значение форм времени русского глагола в литературном языке.* Мы ввели в ответ, в позиции прямого дополнения, все наше словосочетание, сохранив его понятийное содержание и не изменив его формы. Второй эксперимент. Что можно сказать о полноте описания значений форм времени современного русского глагола в литературном языке? Ответ: *Значения форм времени современного русского глагола в литературном языке описаны неполно и противоречиво.* Мы ввели в ответ интересующее нас словосочетание в позиции подлежащего — и вновь как целостную языковую единицу с устойчивым понятийным значением. Предложенная процедура проверяет возможность воспроизведения словосочетания без изменения его понятийного содержания и его формы, но не более. Нам нужна еще одна методическая процедура, которая позволила бы проверить терминированность всего словосочетания, терминологичность, понятийность его значения. Для этого воспользуемся логической теоремой. Если в подчинительном словосочетании, построенном на базе имен существительных и не имеющем в своем составе глаголов, отдельные имена существительные — термины, то и все словосочетание — термин. Совмещение двух предложенных процедур, да кроме того, логическое различение профессиональных и общих значений создают достаточно надежную базу для отграничения терминов-словосочетаний от нетерминологического соединения слов.

§ 102. Задача различения терминов языка и терминов речи рано или поздно должна привести и к наблюдению за тем, как «ведут себя» в тексте многословные терминологические словосочетания. Они могут обрезаться (сокращаться) авторами и в определенных конкретных условиях существовать как осколки или

обрезки цельных структур, т. е. иначе говоря, в тексте, в речи существуют и «работают» неполные термины.

Мы, к сожалению, не имеем описания типов и видов неполных терминов, как не имеем и описаний контекстных условий, в которых неполнота желательна или необходима. Невнимание науки к неполным терминам создает искаженное представление действительной картины. Составные термины в речи могут получать различные варианты на базе словопорядка, контактности-дистактности членов и т. д.

§ 103. В лексикологии вообще и в терминоведении — в частности все бóльшее внимание уделяется понятиям и отражаемым этими понятиями реалиям языка, обозначаемым терминами «лексическая система» и «терминосистема». В одной из предшествующих глав пособия были предложены читателям некоторые пояснения термина «система языка». Эти пояснения остаются в силе и тогда, когда мы имеем дело с системами лексическими и терминологическими.

Что такое в принципе любая терминологическая система, или, короче, терминосистема? Это соотнесенная с определенной областью знания, проблемой, темой, научной школой и т. д. совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном (деривато логическом) и грамматическом «уровнях». (Здесь имеется в виду система научных терминов, но аналогичным образом могут быть поняты и терминосистемы других областей человеческой деятельности.)

Для более отчетливого ви́дения системной организации и системных связей терминов возьмем одну из малых терминологических систем лингвистики — микросистему с организующим центром «грамматика». Очевидно, что в этой микросистеме окажется немало простых и составных терминов, среди них — соотнесенных и связанных на базе понятий науки и на базе структуры языка.

Словообразовательные и деривато логические связи между терминами не совпадают со связями понятийными. Так, между терминами «грамматика», «морфология», «синтаксис» нет ни словообразовательных, ни деривато логических зависимостей, однако есть зависимости понятийные. Вероятно, не бывает обратного, т. е. не бывает, чтобы термины, связанные на основе словообразования или деривато логии, оказались бы не связанными на понятийном уровне. «Морфема», «морфематика», «морфология» — связаны словообразованием, связаны они и понятийно, хотя понятийные связи не являются аналогом словообразовательных. «Грамматика», «грамматическое значение», «грамматическая категория», «грамматическая форма», «показатели грамматического значения», «грамматическое значение категории модальности», «формальные показатели грамматического значения категории модальности» — все

эти термины и многие другие связаны деривато́логически, однако это не означает, что деривато́логия терминов вполне изоморфна их понятийной соотнесенности.

Внутри составных терминов устанавливаются логико-семантические отношения между их элементами как элементами морфологии и синтаксиса: *грамматическая категория* — прилагательное плюс существительное, признак предмета и предмет, определительное отношение; *форма винительного падежа имени существительного* — существительное плюс (прилагательное плюс существительное) плюс (существительное плюс существительное). Логико-семантические отношения в последнем случае сложнее. Это связано не только с бо́льшим объемом термина (в нем пять полнозначных слов), но и с семантической несамостоятельностью слов в терминосочетаниях *винительный падеж* и *имя существительное*. Эти словосочетания как общеупотребительные, привычные для лингвиста термины «работают» каждый, не расчленяясь на составляющие их элементы, а это нам мешает осознать отношения между составными элементами. Получается, что термин «форма винительного падежа имени существительного» имеет как бы два уровня членения: первый, основной — *форма — винительного падежа — имени существительного*, и второй, вспомогательный: *винительного — падежа*, *имени — существительного*. На первом уровне — предмет, предмет и еще предмет; отношения определительные (форма — какая?) и принадлежности (падеж — чей?). На втором уровне — отношения определительные.

В терминосистеме составные термины могут образовать р я д ы по общности модели, общности грамматических значений терминоэлементов, общности логико-семантических отношений между элементами, наконец, по участию одного и того же однословного термина в построении нескольких родственных дериватов (например, все составные термины с исходным термином «грамматика» и его производным «грамматический»).

Наука о языке заинтересована в изучении не только больших, но и малых терминосистем, а также связей между соседними и более отдаленными терминосистемами. Это позволит улучшить описание терминологий, усовершенствовать терминологические словари, улучшить использование терминов в научном общении и развитии производства, получить обоснованные рекомендации, регулирующие терминообразование и терминоиспользование.

§ 104. Наука о языке все отчетливее осознает колоссальную роль терминологии в развитии научной теории и в практическом решении многих задач социального, прежде всего технического развития, работы средней и высшей школы, совершенствования обучения и пропаганды и т. д.

Задумаемся над тем, как функционируют термины в сфере науки и образования. Нередко случается так, что один и тот же термин используется как элемент р а з н ы х идейно-теоретиче-

ских систем и обозначает в рамках каждой из этих систем р а з н ы е у з л ы, или участки, или элементы изучаемой действительности, выражает несовпадающие понятия. Неодинаковая предметная и понятийная отнесенность такого термина может оказаться скрытой, так как специалист, его употребивший, не учел, что, помимо принятой им теоретической концепции, существуют другие, имеющие иную предметную и понятийную направленность того же самого термина.

В течение нескольких десятилетий идет спор между представителями московской и ленинградской фонологических школ по вопросу о фонеме. Представители московской школы «привязали» фонему к морфеме. Представители ленинградской, вслед за Л. В. Щербой, признают фонему свободной от морфологических «привязанностей». Возьмем книгу Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956) и увидим, что сам Р. И. Аванесов (см. с. 37—39) устанавливает следующее: Ленинградская фонологическая школа (последователи Л. В. Щербы) видит фонему как ряд вариантов, отождествляемых на основе физиолого-акустической близости с вариантом в сильной позиции; Московская фонологическая школа видит фонему как ряд чередующихся в одной морфеме звуковых единиц, независимо от их физиолого-акустической близости, почему фонема здесь и не получает отчетливости, не имеет четких граней.

Достаточно вдуматься в сказанное Р. И. Аванесовым и в сущность различий взглядов ленинградских и московских фонологов на фонему, чтобы увидеть, что те и другие относят один и тот же термин к разным объектам. Да, в языке есть совокупности физиолого-акустических вариантов, отождествленных инвариантными признаками, которые с наибольшей полнотой и отчетливостью выступают в сильной позиции. Это совершенно реальные звуковые единицы языка, и они различают звуковые оболочки слов и морфем, о них именно и писал Л. В. Щерба. Они продолжают успешно изучаться многими ленинградскими фонологами. Но столь же реальны в языках чередования звуковых единиц в пределах, в составе одной и той же морфемы. Эти чередования изучаются московскими фонологами, показавшими многие стороны и признаки этих чередований как явления физиолого-акустического и структурно-языкового, а также их функции по отношению к морфеме и словоформе.

Так что же отсюда должно бы следовать? Прежде всего прекращение бесплодных споров на тему «что есть фонема?». Ведь если один и тот же термин спорящими сторонами применяется для обозначения несовпадающих реалий, договориться невозможно.

§ 105. Проблема определений терминов, их так называемых дефиниций, продолжает беспокоить науку и практику преподавания. Существует несколько типов построения определений. Из

них наиболее активны два: 1) словесная формула, показывающая необходимые и достаточные признаки определяемого предмета (явления) *А*, которые дают возможность опознать любой *А* и отличить его от любого *не-А*; 2) перечисление признаков, необходимых и достаточных для отождествления всех *А* и исключения всех *не-А*. Как известно, словесная формула определения обычно (или часто) относит определяемый предмет (явление) к родовому классу и указываает видовое отличие в этом классе.

Для того чтобы получить удовлетворительное определение термина, необходимо увидеть в обозначенном этим термином предмете (и соответствующем понятии) его родовые и видовые, существенные для него признаки. Если такого ви́дения нет, то нет и познания предмета, нет и удовлетворительного определения. Если несколько ученых ищут определение одного и того же термина, нужно договориться о его о д и н а к о в о й предметной отнесенности. В противном случае будут получены разные определения, и начинается спор о словах вместо поисков истины. Те или иные определения терминов необходимы именно для того, чтобы обеспечить взаимопонимание между специалистами и усвоение информации обучаемыми. Кроме того, удовлетворительно построенное определение — важный шаг в познании реальных свойств изучаемого объекта.

Так как познаваемые участки действительности всегда системны и определяемые предметы (явления) всегда включены в те или иные системные связи и отношения, должны быть системными и определения. Если фонема связана с морфемой, морфема со словом, слово со словообразовательным типом и частью речи, часть речи с членом предложения, член предложения с предложением простым и сложным, то в определениях всех этих и иных языковых единиц и категорий должна прослеживаться системная связь. Логика определений, их соотношений должна отражать логику действительности.

Можно попытаться, в виде опыта, построить малую систему определений структурных единиц каждого из автономных механизмов языка. Пусть эти определения будут минимально-достаточными, т. е. не включающими ничего сверх того, что необходимо, чтобы подвести под определение каждое явление *А* и исключить из *А* все явления *не-А*. Минимально-достаточные определения языковых единиц (и, соответственно, значений терминов) нужны не для того, чтобы решить таким образом все проблемы науки, а для того, чтобы отграничить друг от друга и строже очертить объекты и предметы научного исследования и учебного освоения. Известно, что отсутствие таких определений нередко мешает развитию науки и вузовскому учебному процессу, порождая неполное взаимопонимание, а случается, и непонимание между учеными или между обучающими и обучаемыми. Кроме того, минимально-достаточные определения, схватывая существенные стороны и признаки определяемых явлений, помогают более правильному и глубо-

кому их научному пониманию, более верному и менее затрудненному их освоению в практике обучения.

В основу построения малой системы минимально-достаточных определений языковых единиц могли бы быть положены внутриструктурные, внутриязыковые связи и отношения единиц, моделей, типов и категорий языка. Полученные на такой основе определения можно было бы назвать структурно-функциональными или просто функциональными, имея в виду, что в их логическом построении неизбежно пришлось бы принимать во внимание роль одних единиц (категорий) языка в отношении других, т. е. пришлось бы учитывать их структурные функции. Становится ясным и то, что строго функциональные определения языковых единиц и категорий не могут быть получены без внимания к единству и различию языка и речи. Этот вопрос поставлен в науке о языке. Лингвистика приняла или почти приняла разграничение слова и лексемы, звука и фонемы, высказывания и предложения. Иначе говоря, лингвистика, дифференцируя единицы языка «в системе» и речи, тем самым побуждает к дифференцированию их определения.

В определениях должно быть использовано различение свободного и связанного функционирования языковых единиц. Это различение хорошо знакомо науке о языке — прежде всего, в области лексики и фразеологии. Связанно функционирующая единица языка сопровождается принудительно для говорящего другой, притом определенной единицей. Так хорошо известны из фразеологии примеры типа *бить баклуши, зеница ока* и подобные. Вспомним и о таких примерах связанности, как принудительная последовательность звуков в морфемах, морфем в словах, звуков в словах, морфем в формах слов и т. д. Нужно лишь разграничивать уровни связанности: скажем, *плясать под чужую дудку* — фразеологизм, слова в его структуре связаны лексико-семантически, но свободны грамматически.

Итак, какой же может получиться одна из возможных малых систем минимально-достаточных определений языковых единиц?

З в у к р е ч и — это наименьший отрезок ее физического («в плане выражения») членения, связанно повторяющийся в ней.

Ф о н е м а — единица языка, связанно воспроизводимая в речи, используемая для различения и построения звуковых оболочек морфем и варьируемая звуками речи в пределах, сохраняющих ее дифференциальные признаки.

Определение морфемы в речи и морфемы в языке затруднено не по существу, а терминологически: в отечественной лингвистической терминологии нет парных терминов — для речи и для языка — обозначающих морфемы. Использовать принятый за рубежом (и вошедший во многие наши работы) термин «морф» нежелательно, так как он неопределен в своем понятийном содержании, кроме того, используется в том же смысле, что и традиционная отечественная «морфема», т. е. для обозначения минимальной смысловой единицы языка в его системе. Так, по существу, применяет термин

Ю. С. Степанов (128, 111—116). По той же причине неудобен и термин «алломорфа», но все же примем его, помня о том, что в других языковедческих работах он может быть применен в ином значении. Итак, «алломорфа» в нашем тексте — это морфема речи, термин «морфема» обозначает соответствующую единицу языка в его системе.

А л л о м о р ф а — наименьший отрезок смыслового и физического («в плане содержания и в плане выражения») членения речи, связанно повторяющийся в ней.

М о р ф е м а — единица языка, связанно и свободно воспроизводимая в речи, используемая для различения и построения слов и их грамматических форм и варьируемая алломорфами в пределах, сохраняющих ее значение.

Почему же в определение морфемы введены два противоречащих друг другу слова — связанно и свободно? Это объясняется тем, что если морфема воспроизводится в составе слова, то она связана другими морфемами; если же она воспроизводится в процессе словопорождения, т. е. применяется для образования нового слова, то она воспроизводится свободно.

С л о в о — это наименьший отрезок смыслового и физического («в плане содержания и в плане выражения») членения речи, свободно повторяемый в ней в составе высказываний.

Не получается ли, что в определение алломорфы и слова мы ввели один и тот же признак «наименьший отрезок смыслового и физического членения»? Но алломорфа — наименьший отрезок речи, повторяющийся связанно и в составе слова, слово же — наименьший отрезок речи, повторяемый свободно и в составе высказываний.

Л е к с е м а — единица языка, свободно вопроизводимая в речи, используемая для различения и построения высказываний и варьируемая словами в пределах, сохраняющих единство ее значения.

Под «единством значений» здесь понимается и совокупность значений, связанных отношениями мотивирующей зависимости и выраженных одним и тем же составом морфем.

По определению, слово может рассматриваться как один из речевых вариантов лексемы, а лексема оказывается, таким образом, инвариантом слов, отвлечением от них.

Высказывание несколько меняет типовую логическую структуру определений языковых единиц. В речевых цепях повторяется лишь синтаксическая схема высказывания, лексическое наполнение которой меняется. Высказывание и есть синтаксическая схема, модель в единстве с ее конкретным лексическим наполнением. Предложение же отвлекается от этого меняющегося лексического наполнения (или заполнения) и представляет собою именно самое синтаксическую модель, или схему.

Трудности в определении высказывания и предложения возникают еще и потому, что нет более сложного автономного механиз-

ма, чем синтаксис, нет более высокого «уровня», чем синтаксический. Поэтому не удается определить предложение указанием на его функцию по отношению к единице этого отсутствующего более сложного механизма. Кроме того, и при определении высказывания нельзя, очевидно, ограничиться указанием на повторяемость синтаксической схемы; нельзя сослаться и на то, что высказывание — наименьший смысловой отрезок речи: это было бы просто неверно. И вместе с тем высказывание в каком-то отношении — наименьший отрезок речи.

В ы с к а з ы в а н и е — это наименьший отрезок коммуникативно-смыслового и физического («в плане содержания и в плане выражения») членения речи, повторяющийся в ней как синтаксическая модель, схема; конструкция с меняющимся лексическим заполнением.

П р е д л о ж е н и е — единица языка, свободно воспроизводимая в речи для построения высказываний и варьируемая ими в пределах, сохраняющих ее синтаксическое значение.

Если можно принять эти определения, то получится, что соотношения высказывания и предложения принципиально иные, нежели соотношения слова и лексемы, алломорфы и морфемы, звука речи и фонемы.

Если подвергнуть логическому анализу предложенные читателям минимально-достаточные определения четырех языковых единиц (и соответствующих терминов), то можно увидеть взаимную связь этих определений. Каждое определение, очерчивая ту или иную языковую единицу, предполагает логическое отнесение к другой единице, более сложной. Это было бы нежелательно, если бы высшая единица, предложение, не могла быть отнесена к высказыванию и речевой цепи.

Можно несколько видоизменить подход к построению определений четырех лингвистических терминов и, соответственно, четырех единиц языка. Получим: п р е д л о ж е н и е — минимальная коммуникативная единица языка, варьируемая в речи высказываниями в пределах, сохраняющих ее синтаксическое значение; л е к с е м а — минимальная самостоятельная смысловая единица языка, свободно воспроизводимая для построения высказываний и варьируемая в них в пределах, сохраняющих единство ее значения; м о р ф е м а — минимальная несамостоятельная смысловая единица языка, связанно воспроизводимая в составе слов и их грамматических форм и варьируемая в пределах, сохраняющих единство ее значения; ф о н е м а — минимальная звуковая единица языка, различающая морфемы, связанно воспроизводимая в их составе и варьируемая в них в пределах, сохраняющих ее различительные признаки.

Так мы получаем еще одну малую систему определения лингвистических терминов — не для того, чтобы признать ее окончательной или наилучшей из возможных, а для того, чтобы убедиться, что построение таких систем — задача вполне разрешимая, и

если бы она была разрешена по отношению ко всему кругу базовых лингвистических терминов, то это означало бы, что наука о языке создала хорошую основу взаимопонимания ученых, более успешного развития исследования и преподавания языка.

Наш опыт показал, что нельзя определить значение термина, не уловив существенных и общих признаков соответствующего класса языковых единиц. Иными словами, значение термина всегда имеет ту или иную предметную отнесенность, то или иное объектное значение, и его определение ведет нас к самому объекту. Только познание свойств объекта позволяет построить удовлетворительное определение термина.

На фоне сказанного кажутся малоубедительными попытки навязать науке такие термины, за которыми неизвестно что стоит, которые лишены видимого предметного значения. К числу таких терминов приходится, с сожалением, отнести и такие, как «глубинная структура», «глубинный синтаксис», «глубинное значение». Защитники этих терминов уклоняются от их определения, потому что не видят их предметной отнесенности.

* *
*

Обобщим сказанное выше. Терминология занимает особо важное место в современных развитых литературных языках. Наука заинтересована в удовлетворительном определении и описании терминов и терминосистем.

Термин — слово или образованное на базе подчинительных связей словосочетание, имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие и применяемое в процессе и для познания и освоения участков и элементов мира — под углом зрения определенной профессии. Термины стремятся к определенной точности своих значений, но динамика человеческого мышления размывает их границы.

Термин — один из видов слов и подчиняется всем закономерностям общего языка людей, занимая в нем свое особое место. Одной из особенностей термина является понятийность его значения.

Термины имеют в разных языках разные пути развития. Один из них — освоение международного терминологического фонда и греко-латинских словообразовательных морфем. В составе терминов в современных языках немало не только двусловных, но также трехсловных, четырехсловных, пятисловных и даже образованных из более чем пяти слов-дериватов. Нужны соответствующие коррективы при составлении терминологических лексиконов.

Возникает важная для практики и теории проблема различения терминов языка и терминов речи. Организация терминов в большие и малые терминосистемы осуществляет

ся языком и сознанием на нескольких уровнях — понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом. В связи с этим становится актуальным различение *терминообразования*, которое опирается на языковые структурные связи производящего и производного элементов, и *терминосложения*, которое опирается на возможность соединения в составе сложного термина уже существующих на базе логики, соединимости понятий: морфологические категории — имени прилагательного — в функциональных стилях современного русского литературного языка.

Велика роль терминологии в научном общении и преподавании. Науку интересует возможность системного определения терминов. Построение системы терминологических определений должно опираться на некоторые основания и давать в результате такие определения, которые логически поддерживали бы друг друга, были бы друг с другом связаны и в то же время не создавали бы логического «круга». Может быть построена, в виде опыта, малая система минимально-достаточных определений — фонемы, морфемы, слова и предложения.

Научная речь имеет терминологию в качестве структурного своего ядра, однако не сводится только к ней. Специфичен и синтаксис научной речи, во многом ориентированный на определение, пояснение, логическое использование терминов, заимствующий от них логичность семантики и связанную с этой логичностью строгость построения высказываний.

Дополнительная литература

Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

Герд А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии.— Вопросы языкознания, 1971, № 1.

Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи.— Вопросы языкознания, 1976, № 3.

Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка.— Вопросы языкознания, 1976, № 4.

Ивич П. К проблеме лингвистической терминологии и условных обозначений в славянских языках.— Вопросы языкознания, 1963, № 1.

Никифоров В. К. О системности термина.— Вопросы языкознания, 1966, № 1.

Сифоров В. И. Проблемы научно-технической терминологии.— Вестник АН СССР, 1975, № 8.

Глава XIV

Прикладная лингвистика

§ 106. Прикладная лингвистика, или, как ее иногда называют, структурно-прикладная лингвистика, выделилась в самостоятельную дисциплину в середине XX в., хотя основы ее, корни, уходят в более отдаленное время. В. А. Звегинцев в работе «Теоретическая и прикладная лингвистика» пишет: «Другая особенность последних десятилетий развития языкознания заключается в возникновении новой отрасли науки о языке — прикладной лингвистики» (66,4). Сферу прав и обязанностей прикладной лингвистики и ее проблематику следует понимать достаточно широко — в соответствии с реальностями самого языкознания прошлого и настоящего и в соответствии с термином «прикладная наука». Любая из прикладных наук «прилагает» свою теорию к непосредственным практическим нуждам людей. И прикладная лингвистика — это совокупность проблем, методов, методик и решений, прямо ориентированных на удовлетворение общественных нужд, в частности нужд развития науки. Конечно, круг этих проблем, методов, методик и решений не остается одним и тем же на протяжении развития науки о языке, как не остается одинаковым степень и широта понимания лингвистами прагматических аспектов и задач своей науки. Поэтому достаточно четко можно противопоставить традиционные и новые проблемы и решения прикладной лингвистики. К числу традиционных относятся: создание словарей, разработка алфавитов и систем письма, лингвистическое обоснование преподавания родного и неродных языков, перевод с одного языка на другой, проблема орфографии и пунктуации, речевая культура и др.

К числу новых проблем прикладной лингвистики должны быть отнесены: машинный перевод (вернее, лингвистические основы машинного перевода), информационные языки в их отношении к естественному языку людей, терминология и ее роль в информационном поиске, автоматическое индексирование документов; автоматическое реферирование и аннотирование документов, лингвистическое обеспечение работы информационных систем, словари-тезаурусы для автоматического поиска информации, автоматический анализ текста, автоматический синтез текста и др. Так как многие из числа новых проблем прикладной лингвистики предполагают участие электронно-вычислительных машин в обработке языковой и неязыковой, но выраженной на языке, информации, прикладная лингвистика вынуждена вступать в контакты и с математикой, и с формально-математической логикой, ибо нужны новые методики описания языковых фактов, приспособленные для обслуживания возможностей машины.

Появление новых проблем, методов, методик и решений в сфере прикладной лингвистики не означает, что перестали быть актуальными старые. По-прежнему ради людей составляются словари и грамматики, улучшаются или создаются вновь системы письма, орфографии и пунктуации, разрабатываются вопросы речевой культуры, практической стилистики и «ручного» перевода и т. д. Так как все это не может быть сведено к лингвистике машинной, то нет никаких оснований ограничивать современное понимание прикладной лингвистики так, как это сделано некоторыми зарубежными и отечественными учеными.

§ 107. В числе важнейших традиционных прикладных проблем языкознания выделяется проблема о б щ е й и т е р м и н о л о г и ч е с к о й р е ч е в о й к у л ь т у р ы. Общество в целом, наука, просвещение заинтересованы в том, чтобы язык применялся людьми достаточно эффективно — в соответствии со своими большими возможностями и в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые приходится решать человеку. Лингвистика должна давать и дает людям рекомендации, выполнение которых у л у ч ш а е т качество речи.

История наук о языке и литературе, высказывания ученых и писателей убеждают в том, что признаками хорошей речи издавна считаются ее п р а в и л ь н о с т ь, ч и с т о т а, т о ч н о с т ь, л о г и ч н о с т ь, в ы р а з и т е л ь н о с т ь и другие. Но все эти слова не вполне терминированы, они не получили в науке о языке своего места в малой или большой терминосистеме, они не определены четко в своих логико-понятийных границах. Одна из задач и состоит в том, чтобы, опираясь на речевой опыт людей и лингвистические сведения, терминировать эти слова. Но как это сделать? На что опираться?

Может быть, нужно вспомнить о том, что речь (именно — речь, а не язык!) соотнесена, во-первых, с языком (она из языка построена), во-вторых, с сознанием и мышлением, а, в-третьих, с действительностью (ради обозначения которой или информации о которой речь и создается людьми), в-четвертых, речь соотнесена с самим человеком.

Не позволит ли нам внимание к этим связям речи с другими системами, к этой ее соотнесенности с языком, сознанием, действительностью и самим человеком как частью этой действительности — не позволит ли нам это внимание терминировать такие слова, как «правильность», «точность» и подобные, несущие информацию о коммуникативных качествах речи?

Посмотрим с намеченной точки зрения на соотношение речи и языка, причем языка литературного, прежде всего, так как современный человек обычно пользуется языком литературным. Получится, что в одном случае речь соблюдает нормы литературного языка, а в другом — нарушает их или, точнее, допускает их нарушение. В одном случае речь разнообразит лексические,

фразеологические и синтаксические, а также интонационные единицы, в других случаях — дает слушателю или читателю однообразный, бедный запас слов и других единиц языка. Это дает право сформулировать понятие о правильности и богатстве (разнообразии) речи. Правильностью речи, очевидно, следует называть соблюдение ею норм литературного языка, а богатством (разнообразием) — отношение числа разных слов (и других единиц языка) к числу их употреблений. Чем больше это отношение, тем выше степень богатства. Соотношение речи и языка позволяет терминировать и слово «чистота», которое давно применяется в филологической литературе для оценки одного из коммуникативных качеств хорошей литературной речи. Чистота речи — это отсутствие в ней чуждых литературному языку слов и выражений, а также слов и выражений, не допускаемых нормами морали.

Если речь взять в ее отношении к мышлению (и стоящему за ним предметному, вещному миру), открывается возможность терминировать давно известные оценочные слова «точность» и «логичность». Точностью речи мы вправе называть строгое соответствие между употреблениями слов (по В. В. Виноградову) и понятиями, а также стоящими за ними предметами и вещами. Логичностью речи будем называть строгие смысловые связи между словами и предложениями в ее структуре; эти связи не должны противоречить законам логики.

Речь в ее отношении к сознанию в целом, включая эмоции, волю, эстетические и нравственные переживания, позволяет терминировать оценочное слово «выразительность». Очевидно, выразительной мы называем такую речь, сама структура которой (подбор и применение лексических, фразеологических, семантических, синтаксических, интонационных средств) вызывает и поддерживает внимание и интерес слушателя или читателя к сообщаемому.

Речь в отношении к ситуации общения позволяет понять то ее качество, которое еще древние греки называли «уместностью». Уместность — это соответствие особенностей речевой структуры особенностям темы, задач и условий общения, включая в понятие «условия общения» и состав слушателей или читателей.

Наконец, речь в ее отношении к человеку — слушателю или читателю помогает понять, что может скрываться за такими привычными, но не терминированными словами-оценками, как «действенность», «убедительность» и «доступность» (простота). Действенность речи — это ее способность изменить образ мыслей, душевное состояние, настроение, деятельность человека. Убедительность — это способность речи вызвать доверие читателя или слушателя к сказанному. Доступность (простота) речи — это такие свойства ее структуры, которые обеспечивают незатрудненное восприятие читателем (слушателем) выраженной речью информации.

Разумеется, что ни один из перечисленных признаков (качеств) хорошей речи не должен восприниматься абсолютно. Все эти качества подвижны и относительны, все они допускают вероятностные оценки. Например: нет абсолютно выразительной и абсолютно доступной речи, но есть шкала переходов от выразительности и доступности. Качества хорошей речи возникают не только потому, что автор речи хорошо знает язык и умеет владеть им, а и потому, что он знает то, о чем говорит, умеет активно думать и «сопереживать» другим людям, т. е. обладает определенной культурой мышления и чувств. И это естественно: язык — практическое, действительное сознание; речь человека — это одна из социальных сфер его деятельности, один из видов его поведения среди людей. Речевая деятельность человека взаимодействует с другими его деятельностями — трудом, мышлением, эмоциями, общением и т. д.

Воспитание речевой культуры людей не может быть оторвано от воспитания общей, прежде всего внутренней, их культуры. Вместе с тем речевая культура человека оказывается не только следствием, но и одним из главных условий воспитания общей и внутренней культуры людей. Вот почему лингвистика, изучая проблемы речевой культуры, решает тем самым большую социальную задачу играющую важную роль в жизни человека.

§ 108. Частью этой общей социальной задачи является содействие культуре терминоиспользования и терминообразования. Как известно, во многих странах, в том числе и в СССР, осуществляются попытки сознательного, регулирующего влияния на образование и применение научных и технических терминов. Разрабатываются и внедряются в производство, технику и науку государственные терминологические стандарты. Пусть не все терминологические стандарты строго выдерживаются, но соответствующая работа, в которой принимают участие и лингвисты, полезна, так как уменьшает терминологический разнобой в области производства и техники. Однако применение научных терминов не всегда поддается вмешательству стандартов и должно регулироваться, прежде всего, знанием, умом и чувством ответственности перед наукой — самих ученых.

Проблема терминологической культуры стала острой в развитии современного научного знания. Примеры терминологической неосмотрительности, беззаботности, своего рода «терминологического эгоизма», в результате которого термин начинает применяться вопреки сложившимся традициям,— примеры низкой терминологической культуры более чем многочисленны. Это мешает научному общению, вызывает ненужные бесконечные споры «о словах», отрицательно влияет на усвоение научных знаний в вузах и школах. Поэтому нужно еще на студенческой скамье, в аспирантуре, в НИИ и вузах продуманное терминологическое просвещение специалистов всех областей знания и техники. Нужны рекомендации по применению терминов, обслуживающих теоретические области

науки. Нужны ориентированные на повседневную научную и учебную жизнь рекомендательные словари терминов. Нужна повседневная борьба лингвистов, с участием в ней представителей других наук, за культуру терминоиспользования.

§ 109. В современной прикладной лингвистике заметное место занимают проблемы машинного перевода (МП). Лет пятнадцать — двадцать тому назад энтузиастам машинного перевода казалось, что решение новой проблемы чуть ли не в их руках. Но, видимо, специалисты по электронно-вычислительным машинам (ЭВМ) и математике, активно вошедшие в новую проблему, просто не могли видеть всей ее сложности и поэтому упрекали лингвистов в отсталости и бездействии. Ныне МП по-прежнему существует, скорее, как проблема, а не как ее практическое решение, хотя известны и действуют не очень совершенные системы машинного перевода несложных текстов в США, Англии, ЧССР, Франции и других странах; осуществляются опыты машинного перевода и в Советском Союзе.

Казалось бы, сама по себе идея машинного перевода очень проста и ясна: есть слова и грамматические «правила» в одном языке и есть соответствующие слова и грамматические «правила» в другом языке. Человек, знающий эти два языка, находит нужные соответствия и осуществляет перевод. На место человека нужно поставить машину и в ее память ввести слова и грамматические правила одного языка, слова и грамматические правила другого языка, а также информацию о соответствиях между ними. И машина будет готова переводить. Попытаемся вместо электронной машины представить себе какое-то механическое устройство, в котором будут установлены жесткие связи между словами (их формами) одного языка и словами (их формами) другого языка так, что, нажав на клавишу, на которой записано слово *кошка*, мы будем получать на бумаге или на экране английский эквивалент этого слова, т. е. *cat;* далее нажмем клавишу со словом (словоформой) *ест* — и получим английское соответствие *eats;* нажмем еще одну клавишу — со словом *хлеб*, получим английское соответствие *bread*. Таким образом, мы механически перевели русское предложение *Кошка ест хлеб* его английским соответствием (эквивалентом) *Cat eats bread*. В принципе то же самое происходит и в электронной машине. Только вместо механических связей между словами-эквивалентами используются связи электрические — быстродействующие, многочисленные, подвижные, а электронный мозг машины в состоянии хранить информацию о тысячах слов и связях между ними.

И вот, несмотря на простоту и ясность самой идеи машинного перевода, осуществление ее затянулось надолго. Опыт убедил многих математиков, занятых в решении проблемы МП, что главные его трудности связаны не с построением математических программ, которые должны обеспечивать запись в памяти машины и извлечение оттуда необходимой для перевода информации, а с

тем немаловажным обстоятельством, что машина принципиально иначе, по сравнению с мозгом человека, воспринимает язык и не может так, как это делает человек, осуществлять анализ и синтез знаков языка и их сцеплений. Достаточно указать здесь на две принципиальные трудности, которые не удается пока сколько-нибудь удовлетворительно разрешить. Первая — это в широком смысле асимметрия речи, т. е. отсутствие в ее структуре обязательного соответствия между смысловым и формальным ее членением. Любое многозначное слово выбирает в речи лишь одно из своих значений, благодаря связям своим с другими, соседними, а нередко и более удаленными словами. Это обычное для человека обстоятельство превращается для машины в непреодолимое препятствие, которое пытается снять исследователь, готовящий машинный перевод. Но как это сделать? Заставить машину «ощупывать» все соседние и несоседние с переводимым слова? Это сложно, и нет никакой гарантии, что машина найдет именно те связи, которые реализуют использованное в тексте значение слова. Человек, воспринимая текст, «видит» стоящую за ним действительность, потому что понимает значения слов, их соединений, высказываний и их сцеплений. Машина, «воспринимая» текст, имеет дело только с его физической оболочкой, превращенной в электрические сигналы. Поэтому машина не «видит» стоящую за словами предметную действительность, она не понимает значения слов и их соединений и потому не может решить, правильно или нет она связала в своей электронной памяти переводимое слово и одно из слов окружения. Проблема «снятия» многозначности и омонимии остается в теории и практике МП фактически нерешенной, или, мягче говоря, решенной лишь частично. Многие лица, занятые в области МП, особенно из числа нелингвистов, как будто забывают о том, что человеческий мозг осуществляет перевод на основе соотнесения переводимого и переводящего элементов текста с внеязыковой действительностью. Это принципиально недоступно машине. Отсюда и невозможность научить машину снимать многозначность и омонимию или находить адекватные соответствия синонимии текста, не говоря уже об образных реализациях слов и высказываний.

Вторая принципиальная трудность, с которой сталкивается теория и практика МП и которая не преодолена или преодолена лишь частично — синтагматико-синтаксическая, связанная, особенно в языках с так называемым свободным порядком слов, с возможностью по-разному располагать одни и те же слова в составе высказывания и использовать при этом не только контактные, но и дистантные связи между ними. Человек, выбирая ту или иную возможность словорасположения в составе высказывания, опирается не только на требования грамматической правильности, но и на запросы выражаемой информации, т. е., иначе говоря, на семантическую сторону высказывания. Но семантическая сторона высказывания совершенно недоступна

машине, а предписания грамматических норм могут быть заложены в машину и реализованы ею исполнительно. Поэтому и получается, что машина, более или менее удовлетворительно справляется с переводом, на уровне синтагматической организации высказываний, с относительно простыми и связными структурами, начинает делать ошибки и отказывается от перевода по мере усложнения синтагматико-синтаксических структур. И пока не видно, как машине помочь. Может быть, для этого вновь и по-иному надо будет пройти тот путь, который теория и практика МП уже прошли, и вести машину медленно и постепенно от овладения элементарными конструкциями (*Маша бежит; Мальчик играет*) ко все более и более сложным (*Мальчик читает книгу; Маша бежит в школу; Маленький мальчик читает интересную книгу; Маша быстро бежит в светлую школу* и т. д.). При этом отмечались бы последовательно все случаи структурной недоступности для машины адекватного перевода и принимались бы меры помощи.

Но так или иначе перевод текстов с участием ЭВМ существует. И нужно думать о том, как его усовершенствовать и какие реальные задачи можно и нужно перед ним ставить, не предполагая, что машина заменит переводчика-человека и сможет переводить любой текст. Видимо, намечаются три реалистических подхода к использованию машин для перевода: а) поручать машине перевод относительно не сложного по языковым особенностям и более или менее однородного текста (научно-технические и производственные документы, газетная и управленческая информация и т. д.); б) после машины переведенный ею текст передавать на окончательную доработку переводчику-редактору (так называемое постредактирование); в) вводить в машину алгоритмы и программы, обеспечивающие отказ машины от перевода не вполне «понятных» ей фрагментов текста и выдачу их на переводимом языке. В этом третьем случае вполне удовлетворительный перевод будет перемежаться кусками непереведенного текста, которые позже переведет человек. Естественно, переводчику легче иметь дело с непереведенными отрезками текста, чем с неверным переводом. Поэтому можно думать, что в будущем, когда проблема машинного перевода получит лучшее и более полное, чем в настоящее время, решение, будет найдено разумное «содружество» переводчика-машины и переводчика-человека, т. е. будет действовать система «человек — машина — человек». Лингвисты же должны, опираясь на ви́дение, понимание и описание языка — такого, каков он в действительности, вместе с тем увидеть, понять и описать язык таким, каким его воспринимает машина.

§ 110. Эпоха научно-технической революции, в которую мы живем, одним из своих проявлений имеет быстрое возрастание объема научной, технической, экономической, управленческой и иной информации. Известно и то, что специалисты различных областей труда, различных областей деятельности не успевают пропускать

через свой мозг поток нужной им современной информации и не успевают находить ее источники. Вот почему появилась и развивается *информационная служба*, которая должна помочь лицам и организациям отбирать нужную им информацию и находить ее источники. Возникает в связи с этим немало вопросов о том, как и кто такую помощь оказывает сегодня, как и кто ее должен будет оказывать завтра.

Сегодня обеспечивают читателей-специалистов информацией библиотеки и различные справочно-информационные организации. Однако библиотеки, как правило, хранят информацию, зафиксированную в книгах, журналах, патентах, отчетах и описаниях, и классифицируют ее — неполно, нестрого и по очень общим ее признакам. Пользуясь алфавитным каталогом, потребитель информации может найти работы по фамилиям авторов и названиям организаций и коллективов, выполнивших ту или иную работу. Однако алфавитный каталог не помогает, когда нужно найти литературу по конкретному интересующему специалиста вопросу. В этом случае должен помочь предметный каталог. И он, действительно, в какой-то мере помогает. Но помощь оказывается явно недостаточной, во-первых, потому, что в предметных каталогах, как правило, соблюдается очень общая рубрикация, и, например, если вас интересует категория винительного падежа в украинском языке, вы, в лучшем случае, найдете раздел, посвященный имени существительному, а может быть, каталог вам предложит и еще более широкую рубрику; во-вторых, помощь недостаточна потому, что библиотеки не имеют четкой и детализированной классификационной системы понятий и терминов различных наук и областей техники, экономики, управления и т. д. Даже если применяется система УДК (универсальной десятичной классификации), то и она не обеспечивает доступного, надежного деления терминов и понятий науки. В-третьих, помощь библиотек специалистам — потребителям информации недостаточна еще и потому, что документы — носители информации занимают в предметных каталогах то или иное место на основе смысла, выраженного их (документов) заглавиями. Но читателям известно по опыту, а теперь это подтверждено многими наблюдениями, что заголовок документа (книги, статьи и т. д.) может не точно и не полно информировать читателей о его содержании. Вот почему необходимы изменения в содержании, структуре и методике организации предметных каталогов. По этой же причине, т. е. из-за несовершенства обслуживания библиотеками читательских нужд, связанных с поиском источников необходимой информации, создаются так называемые *информационно-поисковые системы* (ИПС), главным назначением которых и является хранение, поиск и выдача запрошенной информации. Правда, существуют ИПС и иных типов, решающие иные задачи, связанные, например, с хранением, поиском и выдачей информации экономической, управленческой, необходимой для контроля и регулирования производственных про-

цессов. Но попытаемся представить себе, как может быть устроена и как работает ИПС, выдающая потребителю информацию о документах — носителях информации, т. е. о книгах, статьях, патентах, отчетах, письмах, инструкциях и т. д., в которых может содержаться информация по интересующим специалиста вопросам.

Информационно-поисковая система (ИПС), предназначенная для хранения, поиска и выдачи информации о документах, носителях нужной специалисту информации, может быть реализована в разных формах — на каталожных карточках, в виде книги, на картах с краевой перфорацией и т. д. В любом из названных случаев мы получим так называемую «ручную» ИПС. Если же информационно-поисковая система будет реализована на электронно-вычислительной машине, которая резко увеличит быстродействие системы, то получим машинную ИПС, т. е. такой ее вариант, который в нынешних условиях надо предпочесть любому из типов ручных ИПС. Но какую бы материальную реализацию ИПС ни получила, она будет опираться на язык и его участие в хранении, поиске и выдаче информации. Лингвистическое обеспечение информационно-поисковых систем ручного и машинного типа — одна из актуальных проблем современной прикладной лингвистики.

Каждая ИПС имеет так называемый информационный массив, из которого и извлекается запрашиваемая информация. Но информационный массив должен храниться, пополняться и изменяться при обязательном участии какого-то языка — естественного или искусственного. Запросы потребителей информации должны вводиться в ИПС также на каком-то языке — естественном или искусственном. И выдавать ответы на запросы ИПС должна, очевидно, также на языке — желательно, естественном. Поэтому главные информационные задачи ИПС оказываются прежде всего задачами лингвистическими.

Язык, необходимый той или иной информационно-поисковой системе, называется информационным языком (ИЯ). Он предназначен для хранения, поиска и выдачи в ответ на запрос информации. Было предложено немало различных информационных языков, более сложных и менее сложных, более далеких от языка естественного и более близких к нему. Ни наука, ни практика еще не приняли окончательного решения. Однако все большее число специалистов-лингвистов, занятых в службе информации, склоняется к тому, что лучшим ИЯ оказывается такой, который строится на базе естественных языков. Одним из простых и надежных вариантов ИЯ является вариант терминологический; элементами такого ИЯ становятся термины естественного языка, выражающие информацию о тематическом содержании документов. Если тематическое содержание статьи, главы в книге, технического отчета и т. д. мы обозначим набором информативных для этого документа терминов, т. е. таких терминов, которые выражают главные темы и подтемы, обсуждаемые, комментируемые, поясне-

мые в документе, — мы получим терминологическую аннотацию документа, чтение которой даст специалисту возможность предварительно решить, следует ли ему с этим документом знакомиться или нет. Терминологическая аннотация будет служить в информационном поиске простым и неплохо работающим «поисковым образом» документа (ПОД), предназначенным для замены самого первичного документа в памяти машины, поисковом каталоге, на страницах специально предназначенного для поиска издания и т. д. Термины, вошедшие в терминологические аннотации, должны быть упорядочены по алфавиту, а также по тем парадигматическим связям и отношениям, которые могут быть полезны в процессе поиска. Такими нужными для поиска связями принято считать синонимические, омонимические, родо-видовые, связи по признаку «часть — целое», «обобщение — конкретизация», ассоциативные связи и т. д. Системно-связевая организация словаря поисковых терминов позволяет полнее и лучше использовать ИПС. Так, например, если потребитель информации интересуется темой «категория вида», а в поисковом массиве специальных работ о категории вида нет, но есть работы, в которых об этой категории содержится кое-какая информация, выданная авторами при обсуждении тем «морфологическое значение», «морфологическая категория глагола», «залог»,— в таком случае полезно иметь в поисковом словаре специальные пометы, которые отсылали бы потребителя информации к соответствующим терминам. Можно представить и иную ситуацию, при которой потребитель информации просит документы, в которых обсуждается проблема слова, а в информационном массиве есть документы, обсуждающие те или иные стороны лексемы; в поисковом словаре должны быть синонимические связи и в их числе связь «слово — лексема». Предназначенный для обеспечения информационно-поисковой службы словарь поисковых терминов (в информатике приняты также понятия «ключевое слово», «дескриптор», более или менее соответствующие понятию «поисковый термин», однако не равные ему) принято называть словарем-тезаурусом. Такой словарь является составной частью информационной системы. Он нужен для ввода в память машины информации о содержании документов, для составления поискового запроса, для выдачи ответа потребителю информации. Чем лучше отобраны в такой словарь информативные термины, чем строже и точнее показаны в нем парадигматические, системные связи между словами, чем удобнее для потребителя информации внутренняя структура словаря, тем лучше он выполняет свое назначение.

После этих пояснений, касающихся организации и работы ИПС документального типа, полезно увидеть в целом ее структуру. В ИПС входят: информационный массив, т. е. фонд документов, в котором осуществляется поиск; информационный язык, т. е. совокупность и система лексических (если целесообразно, то и грамматических) единиц — для составления поисковых образов документов, поисковых запросов и выдачи ответов; словарь, фик-

за языковых и речевых структур. Под анализом структуры следует понимать разделение сложных единиц на более простые и их отождествление. Под синтезом будем понимать соединение более простых единиц в более сложные и их отождествление на основе опознавания их сложной организации. Главное препятствие на пути машинного анализа и синтеза языковых и речевых структур — неспособность машины работать со смыслом, значением языковых единиц и категорий. Это та же самая ситуация, в которой оказывается машина-переводчик. Пока задачи анализа и синтеза не затрагивают сферу осознания человеком языка, машина работает вполне удовлетворительно. Она может выделить в тексте слова с одним и тем же корнем (но не различит при этом разные значения одного и того же корня). Может выделить разные морфемные окружения одного и того же корня. Машина может найти в тексте и выдать все предложения, которые начинаются тем или иным конкретным словом или даже той или иной частью речи. Может машина найти в тексте слово со всеми его окружениями вправо и влево (но не сможет при этом различить, какие слова связаны по смыслу и грамматически, а какие просто соседствуют). Делаются опыты машинного выделения в тексте фонем и слогов. Осуществляются даже смелые эксперименты машинного синтезирования фонемного состава целых слов, их звучания. Кое-что получается, но многое не удается. Например, камнем преткновения оказалось машинное синтезирование звучания слов и слогов, даже машинное узнавание и различение фонем, хотя в этом случае нет необходимости как будто обращаться к смыслу. Но человеческий мозг, помимо отождествления разных применений одной и той же фонемы по акустическим ее дифференциальным признакам, может распознавать их смыслоразличительные функции. Машина этого сделать не может.

И все же машина — уже теперь неплохой помощник лингвиста. Она может запоминать и хранить в памяти текстовые иллюстрации значений и применений любого слова, и может эти иллюстрации выдать по первому требованию и очень быстро. А как это важно в лексикографии! Машине можно дать предписание: выбери все употребления всех имен существительных, расположи по алфавиту, отождествив формы (если можешь), дай каждому слову его окружение — пять слов вправо и пять влево. И машина сделает. А это уже целое лексикографическое состояние! Кое в чем она ошибется — ошибки выправит человек. Машина может быстро и точно считать — и не просто арифметически, а в соответствии с формулами математической статистики. Заложенную в ее память большую статистическую информацию о частотах различных единиц языка машина обработает во много раз быстрее и точнее человека. И когда мы говорим сейчас о машине — «может», мы имеем в виду не только будущее, но и настоящее. Не нужно лишь требовать от машины то, чего она не может. Нужен разумный союз машины и управляющего ее работой лингвиста.

§ 112. Видимо, в рамках прикладной лингвистики должно развиваться и упомянутое ранее новое ответвление языковедческой науки — прагматическая лингвистика. Она имеет дело с языком в его отношении к человеку, т. е. с воздействием языка на человека, его деятельность, его поведение, его состояние. Прагматическую лингвистику не нужно ни смешивать, ни тем более отождествлять с прагматизмом как идеалистическим философским течением, особенно сильным в США. Хотя, видимо, следует признать, что работы Ч. Морриса и Ч. Пирса, давшие толчок развитию прагмалингвистики в странах Запада, несут на себе отпечаток идей философии прагматизма.

В Советском Союзе (как, впрочем, и в других странах) прагматическая лингвистика находится еще в состоянии младенчества. Она опирается на наше философское понимание языка — этого практического, действительного сознания, вплетенного в повседневную трудовую деятельность и жизнь малых и больших человеческих коллективов и отдельных людей.

* * *

Обобщим тезисно вышесказанное. Прикладная лингвистика — это совокупность проблем, методов, методик и решений, прямо ориентированных на удовлетворение общественных нужд. Понимание лингвистами прикладных задач с течением времени меняется, возникают новые проблемы и решения. К числу традиционных относятся: создание словарей, разработка алфавитов и систем письма, лингвистическое обоснование преподавания родного и неродных языков, перевод с одного языка на другой, проблемы орфографии и пунктуации, речевая культура, лингвистические вопросы ораторского искусства. К числу новых принадлежат: машинный перевод, информационные языки, терминология и ее роль в информационном поиске, автоматическое индексирование, реферирование, аннотирование документов, лингвистическое обеспечение работы информационных систем, словари-тезаурусы для ИПС, автоматизация анализа и синтеза структур языка и речи и т. д. Новая проблематика не устраняет старую, но властно требует союза лингвистов с ЭВМ и математикой.

В числе важнейших традиционных проблем прикладного языкознания — общая и терминологическая речевая культура. В связи с этой проблемой находится потребность терминирования слов и понятий, давно применяемых для оценки коммуникативных качеств речи. Базой для выполнения этой работы могут служить связи системы речи с системой языка, системой сознания и мышления, с обозначаемой языком системой действительности и, наконец, с самим человеком. Возможно терминировать такие наименования коммуникативных качеств, как «правильность», «богатство» (разнообразие), «точность», «логичность», «чистота», «выразительность», «уместность», «действенность», «убедительность» и «доступность» речи. Воспитание речевой культуры человека не может

быть ограничено сферой самого языка, потому что речевая культура людей — составная часть их общей культуры.

Заметное место в современной прикладной лингвистике занимает машинный перевод (МП). Лингвистические основы машинного перевода еще не вполне надежны, а возможности ЭВМ подчас сильно преувеличены. В будущем, когда проблема МП получит лучшее и более полное решение, будет найдено и разумное «содружество» машины и человека.

Прикладная лингвистика имеет дело с лингвистическими проблемами и вопросами переработки, хранения, поиска и выдачи потребителю научной, технической, производственной и управленческой информации. Любая информационно-поисковая система (ИПС) и любая автоматизированная система управления (АСУ) включают в свою структуру и информационно-лингвистическое обеспечение. Службе информации нужны так называемые информационные языки (ИЯ), словари, методики автоматического свертывания текстов, автоматического индексирования, реферирования и аннотирования документов.

В сфере интересов и поисков прикладной лингвистики оказались и опыты автоматического анализа и синтеза языковых и речевых структур. Возможности машин в осуществлении таких задач велики, но ограничены их (машин) неспособностью работать со значением языковых единиц и целого текста. Тем не менее уже теперь в ряде стран машины выполняют большой объем важной вспомогательной для лингвиста работы (подготовка фактического материала для словарей, статистическая обработка лингвистических данных и т. д.).

В круг интересов и возможностей современной прикладной лингвистики входят проблемы прагматического языкознания, которое имеет дело с языком в отношении к человеку, его поведению и его деятельности. Возможности прагмалингвистики велики и заманчивы.

Дополнительная литература

Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. Основные проблемы прикладной лингвистики.— Вопросы языкознания, 1965, № 4.

Абрахам С. О принципиально возможных перспективах перевода.— Вопросы языкознания, 1965, № 2.

Бар-Хиллел И. Будущее машинного перевода.— Вопросы языкознания, 1969, № 4.

Котов Р. Г. Лингвистика и современное состояние машинного перевода.— Вопросы языкознания, 1976, № 5.

Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1968 (главы 5, 6).

Максимов В. И. Грамматическая теория и практика изучения языка.— Вопросы языкознания, 1977, № 1.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ XX ВЕКА

ками, которые предполагаются родственными. Группой родственных языков называется такая совокупность языков, между которыми обнаруживаются закономерные соответствия в звуковом составе и в значении корней слов и аффиксов. Выяснение этих закономерных соответствий, существующих между родственными языками, составляет задачу сравнительно-исторических исследований.

Генетические исследования представляют совокупность приемов для изучения истории как отдельных языков, так и группы родственных языков.

Основу генетического сравнения языковых явлений составляет определенное количество генетически-тождественных единиц (генетических тождеств), под которыми понимается общность происхождения элементов языка. Так, например, в ст.-слав. и др. русск. *небо*, лат. *nebula* 'туман', нем. *Nebel* 'туман', др.-инд. *nábhah* 'облако' корни, восстанавливаемые в общей форме * *nebh-*, являются генетически тождественными. Генетическое тождество языковых элементов в нескольких языках позволяет установить или доказать родство этих языков, поскольку генетические, тождественные элементы дают возможность восстановить (реконструировать) единую форму прошлого языкового состояния.

§ 115. Ведущее место в сравнительно-исторических исследованиях принадлежит сравнительно-историческому методу. Этот метод определяется как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы» (48, 58).

Сравнительно-исторический метод основывается на ряде требований, соблюдение которых повышает надежность выводов, получаемых этим методом.

1. При сравнении слов и форм в родственных языках предпочтение отдается более архаичным формам. Язык представляет из себя совокупность частей, древних и новых, образованных в разное время. В корне русского прилагательного *новый нов-* и *в* сохранились от глубокой древности (ср. лат. *novus*, скр. *navah*), а гласный *о* развился из более древнего *е*, которое изменилось в *о* перед [v], за которым следует гласная заднего ряда (ср. греч. νε(ϝ)ος).

2. Точное применение правил фонетических соответствий, согласно которым звук, изменяющийся в определенном положении в одном слове, претерпевает аналогичные изменения в одинаковых условиях в других словах. Например, ст.-слав. сочетания ра, ла ре переходят в современном русском языке в *-оро-, -оло-, -ере-* (ср. кралъ — король, златъ — золото, брегъ — берег).

3. Применение сравнительно-исторического метода обусловлено абсолютно произвольным характером языкового знака, т. е.

отсутствием естественной связи между звучанием и значением. Русск. *волк*, лит. *vil̃kas*, англ. *wulf*, нем. *Wolf*, скр. *vṛkah* свидетельствуют о материальной близости сравниваемых языков, но ничего не говорят, почему данное явление объективной действительности (волк) выражается тем или иным звуковым комплексом.

4. Основанием сравнительно-исторического метода может служить возможность распада одной первоначальной языковой общности, общего языка-предка. На постоянное и разновременное выделение языков из общего языка-предка указывали классики марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «*Постоянная тенденция к разделению* коренилась в элементах родовой организации; она *усилилась тенденцией к образованию различия в языке*, неизбежной при их (т. е. диких и варварских племен) общественном состоянии и *обширности занимаемой ими территории*. Хотя *устная речь* замечательно *устойчива по своему лексическому составу* и еще устойчивее *по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение* — в пространстве — вело с течением времени к появлению *различий в языке*» (4, 79).

5. Следует принимать во внимание все показания относительно каждого рассматриваемого элемента в нескольких родственных языках. Соответствие элементов только двух языков может оказаться случайным. Совпадение лат. *sapo* 'мыло' и мордовского *сапонь* 'мыло' не свидетельствует о родстве этих языков.

6. Существующие в родственных языках различные процессы (аналогия, изменение морфологической структуры, редукция безударных гласных и т. д.) могут быть сведены в определенные типы. Типичность этих процессов является одним из необходимых условий применения сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-исторический метод основывается на сравнении языков. Сравнение состояния языка в различные периоды помогает создать историю языка. «Сравнение,— говорит А. Мейе,— вот единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков» (91, 18). Материалом для сравнения служат наиболее устойчивые его элементы. В области морфологии — словоизменительные и словообразовательные форматив, в области лексики — этимологически надежные слова (термины родства, слова, обозначающие жизненно важные понятия и явления природы, числительные, местоимения и другие устойчивые лексические элементы).

Сравнительно-исторический метод включает в себя целый комплекс исследовательских приемов. Он обычно начинается со случаев установления закономерных звуковых соответствий. Сопоставляя, например, лат. корень *host-*, др.-русск. *гост-*, готск. *gast*, ученые установили соответствие *h* в латыни и *г*, *g* в древнерусском и готском. Смычным звонким в славянских и германских языках, глухим спирантам в латыни соответствовал смычный придыхательный *(gh)* в древнеиндийском. Лат. *o*, др.-русск. *о* соответство-

вали готск. *a* (ср. лат. *nox*, русск. *ночь*, готск. *nahts*), причем более древним был звук *o*. Исходная часть корня обычно остается без изменений. Учитывая приведенные выше закономерные соответствия, можно восстановить исходную форму, т. е. архетип слова в форме * *ghost-*.

При установлении фонетических соответствий следует принимать во внимание их относительную хронологию, т. е. надлежит выяснить, какие из элементов являются первичными и какие — вторичными. В приведенном примере первичным является звук *o*, который в германских языках совпал с кратким *a*.

Относительная хронология имеет большое значение для установления звуковых соответствий при отсутствии или малочисленности памятников древней письменности.

Темп лингвистических изменений колеблется в очень широких пределах. Поэтому при хронологизации выделяются два аспекта: 1) определение временной последовательности языковых явлений и 2) совмещение явлений во времени. Одну из сложных проблем лингвистической хронологии составляет периодизация истории языка-основы. Поэтому компаративисты по степени научной достоверности выделяют два временных среза — наиболее поздний период языка-основы (период «накануне распада» праязыка) и некоторого предельного раннего периода, достигаемого реконструкцией.

В лингвистической хронологизации можно выделять внешний и внутренний подход по отношению к рассматриваемой языковой системе. Ведущая роль принадлежит внутрилингвистическим критериям, опирающимся на установление причинно-следственных отношений. Если выясняются причины изменений, то определяется и временная последовательность связанных с этими изменениями фактов.

Восстановление архетипов словоизменительных и словообразовательных форматив также возможно при установлении определенных соответствий. В др.-русск. *гость* *-ь* развился из безударного *-i*; в готск. *-i* краткое выпадало перед *-s*. Следовательно, соответствия лат. *-is*, готск. *-s* и др.-русск. *-ь* являются закономерными; в им. падеже ед. числа восстанавливается форма на * *-is*. Реконструкция полной формы им. падежа данного слова — * *ghostis*.

Восстановление исходной формы осуществляется в определенной последовательности. Сначала сравниваются данные одного языка, но принадлежащие разным эпохам, затем привлекаются данные близкородственных языков, например русского с каким-нибудь славянским. И потом уже обращаются к данным других языков, принадлежащих к одной и той же языковой семье.

Проведенное в этой последовательности сравнение позволяет выявить существующие между родственными языками соответствия. По мнению А. Мейе, эти соответствия предполагают общую основу. Но он скептически подходил к восстановлению общего

языка-основы. Сравнительно-исторический метод скорее всего и не стремится представить общий язык-основу таким, каким он был в живой речи. Подобно тому как палеонтолог по отдельным костям стремится восстановить скелет древнего животного, так и компаративист по отдельным словам и формам стремится представить их как элементы единого, существовавшего в далеком прошлом языка. Выражением этого стремления и является реконструкция языка-основы. Но реконструкцию не следует понимать только как восстановление языковых фактов прошлого.

§ 116. Современное языкознание различает два аспекта реконструкции — операционный и интерпретационный. Операционный аспект связан с разграничением специфических соотношений в сравниваемом материале. Внешним выражением операционного подхода служит формула реконструкции, т. е. так называемая «форма под звездочкой» (ср. * *ghostis*). Формула реконструкции является кратким обобщенным изображением существующих отношений между фактами сравниваемых языков.

Интерпретационный аспект предполагает наполнение формул соответствий конкретным смысловым содержанием. Индоевропейское наименование главы семейства * *pəter-* (лат. *pater*, франц. *père*, готск. *fodor*, англ. *father*, нем. *Vater*) обозначало не только родителя, но имело также и общественную функцию, т. е. словом * *pəter* можно было именовать божество, как наивысшего из всех глав семейства. Собственно реконструкция и представляет собой наполнение формулы реконструкции определенной языковой реальностью прошлого.

Восстанавливаемый с помощью формул реконструкции гипотетический язык-основа является своеобразной точкой отсчета, с которой начинается изучение истории языка. «Реконструировать праязыковую схему — это значит рационально использовать индикаторы одноплоскостного существования языковых явлений и по возможности с наименьшими ошибками расположить их на одном хронологическом уровне» (98, 72).

В приведенном определении задачи реконструкции уже содержится упоминание об одном из недостатков реконструкции, а именно ее «плоскостном характере». Например, при восстановлении в общеславянском языке дифтонгов, которые затем изменились в монофтонги (*ou* > *u*; *ei* > *i*; *oi*, *ai*. > *e* и др.), различные явления в области монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний (сочетаний гласных с носовыми и плавными) происходили не одновременно, а последовательно (ср. также первую и вторую палатализацию согласных в старославянском языке).

Следующим недостатком реконструкции является ее прямолинейность, т. е. не принимаются во внимание сложные процессы дифференциации и интеграции близкородственных языков и диалектов, которые происходили с разной степенью интенсивности.

Кроме того, «плоскостной» и прямолинейный характер реконструкции игнорировал возможность существования параллельных процессов, происходивших независимо и параллельно в родственных языках и диалектах. Например, в XII в. в английском и немецком языках параллельно происходила дифтонгизация долгих гласных: др.-нем. *hūs*, др.-англ. *hūs* 'дом'; современное нем. *Haus*, англ. *house*.

При реконструкции большое значение имеет более строгое соблюдение хронологического соотношения сопоставляемых фактов.

В тесном взаимодействии с внешней реконструкцией находится методика внутренней реконструкции. Ее предпосылкой является сравнение фактов одного языка, существующих в этом языке синхронно, с целью выявления более древних форм этого языка. Например, сопоставление форм таких слов в русском языке, как *пеку — печешь* позволяет установить для 2-го лица более раннюю форму *пекешь* и выявить фонетический переход *к*>*č* перед гласными переднего ряда. Сокращение числа падежей в системе склонения тоже иногда устанавливается путем внутренней реконструкции в пределах одного языка. Так, в современном русском языке имеется шесть падежей, а в древнерусском языке их было семь. Совпадение (синкретизм) именительного и звательного падежей (вокатива) имел место как раз в названиях лиц или персонифицированных явлений природы (ср. *отче, ветре — ветрило*). Наличие звательного падежа в древнерусском языке подтверждается сравнением с падежной системой других индоевропейских языков (литовского, санскрита).

Разновидностью методики внутренней реконструкции языка является «филологический метод». Он сводится к анализу раннеписьменных текстов на данном языке с целью обнаружения прототипов позднейших языковых форм. С помощью текстов можно описать различные состояния языка, и памятники древней письменности позволяют получить точную картину состояния древних языков на определенных этапах их развития. Но вместе с тем письменные памятники не всегда точно отражают последовательные изменения в устной речи. А. Мейе отмечает, что между литературным латинским языком, сохранившимся в произведениях римских классиков, и разговорной латынью, от которой стали развиваться романские языки, существовали расхождения, неодинаковые у разных людей, у людей разного культурного уровня. Романские языки не являются продолжением литературной латыни. Наиболее точные сведения о совершающихся в языке изменениях языковед получает в результате сравнения двух различных состояний языка.

Применение «филологического метода» носит ограниченный характер, поскольку в большинстве языков мира отсутствуют письменные памятники, расположенные в хронологическом порядке, и метод не выходит за рамки одной языковой традиции. По справед-

ливому замечанию А. Мейе, исследование письменных текстов — это суррогат непосредственного наблюдения.

На разных уровнях языковой системы возможности реконструкции проявляются в различной степени. Наиболее обоснована и доказательна реконструкция в области фонологии и морфологии благодаря более или менее ограниченному набору реконструируемых единиц. Так, общее количество фонем в различных языках земного шара не превышает 80. Фонологическая реконструкция становится возможной при установлении фонетических закономерностей, установленных в развитии отдельных языков.

Соответствия между языками подчиняются твердым, четко формулируемым «звуковым законам». Эти законы устанавливают звуковые переходы, совершившиеся в далеком прошлом при определенных условиях. Поэтому в языкознании сейчас говорят не о звуковых законах, а о звуковых передвижениях. Эти передвижения дают возможность судить о том, как быстро и в каком направлении происходят фонетические изменения, а также о том, какие звуковые изменения возможны, какими признаками может характеризоваться звуковая система языка-основы.

§ 117. Менее разработана методика применения сравнительно-исторического метода в области синтаксиса. Одной из главных причин этого является трудность реконструкции синтаксических архетипов. С некоторой степенью достоверности можно восстановить определенную синтаксическую модель, но нельзя реконструировать ее материальное словесное наполнение, если под этим наполнением понимать слова, встречающиеся в одной и той же синтаксической конструкции. Более результативной является реконструкция словосочетаний, наполненных словами, обладающими единой грамматической характеристикой. «Путь реконструирования синтаксических моделей должен начинаться... с выделения двучленных словосочетаний, прослеженных в своем историческом развитии в сравниваемых языках, определения общей модели их образования и обнаружения взаимозависимости синтаксических и морфологических особенностей этих моделей... После реконструкции моделей словосочетаний возможны исследования по выявлению архетипов и более крупных синтаксических единств...» (155, 97).

На материале славянских языков можно установить соотношение одинаковых по значению конструкций (им. и тв. предикативный, именное составное сказуемое со связкой и без связки и т. д.) для выделения более древних конструкций и решения вопроса о их происхождении.

Последовательное сопоставление структур предложений и словосочетаний в родственных языках позволяет установить общие структурные типы этих конструкций.

Подобно тому как сравнительно-историческая морфология невозможна без установления закономерностей, устанавливае-

мых сравнительно-исторической фонетикой, так и сравнительно-исторический синтаксис находит свою опору в фактах морфологии. Б. Дельбрюк в своем капитальном труде «Сравнительный синтаксис индогерманских языков» (Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 1900) показал, что местоименная основа *io-* является формальной опорой определенного типа синтаксической единицы — относительного придаточного предложения, вводимого относительным местоимением * *ios* 'который'. Эта основа (скр. *yáh*, греч. 'ος), давшая славянское *je-*, распространена в славянском частицей *же*: относительное слово старославянского языка выступает в виде *иже* (из **jь-že*). Позднее эта относительная форма была заменена вопросительно-неопределенными местоимениями.

В исследованиях по сравнительно-историческому синтаксису в настоящее время преимущественное внимание обращается на анализ средств выражения синтаксических связей и областей применения этих средств в родственных языках. Такое фронтальное изучение истории синтаксических явлений пришло на смену распространенному в конце XIX в. стремлению свести задачи исторического синтаксиса к изучению общих синтаксических тенденций. Такой путь исследования был представлен в работах русских языковедов А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» и Ф. Е. Корша «Способы относительного подчинения» (1877).

А. А. Потебня выделяет два этапа в развитии предложения — именной и глагольный. На именном этапе сказуемое выражалось именными категориями, т. е. были распространены конструкции, соответствующие современному *он рыбак*, в котором существительное *рыбак* содержит в себе и признаки существительного и признаки глагола. На этом этапе не было еще дифференциации существительного и прилагательного. Для раннего этапа именного строя предложения характерной была конкретность восприятия явлений объективной действительности. Это целостное восприятие находило свое выражение в именном строе языка. На глагольном этапе сказуемое выражается личным глаголом и все члены предложения определяются по их связи со сказуемым.

На материале древнерусского, литовского и латышского языков Потебня сравнивает не отдельные синтаксические факты, а определенные синтаксические тенденции, приближаясь к идее синтаксической типологии родственных славянских языков.

В этом же направлении разрабатывались проблемы сравнительно-исторического синтаксиса Ф. Е. Коршем. Корш дает в своей работе блестящий анализ относительных предложений, способов относительного подчинения в самых разнообразных языках мира и приходит к выводу, что средства выражения относительного подчинения в самых различных языках (индоевропейских, тюркских, семитских) поразительно сходны.

К настоящему времени в области сравнительно-исторического и индоевропейского синтаксиса имеется ряд бесспорных достижений. К их числу следует отнести теорию развития предложения

от паратаксиса к гипотаксису, учение о двух родах индоевропейских имен и об их значении, положение об автосемии корневого слова и о преобладании описания и привлечении над другими средствами синтаксической связи, положение о том, что в индоевропейском языке-основе противопоставление глагольных основ было видовое, а не временно́е значение.

§ 118. Наименее разработанной отраслью сравнительно-исторического языкознания является реконструкция архаических значений слов. Это связано, в первую очередь, с тем, что недостаточно четко определено понятие «значение слова». Известный современный французский языковед Э. Бенвенист отмечал, что значение слова и вообще значение языковой формы определяется общей совокупностью их употреблений, их дистрибуцией и типами связей, возникающих в результате дистрибуции. Восстановление значений слов затруднено еще тем обстоятельством, что словарный состав любого языка меняется значительно быстрее по сравнению с системой словообразовательных и словоизменительных формативов.

Установление архаических значений слов не следует смешивать с определением этимологических связей между словами. Попытки объяснить первоначальное значение слов делались очень давно. Однако подлинное изучение этимологии как науки началось с обоснования принципа системности между смысловыми соответствиями слов в группе родственных языков.

Исследователи всегда придавали большое значение исследованию лексики как наиболее подвижной части языка, отражающей в своем развитии разнообразные изменения в жизни народа.

В лексике любого языка выделяются две четко ограниченные группы — слова исконные и слова заимствованные. Исконными называются слова, в отношении которых можно сказать, что данный язык унаследовал их в порядке непрерывной традиции из языка-основы. Славянские языки, например, хорошо сохранили унаследованный ими индоевропейский словарь. К исконным словам относятся такие категории слов, как основные местоимения, числительные, глаголы, названия частей тела, терминов родства. Например, в старославянском языке находится большое количество индоевропейских глагольных корней: орати ‘пахать’, писати ‘чертить, рисовать’, откуда *писать*, кити, река ‘сказать’ (скр. техарское *A rake* и техарское *B-reki*. ‘речь’). Почти все термины родства являются индоевропейскими: старославянское братъ (скр. *bhrâta*), сестра (скр. *svásā*), дъщи ‘дочь’ (скр. *duhitā*) и т. д.

При восстановлении архаичных значений слова используются исконные слова, на изменение значений которых оказывают влияние внутриязыковые факторы и экстралингвистические факторы.

В большинстве случаев первоначальное значение слова изменяется под влиянием внешних, экстралингвистических факто-

ров. Изучение значения слова невозможно без знания истории данного народа, его обычаев, культуры и т. д. Русск. *город*, ст.-слав. градъ, лит. *gařdas* 'плетень', 'загородка' восходят к одному и тому же понятию 'укрепления, укрепленного места' и связаны с глаголами *городить*, *огораживать*. Русск. *скот* этимологически связано с готск. *skatts* 'деньги', нем. *Schatz* 'сокровище' (для этих народов скот составлял основное богатство, был средством обмена, т. е. деньгами). Незнание исторических реалий может исказить представление о происхождении и передвижении слов. Русск. *шелк* совпадает с англ. *silk*, швед. *silke*, датск. *silke* в том же значении. На основании этого первоначально считалось, что слово *шелк* заимствовано из германских языков. Между тем позднейшие этимологические исследования показывают, что это слово было заимствовано в русский с востока и через него перешло в германские языки.

Исследованиями изменения значений слов под влиянием внелингвистических факторов в конце XIX в. занималось направление, известное под названием «слова и вещи» (Worter und Sachen). Методика этого направления позволяла переходить от реконструкции лексемного инвентаря индоевропейского языка-основы к воссозданию культурно-исторического фона, ибо, по мнению сторонников этого направления, «слово существует лишь в зависимости от вещи».

§ 119. Комбинируя вышеописанные методы реконструкции фонемного состава, сравнительно-исторического синтаксиса и методы этимологического анализа, можно воссоздать праязыковую схему, представляющую некоторую совокупность языковых явлений, существовавших на одной хронологической плоскости. Одной из таких наиболее разработанных праязыковых схем является реконструкция индоевропейского языка-основы. Отношение ученых к праязыковой гипотезе было различным. Одни (А. Шлейхер и др.) видели в реконструкции языка-основы конечную цель сравнительно-исторических исследований. Другие (А. Мейе, Н. Я. Марр) отказывались признавать за праязыковой гипотезой какую-либо научную значимость. А. Мейе утверждал, что путем сравнения индоевропейский язык-основу восстановить нельзя. Единый праязык, по мнению Марра, есть сослужившая свою службу научная фикция.

В современных сравнительно-исторических исследованиях все более распространяется точка зрения, согласно которой утверждается научно-познавательная значимость праязыковой гипотезы. Восстановление индоевропейского языка-основы сейчас не является конечной целью компаративистских, т. е. сравнительно-исторических, исследований. В работах советских языковедов неоднократно подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как создание точки отсчета при изучении истории языков (см.: 98, гл. I). В этом заключается научно-мето-

дическое значение реконструкции языка-основы любой языковой семьи, поскольку, будучи отправной точкой отсчета на определенной хронологической плоскости, реконструированная праязыковая схема позволит нагляднее представить историю развития конкретной группы языков или отдельного языка.

С грамматической точки зрения индоевропейский язык-основа представлял ярко выраженный «флективный» тип, где все связи между словами выражались различиями в форме слов; широко была распространена суффиксация; в индоевропейском языке-основе была восьмипадежная система. Различалось три числа — единственное, двойственное и множественное. Степени сравнения прилагательных не были еще достаточно оформлены. Временная система была выражена настоящим и прошедшим временами; система прошедших времен была представлена имперфектом и аористом, которые выражали и видовые отношения. В индоевропейском праязыке существовало родовое деление имен существительных, т. е. были мужской, женский и средний род. Высказывается предположение, что родовому делению предшествовала какая-то иная система деления имен существительных на классы.

В праязыке было два залога — действительный и медиум; страдательный залог отсутствовал. Были развиты некоторые типы причастий.

Что касается прародины индоевропейцев, то, по мнению Ф. П. Филина, ее следует искать в степных и лесостепных областях между Волгой и Дунаем. Во время раннего неолита индоевропейские племена уже обитали в Центральной и Восточной Европе от Рейна и Альп до Дона. На севере границей служили Северное море, Балтийское море и Западная Двина. На юге в пределы этой области входил бассейн Дуная и Балканский полуостров.

Рассматривая прародину славянских языков, Ф. П. Филин полагает, что некогда славяне населяли область приблизительно между реками Западным Бугом и средним течением Днепра. На севере их примерной границей была р. Припять, на юге их землями были правобережные лесостепные районы (см.: 136, 11).

§ 120. С 50-х гг. нашего века для определения времени распада праязыка на отдельные языки стал применяться глоттохронологический, или лексико-статистический, метод, предложенный американским языковедом М. Сводешем. Появление этого метода было вызвано необходимостью сравнительно-исторического изучения индейских языков Америки, которые не имеют письменности, и интересом к проблеме членения праязыковых единств.

В основе метода глоттохронологии лежат следующие положения:

а) на основе закономерностей морфемного распада в языках можно определить временную глубину залегания праязыков, подобно тому как постоянная скорость распада радиоактивного изотопа углерода позволяет точно установить возраст любого участка

археологических раскопок, содержащего остатки кости, дерева, травы или любого вещества органического происхождения;

б) словарный состав любого языка, отражающий универсальные и общечеловеческие понятия (так называемый основной словарь, куда входят названия некоторых частей тела, элементарных действий и качества и т. д.), изменяется очень медленно;

в) темп изменения этого основного словаря, т. е. процент сохранения этого фонда для всех языков, приблизительно одинаков и равен 85% за одно тысячелетие. Если после тысячи лет 85% первоначального словаря все еще функционирует как и прежде, то в течение второго тысячелетия тот же коэффициент сохраняемости дал бы 85% от оставшихся 85%, которые все еще сохранялись в начале этого второго периода. Иными словами, коэффициент сохраняемости за 2000 лет развития языка составил бы 72% и т. д.

Полученный процент вводится в формулу $t=\frac{\log C}{2 \log r}$, где t — время, за которое в языке сохранился процент первоначального словаря C. Это время вычисляется по равенству $t=\log C - \log r$, где r есть индекс сохранения слов основного словаря за одно тысячелетие.

В качестве опытного списка Сводеш брал словарь из 100 слов сравниваемых родственных языков с учетом схем звуковых соответствий и обязательного сохранения идентичной семантики.

Лексико-статистический метод нашел наибольшее применение в исследовании генетических группировок индейских языков Америки, палеоазиатских языков. Так, эскимосский и алеутский языки являются современными разошедшимися (дивергентными) формами прежде единого языка. На основе лексико-статистического метода при сравнении опытных словарей было обнаружено, что прошло 2900 ± 400 лет с момента разделения этих в настоящее время различных языков. Образчики углерода, добытые в древнейших стойбищах алеутов и исследованные с точки зрения их радиоактивности, показали, что их возраст равен 3000 лет и совпадает с лексико-статистическими данными.

Для европейских языков получены отдельные подсчеты предварительного характера.

Лексико-статистический метод, несмотря на конкретные и внешне правдоподобные результаты, вызывает и скептическое отношение у ученых. Дело в том, что слова, отобранные для основного словаря, обладают разными возможностями изменения. Трудно априорно утверждать, например, что слова *отец*, *спина*, *облако* могут значительно измениться в течение длительного периода времени. А такие слова, как *змея*, *умирать*, могут дать начало для появления различных синонимов, которые могут войти в опытный словарь. Возникает, далее, проблема, какие слова следует отбирать для опытного словаря. Трудно также ответить на вопрос, насколько хорошо лексико-статистические датировки согласуются с другими оценками лингвистического времени. Кроме

того, лексико-статистический метод дает возможность установить только приблизительный возраст родственных языков, но ничего не говорит об историческом развитии того или иного языка. Поэтому он имеет ограниченное применение при генетических исследованиях.

Наиболее же эффективным методом исследования генетических отношений между родственными языками является сравнительно-исторический метод, который дает возможность установить систему сопоставлений, на основании которой можно построить историю языковой семьи.

* *
*

Сравнительно-историческое изучение языков основывается на факте разновременного появления компонентов языка, которое приводит к тому, что в языках одновременно существуют пласты, относящиеся к разным хронологическим срезам. В силу своей специфики как средства общения язык не может изменяться одновременно во всех своих элементах. Разнообразные причины языковых изменений также не могут действовать одновременно. Все это позволяет восстановить с помощью сравнительно-исторического метода картину постепенного развития и изменения языков, начиная со времени их отделения от праязыка той или иной языковой семьи.

Сравнительно-историческое изучение языков поэтому имеет не только научно-познавательное значение, но и большую научно-методическую ценность, которая заключается в том, что при этом изучении реконструируется праязык. Этот праязык как отправная точка помогает понять историю развития того или иного конкретного языка.

Дополнительная литература

Бондарко А. В. Современное сравнительно-историческое языкознание.— «Уч. записки Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1967, т. 354.

Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.

Кнабе Г. С. О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе.— Вопросы языкознания, 1956, № 1.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.— М.— Л., 1938.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

Общее языкознание. (Методы лингвистических исследований). М., 1973 (глава I).

Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955.

Глава XVI

Структурная лингвистика

Предпосылки возникновения структурализма

§ 121. Методология любой частной науки, особенно науки общественной, какой благодаря своему объекту является языкознание, не может развиваться независимо от философии. Было бы недопустимым упрощенчеством во всех случаях усматривать непосредственную связь между философской платформой исследователя и его конкретными лингвистическими идеями, но многие методологические принципы по своему происхождению, а иногда и содержанию носят философскую окраску.

Зависимость от философских течений сказалась и при возникновении структурной лингвистики как нового научного направления. Все фундаментальные исследования, лежащие в основе современного структурализма, в большинстве своем относятся к концу XIX — началу XX в. Бурный рост естественных наук (открытие менделеевской периодической системы элементов, закон Менделя о расщеплении наследственных признаков родителей и их потомков, открытия Ч. Дарвина и др.) ввел в науку понятие дискретной структуры материи. Понятие фонемы и морфемы, введенное в этот период, как раз и выражало собой применительно к языку то, что отражали атомы, молекулы применительно к химическим и физическим явлениям неорганической материи.

В различных науках (химии, физике и т. д.) все больше проявлялась тенденция заменять свойственный научным дисциплинам XIX в. атомизм структурализмом. Все более развивающиеся методы научного исследования позволяли разлагать объект исследования на более простые составляющие элементы, которые, взаимодействуя определенным образом друг с другом, составляли структуру этого объекта. В целом ряде наук — физике, химии, биологии — наблюдается тенденция к изучению структур и составляющих их элементарных частиц. Уже в начале XX в. намечается прогрессирующая тенденция к интеграции различных наук. В. И. Ленин, характеризуя эту особенность, писал: «Могущественный ток к обществоведению от естествознания... не менее, если не более, могущественным остался и для XX века» (6, 41). Вполне естественно, что тенденция рассматривать структурные образования наблюдается не только в естественных и точных, но и общественных науках — психологии, экономике, философии.

Впервые понятие структуры было применено основоположниками научного коммунизма в середине XIX в. применительно к обществу. В предисловии «К критике политической экономии» Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие

отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (3, 6—7). Это, действительно, самое полное и глубокое определение понятия структуры.

§ 122. В языкознании первым, кто в начале XX в. попытался установить взаимные связи между фактами языка, сгруппировать их и выявить внутренние коррелятивные отношения, синтезировать их в единое целое, построить систему соответствующих элементов и создать единый целостный объект исследования, был знаменитый швейцарский языковед Фердинанд де Соссюр (1857—1913). Положения, содержащиеся в его книге «Курс общей лингвистики» (1916), оказали настолько большое влияние на последующее развитие структурализма в языкознании, что, по словам французского филолога Э. Бенвениста, в наше время едва ли найдется лингвист, который не был бы чем-то обязан Соссюру, и едва ли найдется общая теория языка, в которой не упоминалось бы его имя.

Главная заслуга Соссюра перед лингвистикой XX в. заключается в том, что он обратил внимание на необходимость изучения языка как целого, состоящего из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Свою книгу он заканчивает словами: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (127, 269),— положением, двусмысленным по своему характеру. Первая часть этого положения не вызывает возражения, так как языкознание обретало право на самостоятельное существование, имея свой объект исследования — язык. Но, исследуя язык, лингвист не может и не должен изучать язык «в самом себе и для себя», поскольку при такой постановке вопроса игнорируется социальная природа языка — быть средством общения, его общественное назначение. Вторая часть положения Соссюра игнорирует по существу социальную природу языка и уводит языкознание как гуманитарную науку в область абстрактных и метафизических спекуляций.

Соссюр выдвинул важное положение о системном характере языка, определяя язык как систему, подчиняющуюся своему внутреннему порядку, как совокупность взаимозависимых элементов, связанных между собой отношениями. Он выделяет в языке два вида отношений. Ассоциативные отношения объединяют слова по сходству на основе значения (русск. *обучение, просвещение, наставление* и т. д.), на основе звучания (*мясо, макраме*) и на основе того и другого (*обучаю, обучать, обучение* — с одной стороны, с другой — *обучение, наставление, направление*). При

синтагматических отношениях языковые единицы выстраиваются в линейный ряд.

С теорией Соссюра об отношениях можно было бы согласиться, если бы отношения выражали отношения между реальными единицами языка. Но в том-то и дело, что он лишает элементы языка их материальной субстанции. Для Соссюра ясно, что звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать языку. Он для языка лишь нечто вторичное, лишь используемый языком материал.

Одним из главных моментов в лингвистической теории Соссюра является его учение о ценности (значимости) лингвистического знака. Различие между значением и значимостью заключается в том, что значимость входит в значение в качестве дополнения и отличает значение слова в одном языке от соответствующего значения в другом языке. Причем значимость знака определяется его отношением к прочим членам системы языка. Значимости, по Соссюру, вступают в отношения, но они характеризуются свойством не смешиваться с осязаемыми элементами языка, служащими им в качестве субстрата. Так, глубоко и тонко подмеченная особенность системы языка, будучи неверно интерпретированной, привела к пониманию системы языка как совокупности чистых отношений, за которыми не стоит ничего реального.

Более того, он ограничивал системные отношения только той областью языкознания, которая исследует язык в его современном состоянии, так называемой синхронной лингвистикой. Что же касается различных исторических периодов в развитии языка, подлежащих ведению диахронической лингвистики, то Соссюр утверждал, что не может быть системы, охватывающей одновременно несколько периодов. Соссюр полагает, что для коллектива говорящих людей синхронический аспект важнее диахронического, так как люди овладевают языком в его современном состоянии. Историческая точка зрения (диахрония), по мнению Соссюра, разрушает языковую систему и превращает язык в собрание разрозненных фактов. Между тем, система языка в его современном состоянии есть продукт длительного исторического развития и многие факты современного русского языка становятся понятными лишь тогда, когда известна его история. Оторвав синхронию от диахронии, трудно объяснить причины языковых изменений. Эти изменения Соссюр пытался объяснить чистой случайностью, но, чувствуя неубедительность такого объяснения, он был вынужден указать на необходимость привлечения исторического метода, который поможет лучше осознать современное состояние языка.

Важным положением теории Соссюра является разграничение языка и речи. Язык и речь, говорит Соссюр, тесно между собою связаны и предполагают друг друга. Язык необходим, чтобы речь была понятна, а речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык. Таким образом, функционирование языка,

по мнению Соссюра, обнаруживаются в речи, именно речь есть форма существования и развития языка. Но признавая тесную взаимосвязь, Соссюр заявляет, что язык и речь — вещи совершенно различные, противопоставляет язык речи и говорит о необходимости двух наук — лингвистики языка и лингвистики речи.

Соссюр первым четко сформулировал эти различия, но не абсолютизировал их, считая их объектами изучения разных наук. Язык, обособленный от речи, составляет предмет конкретный обособленному их изучению,— таков исходный тезис Соссюра.

Дифференциация языка и речи породила многочисленные их истолкования. Одни ученые признают необходимость такого различения, другие считают его несостоятельным. Возникают споры и о том, какие лингвистические единицы относятся к языку, а какие — к речи. Противоречивые высказывания Соссюра о взаимоотношении языка и речи получили различную интерпретацию у последующих поколений лингвистов.

Стремясь устранить из языка все, что чуждо его организму, его системе, Соссюр противопоставляет внешнюю лингвистику лингвистике внутренней. Соссюр отмечает связь истории языка и истории нации. Эти истории переплетаются и влияют друг на друга: обычаи нации отражаются в ее языке, а язык в значительной мере формирует нацию. К внешней лингвистике Соссюр относит факторы географического распространения языков, завоевания, миграцию, языковую политику, которые оказывают влияние на соотношение диалектов внутри языка, формирование литературного языка и т. д. Однако внешние факторы, по мнению Соссюра, не затрагивают внутреннюю систему языка, не являются определяющими, так как не касаются самого механизма языка, его внутреннего строения. Преимущественное внимание Соссюр уделяет внутренней лингвистике, подчеркивая, что внутренним является все то, что в какой-то степени видоизменяет систему.

Разграничение Соссюром внешней и внутренней лингвистики также содержит в себе внутреннее противоречие. Ведь язык является социальным по своему характеру, он связан с обществом, являясь средством общения в этом обществе. И в то же время признавать истинной только внутреннюю лингвистику значит недооценивать общественный характер языка.

Заслуга Соссюра заключается в том, что в начале XX в. центральной проблемой языкознания он сделал проблему целостности языка, а противоречивые положения его широкой общей теории языка через десять лет послужили теоретической базой различных направлений лингвистического структурализма. По-разному подходя к разработке и дальнейшему развитию того или иного общетеоретического положения Соссюра, представители различных школ структурализма вместе с тем выдвинули свои собственные методы и принципы анализа языка.

Пражский лингвистический кружок

(Пражская школа функциональной лингвистики)

§ 123. Одним из направлений структурализма является Пражский лингвистический кружок, возникший в 1926 г. и существовавший до 1952 г. Среди представителей этого кружка следует отметить В. Матезиуса (1882—1945), Б. Трнка, Б. Гавранка, Я. Мукаржовского, В. Скаличку, Й. Вахека и других чешских ученых. Отличительной особенностью кружка являлась тесная связь с западноевропейскими и русскими учеными — Р. Я. Якобсоном, Н. С. Трубецким, С. И. Карцевским, К. Бюлером (Австрия), Л. Блумфилдом (США), А. Мартине (Франция) и др. Теоретические взгляды представителей Пражского кружка нашли свое отражение в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), а также в многочисленных публикациях трудов кружка. С 1935 г. кружок стал издавать журнал «Slovo a slovesnost», существующий и в настоящее время [1].

На формирование лингвистической теории пражских языковедов большое влияние оказали некоторые взгляды Ф. де Соссюра, а также русская лингвистика, представленная работами И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова.

Основные положения соссюровской концепции языка в работах пражских языковедов подверглись существенному переосмыслению и в ряде случаев получили дальнейшее развитие.

Так, пражские структуралисты отвергли соссюровское противопоставление синхронии и диахронии. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» отмечалось, что нельзя воздвигать непреодолимых преград между синхроническим и диахроническим методами. Вместе с тем пражские языковеды подчеркивали преимущество синхронного анализа, поскольку изучение современного состояния языков представляется единственным критерием, дающим исчерпывающий материал и позволяющим составить о языке непосредственное представление. Бодуэн де Куртенэ еще в 1876/77 учебном году в подробных программах лекций, читанных в Казанском университете, выдвинул положение о тесной связи синхронии и диахронии, подчеркивая исторический характер системы языка. Пражские структуралисты целиком восприняли это положение Бодуэна, подчеркивая, что синхроническое описание языков не исключает целиком понятие эволюции.

Признание тесной связи синхронии и диахронии привело пражских языковедов к целому ряду важных положений. Основатель Пражского лингвистического кружка В. Матезиус выдвинул метод «аналитического сравнения» языков, согласно которому

---

[1] Основные работы пражских языковедов переведены на русский язык и изданы в сборнике «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.

в синхронном плане сравниваются лингвистические системы родственных и неродственных языков с выявлением тенденций их развития. Любопытно отметить, что мысль о сравнении родственных и неродственных языков встречается в работах русского языковеда В. А. Богородицкого, ученика Бодуэна де Куртенэ, который в 20-х гг. XX в. говорил об «аналогическом» сравнении грамматических явлений в родственных и неродственных языках.

Эти идеи в дальнейшем положили начало типологическому изучению языков.

Изучение сходных явлений в родственных и неродственных языках, генетически относящихся к разным языковым семьям, позволили пражским ученым разработать понятие языкового союза в противоположность понятию языковой семьи. Под языковым союзом они понимали группу географически смежных неродственных (или не близкородственных) языков, обладающих сходными чертами в синтаксической, морфологической и фонологической структурах.

Наконец, фонетические и другие явления языка стали изучаться в зависимости от исторического развития языковой системы.

Пражские структуралисты восприняли и творчески переработали также соссюровскую концепцию языка и речи. Й. Коржинек полагает, например, что «соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, т. е. научной интерпретацией фактов, с одной стороны, и определенными явлениями действительности, составляющими объект этого анализа, абстракции и т. д.,— с другой» (111, 307). Матезиус считал речь непосредственно данной, и язык, по его мнению, обладает идеальным бытием и познается лишь вторично. С языком мы сталкиваемся либо при отклонениях от нормы, либо при систематическом и абстрагирующем анализе. Скаличка полагал, что язык составляет объект структурной грамматики, а описательная грамматика регистрирует факты речи. На фонологическом уровне соссюровское разделение языка и речи весьма подробно разработал Н. С.Трубецкой в книге «Основы фонологии» (1939 г., русск. перевод 1960). Он считает, что звуковую сторону языка и речи должны изучать две разные науки: «Учение о звуках речи, имеющее дело с конкретными физическими явлениями, должно пользоваться методами естественных наук, а учение о звуках языка в противоположность этому — чисто лингвистическими методами. Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией» (130, 9).

В отличие от Соссюра, заявившего, что единственным предметом лингвистики является язык, изучаемый в самом себе и для себя, пражские лингвисты признают социальную природу языка, подчеркивая необходимость изучения не только языковых элементов, но и многообразных связей, существующих между

языком и объективной действительностью. В статье «Язык и стиль» (1942) Матезиус писал, что для «задачи наименования элементов действительности и задачи выражения актуального отношения говорящего каждому языку и каждой эпохе свойственны свои средства выражения, отличающиеся от аналогичных средств другого языка и другой эпохи не только внешним видом — формой, но и смысловым содержанием, эмоциональной окраской» (111, 445). Наиболее полно взгляды пражских лингвистов на проблему соотношения внешней и внутренней лингвистики выразились при изучении структуры литературного языка, состоящего из ряда частных систем, обладающих ярко выраженным социальным и функциональным характером.

§ 124. Одним из важнейших положений в концепции Пражского лингвистического кружка является понятие языковой функции. Понятие функции языка у пражских лингвистов основывается на учении немецкого языковеда К. Бюлера о языковых функциях, изложенном им в работе «Теория языка. Структурная модель языка» (1934). По мнению Бюлера, психические способности человека — мыслить, чувствовать и выражать волю — породили три функции языка — коммуникативную (функцию сообщения), функцию выражения и функцию обращения. Этим функциям соответствуют три типа высказываний — повествовательный, восклицательный и побудительный. Коммуникативная функция связывается с интеллектуальным мышлением и способом общения. Ей противопоставлена функция выражения (аффективная, эмотивная, эмоциональная функция), которая истолковывается психологически как контакт «заражения» слушателя с помощью интонационно-фонетических средств. Отвергнув психологическую трактовку понятия функции, пражские лингвисты развили представление о языке как функциональной системе, определяя язык как систему средств выражения, служащих определенной цели. Термин «функция» пражские ученые понимают не в математическом смысле как выражение строгой зависимости, а как целевую установку речевого высказывания. Введение понятия функции привело к установлению так называемой телеологической (т. е. целевой) точки зрения, согласно которой любое языковое явление следует оценивать с точки зрения, к которой оно направлено. Этот функционализм, обоснованный в 20-х гг., был подтвержден в 1958 г. в тезисах, представленных Б. Гавранком, К. Горалеком, В. Скаличкой и П. Тростом IV Международному съезду славистов: «Лингвистическая концепция Пражской школы имеет две особенности, которые обе одинаково важны и соответствуют тому новому, что внесла Пражская школа в лингвистику. Это, прежде всего, структуральность: пражские языковеды вводят в лингвистическую проблематику проблему структуры — проблему структурного характера языка и взаимосвязанности его частей. Во-вторых, и об этом не следует забывать,

пражская лингвистика является функциональной. Термин «функция» означает здесь, разумеется, задачу, а не зависимость» (38, 250). Таким образом, структурность и функциональность являются двумя характерными особенностями Пражского лингвистического кружка. Вот почему этот кружок еще иногда называют Пражской школой функциональной лингвистики, деятельность которой была многогранной и разносторонней.

§ 125. Функциональный подход был плодотворно применен к исследованию проблем литературного языка и культуры речи. Решению этих вопросов способствовали также практические задачи, стоящие перед чешскими лингвистами, которые были вызваны особенностями развития чешского литературного языка.

Поскольку существуют разные функции речевой деятельности, то им, считают пражские языковеды, должны соответствовать функциональные языки. «Различие между функциональным языком и функциональным стилем,— пишет Б. Гавранек в статье «Задачи литературного языка и его культуры» (1932),— заключается в следующем: функциональный стиль определяется конкретной целью того или иного высказывания и представляет собой функцию высказывания, то есть «речи» (parole), в то время как функциональный язык определяется общими задачами нормативного комплекса языковых средств и является функцией языка (langue)» (111, 366).

Утверждение пражских лингвистов о том, что «каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему — язык в собственном смысле», вряд ли правильно, так как до уровня «языка» поднимаются различные функциональные стили: поэтический, фамильярный и т. д., а о поэтическом и о литературном языке говорится как о различных языках, отличающихся от общенародного языка. Идеи пражских языковедов о противопоставлении литературного языка общенародному языку в определенной степени пробудили интерес к изучению той специфической роли, которую играет язык в литературном художественном произведении.

Функционализм участников Пражской школы сказался в теоретическом обосновании проблемы культуры языка. Под культурой языка пражские языковеды понимают заботу о стабильности, устойчивости литературного языка, который должен избавиться от всех ненужных колебаний. Поддержка стабильности тесно связана с выработкой стилистического богатства языка, способного без труда выражать самые разнообразные оттенки значения. Все это требует, в свою очередь, сохранения своеобразия языка, т. е. усиления тех черт языка, которые обусловливают его специфику. Борьба за культуру языка предполагает сознательное воздействие лингвистов на разработку вопросов функционального и стилистического использования языковых средств, на формирование норм литературного языка, его стабилизации

§ 126. Бесспорной заслугой Пражского кружка перед мировым языкознанием является создание фонологии как научной дисциплины. В. Матезиус писал, что «плодотворность и гибкость новой точки зрения проверяется прежде всего на звуковой стороне языка, и фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем деятельности и гордостью исследования младограмматиков» (111, 82—83). Наиболее полно взгляды на сущность и методику изучения фонологических проблем изложены в книге Н. С. Трубецкого «Основы фонологии». Эти взгляды можно свести к следующим положениям.

Фонологическая система определяется как набор фонологических оппозиций, способных служить для дифференциации лексических и грамматических значений. «Никогда не следует забывать,— подчеркивает Трубецкой,— что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смыслоразличительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру» (130, 74). Фонема как член оппозиции не совпадает с конкретным звуком, под которым Трубецкой понимает «совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема». Конкретные звуки являются лишь материальными символами фонем. Фонема может реализоваться в ряде различных звуков. Такие физически различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, Трубецкой называет вариантами фонемы. Например, в словах *кон — конь* имеется одна фонема [н], реализуемая твердым [н] и мягким [н'], которые являются вариантами этой фонемы; огубленное [д^{у}] в слове *дупло* и [д] с боковым взрывом в слове *длань* являются вариантами фонемы [д].

Пражские лингвисты выделяют обязательные, факультативные и индивидуальные варианты фонем.

Обязательные варианты фонем, в свою очередь, делятся на позиционные, комбинаторные и стилистические. Позиционные варианты обусловливаются положением фонемы относительно ударения, характером слова, мелодикой речи и т. д. Например, фонема [о] выступает в позиционных вариантах [о], [ʌ], [ъ] в словах *год* [гот], *года́* [гʌда́], годовбй [гъдʌвбj], что обусловлено ударной и неударной позицией. Комбинаторные варианты фонем возникают в результате взаимодействия фонем в потоке речи. Например, соседство с палатализованными согласными обусловливает разные варианты фонемы [е], различающиеся по степени подъема: ср. *сеть* [с'ет'] и *шест* [шест]. Стилистические варианты фонем определяются разными стилями произношения, например полным и разговорным, различие между кото-

рыми иллюстрируют такие примеры из русского языка, как *говорит* и *грит*, *здравствуйте* и *здрасте*.

Факультативные варианты фонем — это такие варианты, которые могут замещать друг друга в одной и той же позиции, не меняя при этом значение слова. Они часто возникают в результате диалектных различий. Примером факультативных вариантов может служить взрывное и фрикативное произношение фонемы [г] в слове *го́род* [го́рэт] и [γо́рэт].

Индивидуальные варианты фонем обусловливаются особенностями речи отдельных людей, например раскатистое и «картавое» произношение фонемы [р].

Трубецкой классифицирует оппозиции по трем основаниям — по отношению к системе оппозиций, по отношению между членами оппозиции и по их действенности в различных позициях.

По первому основанию оппозиции делятся на одномерные, многомерные, пропорциональные и изолированные. В одномерных оппозициях совокупность признаков, которыми обладают два члена оппозиции, присуща только этим членам и никаким другим; например, [в] и [ф] в русском языке — единственная пара губно-зубных щелевых. В многомерных оппозициях совокупность общих признаков не ограничивается только двумя членами оппозиции, а распространяется на большее количество членов оппозиции. Например, общий признак — слабая смычка — в немецком языке встречается в оппозиции фонем [d] — [b] — [g]. В отличие от изолированных, пропорциональные оппозиции характеризуются тождественными отношениями между ее членами. Например, оппозиция по глухости-звонкости между русскими фонемами [п] — [б] такая же (тождественна), как и между фонемами [т] — [д], [к] — [г]. Оппозиция [п] — [ш] является изолированной, поскольку в русском языке нет другой такой же пары фонем, находящейся в таких же отношениях.

Оппозиции по отношению между их членами могут быть п р и в а т и в н ы м и (когда один член оппозиции отличается от другого наличием или отсутствием какого-нибудь признака — звонкости, лабиализованности и т. д.), г р а д у а л ь н ы м и (когда противопоставление основывается на степени раствора речевого аппарата; ср. *бил — бел*) и р а в н о з н а ч н ы м и (когда оба члена оппозиции логически равноправны; ср. *фара — кара*).

Наконец, по действенности оппозиции делятся на п о с т о я н н ы е и н е й т р а л и з у е м ы е; при нейтрализации фонологически значимые признаки теряются, но сохраняются общие признаки. Например, в словах *пруд* и *прут* в конце слова фонологически значимый признак глухость-звонкость теряется.

Предложенная Трубецким классификация фонологических оппозиций имеет важное практическое значение, так как она помогает установить фонематическую значимость той или иной фонемы.

§ 127. Принципы структурного и функционального подхода представители Пражской лингвистической школы стремились распространить и на изучение проблем морфологии и синтаксиса. Морфология понималась пражскими учеными как раздел теории лингвистической номинации, которая противопоставлялась синтаксису как теории синтагматических способов, изучающих сочетания слов, возникающие в результате синтагматической деятельности. В синтаксисе противопоставление языка и речи ведет к разграничению предложения и высказывания.

Если при изучении фонологических вопросов у представителей Пражской лингвистической школы наблюдалось некоторое единство, то в области грамматики наблюдается различие подходов.

Один подход к изучению грамматики наблюдается у В. Скалички. В своей работе «О грамматике венгерского языка» (1935) он пытается исследовать явления грамматики, используя достижения фонологии. В центре его грамматической теории — поиски минимальной единицы, составляющей основу грамматической системы. Считая недоказанным положение о том, что в языке существует противопоставление формы и содержания, Скаличка предлагает выделять не морфологический (морфему), а грамматический элемент. Например, в слове *комнаты* морфема *-ы* не может считаться минимальной единицей морфологии, так как она имеет уже два значения: показатель множественного числа и показатель родительного падежа. «В связи с этим,— пишет Скаличка,— мы имеем право сказать: в грамматике существуют мельчайшие неделимые единицы, которые можно назвать семами». Сема является одновременно и формальным и функциональным элементом. «Такой подход, при котором уделялось внимание как форме, так и содержанию языкового высказывания,— подчеркивают современные чешские языковеды,— предопределил дальнейшее развитие пражских исследований по структурной грамматике, авторы которых сознательно избегали того чисто формального, антисемантического метода, который столь часто используется другими лингвистическими группами вплоть до настоящего времени» (111, 326).

Большинство языковедов считают, что сема является не основным элементом грамматического строя языка, а компонентом содержания морфемы.

Другой подход, заключающийся в одинаковости (изоморфности) фонологического и морфологического исследования, был использован Р. Якобсоном в работе «Очерк общего учения о падеже» (1936). Выдвинутое Трубецким понятие фонологической оппозиции, различительных признаков фонемы Якобсон применил к анализу грамматической системы языка, придавая большое значение привативным оппозициям. Разработав учение об общем значении грамматической формы, Якобсон построил свою систему грамматических оппозиций и применил ее к анализу падежной

системы русского языка. Якобсон подчеркивал, что вопрос об общих падежных значениях относится к учению о слове, так как общее значение падежа независимо от его окружения, в то время как отдельные (частные) значения падежа определяются разного рода словосочетаниями, т. е. различными и формальными значениями окружающих слов. Систему падежей имени существительного в русском языке Якобсон представляет как совокупность трех различительных признаков, образующих общее значение падежа. Якобсон выделяет следующие признаки, находящиеся в отношениях оппозиции:

1) направленность — ненаправленность действия (т. е. признак указывает направление на предмет — винит., дат., мест. падежи, и отсутствие признака направленности — именит., род. и твор. падежи);

2) объемность — необъемность действия (т. е. предел участия в действии и отсутствие такого предела — родит. и мест. падежи);

3) периферийность — периферийность действия (т. е. указание на побочную, второстепенную роль в содержании высказывания — дат., твор. и мест. падежи, и указание на главную роль — именит., винит. падежи).

Любопытно отметить, что идея установления основных значений падежей и оппозиций между ними не является новой в языкознании. В 1880 г. русский синтаксист А. В. Барсов в статье «Значение и зависимость падежей и их соотношение между собой» разделил косвенные падежи на две группы: 1) падежи, указывающие на предметы, к которым направлено действие,— винит. и дат. (ср. признак направленности у Р. Якобсона) и 2) падежи, обозначающие предметы, которые стоят близко в каком-нибудь отношении к другим падежам,— род., твор., предл.

Внутри каждой группы А. В. Барсов противопоставляет падежи (кроме предложного) по дополнительным признакам — первостепенности и второстепенности предмета (ср. признак периферийности у Якобсона). К падежам, указывающим на второстепенную роль предмета, Барсов относит винительный и творительный, а к падежам, указывающим на главную роль,— дательный и родительный. Таким образом, противопоставление происходит по двум признакам — направленность-ненаправленность, первостепенность-второстепенность. Трудно, конечно, сравнивать концепции А. В. Барсова и Р. Якобсона по уровню и степени доказательства, но само сходство идей является знаменательным [1].

Третий подход к анализу грамматических явлений языка содержится в работах В. Матезиуса «О так называемом актуальном членении предложения» (1947), «Основная функция порядка

[1] См. об этом: Попова З. Д. Размышления над забытыми страницами (к вопросу о лингвистической методологии).— Уч. зап. Тартусского ун-та. Труды по русской и славянской филологии, XXII, 1973, вып. 310, с. 177—182.

слов в чешском языке» (1947) и др., где он разрабатывал учение о функциональном синтаксисе. Под функциональным синтаксисом Матезиус понимает изучение средств и способов объединения слов в предложении в рамках той или иной конкретной ситуации. Матезиус выдвинул идею об актуальном членении предложения или функциональной перспективе последнего, соотносящее предложение с контекстом ситуации. Актуальное членение, по Матезиусу, следует противопоставить его формальному, грамматическому членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. В качестве основных элементов актуального членения Матезиус выделяет исходную точку (или основу) высказывания, т. е. то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть понято из контекста, и ядро высказывания, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания. Основными средствами актуального членения выступают интонация и порядок слов.

Анализ языковых средств с точки зрения выполняемой ими функции и в связи с многообразными отношениями к действительности привел Матезиуса к разработке принципов лингвистической характерологии, связанной с типологическим (аналитическим) изучением языков. Отличительный признак лингвистической характерологии Матезиус усматривает в том, что она вводит в лингвистический анализ понятие значимости и синхронных соотношений. «Лингвистическая характерология имеет дело только с важными и существенными особенностями данного языка в данный момент времени, анализирует их на базе общей лингвистики и старается выяснить отношения между ними» (38, 253). Матезиус всегда подчеркивал, что системный анализ языка может проводиться лишь на строго синхронной основе и с помощью аналитического сравнения, т. е. посредством сравнения языков различного типа без учета их родственных связей.

Попытка Матезиуса построить функциональную грамматику языка явилась крупным вкладом чешских ученых предвоенного периода в теорию и практику структурной грамматики. Однако преимущественное внимание, которое пражские языковеды уделяли синхронному описанию языка, не означало отказа от его исторического изучения.

§ 128. В целом пражские языковеды относились весьма бережно к лингвистическому наследию прошлого. Матезиус писал, что функциональное языкознание Пражского лингвистического кружка является полноправным наследником школы младограмматиков, сравнительный метод которых они дополнили сравнением неродственных языков.

Исследования пражских языковедов внесли существенный вклад в современное языкознание. Выработанные ими основные

понятия фонологии и фонологического описания, разработка положений функциональной грамматики, изучение функциональных языков и стилей обогатили языкознание новыми подходами к изучению языка.

Классический период развития Пражской лингвистической школы закончился в начале второй мировой войны. Однако лингвистическая теория Пражской школы все еще оказывает значительное воздействие на современных чехословацких лингвистов, которые разрабатывают методы структурной лингвистики на материале чешского и словацкого языков.

Копенгагенская школа структурализма

(Глоссематика)

§ 129. Давая приведенное в подзаголовке столь необычное название (греч. γλῶσσα-язык) другого направления структурализма, основатель этого лингвистического направления, профессор Копенгагенского университета Луи Ельмслев (1889—1965) хотел подчеркнуть тем самым независимость новой лингвистической теории от традиционного языкознания. Основные пороки традиционной лингвистики Ельмслев усматривает в том, что ее главное содержание — изучение истории языков и родственных отношений между ними — в общем было направлено не столько на изучение природы языка, сколько на психологические, физиологические, социологические и исторические проявления. Традиционная лингвистика, по мнению Ельмслева, цеплялась за случайные и преходящие явления, находящиеся вне пределов языка; в этом плане она была наукой трансцедентной. Подлинное же научное языкознание, по мнению Ельмслева, должно быть имманентным, т. е. оно должно изучать внутренние, постоянные, конструктивные элементы языка, присущие человеческой речи вообще, а не данному конкретному языку. Лингвистика, полагает Ельмслев, должна попытаться охватить язык не как конгломерат вне языковых явлений, но как самодавлеющее целое, структуру.

Таким образом, была сделана заявка на создание новой лингвистической теории XX в., объемлющей и теорию языка, и семиотику, и общую теорию науки. Основные принципы этой теории Ельмслев изложил в работах «Пролегомены к теории языка» (1943), «Метод структурного анализа в лингвистике» (1950—1951), «Язык и речь» (1942) и ряде статей. К ограниченному по своему составу новому направлению примыкали еще В. Брёндаль (1887—1942), автор «Структурной лингвистики» (1939), Х. Ульдалль (1907—1957), написавший книгу «Основы глоссематики» (1957), и ряд других менее известных языковедов.

Философские основы своей теории Ельмслев формулирует следующим образом: «Структурный метод в языковедении имеет

тесную связь... с логистической теорией языка, вышедшей из математических рассуждений и особенно разработанной Уайтхэдом и Б. Расселом, а также венской логистической школой, специально Карнапом..., последние работы которого по синтаксису и семантике имеют неоспоримое значение для лингвистического изучения языка» (67, 107—108). Таким образом, философскую основу лингвистической теории Ельмслева составляет логический позитивизм, отрицающий реальное существование предметов материального мира, объявляя эти предметы пучками пересечений их отношений. Кроме того, позитивизм отрицает критерий практики. Эти идеалистические положения позитивизма Ельмслев переносит и на свою теорию. Глоссематическая теория, по Ельмслеву, сама по себе независима от опыта; сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. С другой стороны, Ельмслев утверждает, что целое состоит не из вещей, но из отношений, и только внутренние и внешние отношения имеют право на существование. «Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» (61, 283).

§ 130. Эти ложные методологические посылки обусловили и просчеты лингвистической концепции глоссематиков. Ельмслев считает необходимым пересмотреть несовершенное на его взгляд соссюровское противопоставление «язык — речь» и предлагает четырехчленное деление языка: с х е м а — н о р м а — у з у с (употребление) — а к т. Под схемой Ельмслев понимает язык как чистую форму, определяемую независимо от ее социальной реализации и материального оформления. Норма определяется как материальная форма, связанная с социальной реализацией, но независимая от деталей проявлений. Третий член — узус — представляет из себя совокупность навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными проявлениями. Эти три понятия, по Ельмслеву, составляют «язык» в понимании Соссюра. Кроме этих понятий, Ельмслев вводит понятие акта речи, соответствующее «речи» у Соссюра, понимаемое как индивидуальный речевой поступок, как говорение. По словам Ельмслева, только узус вместе с актом речи и схемой отражают подлинную лингвистическую реальность; норма же представляет собой фикцию, не представляющую для лингвиста интереса.

Из проведенного Соссюром разграничения языка и речи Ельмслев сделал крайние выводы, сосредоточив свое внимание на разработке положений Соссюра о языке как совокупности отношений между элементами языка. Суть не в звуках или знаках и значениях, подчеркивает Ельмслев, а во взаимных отношениях между ними в речи и грамматике. Остов соотношений и должен быть главным предметом языкознания, считает Ельмслев. Если

на первый план выдвигается изучение отношений, то Ельмслева, естественно, уже не интересуют сами материальные элементы, которые в эти отношения вступают. Лингвистическая теория должна изучать то постоянное, что делает язык языком. Этим постоянным являются отношения.

Поскольку, полагает Ельмслев, описание языка должно начинаться с установления отношений между единицами языка, а такое установление игнорирует высказывания о сущности, субстанции, материальной основе этих единиц, то его лингвистическая теория может быть применима к любой структуре, форма которой аналогична форме естественного языка. Анализ таких структур, как сигнализация светофоров, бой башенных часов, азбука Морзе, стуковая азбука заключенных в тюрьме, привел Ельмслева к выявлению пяти характерных признаков языка: 1) язык состоит из содержания и выражения, 2) текста и системы, 3) связи между содержанием и выражением, 4) соотношением между текстом и системой, 5) разложением языковых знаков на более мелкие компоненты.

Язык, таким образом, рассматривается Ельмслевым как частный случай средств передачи информации, входящий в более широкую систему коммуникативных средств, изучаемых семиотикой. При этом полностью игнорируется специфика языка как общественного явления, его социальная природа. Кроме того, специфические закономерности, существующие в языке, Ельмслев механически переносит на другие семиотические системы.

Приверженность к чисто формальным условиям и определениям, обращение к математической теории и логистическим построениям лишило теорию Ельмслева ее собственного объекта исследования и растворило языкознание среди других наук.

§ 131. Какие же все-таки отношения выявляет Ельмслев в языке? Ответ на этот вопрос связан со специфически понимаемыми Ельмслевым задачами лингвистической теории. «Лингвистическая теория,— пишет Ельмслев,— предписывает анализ текста, который ведет нас к выявлению языковой формы, скрытой за непосредственно доступной чувственному восприятию субстанцией, и к установлению скрытой за текстом системы языка» (61, 351). В этом положении внимание сразу приковывается к цели анализа — выявлению языковой формы и ее соотношения с субстанцией. Под субстанцией Ельмслев понимает внеязыковой материал, все то, что лежит за пределами языка, а под формой — сам язык, состоящий из пучков отношений. Ельмслев сразу устанавливает отношения зависимости между субстанцией и формой. Субстанция, говорит он, не является необходимой предпосылкой для существования языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для существования субстанции, и описание субстанции зависит от описания языковой формы. Форма у Ельмслева выступает как нечто постоянное, как абстракт-

ная сущность. Автономность формы проявляется еще в том, что она может реализоваться в разных субстанциях.

Кроме формы и субстанции, находящихся в отношениях зависимости, глоссематики выделяют еще «выражение» и «содержание», которые имеют свою субстанцию и форму. Эти термины употребляются как чисто условные, и они не соотносятся с распространенным пониманием «выражения» как материальных средств для передачи сообщения, а «содержания» — для обозначения области значения. Например, в различных языках может не совпадать такой языковой материал, как термины родства, цветообозначения, различные грамматические категории и т. д. Для языкового материала (лингвистического содержания) устанавливается специфическая форма, форма содержания, которая независима и произвольна в отношении к материалу и формирует его в субстанцию содержания. Субстанция содержания — это факты действительности, понятия и т. д. Субстанция выражения — это цепь звуков, оформленных, систематизированных языком. Форма содержания и формы выражения в разных языках неодинаковы.

Ельмслев указывает, что соответствие между содержанием и выражением не является прямым соответствием между определенным элементом одного плана и определенным элементом другого, но языковые знаки могут распадаться на более мелкие компоненты. В плане выражения такими компонентами знаков выступают фонемы, которые Ельмслев предпочитает называть таксемами выражения. В плане содержания неразложимой далее единицей является введенное Ельмслевым понятие фигуры. Это понятие отличает глоссематическую теорию от знаковой теории Ф. де Соссюра. У Соссюра знак, являясь единством означаемого и означающего, всегда что-то обозначает, на что-то указывает. Ельмслев считает, что существуют еще так называемые незнаки, которые являются мельчайшими единицами плана содержания. Такие незнаки, входящие в знаковую систему как части знаков, Ельмслев и называет фигурами. Фигуры в понимании Ельмслева выступают как некоторые элементарные смыслы, комбинация которых придает значение знаку. Например, знак *мальчик* можно разложить на фигуры {человеческое существо} + {молодой} + {мужской пол}; изменение последней фигуры дает знак *девочка*. Число фигур в языке ограничено; в любом языке число фонем (фигур выражения) не превышает 70—80, а число фигур содержания не намного больше. «Таким образом,— говорит Ельмслев,— язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием негодным для своей задачи» (61, 305). Любопытно отметить, что 130 лет назад в России языковед Л. Г. Якобсон в книге «Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» (1812), говоря об искусственных знаках, входящих в словесный язык, говорил, что их немного и разнообразное

их расположение позволяет составить большую разнообразность других знаков».

Признавая, что целое (язык) состоит не из вещей (элементов), но из отношений и что не субстанция, но ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование и должны изучаться лингвистикой, Ельмслев употребляет термин функция для выражения этих отношений. Как указывает Ельмслев, термин «функция» употребляется в глоссематической теории в значении, лежащем между логико-математическим и этимологическим. В формальном отношении оно ближе к первому, но не тождественно ему и обозначает зависимость, отвечающую условиям анализа.

Ельмслев устанавливает три общих типа глоссематических функций, под которые подводятся отношения между любыми единицами плана выражения и плана содержания; двухстороннюю зависимость (интердепиденцию), одностороннюю зависимость (детерминацию) и свободную зависимость (констелляцию).

Выделение фигур и функций приводит Ельмслева к выводу о том, что «структура языка представляет собой сеть зависимостей, или, говоря более четким, специальным и точным языком, сеть функций».

Поэтому глоссематики называют иногда свою теорию и м м а н е н т н о й а л г е б р о й я з ы к а, т. е. наукой, использующей понятие математической зависимости для изучения внутренне присущих языку свойств, какими являются отношения.

Построением лингвистической алгебры глоссематики сделали попытку установить такие понятия, с помощью которых можно было бы теоретически установить все лингвистически возможные связи и отношения в языке между любыми языковыми единицами. Такая попытка предельной формализации языка положила начало так называемой м а т е м а т и ч е с к о й л и н г в и с т и к е.

§ 132. После ознакомления со взглядами глоссематиков на объект лингвистики и задачи лингвистического анализа следует остановиться на основных п р и н ц и п а х глоссематической теории. Исходные положения раскрыл сам Ельмслев. Структура языка, говорит он, характеризуется иерархией, которую можно вскрыть посредством дедуктивной и необратимой процедуры, переходя постепенно от самых абстрактных явлений ко все более конкретным.

Если традиционная лингвистика в образовании понятий шла от простого к сложному (от индивидуальных значений — к общим значениям, от слова — к предложению и т. д.), т. е. была индуктивной, то глоссематическая теория идет от общего к частным, от абстрактного к конкретному, от сложного к простым, т. е. является дедуктивной. Ельмслев и определяет метод своей лингвистической теории как эмпирический и дедуктивный. Ельмслев исходит из того, что можно исчислить все возможные связи в

зависимости языковых единиц в определенных рамках. Лингвист-теоретик открывает некоторые свойства во всех объектах, которые принято называть языками. Он эти свойства обобщает, фиксирует их в определениях и произвольно предписывает, к каким объектам можно применить свою теорию, а к каким — нет. Только таким образом, считает Ельмслев, можно создать лингвистическую теорию. Эта лингвистическая теория является универсальной, так как она позволяет описать любой текст и любой язык, на котором текст может быть составлен.

Сразу бросается в глаза условность и субъективная произвольность глоссематической теории. И сам Ельмслев заявляет, что его лингвистическая теория «не может быть проверена (подтверждена или оценена) существующими текстами и языками. Она может только контролироваться испытаниями, проверяющими, является ли исчисление непротиворечивым и исчерпывающим». Цель лингвистической теории — искать постоянное, не связанное с какой-либо внеязыковой реальностью, то постоянное, что делает язык языком, что лежит в основе изменений.

Способность лингвистической теории описать нечто постоянное Ельмслев называет эмпирическим принципом, который сводится к тому, что описание должно быть свободным от противоречий (самоудовлетворяющим), исчерпывающим и предельно простым. Требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания. Требование исчерпывающего описания предшествует требованию «простоты». Эти требования эмпирического принципа разъясняет Х. Ульдалль. По его мнению, описание является полным, если оно проводится до тех пор, пока объект при делении не будет доведен до мельчайшего рассматриваемого типа (таксемы плана выражения, фигуры плана содержания). Описание является простым, разъясняет Ульдалль, если оно раскрывает предмет как нечто, состоящее из возможно меньшего числа единиц, представляющих собой конечный результат исследования. Однако в этом требовании уже заложено внутреннее противоречие глоссематической теории. Ведь можно просто описать отдельный объект (например, любой язык); но поскольку глоссематическая теория стремится описать многие объекты, то аппарат описания уже усложняется. И первое требование эмпирического принципа — непротиворечивость описания — тоже подвержено критике, ибо этой непротиворечивости не получается, поскольку глоссематики намеренно игнорируют тот факт, что язык, связанный с определенными историческими и социальными условиями, находится в постоянном движении. Именно противоречивое воздействие условий, отрицаемое глоссематиками, обусловливает существование языка. Даже в самом аппарате описания, по свидетельству Ульдалля, уже существует противоречие между желанием сделать алгебру языка возможно более общей, а значит и сложной, и стремлением обеспечить простоту конкретных описаний.

Требования эмпирического принципа, на первый взгляд строгие и логичные, на самом деле отражают внутреннюю слабость, неприменимость теории глоссематиков. И причина этого кроется в том, что теория Ельмслева направлена на изучение языка, находящегося вне времени и пространства. И если применительно к языку Соссюр различал синхронию и диахронию, т. е. рассмотрение языка в современном его состоянии и историческом развитии, то один из теоретиков глоссематической теории В. Брёндаль наряду с двумя указанными изменениями языка выдвигает третий — панхронию, или ахронию, т. е. фактор вневременной, дающий о себе знать в строе любого языка. Этот внеисторический подход к изучению языка является крайним проявлением антиисторизма глоссематической теории.

«Как мы видим, Ельмслев все существенные признаки языка: его звуковую материальность, социально отработанную значимость его отдельных элементов, его функциональность как средства общения, его способность воплощать человеческое мышление и т. п.— выносит за пределы языка, то есть выветривает его сущность, а затем с серьезным видом предлагает изучать образовавшуюся пустоту путем наполнения ее вымученными априорными схемами чистых отношений» (59, 79).

Американский структурализм

(Американская дескриптивная лингвистика)

§ 133. У истоков американского структурализма стоят два выдающихся американских языковеда Э. Сепир (1884—1939) и Л. Блумфилд (1887—1949).

Специфической особенностью американского структурализма, обусловленного причинами внутреннего порядка и национальными традициями, является прагматическая направленность лингвистических исследований, связанная прежде всего с необходимостью изучения языков американских индейцев. Эти языки были трудны для исследования обычными методами анализа, выработанными для индоевропейских, поскольку индейские языки обладают особыми языковыми категориями, они не имеют письменных памятников, характеризуются особой структурой предложения. Поэтому центральной задачей дескриптивной лингвистики было выдвинуто описание языков, а не их объяснение. Такая установка целей лингвистического исследования носит все же позитивный характер.

Кроме того, американские языковеды, сталкиваясь с индейскими языками, рассматривали их как зашифрованные другим кодом тексты, которые предстоит расшифровать. Дешифровочный подход к языку предопределил выработку особых методов анализа языка. Наконец, некоторые отрасли американского языкознания развиваются под влиянием задач прикладной лингви-

стики (автоматическая обработка информации, создание формализованных «языков» и т. д.).

Теоретические принципы американской структурной лингвистики изложены в книгах Э. Сепира «Язык» (1921, русск. перевод 1934) и Л. Блумфилда «Язык» (1933, русск. перевод 1968), «Ряд постулатов для науки о языке» (1926) и других работах. Хотя американские языковеды и говорят о независимом развитии американского языкознания, все же такое мнение ошибочно. Книга Блумфилда «Язык», занимающая в американском языкознании такое же место, как книга Соссюра «Курс общей лингвистики» в европейском, подытоживает основные достижения европейского языкознания того периода, и во взглядах американских языковедов чувствуется влияние европейских идей.

Так, мысль Соссюра о том, что язык есть форма, а не субстанция, т. е. что в языке существенным является не материал, а множество противопоставлений, в которые входят элементы языка, нашла сторонников не только среди глоссематиков, но и американских лингвистов. Подобно Соссюру, Сепир различает в языке физическую и идеальную систему (модель), причем последняя, по словам Сепира, является реальным и наиболее существенным началом в жизни языка. «Каждый язык,— говорит он,— характеризуется своей идеальной звуковой системой и лежащей в корне ее фонетической моделью (которую можно было бы назвать системой символических атомов), так и своей определенной грамматической структурой» (121, 44).

Основоположники американского структурализма на первый план выдвигали фонологию, и фонологический уровень Блумфилд, например, считал важнейшим. С именем Блумфилда в американском языкознании связана разработка уровней языка. Он полагал, что описание языка должно начинаться с наиболее простого уровня — фонологического, при котором определяются все фонемы и констатируется, какие сочетания фонем возможны. Следующим уровнем в порядке возрастающей сложности является, по Блумфилду, семантический; семантику он делит на грамматику и лексику.

Формы, в которых определенные звуки сочетаются с определенным значением, Блумфилд называет языковыми. Все одинаковые формы он делит на связанные (морфемы или части слова) и свободные (слова и их сочетания), а также сложные и простые (морфемы). Блумфилда интересует не конкретное значение языковой формы и слова, а различия в значениях между ними. На основе классификации языковых форм Блумфилд дает определения выработанных им лингвистических понятий, в частности понятий о составляющей, классе и конструкции.

Общая часть сложных форм (например, *говоре-н и е*, *писа-ние*, *девочка побежала*, *девочка упала*), по Блумфилду, является составляющей. Каждая сложная форма разлагается на морфемы — конечные составляющие, количество которых может

быть очень велико. Когда это [illegible] грамматические признаки, их обязательность, [illegible] структуры. Языковая форма, которая в определенных [illegible] заменяет любую форму, называется [illegible] статусе образует класс форм. Языковые формы, в которые [illegible] одно из непосредственно составляющих их языковых [illegible] формой, называется синтаксической конструкцией. [illegible] филд выделяет два основных типа синтаксических конструкций — эндоцентрические и экзоцентрические. Если какая-нибудь форма принадлежит к тому же классу форм, что и какая-либо из ее составляющих, конструкция называется эндоцентрической (например, *маленькая быстрая девочка* — центром словосочетания является слово *девочка*, и все словосочетание входит в один и тот же класс). В ином случае выступает экзоцентрическая конструкция, т. е. конструкция без определений (например, *мальчик бежит*). Большинство конструкций в любом языке — эндоцентрические.

Работы Блумфилда стимулировали исследования американских языковедов в области структуры лингвистического знания о языке. Так, один из последователей Блумфилда Ч. Хоккет выделяет три центральные системы — морфологию, фонологию и морфонологию и две периферийные — семантику и фонетику. Такая структура приводит к тому, что в лингвистической практике американского дескриптивизма остаются лишь фонологические и морфологические исследования. Указанная концепция Хоккета отнюдь не разделяется всеми американскими языковедами, так как американский структурализм не представляет из себя единого целого.

§ 134. Идеи Блумфилда разрабатывались в трех различных направлениях последующим поколением американских лингвистов.

Первое из них, представленное такими лингвистами, как Дж. Трейджер (основные работы: «Очерк лингвистического анализа» (1942) совместно с Б. Блоком, «Очерк структуры английского языка» (1951) совместно с Г. Смитом), З. Харрис (основные работы: «Метод в структурной лингвистике» (1951), «Анализ речи» (1952), «Структурная лингвистика» (1961), Б. Блок (автор статей «Флексия английского глагола» (1947), «Набор постулатов для фонемного анализа» (1948) и др.). Эта группа лингвистов известна как Йельская школа, разрабатывавшая технику лингвистического анализа на уровне фонологии и морфонологии и требовавшая до недавнего времени полностью исключить фактор значения из лингвистического исследования.

Другая разновидность американского структурализма представлена энн-арборской группой лингвистов, куда входит У. Чейф (основные работы: «*Язык в отношении к объединенной теории структуры человеческого поведения* (1954—1960), «Интерпре-

тация фонологии, морфологии и синтаксиса» (1958) и др.), Ю. Найд (наиболее известна его книга «Морфология» (1951), Ч. Фриз (автор книги «Структура английского языка» (1952). Эти лингвисты восприняли скорее не теоретические взгляды Блумфилда, а технику его исследовательских работ и интерес к практической полевой работе по сбору языкового материала среди коренных индейцев Северной Америки.

Третью разновидность американского структурализма называют школой трансформационного анализа. Ее представляют Н. Хомский (основные работы: «Система синтаксического анализа» (1953), «Три модели описания языка» (1956), «Синтаксические структуры» (1957), Р. Лиз (основные работы: «Грамматика именного образования в английском языке» (1960), «Что такое трансформация» (1961) и другие лингвисты.

Сущность дескриптивной лингвистики З. Харрис определяет следующим образом: «Дескриптивная лингвистика (в терминологическом смысле) есть особая область исследования, имеющая дело не с речевой деятельностью в целом, но с регулярностями определенных признаков речи. Эти регулярности заключаются в дистрибутивных отношениях признаков исследуемой речи, т. е. повторяемости этих признаков относительно друг друга в пределах высказываний... Главная цель исследования есть определение порядка расположения (дистрибуция) или распределения (аранжировка) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно друг друга» (166, 5).

Указанные выше направления американской дескриптивной лингвистики основное внимание обращают на методику лингвистического анализа, приемы описания, последовательность процедур, выработку терминологии, одним словом,— на создание техники описания языка.

§ 135. В дескриптивной лингвистике выделяются три типа отношений между двумя (или несколькими) элементами; эти типы отношений принято называть моделями дистрибуции.

Элементы находятся в контрастной дистрибуции, если они могут встречаться в одних и тех же окружениях, различая значения. При этом отмечается различная реакция информантов, и поэтому рассматриваемые элементы являются представителями разных единиц, в данном случае фонем. Таковы начальные согласные в словах *дал—зал—мал—бал—вал*, являющиеся пятью различными фонемами.

Мы говорим, что звуки находятся в отношении дополнительной дистрибуции, когда каждый из них встречается в определенных, закрепленных за ним окружениях, в которых другие звуки не встречаются. Например, гласный *и* в русском языке встречается после мягких согласных (*кино, либо* и т. д.), после гласных (*армии, герои* и т. д.), но не может встречаться после твердых согласных: *шйло* невозможно произнести как [ш'йлэ], с мягким [ш']. Поэтому

фонемы [и] и [ы] находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, являются вариантами, или аллофонами, одной фонемы. Фонема в терминах дескриптивной лингвистики определяется как класс аллофонов.

Если же два звука языка могут заменять друг друга в любом окружении таким образом, что значение при этом не меняется, то они находятся в отношении свободного варьирования, о котором говорил также Н. С. Трубецкой, отмечавший, что если в языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы. Аналогичное явление у копенгагенских глоссематиков называется субституцией, операцией, при которой замена плана выражения не приводит к изменению плана содержания. Например, слово *город* можно произнести и с взрывным |г| и фрикативным |γ|, но смысл высказывания останется одним и тем же. В модели свободного варьирования звуки являются вариантами одной и той же единицы.

Те элементы плана выражения или плана содержания (соответственно значения), которые находятся между собой в отношениях коммутации, принято называть релевантными или различительными. Метод коммутации (субституции, по терминологии американских языковедов) применяется очень широко «к лингвистическому материалу любого вида, на любой стадии лингвистического анализа, от анализа полного высказывания до анализа фоны» (137, 250).

После дистрибутивного анализа на фонологическом уровне вторая стадия анализа заключается в группировке фонем в морфемные сегменты, называемые морфами. Эта операция напоминает прием замены звуков. Предположим, в высказывании *берешь сумку*, записанном фонологически как |б'ер'ёш су́мку|, попытаемся заменить одну фонему (последовательность фонем) и проверим, возможно ли вновь полученное высказывание в русском языке. Например, можно заменить фонему |ш| на |т|, |м|; следовательно, |ш| является отдельным морфемным сегментом. Последовательность фонем |б'ер'| можно заменить на |н'ос'|, |клад'| и т. д. Поскольку возможность замены одного морфемного сегмента на другой наблюдается не в одном окружении, а во многих других, то возникает необходимость выделенные морфы объединить в морфему. Классификация алломорф (вариантов морф) по морфемам носит название отождествления или идентификации. Принципы идентификации морфемных сегментов были выдвинуты в 1942 г. З. Харрисом, который перенес понятие дистрибуции на морфологический уровень. В морфологии под дистрибуцией (или распределением) какой-либо морфемы понимается сумма всех контекстов, в которых данная морфема может встречаться, в отличие от тех контекстов, в которых она встречаться не может. Морфема *-ешь*, например, встречается в контекстах (окружениях) с морфемами *я* (*хочу*), *-ешь* (*хочешь*), *-ет* (*хочет*), но не может употребляться с морфе-

мами *-ешь*, *-им*, *-ите*, *-ят*, с которыми употребляется только морфема *хот-* (ср. *хотеть*, *хотим*, *хотите*, *хотят*). Невозможно сказать * *хочим*, * *хотешь*.

Основным приемом идентификации позиционных вариантов является критерий дополнительной дистрибуции, перенесенный с фонологического на морфемный уровень. До введения принципа дистрибуции разные последовательности фонем считались разными морфемами. Так, формы *иду—шел*, *хорошо—лучше*, *я—меня* рассматривались как самостоятельные морфемы, находящиеся в отношении супплетивности. Приняв структурную точку зрения, Харрис предложил следующие три условия идентификации морфемных сегментов (алломорфов): 1) они должны иметь одно значение; 2) никогда не встречаться в одинаковом лингвистическом окружении, т. е. находиться в отношении дополнительной дистрибуции, что связано с фонетическими или морфологическими особенностями их употребления (ср. вышеприведенный пример с морфемами *хоч-* и *хот-*); 3) их комбинированное окружение должно быть равно окружению неварьирующейся морфемы, принадлежащей тому же классу (т. е. окружение элементов, выражающих множественное число, не больше, чем дистрибуция нулевой морфемы со значением единственного числа). С этой точки зрения такие алломорфы в русском языке, как *бр-*, *бер-*, *бер'- (брать*, *беру*, *берешь)*, являются не разными морфемами, а одной, поскольку их идентификация (т. е. объединение различных вариантов в одну морфему) производится на основе того, что они наделены одним лексическим значением, находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции и имеют общий диапазон сочетаемости, т. е. функционируют параллельно другим морфемам, относящимся к этому же классу.

Смысл идентификации и сводится к разработке приемов, с помощью которых можно установить, что мы имеем дело с идентичными алломорфами.

Необходимо отметить, что при разбиении на морфемные сегменты полностью исключается значение.

Критерии идентификации морфемных сегментов были расширены Ч. Хоккетом в статье «Проблемы морфемного анализа» (1947). Условие дополнительной дистрибуции он предложил заменить принципом неконтрастирующей дистрибуции, позволяющей отождествить элементы, встречающиеся в одинаковом окружении, но не меняющие значения. Отношение между такими элементами называется свободным варьированием. Примером свободного варьирования морфемных сегментов могут служить формы в русском языке *рукой* и *рукою*, которые заменяют друг друга без изменения смысла (ср. также *шофер-ы* и *шофер-а*).

Третья стадия анализа заключается в распределении морфем по грамматическим классам, которые называются морфемными классами или классами взаимозаменяемых единиц. Критерием такого распределения является установление сходства или совпадение

дистрибутивных признаков, определяемое методом субституции, т. е. подстановкой одной морфемы другой в контексте. Например, морфемы *дорога*, *улица* могут быть отнесены к одному разряду, поскольку обе они могут быть помещены в такие окружения, как *... тянется, нахожусь на ...е, мы идем ...ой (ей)*. Цель такого распределения заключается в сведении громадного количества морфем к сравнительно небольшому числу классов. Получаемые морфемные классы в общем соответствуют традиционным частям речи.

Однако выделение всех классов морфем наталкивается на большие препятствия. Во-первых, обследование даже очень большого текстового материала не позволяет описать дистрибуцию морфем и определить границы их функционирования; во-вторых, очень небольшое количество морфем обладает абсолютно одинаковой дистрибуцией. В русском языке встречается сочетание *дремучий лес*, но вряд ли можно встретить сочетание *дремучий город*, т. е. в сочетание *дремучий лес* вместо слова *лес* подставляется лишь небольшое количество других слов (ср. *дремучий человек*). В-третьих, при распределении морфем по классам значение не связывается с морфемой, а понимается как свойство морфемных позиций. Такие русские морфемы, как *столовая*, *мостовая*, обладают дистрибуцией как существительных, так и прилагательных, То, что для морфем является свойством сочетаемости, для слова может оказаться признаком внутренней структуры. Кроме того, дистрибутивный анализ не принимает во внимание различий между разными категориями морфем (корневыми, аффиксальными). Комментируя предложенную методику классификации морфем, З. Харрис отмечает, что полезность предложенной процедуры, возможно, состоит скорее в эксплицитности, чем в новизне метода и результатах.

Разница между традиционно применявшимися способами классификации слов и дескриптивной методикой анализа заключается в том, что в традиционной грамматике сначала дается семантическое определение частей речи, а потом их формальная и функциональная (морфологическая и синтаксическая) характеристика, а дескриптивисты, считая язык упорядоченной системой отношений между языковыми элементами, первичными считают формальные признаки, выявляемые при анализе этих отношений, путем сравнения функции каждого класса единиц с функциями других классов, что приводит к недооценке семантики языка.

§ 136. Принцип классификации изолированных морфем и методик их классификации дескриптивисты переносят и на синтаксический уровень, распространяя его на изучение таких единиц, как предложение. «Трактовка морфем в качестве единиц синтаксического уровня отличает коренным образом американское языкознание от всех других школ и направлений» (123[а], 103).

Синтаксис языка в данном случае понимается как совокупность классов простых и сложных единиц (морфем и словосочетаний), соотносимых с определенной позицией в высказывании. (Не

бесполезно в связи с этим вспомнить высказывание Бодуэна де Куртенэ, называвшего синтаксис морфологией высшего порядка.)

Исследование синтаксиса осуществляется главным образом при помощи метода непосредственно составляющих (НС). В применении к анализу слов принцип НС был предложен Л. Блумфилдом в книге «Язык», который отмечал, что в языках со сложным морфологическим строем можно наблюдать перархию конструкций: комплексное слово может быть описано только так, как если бы его составные части (аффиксы, модификации) присоединялись к основе слова в определенном порядке. Так, слово *летчики* состоит прежде всего из *летчик-* и *-и* — суффикса множ. числа, *летчик* в свою очередь состоит из корневой морфемы *лет-* и суффикса деятеля *-чик*.

При таком анализе морфологической структуры слова Блумфилд выделяет несколько перархических ступеней.

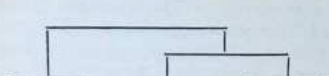
Формулировка принципов метода НС дана Р. Уэллзом в статье «Непосредственно составляющие» (1947), в работах Ю. Найда «Морфология», З. Харриса «От морфемы к высказыванию» (1946) и др.

Метод НС позволяет установить перархические отношения между синтаксическими конструкциями в общей системе предложения. Американские дескриптивисты при анализе по методу НС исходят из следующих определений: «Конструкция — это любая значащая группа слов (или морфем). Составляющими называются слова или конструкции (или морфемы), входящие в какую-либо более крупную конструкцию... Непосредственно составляющие — это одна, две или несколько составляющих, из которых непосредственно образована та или иная конструкция» (54, 190). Так, высказывание *Жаркое солнце быстро нагревало землю* является конструкцией, входящие в эту конструкцию значимые слова — составляющими, а слова, связанные непосредственной связью,— непосредственно составляющими. Хотя слова *жаркое* и *землю* связаны между собой, так как первое слово начинает высказывание, а второе его заканчивает, между ними нет непосредственной связи, в то время как слова *жаркое* и *солнце*, *нагревало* и *землю*, *быстро* и *нагревало* связаны между собой и представляют парные (бинарные) по своей структуре сочетания. Метод НС и основан на том предположении, что каждая конструкция является бинарной по своему составу.

В настоящее время существуют две процедуры описания строя высказывания в терминах НС.

Первая из них, предложенная Блумфилдом и Уэллзом, заключается в постепенном членении высказывания на составные части до тех пор, пока не получаются неделимые далее элементы — морфемы, которые и являются конечными составляющими. Так, приведенное выше высказывание *Жаркое солнце быстро нагревало землю* разбивается на два НС: *жаркое солнце* — с одной стороны, и *быстро нагревало землю* — с другой. Первое составляющее разбивается на *жаркое* и *солнце*. Второе составляющее, в свою очередь, разбивается на составляющие *нагревало землю* и *быстро на-*

гревало и т. д. Иерархическую структуру приведенного высказывания можно представить в виде так называемого синтаксического древа:

Жаркое солнце быстро нагревало землю.

Уэллз применяет метод НС в сочетании с принципом экспансии. Сущность этого принципа заключается в том, что сложная последовательность морфем может быть свернута подстановкой вместо сложных последовательностей морфем максимально простых конструкций при сохранении идентичности модели. Прием подстановки состоит в том, что из сложной синтаксической конструкции удаляют такие элементы, отсутствие которых не изменяет саму модель. *Жаркое солнце быстро согревало землю* является экспансией, расширением модели *солнце согревало*. Эта модель помогает установить границы между НС высказывания.

Ю. Найда в книге «Морфология» предлагает следующие критерии для разбиения высказывания на НС:

1) Разбиение должно согласовываться со смысловыми отношениями в высказывании. Например, каким образом разбить высказывание *На заре с удочкой пойдем на реку?* Граница между НС может пройти либо после слов *на заре (На заре/с удочкой пойдем на реку)*, либо после слов *с удочкой (На заре с удочкой/пойдем на реку)*. Более осмысленным представляется первое членение, потому что нет никакой осмысленной связи в сочетании *на заре с удочкой*, хотя структурные соображения оправдывают и то, и другое членение.

2) Разбиение высказывания на НС должно производиться на основе заменяемости более крупных единиц более мелкими. *На заре* можно заменить словом *утром*, т. е. две морфемы заменяются одной; напротив, *утром с* нельзя заменить одной более мелкой единицей. Следовательно, эти морфемы не образуют одного составляющего; они относятся к разным НС.

3) Число разбиений должно быть минимальным, т. е. оно должно сводиться к бинарным (парным) структурам. Но иногда эти парные структуры бывает трудно выделить и приходится выделять большее количество НС. Ср.:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Здесь нет оснований выделять одну парную структуру, и поэтому приходится выделять пять НС: 1) *и божество*, 2) *и вдохновенье*, 3) *и жизнь*, 4) *и слезы*, 5) *и любовь*.

4) При прочих равных условиях разбиение на непрерывные НС предпочтительнее разбиения на прерывные НС. Например, в высказывании *Мальчик, который бегал по двору, упал и заплакал* прерывными составляющими являются *Мальчик ... упал*, поскольку между ними вклинивается придаточное предложение. В этом придаточном предложении в качестве непрерывных НС выступают *который бегал, бегал по двору, по двору*.

После разбиения высказывания на НС необходимо установить их отношения друг к другу. Эти отношения устанавливаются либо в терминах ядер и спутников, либо в терминах центральной и маргинальной позиций, либо в терминах определения и определяемого, зависимого и зависящего. При разбиении предложения на НС обнаруживается связь не между двумя НС, а между главными членами НС, один из которых является центральным, а другой — подчиненным. Так, предложение *Тяжело нагруженная машина медленно ехала по неровной дороге*, сопоставленное с минимальной конструкцией *Девочка читала*, позволяет установить непосредственную связь лишь между элементами *машина* и *ехала*. Эти элементы и являются ядрами каждой составляющей предложения, а сопутствующие им элементы — спутниками. Спутником элемента *машина* будет *нагруженная*, а спутником *ехала — медленно, по дороге, по неровной дороге*. В терминах традиционной лингвистики отношения между ядром и спутником соответствуют отношениям существительное — прилагательное, глагол — наречие, главное предложение — придаточное и т. д. Так, в сочетании *высокий дом* прилагательное *высокий* не может употребляться без опорного существительного *дом*, в то время как *дом* не нуждается в присутствии спутника *высокий*. Центральный член каждой конструкции (ядро) определяется как независимый, а маргинальный (спутник) — как зависимый.

Выделение ядер и спутников помогает установлению более точных границ между НС. Элементы, выражающие синтаксические связи, всегда относятся к спутникам, так как они указывают на отношение спутников к ядрам и не могут функционировать без спутников. Так, в конструкции *ехала по дороге* предлог *по* объединяется в одно НС со словом *дороге* и граница деления проходит перед этим элементом: *ехала/по дороге*.

Американский языковед Р. Питмен в статье «Ядерные структуры в лингвистике» (1948) предложил формальную процедуру определения ядер и спутников. Он приводит десять признаков, отличающих главный член сочетания от второстепенного. В качестве иллюстрации приведем такой признак, как независимость, который формулируется следующим образом: если один из НС может встречаться изолированно, а другой — нет, то первый НС является ядром. Так, аффиксы выступают в качестве спутников по отношению к основе слова — ядру, поскольку в большинстве языков основа употребляется изолированно, а аффикс — нет. В слове *домик* обнаруживается ядро *дом-* (может употребляться изолирован-

но) и спутник *-ик* (не встречается без основы). Другим признаком является длина элемента: если ничего не известно о длине элементов (т. е. количестве содержащихся в них фонем), то весьма вероятно, что элемент с большим числом фонем можно определить как ядро, а с меньшим — как спутник. Так, если человеку, не знающему английский язык, показать два английских слова *re-write* и *develop-ment*, он, по всей вероятности, предположит, что *re-* и *-ment* выступают в качестве спутников, а *write* и *develop* в качестве ядер.

Другая процедура синтаксического анализа была намечена З. Харрисом, который в статье «От морфемы к высказыванию» (1946) считал целесообразным изучать структуру высказывания в направлении от малого к большому, от морфемы к предложению. На основе метода субституции Харрис синтезирует мелкие единицы в более крупные. Так, алломорфы множественного числа в русском языке *-ы (столы)*, *-а (дома́)*, *-и (ноги)* и т. д. объединяются в класс морфем множественного числа.

Русские морфемы *хорош-*, *велик-*, *широк-* и т. д. на основе своей дистрибуции (возможность появления в окружении *он...* и употреблении их перед морфемой *-ий*) объединяются в один класс. Выделив таким образом классы морфем, Харрис распространяет классификацию с отдельных морфем на их последовательности. В результате получаются классы составляющих — группы слов или конструкций, выполняющие в языке сходные или тождественные синтаксические функции. Каждый из этих классов обладает определенными синтаксическими особенностями. Например, для прилагательных типично следующее окружение:

высокий человек,
вишневый сад,
отцов пиджак,
мой дом и т. д.

Определенная позиция, занимаемая данными словами, позволяет их характеризовать как класс определительных слов, куда входят прилагательные, местоимения. Подобным образом выделяют класс именных слов, включающий существительные и эквивалентные им конструкции, класс глагольных слов, класс наречий и т. д. Классом конструкций более высокого порядка является предложение типа подлежащее — сказуемое, из которых в свою очередь составляются более крупные конструкции путем развертывания именных и глагольных классов.

Так постепенно раскрывается структура предложения в виде все более сложных групп НС, в которых единственным критерием определения синтаксической функции элемента является занимаемая им позиция.

Ср.: *Маленькая девочка сильно ударила куклу.*
Старая плотина медленно пропускала воду.
Глокая куздра штеко будланула бокра. (Пример Л. В. Щербы.)

Последнее предложение не является фразой русского языка, но по занимаемой данными словами позиции можно определить, что *слокая* входит в класс прилагательных на *-ая*, *куздра* — в класс существительных женского рода и т. д. Харрис и приходит к выводу о необходимости изучения не классов единиц, а занимаемых ими позиций. Харрис отбирает те позиции, в которых встречаются многие морфемы, и в их терминах получает наиболее целесообразное общее описание.

Деление предложения по методу НС напоминает выявление свободных сочетаний и, кажется, ничем не отличается от традиционного анализа по членам предложения. На самом деле это не так. Метод НС предполагает однозначный объективный подход, чего иногда бывает трудно достичь с помощью анализа по членам предложения. Так, в предложении *Старик с бородой вошел в комнату* сочетание *с бородой* может рассматриваться и как определение (к а к о й с т а р и к?) и как предложное дополнение (с т а р и к с ч е м?). Кроме того, при обычном анализе предложения выделяют различные типы синтаксических отношений: сочинительные, подчинительные, предикативные, непредикативные и т. д. При разбиении предложения по методу НС между НС устанавливается один тип отношения — отношение подчинения, отношение между главным и зависимым членом НС.

В языковедческой литературе отмечались следующие недостатки метода НС:

1. В процессе свертывания предложения иногда нарушается семантико-синтаксическая структура предложения. Например, в предложении *Он принес чашку чаю* с точки зрения анализа по НС сочетание *принес чашку чаю* состоит из двух пар составляющих — *принес чашку* и *чашку чаю*. По смыслу же это сочетание неразложимо, так как предложение *Он принес чашку* не равнозначно предложению *Он принес чашку чаю*. Это предложение имеет значение 'определенное количество чаю', которое отсутствует в предложении *Он принес чашку*.

2. Метод НС не дает возможности определить различие в предложениях, одинаковых с синтаксической точки зрения, но различающихся по смыслу.

3. Метод НС не дает возможности установить связи между активными и пассивными, утвердительными и отрицательными, утвердительными и вопросительными конструкциями. Этот метод действует только в рамках простого предложения и то, по-видимому, не во всех случаях.

4. Метод НС не дает возможности ответить на вопрос, что является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне.

5. При анализе по НС неясным оказывается положение служебных слов — союзов, предлогов и артиклей.

Все эти недостатки вызвали необходимость разработки нового метода анализа — трансформационного метода (ТМ).

§ 137. Трансформационный метод был впервые предложен американскими учеными З. Харрисом в работе «Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре» (1957) и Н. Хомским в книге «Синтаксические структуры» (1957) [1].

Пытаясь найти элементарную единицу языка на синтаксическом уровне, Харрис предположил, что основной единицей синтаксического уровня является некоторый тип простого предложения, который называется ядерным предложением. Ядерное предложение представляет из себя простое нераспространенное повествовательное утвердительное предложение в изъявительном наклонении в активном залоге, не содержащее модальных и эмфатических слов.

Ограниченное множество простейших синтаксических типов — ядерных предложений — образует предложения, принадлежащие ядру грамматики. По словам Харриса, ядро грамматики представляет собой множество элементарных предложений и соединительных элементов, задаваемых списком.

Типологические и исторические данные, а также развитие детской речи подтверждают существование ядерных предложений в языке. Например, в таких языках, как йокуцкий и арапешский, высказывание, эквивалентное предложению *Он увидел высокого мужчину*, разбивается на два отдельных высказывания: *он увидел мужчину* и *мужчина был высок*.

Из ядерных предложений путем преобразования их грамматической структуры могут быть получены все остальные предложения большей или меньшей степени сложности. Это преобразование производится путем ряда операций. Комбинация этих операций позволяет получить множество производных структур, иначе говоря, множество разнообразных предложений. Те операции, которые следует произвести над элементарной синтаксической структурой (ядерным предложением), чтобы получить более сложное предложение, называются трансформациями, а производные предложения называются трансформами. Например, возьмем множество предложений:

1. *Ученик читает книгу.*
2. *Читает ли ученик книгу?*
3. *Ученик не читает книгу.*
4. *Книга читается учеником.*
5. *Ученик будет читать книгу.*
6. *Книга будет прочитана учеником.*
7. *Книга, читаемая учеником.*
8. *Ученик, читающий книгу.*
9. *Чтение книги учеником* и т. д.

Одно предложение может считаться трансформом другого только в том случае, если они относятся к семейству синтаксически однородных предложений, связанных по смыслу и сходных по

[1] Обе эти работы переведены на русский язык и опубликованы в сб. Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2.

своему составу. «Если две или более конструкции...— пишет Харрис,— содержащие одни и те же классы, встречаются с одним и тем же набором из *n* членов этих классов в одном и том же окружении в предложении, мы говорим, что эти конструкции являются трансформами одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определенной трансформации» (138, 536—537).

Правило трансформации состоит в сохранении основного элемента значения, а также общих синтаксических отношений. Формальным признаком для определения этих общих элементов, по мнению Харриса, является принцип индивидуальных окружений. Трансформации не применимы к тем окружениям, которые могут содержать индивидуальные элементы. Так, между предложениями, различающимися глагольным временем, не следует устанавливать отношения трансформации, поскольку в них встречаются взаимоисключающие лексические элементы. Ср. *Скала осыпалась вчера* и *Скала осыплется завтра* при невозможности *Скала осыпалась завтра* и *Скала осыплется вчера*. Поэтому ни одно из этих предложений не является трансформом другого. Это требование идентичности окружения Харрис формулирует таким образом, что ни в одной из частей предложения, с которой две конструкции грамматически связаны, не допускается появление единиц, служащих окружениями, характерными для одной конструкции, но не для другой. Харрис и определяет трансформацию «как отношение между двумя структурами, имеющими одинаковые наборы индивидуальных окружений» (138, 529).

Зная правила порождения производных предложений от исходных ядерных, можно построить трансформационную грамматику данного языка, которая способна порождать предложения любой сложности. Эта грамматика, по мнению Хомского, имеет трехчастное строение: «Грамматика включает ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих, и ряд морфонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем. В качестве связующего звена имеется ряд трансформационных правил, переводящих цепочки структуры непосредственно составляющих в цепочки, к которым приложимы морфонемные правила. В некотором определенном смысле правила структуры непосредственно составляющих являются элементарными, а трансформационные — нет» (139, 519). Хомский, таким образом, выделяет три последовательных этапа: 1) определение структуры НС, 2) трансформационные правила и 3) морфонемные правила. Морфонемика языка позволяет превратить некоторую единицу с определенным грамматическим признаком в реальное слово данного языка, Так, на этом уровне в английском языке происходит превращение глагола *walk (гулять)+ ed* (морфема прошедшего времени) в глагол *walked* (wo:kt) *(гулял)*, в русском языке — превращение слова со значением *идти* с признаком прошедшего времени в слово *шел* и т. д.

Харрис и Хомский выделяют следующие виды трансформаций.

1. Прежде всего различаются обязательные и факультативные трансформации. Обязательная трансформация для русского языка производится, например, при построении сложного предложения с определительным словом *который* в род. падеже. В этом случае слово *которое* обязательно должно быть помещено за определяемым словом в им. падеже. *Я слышу пилу; ее шум раздражает.* Эти два ядерных предложения можно трансформировать в одно сложное определительное, в котором определительное слово обязательно должно быть в родительном падеже: *Я слышу пилу, шум которой раздражает.* Желательной трансформацией для русского языка являются некоторые случаи инверсии: *Брат пришел → Пришел брат*, для английского языка — пассивная конструкция: *John admires sincerity (Джон восхищается искренностью) → Sincerity is admired by John (Искренность восхищает Джона).* Оба предложения в русском и английском языках являются грамматически правильными. Различие между обязательными и факультативными трансформациями, по мнению Хомского, ведет к установлению фундаментального различия между предложениями языка. Хомский определяет ядро языка как множество предложений, получаемых в результате применения обязательных трансформаций.

2. В зависимости от того, изменяется ли вся структура предложения (т. е. перевод предложения из активной формы в пассивную, перевод утвердительной конструкции в вопросительную) или к неизменяемому ядру по определенным правилам добавляются некоторые новые элементы, различаются трансформации отрицания ($T_{отр}$): *(Петя пришел → Петя не пришел)*, трансформации пассива *(Ученик читает книгу → Книга читается учеником)*, трансформация вопроса *(Я пою → Пою я?)*, трансформация контрастного подчеркивания в английском языке: *John does arrive (Джон (именно) прибывает)* и т. д.

3. В основу различения трансформаций может лечь и другой признак — производятся ли трансформации внутри одной структуры или объединяются и трансформируются две или более структуры. Примером последней может быть трансформация сочинения однородных членов предложения. Например, два предложения *Письма отца лежат здесь* и *Письма брата лежат здесь* могут быть объединены и в результате получается предложение *Письма отца и брата лежат здесь.*

4. Другим видом трансформации является изменение принадлежности членов ядерной структуры к определенному классу слов. Так, при трансформации глагольной ядерной структуры *Я читаю Маяковского*, в которой *читаю* относится к глаголу, в именную ядерную конструкцию *Мое чтение Маяковского* (так называемая трансформация номинализации) слово *чтение* относится уже к существительному.

5. С точки зрения направления трансформаций Харрис выделяет необратимые трансформации или трансформации, возможные

в одном направлении, например: *The wreck was seen by the seashore (Крушение было видно у берега)*, но (*не берегом*). Невозможно сказать *The seashore saw the wreck (Берег видел крушение)*. Если все наборы из членов *n* классов, удовлетворяющие одной конструкции, удовлетворяют также и другой, то такие трансформации называются обратимыми.

Всего Хомский выделяет 24 типа различных трансформаций. Сюда входят трансформации номинализации, вопроса, активной формы в пассивную, отрицания, инверсии и т. д. Над одной ядерной структурой может производиться не одна, а несколько трансформаций, которые осуществляются в определенной последовательности по заранее обусловленным правилам. Так, для построения предложения *Не хочу ли я прогуляться?* необходимо осуществить три трансформации (*Я хочу прогуляться* → *Я не хочу прогуляться* ($T_{отр}$) → *Не хочу я прогуляться* ($T_{инверсия}$) → *Не хочу ли я прогуляться* ($T_{ли}$).

Количество трансформаций, их типы различаются для каждого языка так же, как и определение того, какая структура в том или ином языке является основной, а какая — производной.

На первый взгляд может показаться, что методика трансформационного анализа ничем не отличается от знакомых со школьной скамьи традиционных грамматических преобразований, например, преобразования предложения из активной формы в пассивную, из утвердительной конструкции — в отрицательную или вопросительную и т. п. На самом деле это не так. Трансформационная методика в некоторых случаях представляет возможность ученому установить более тонкие подтипы, недоступные для традиционной методики. Например, совпадающие по форме предложения *Счет составляется бухгалтером*; *Человек причесывается гребенкой*; *Иван вернулся стариком* представляют на самом деле совершенно различные структуры, поскольку их ядерные структуры являются неодинаковыми. Первое предложение восходит к предложению *Бухгалтер составляет счет*, второе — *Человек причесывается*, а третье предложение порождено из двух предложений — *Иван вернулся* и *Иван был стариком*.

Следует все же отметить, что в целом методику трансформационного анализа нельзя считать единой и в достаточной степени установившейся. Прежде всего, неясно количество трансформаций для конкретного языка, например английского. Некоторые из этих трансформаций реально осознаются говорящими (трансформации вопроса, отрицания, пассива), другие же производят искусственное впечатление (трансформации уподобления, соединения и т. д.). Некоторые трансформации (вопроса, отрицания) носят слишком общий характер, другие являются весьма специфическими (например, трансформация контрастного подчеркивания в английском языке). Неясно и количество исходных ядерных структур, например, в русском языке.

Все эти указанные недостатки делают неясным вопрос о границах использования трансформационной методики, о круге явлений языка, допускающих трансформацию, определения минимальной синтаксической единицы, видах и типах трансформаций.

§ 138. Рассмотренные выше направления структурализма подтверждают справедливую мысль французского языковеда А. Мартине, высказанную им более двадцати лет назад, в период расцвета структурализма. Мартине писал: «Под обманчивым названием «структурализм» объединяются школы, весьма различные по своему духу и тенденциям. Общим для этих школ является прежде всего известный динамизм, обусловленный тем разрывом с традицией, которым почти везде было отмечено появление «структуралистических» течений. Широкое употребление некоторых терминов, таких, как «фонема» и даже «структура», часто способствует лишь маскировке глубоких расхождений. На самом деле большинство «структуралистов» очень мало интересуется лингвистической эволюцией; многие сознательно или бессознательно разделяют точку зрения Ф. де Соссюра, согласно которой структурные методы применимы лишь в статической лингвистике, поскольку структура существует только в синхронии... Все структуралистские течения... опираются на более или менее четко выраженное убеждение в том, что каждый язык характеризуется, как таковой... прежде всего внутренней организацией sui generis...» ⟨90, 27—28⟩.

Мартине отметил только внешние, лежащие на поверхности недостатки структурализма.

Прежде всего, структурализм разъединил традиции предшествующего периода в истории науки о языке и структурного языкознания. Все предшествующее традиционное языкознание объявлялось ненаучным, поскольку выдвинутые структурализмом методы будто бы изменили основные лингвистические аспекты изучения языка. Разрыв традиций, забвение национальных основ, подмена реального языкового материала абстрактной математической формализацией предопределили недолговечность структурализма как направления.

Выдвигая принцип методологического приоритета синхронического подхода перед диахроническим, структурализм отрицает фактор эволюции в языке; его представители придерживаются статических взглядов на такое социальное явление, каким является язык. Поэтому структурализм не дает научного обоснования исторических процессов в жизни языка.

Игнорируя социальную природу языка, структурализм проводит непреодолимую грань между языком и обществом. Правда, Пражская школа функциональной лингвистики как наименее ортодоксальное направление структурализма стремится преодолеть эту грань.

Несостоятельными являются и претензии структуралистов на построение универсального метода познания языка. Представлен-

ный ими набор понятий и терминов не только не помогает изучению языка, но, наоборот, называя одни и те же явления языка разными терминами, затемняет понимание сущности языка.

Марксистская философия подвергает критике отнюдь не объективные приемы анализа и описания языка, предложенные различными направлениями структурализма, которые в ряде случаев принесли интересные результаты, а идеалистические и метафизические основы этого направления, которые снимали необходимость глубокого проникновения в сущность языковых процессов. Поэтому советское языкознание, сохраняя разумное, достигнутое различными направлениями структурализма, стремится изучать язык как материальное явление, социальное по своей основе.

* * *

Рассмотрение основных положений структурной лингвистики показывает, что ее появление обусловлено общими закономерностями развития научной мысли конца XIX — начала XX в. В своих методологических принципах структурная лингвистика испытывает сильное влияние идеалистической философии.

Хотя основные принципы структурализма как лингвистического направления восходят к «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра, в различных направлениях структурализма проявились национально-специфические черты, отражающие как теоретические установки того или иного направления, так и их чисто прикладные, практические задачи.

Структурная лингвистика утвердила важнейший принцип языкознания XX века — рассматривать язык как с и с т е м у, части которой существуют лишь в их взаимосвязи.

Теоретические расхождения между отдельными школами структурализма показывают неоднозначность и неопределенность концепций этого лингвистического направления XX в., основывающихся на ложных гносеологических и методологических предпосылках.

Дополнительная литература

А б а е в В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке.— Вопросы языкознания, 1965, № 3.

Б у д а г о в Р. А. Фердинанд де Соссюр и языкознание нашего времени.— В кн.: Б у д а г о в Р. А. Язык, история и современность. М., 1971.

Г л и с о н Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

Е л ь м с л е в Л. Пролегомены к теории языка.— В кн.: «Новое в лингвистике». Вып. I. М., 1960.

Основные направления структурализма. М., 1964.

Пражский лингвистический кружок (сб. статей). М., 1967.

С о с с ю р Ф. Курс общей лингвистики.— В кн.: Ф. д е Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.

Глава XVII

Типологическое изучение языков

§ 139. Сравнительно-историческое изучение языков констатирует родство между какими-либо языками и устанавливает степень этого родства. Оно основывается на материальном совпадении между элементами языка. Они ведут к выявлению определенных соответствий в структуре языков. С помощью сравнительно-исторического метода исследования сравниваются лишь подсистемы родственных языков, но не сами эти системы, их структуры в целом. При сравнении же структур не только родственных, но и неродственных языков обнаруживаются сходства, обусловленные общими чертами в структурных моделях сравниваемых языков. Например, звук *s* в положении между гласными в большинстве индоевропейских языков переходит в *r*: лат. *genus* 'род', но род. падеж. ед. числа *generis* (из *genesis*); готск. *maiza* 'больше', но др.-англ. *marse*. Аналогичное явление наблюдается и в других языках: татарское *gasan* 'котел', но чувашское *xuran*. В английском и казахском языках, как впрочем и в ряде других, существуют так называемые длительные формы настоящего и прошедшего времени, хотя вспомогательный глагол может быть различным: англ. *I am writing* (*я пишу* (сейчас), *am* — первое лицо наст. времени от глагола *to be*('быть') и казахское *žazyp žatamyn*, где используется глагол *žat*, означающий 'лежать'.

Наука, изучающая сходство и различие в структурных особенностях родственных и неродственных языков в их взаимосвязи, называется т и п о л о г и е й.

§ 140. Вопросами типологии изучения языков стали заниматься сравнительно недавно, и до сих пор понятия «типология» и «типологическое изучение языков» не получили однозначного определения.

Наиболее интенсивно типология развивалась в течение XIX в. и первоначально носила систематический характер, в основе которого лежало установление системы лингвистических типов и распределение всех языков мира соответственно этим типам. Под типом отдельного языка понималась совокупность признаков, общих для некоторых языков, например наличие или отсутствие формы в языке, словоизменения и т. д. Такой классификационный подход проявлялся в ранних морфологических классификациях. Исходя из наличия или отсутствия изменения в корне, Ф. Шлегель в 1809 г. в книге «О языке и мудрости индейцев» пытался разделить все языки мира на два типа — флективные, которым свойственны «богатство, прочность и долговечность», и аффиксирующие, характеризующиеся бедностью, скудностью и искусственностью. Под эту схему, основанную на ограниченном числе признаков, нельзя бы-

ло подвести все языки. Поэтому в 1818 г. А. Шлегель в работе «Заметки о провансальском языке в литературе» переработал морфологическую классификацию, предложив три типа языков: 1) флективный, 2) аффиксирующий и 3) аморфный, причем во флективных языках он показал две возможности грамматического строя: синтетическую и аналитическую. Недостатки этой классификации заключались в том, что нет языков аморфных, т. е. не имеющих формы, но форма в языках проявляется по-разному.

В. Гумбольдт («О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого различия на умственное развитие человечества», 1837) основу классификации языков видел: 1) в выражении в языке отношений; 2) в способах образования предложения. Кроме отмеченных братьями Шлегелями трех типов языков, Гумбольдт описал четвертый тип — инкорпорирующие языки (индейские в Америке, палеоазиатские в Азии). Особенность этих языков заключается в том, что предложение строится как единое целое, т. е. корни слова соединяются в единое целое, которое будет и словом, и предложением одновременно. Слова в этих языках состоят из однофонемных морфем. Например, в языке американских индейцев чинук слово-предложение *a-m-l-a-cg-a-m-x* означает 'ты имел обыкновение брать у нее', где *a* — показатель аориста, *m* — ты, *l* — это, *a* — ее, *x* обозначает, что это принадлежит ей, *cg* — брать, *am* — показатель комплектива, *x* — показатель узитатива.

Предложенная позже типологическая классификация А. Шлейхера («Языки Европы в систематическом освещении», 1850) исключала инкорпорирующие языки, а указывала три типа (изолирующие, агглютинирующие, флективные) в двух возможностях: синтетической и аналитической. Изолирующие, или аморфные, языки Шлейхер считал архаическими, агглютинирующие — переходными, флективные древние языки он относил к эпохе расцвета языков и флективные новые (аналитические) — к эпохе упадка языков.

Одновременно со Шлейхером предложил свою классификацию Г. Штейнталь («Классификация языков, изложенная как эволюция языковой идеи», 1850), положивший в ее основу наличие или отсутствие формы в языке, причем под формой он понимал как форму слова, так и форму предложения. Языки с отсутствием словоизменения Штейнталь называл присоединяющими: без формы — индонезийские, с формой — китайский. Языки с формой словоизменения Штейнталь определял как видоизменяющиеся, без формы. Изменение без формы происходит с помощью повторов и префиксов, а также посредством инкорпорации. В языках, видоизменяющихся с формой, грамматическое значение изменяется путем прибавления элементов, как в египетском языке, посредством внутренней флексии — в семитских языках и с помощью суффиксации — в индоевропейских языках.

В 1893 г. Ф. Мистели («Характеристика основных типов строя языка») переработал классификацию Штейнталя на основе того же

деления языков на формальные и бесформенные, но ввел новый признак языка: бессловные (египетский и банту языки), мнимословные (тюркские, монгольские, финно-угорские языки) и истословные, т. е. языки с настоящими словами (семитские и индоевропейские). Инкорпорирующие языки выделены в особый класс бесформенных языков, так как в них слово и предложение слиты воедино.

§ 141. После установления определенных типов языков целесообразно перейти к их внутренней характеристике, чтобы показать, с одной стороны, специфические особенности отдельного языкового типа, а с другой — в чем проявляется типовое единообразие языков, входящих в один языковой тип. Это направление типологического исследования называют характерологическим. Существенной особенностью характерологических исследований является то, что совокупность дифференцирующих признаков, т. е. специфических особенностей отдельных языковых типов, является открытой, т. е. никогда не исчерпывается.

Путь к характерологическому пониманию типологии был предложен немецким ученым Н. Финком («Структурные типы строя языка», 1909), который в основу своей классификации положил принцип построения предложения («массивность» — как в инкорпорирующих языках или «фрагментарность» — как в индоевропейских языках). Под «массивностью» Финк понимает выражение самого разного рода отношений в структуре одного слова, а под «фрагментарностью» — выражение различных отношений в отдельных словах. Кроме того, он обращает внимание и на характер связей между членами предложения, в частности на согласование. Он дает следующие типы, каждый из которых иллюстрируется одним языком, представителем типа: подчиняющий — турецкий, инкорпорирующий — гренландский, упорядочивающий — субия (семья банту), корнеизолирующий — китайский, основоизолирующий — самоанский, корнефлектирующий — арабский, основофлектирующий — греческий, группофлектирующий — грузинский.

Однако группировка Финка не является ни исчерпывающей, ни последовательной, ни строгой, так как ряд языков в ней не представлен (например, языки американских индейцев), одним и тем же терминам (например, корень) придается разное терминологическое значение в разных языках (например, трудно пользоваться термином корень в таких разных языках, как китайский, арабский, эскимосский).

Поэтому характерологическая концепция типологического изучения языка в настоящее время концентрируется на выделении характерных особенностей на материале ограниченного числа языков.

В истории русского языкознания начало такому подходу в типологическом изучении было положено И. А. Бодуэном де Куртенэ: в подробной программе лекций, читанных в Казанском уни-

верситете в 1877/78 уч. году, Бодуэн де Куртенэ дал типологическую классификацию славянских языков по двум структурным признакам — долгота/краткость гласных и морфологическая функция ударения. Он классифицирует все славянские языки в зависимости от этих признаков. Бодуэн был одним из первых языковедов, применившим количественные характеристики при изучении структурных особенностей в родственных языках. Привлекая статистические данные, Бодуэн делает выводы о частотности появления гласных в различных славянских языках.

Позднее эту линию типологического исследования продолжил Н. С. Трубецкой в статье «Мысли об индоевропейской проблеме» (1937). Сравнивая языки в пределах одной индоевропейской языковой семьи, он выделил шесть типологических признаков, общих всем индоевропейским языкам: 1) отсутствие в индоевропейских языках гармонии гласных; 2) число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова; 3) слово не обязано начинаться с корня, т. е. индоевропейских языков без префиксов не существует; 4) образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы (ср. *ходить/хаживать*); 5) наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и чередование согласных (ср. *бегу/бежать*); 6) подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного.

Указанное минимальное количество структурных признаков сводится к тому, чтобы отграничить индоевропейские языки от соседних групп — семитской, кавказской, финно-угорской. Но этих признаков недостаточно, если сопоставить индоевропейские языки с другими типами языков. Французский ученый Э. Бенвенист показал, что все признаки, характерные для индоевропейских языков, встречаются в такелма-индейском языке штата Орегон (США). Отсюда следует, что структурное сходство может быть результатом независимого развития нескольких языков, генетически между собой не связанных.

Характерологический принцип, как было показано выше, был ориентирован на выделение особенностей, специфических черт отдельных языков. Разновидностью характерологического подхода является направление иного типа, когда отдельные явления родственных языков группируются по определенным признакам.

Характерологический подход в типологии позволяет выделить отдельные черты языка, отличающие его от других языков. Но он не дает возможности оценивать различные явления языков не с точки зрения их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка.

§ 142. Для преодоления недостатков характерологического принципа была предложена «ступенчатая» типология, стремящаяся

выразить все многообразное богатство языков в виде лесенки, в которой с каждой ступенькой связана другая, находящаяся выше или ниже. При ступенчатой типологии возможно учитывать различные принципы и строить иерархию соответствующих морфологических признаков. Ступенчатая типология языка была предложена американским языковедом Э. Сепиром («Язык», 1921), который писал: «Не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам каждый язык рассматривать с двух или трех самостоятельных точек зрения по его отношению к другому языку» (121, 112). Он распределяет языки по типам на основании следующих трех критериев: типы выраженных понятий, техника выражения отношений и степень синтеза в грамматике.

С точки зрения выражения понятий Сепир различает четыре типа языков: 1) простые чисто-реляционные языки, языки без аффиксации, в которых основные понятия (предметы, действия, качества) выражены самостоятельными словами; 2) сложные чисто-реляционные языки, в которых грамматическое значение изменяется путем аффиксации и внутренних изменений; 3) простые смешанно-реляционные (корневые) языки; 4) сложные смешанно-реляционные языки, к которым относятся флективные, а также многие агглютинативные языки.

С точки зрения техники выражения отношений все грамматические способы сгруппированы в четыре возможности: 1) изоляция (т. е. способы служебных слов, порядка слов и интонации); 2) агглютинация: 3) фузия и 4) символизация, где объединено чередование гласных, повтор и ударения.

По степени синтеза в грамматике языки делятся на аналитические, синтетические и полисинтетические.

Результаты этих исследований Сепир представил в таблице, где он удачно охарактеризовал 21 язык. Из таблицы видно, например, что китайский язык является простым чисто-реляционным, изолирующим, аналитическим; турецкий — сложный чисто-реляционный, по «технике» — агглютинативный, по степени синтеза — синтетический.

В типологической классификации Сепира представлены три ряда критериев, находящихся в отношении соподчинения, и между этими критериями устанавливается иерархия в отношении степени устойчивости описанных признаков.

Вместе с тем эта классификация не дает оснований для решения вопроса о том, каким является тот или иной язык; между простыми и сложными смешанно-реляционными языками нет отчетливой границы, что признает и сам Сепир. Кроме того, при этой классификации приходится иметь дело с весьма тонкими оттенками в различиях между языками.

Тем не менее эта классификация является самой всеобъемлющей и наиболее утонченной из всех существующих, и поэтому она получила наибольший отклик в языкознании новейшего времени.

При отмеченных выше систематологическом и характерологическом подходах к типологическому изучению в качестве объектов исследования брались системы языков в целом.

§ 143. В настоящее время типологические исследования основываются на изучении структурных подсистем языковой системы — фонологической, морфологической, синтаксической и семантической.

Советский языковед Б. А. Серебренников приводит ряд наиболее общих типов изменений звуков, которые он называет типовыми линиями фонетического развития.

А. Мейе справедливо отмечал, что все попытки свести звуковые изменения во всех языках к единой звуковой формуле будут безуспешны. Но из этого не следует, что устанавливать эти формулы вообще невозможно. Типологическое изучение звуковых изменений и направлено к установлению этих формул или типовых линий развития в фонетике.

Объектом типологического исследования могут быть и морфемы. В любом языке земного шара выделяются корневые морфемы, являющиеся носителями лексического значения слова, и грамматические морфемы, устанавливающие отношения между лексическими морфемами.

Установление типологически близких лексических систем осложняется тем обстоятельством, что в различных языках наблюдается различная степень абстракции в значении слов, относящихся к разным группам.

Большей устойчивостью отличается установление типологии в сфере значений грамматических форм. В образовании так называемых «длительных» форм настоящего и прошедшего времени во всех языках почти всегда присутствует вспомогательный глагол *быть* или его заменитель; ср. англ. *I am reading (я читаю)* (в данный момент), где *am* — форма глагола *to be* (быть). Причастия настоящего времени могут служить материалом для создания форм настоящего времени.

Морфологическая типология устанавливает различную грамматическую передачу морфем. Но морфемы, в свою очередь, оформляют отдельные члены предложения внутри образуемых ими синтаксических конструкций. Тем самым морфологическая типология может включаться в синтаксическую как выполняющая в ней служебное назначение.

Определяя задачи синтаксической типологии, И. И. Мещанинов, основоположник этого изучения языков в советском языкознании, отмечал, что общими для всех языков категориями выступают элементы не морфологии и лексики, а синтаксиса. Подлежащее, сказуемое, дополнения и определения являются общеязыковыми категориями. Их назначением служит передача отношений между членами предложения. Субъектные, предикативные, объектные и атрибутивные отношения прослеживаются во всех язы-

ках и выступают в каждом развернутом предложении. Так, для передачи подлежащего в языках разных типов используется разная падежная форма, но подлежащее всегда выступает как субъект действия. В индоевропейских языках подлежащее выступает в форме именительного падежа. В тюркских языках эту же функцию выполняет падеж, который называется основным. В кавказских, палеоазиатских и индейских языках подлежащее находится в косвенном падеже, который называется эргативным. Эти примеры показывают, что у подлежащего нет единой для всех языков грамматической формы, но имеется одинаковая синтаксическая функция субъекта, который в разных языках выражается соответствующим падежом.

Аналогичным образом во всех языках имеется управление и сочетание членов предложения, но оно также передается разными грамматическими средствами.

Польский языковед Т. Милевский в синтаксической типологии исходит из соотношения главных и придаточных элементов в слове. Это соотношение состоит в том, что все второстепенные члены слова помещаются либо после главных, либо перед ними. В первом случае структуру слова можно представить схемой $Г+в_3+в_2+в_1$ (где $Г$ — главный элемент слова, $в$ — второстепенный), во втором же — схемой $в_1+в_2+в_3+Г$.

К препозитивным языкам второй структуры Милевский относит языки Африки, Океании и Индокитая, в остальных же частях света преобладает постпозитивный тип, к которому принадлежит индоевропейская семья языков.

Тесная связь, существующая между морфологией и синтаксисом, осложняет установление синтаксической типологии, но не снимает задачи выявления сходных и различных синтаксических конструкций в языках разных типов.

Приведенные выше типологические признаки на разных уровнях языковой системы отражают наиболее характерные особенности этого уровня. При типологическом исследовании языков важно принимать во внимание не все признаки (иначе это может привести к длинному списку критериев, которые отделят данный язык от другого), а только такие, которые, будучи сгруппированы в определенные типы, могут служить основой для дальнейшего исследования структурных особенностей языков, т. е. обладали бы информативностью.

Современная типология исходит из того, что в каждом отдельном языке представлены все типы одновременно, но один из них является ведущим. Очень часто в языке, отнесенном к какому-нибудь типу, можно найти признаки, сближающие его с каким-либо другим типом. Языки банту относятся к агглютинативным языкам. Существительные там распадаются на различные классы, характеризующиеся разными префиксами как в единственном, так и во множественном числе; например: *m-tu* 'человек', *wa-tu* 'люди', *ki-ti* 'вещь', *vi-ti* 'вещи' и т. д. Это напоминает многотипность

склонения и образования множественного числа во флективных языках (ср. русское *отцы*, *дома*, *сыновья*). Поэтому задачи типологии заключаются не в простой регистрации таких фактов, а в разграничении ведущих и второстепенных признаков.

§ 144. Типологическое изучение языков осуществляется обычно по одной из двух моделей — анкетной и эталонной. При типологическом исследовании по анкетной модели во внимание принимается список признаков, которые приписываются тому или иному классифицируемому языку. Так, различительное противопоставление согласных по звонкости и глухости широко распространено во многих языках мира; оно обнаруживается во всех славянских языках (индоевропейская семья языков), а также в венгерском (финно-угорская семья языков). Этого противопоставления нет в кантонском диалекте китайского языка. Инвентарь таких признаков, обнаруженных в различных языках, и используется в качестве основы для создания типологической классификации.

Большинство существующих типологий являются анкетными, идущими от частных признаков к общим. Поэтому анкетная модель классификации может быть названа также индуктивной.

Другая возможность типологического изучения основывается на построении так называемого языка-эталона и представляет эталонную модель, разработанную советским языковедом Б. А. Успенским (см.: 133). По мнению Б. А. Успенского, всякое утверждение, что в таком-то языке есть такое-то явление, подразумевает неявную ссылку на какой-то язык или языки, в которых есть то же явление. Это утверждение подразумевает ссылку на какой-то эталон, язык-посредник, с помощью которого можно описать другой язык. Например, при описании иностранного языка эталоном является родной язык учащегося. Первые латинские грамматики описывались по греческому эталону. В дальнейшем латино-греческий эталон использовался для составления грамматик других европейских языков.

Язык-эталон, таким образом, представляет из себя систему правил, по которым может быть построено любое описание.

Идея создания языка-эталона исходит из практики типологических исследований, когда сравнивается один язык с другим и в качестве отправного пункта исследования выступает родной язык или язык, наиболее близкий нам, который временно и принимается в качестве языка-эталона. От этого языка-эталона и отталкиваются при описании и характеристике различных языков.

§ 145. В зависимости от способов представления результатов типологического исследования, типология может быть *качественной* (квалитативной) и *количественной* (квантитативной).

Качественная типология, примером которой служат разновидности типологической классификации, исследует типологически значимые признаки в языках путем сравнения их с другими при-

знаками на предмет выявления сходств и различий в отдельных микросистемах структур языков.

В последнее время было обнаружено, что эти сходства и различия могут получать количественные характеристики. Необходимость количественного типологизирования мотивируется тем, что каждый язык обладает характерной структурой, которая может быть выражена посредством чисел. Наиболее полное определение количественная типология получила в работе Дж. Гринберга «Квантитативный подход к морфологической типологии языков» (см.: 95,3).

Гринберг отмечает, что предлагаемый им метод классификации представляет собой метод Сепира с некоторыми видоизменениями. Он сделал попытку охарактеризовать каждый признак через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста из 100 слов.

В основу классификации положено пять признаков, вместо трех у Сепира, и устанавливается ряд из одного или более индексов для определения места того или иного языка в отношении каждого из них. Первый из этих параметров — степень синтеза, или общая сложность слова. Например, *дом-ик* содержит две морфемы, но образует одно слово. Отношение M/W, где M — число морфем, а W — число слов (от англ. *word* 'слово'), является мерой синтеза и называется индексом синтетичности. Теоретически низшим его пределом является 1,00, поскольку каждое слово должно содержать по крайней мере одну значимую единицу. Второй параметр относится к способам связи. На одном полюсе находятся языки, в которых значимые элементы, соединяясь, не изменяются совсем или изменяются незначительно. Это — агглютинация, индекс которой — отношение числа агглютинативных конструкций к числу морфных швов. Число морфных швов всегда на единицу меньше, чем число морф. Значимые отрезки, реально обнаруживаемые в высказывании, Гринберг называет морфами. Различные морфы находятся в отношении чередования (ср. *бег-аем*, но *беж-им*). Ряд сходных морф подводится под одну основную единицу — морфему. В *бежим* имеется две морфы, но только один морфный шов. Индекс агглютинации — A/J, где A равно числу агглютинативных конструкций, J — числу швов между морфами (англ. *juncture* 'стык, шов'). Язык с высоким индексом агглютинации является агглютинативным, а язык, имеющий малый по величине индекс,— фузионным.

Третий параметр — наличие или отсутствие деривационных и конкретно-реляционных понятий. Гринберг все морфемы делит на три типа — корневые, деривационные и словоизменительные. Каждое слово должно содержать по крайней мере одну корневую морфему. Наличие в слове более чем одной корневой морфемы называется словосложением (ср. *лед-о-кол*). В одних языках словосло-

жение либо вообще отсутствует, либо встречается очень редко. Другие, напротив, широко используют словосложение; большинство же языков занимает промежуточное положение. Указанное явление Гринберг измеряет при помощи структурного индекса *R/W*, где *R* равно числу корневых морфем (англ. *root* 'корень'), а *W* равно числу слов. Деривационный индекс *D/W* — отношение числа деривационных (англ. *derivational* 'словообразовательный') морфем к числу слов (ср. *пере-делать*, *предводи-тель*, *лев-ица*). Словоизменительный индекс *I/W* — отношение числа словоизменительных морфем (англ. *inflectional* 'словоизменительный') к числу слов (ср. *бел-еньк-ий*, *стол-ы*).

Четвертый параметр связан с морфологической структурой слова. Основным различием здесь является различие между использованием префиксов и суффиксов. Префиксальный индекс *R/W* представляет собой отношение числа префиксов к числу слов (англ. *prefix* 'префикс'), а суффиксальный индекс *S/W* (англ. *suffix* 'суффикс') — отношение числа суффиксов к числу слов.

Пятый параметр имеет дело со способами установления связи между словами — словоизменением без согласования. Гринберг обозначает их следующим образом: *Pi/N*, *O/N* и *Co/N* соответственно, где *Pi* — чистое словоизменение (англ. *pure inflection*), *O* — значимый порядок слов (англ. *order* 'порядок'), *Co* — согласование (англ. *concord*), а *N* (англ. *nexus*) — каждый случай использования того или иного принципа указания отношений между словами.

Ценность индексов, по мнению Гринберга, заключается в том, что можно определить использование величины последовательно и таким образом, что они окажутся применимыми ко всем языкам.

Гринберг приводит таблицу с вычисленными индексами:

	Английский	Якутский (аглютинативный)	Суахили (аглютинативный)	Вьетнамский (корневой)	Эскимосский (полисинтетический)
Синтез	1,68	2,17	2,55	1,06	3,72
Аглютинация	0,30	0,51	0,67	...	0,03
Словосложение	1,00	1,02	1,00	1,07	1,00
Деривация	0,15	0,35	0,07	0,00	1,25
Преобладающее словоизменение	0,53	0,82	0,80	0,00	1,75
Префиксация	0,04	0,00	1,16	0,00	0,00
Суффиксация	0,64	1,15	0,41	0,00	2,72
Собственно словоизменение	0,14	0,59	0,19	0,00	0,46
Изоляция	0,75	0,29	0,40	1,00	0,02
Согласование	0,11	0,12	0,41	0,00	0,38

Хотя полезность введенных Гринбергом индексов для отражения фундаментальных морфологических свойств языка является

очевидной, тем не менее совокупность и существо индексов не могут считаться окончательными. Применение метода индексирования вскрыло одну особенность: при выборке текстов в 100 слов, например, в английском и греческом языках было обнаружено, что наибольшими отклонениями характеризуются не английские и греческие тексты, а греческие тексты разных авторов. Исследования других ученых также показали, что цифровая характеристика находится в зависимости от того, обладает ли текст литературной традицией или представляет из себя язык фольклора. Таким образом, индексы Гринберга оказалось возможным применить для построения стилистической типологии текстов.

Классификация Гринберга касается морфемного уровня и мало применима к фонологическому уровню. Метод статистической характеристики фонологического уровня для ограниченного круга разносистемных языков был предложен американскими учеными Г. Ципфом и П. Гиро. Основываясь на анализе 16 индоевропейских языков и венгерского, они установили некоторые важные статистические особенности согласных. Они установили, что в этих языках: 1) глухие согласные появляются в тексте чаще, чем звонкие, в отношении 7 к 3; 2) зубные согласные наиболее часты и составляют 52% всех смычных при 22% губных и 26% заднеязычных. Видимо, для всех языков мира характерной особенностью является количественное преобладание смычных зубных над губными и заднеязычными. Дальнейшие исследования могут выявить большое количество такого рода соответствий.

К настоящему времени фоностатистические подсчеты производились на слишком малом количестве языков. Поэтому нельзя пока сделать окончательные выводы о широком использовании количественной типологии. Несомненно, что наиболее эффективным явится сочетание количественного и качественного представления результатов типологических исследований, и выделение определенных структурных категорий родственных и разносистемных языков позволяет не только вскрыть законы структуры лингвистических систем, но и выявить их эволюцию. Поэтому типологические исследования соотношений между разными языковыми системами оказываются очень важными для уточнения методов сравнительно-исторического языкознания и находятся с этим методом в тесной связи и взаимно дополняют друг друга.

Изучение сходств и различий в родственных и неродственных языках приводит к выявлению тех общих признаков, которые, как указывал Бодуэн де Куртенэ, независимы ни от генеалогии и от исторического развития, ни от контактов в пространстве и географии и которые являются общечеловеческими, или универсальными.

* * *

Типологическое изучение языков тесно связано со сравнительно-историческим, так как сопоставление реконструированных пра-

языков помогает выяснить исторические изменения, свойственные определенной группе родственных или неродственных языков, и понять отношения между этими языками.

Преимущество типологического метода состоит в том, что в его основе лежит большее, чем при использовании сравнительно-исторического метода, количество признаков, позволяющих выявить общие и различные признаки в родственных и разносистемных языках.

Приемы и модели типологического описания предполагают выявление общих структурных признаков, присущих большинству или всем языкам, т. е. лингвистических универсалий.

Дополнительная литература

Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963 (раздел I — «Типологическое изучение языков»).

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973 (глава 5— «Методы типологии»).

Панфилов В. З. О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков.— Вопросы языкознания, 1969, № 4.

Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.

Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. — Проблемы языкознания. X Международный конгресс лингвистов. М., 1967.

Глава XVIII

Изучение языковых универсалий

§ 146. Если типология имеет дело прежде всего с объединением признаков на том или ином уровне языковой системы в определенные типы и выявлением типовых линий развития, то естественно предположить, что эти типы, представляющие из себя совокупность некоторых признаков, могут встречаться, пересекаясь, либо во всех, либо в большинстве языков земного шара. Пересечение языковых признаков в различных языках приводит в результате к установлению некоторых общих закономерностей, характерных для всех или большинства языков. Эти закономерности принято называть языковыми универсалиями.

Изучение языковых универсалий имеет долгую историю. Предшественниками исследований в этом направлении явились античные грамматики, создавшие учение о частях речи, которые должны присутствовать во всех языках. Сам термин «универсальная грамматика» (grammatica universalis) начали употреблять с XIII в. Изучение универсалий связано с попытками найти общие явления в области грамматики. Этот термин получает широкое распространение после появления «Универсальной и рациональной грамматики» А. Арно и К. Лансло, известной также под названием «Грамматика Пор-Рояля». Грамматика ставила своей задачей установить принципы, общие всем языкам, и причины основных различий, которые в них встречаются. Исходя из единых для всего человечества законов логики, авторы этой грамматики утверждали, что для всех языков существуют некоторые общие принципы построения грамматики.

Возобновление интереса к языковым универсалиям относится к середине XX в., когда в 1961 г. в Нью-Йорке состоялась специальная конференция по языковым универсалиям, подытожившая состояние исследований в этой области и определившая те проблемы, с которыми связано изучение языковых универсалий.

§ 147. Языковая универсалия определяется как некоторый признак, закон, свойство, тенденция, присущие всем языкам или языку в целом.

Сравнивая описание систем различных языков, языковеды предложили различать типы универсалий с точки зрения их логической структуры и с точки зрения их содержания.

Со строго логической точки зрения универсалии можно определить как любые высказывания о языке, относящиеся ко всем языкам вообще, а именно высказывания вида «для всех x, где x есть язык, имеет место...». Такая универсалия, утверждающая существование какого-нибудь признака для всех языков, называется абсолютной или полной универсалией. Примером абсолют-

ной универсалии является утверждение типа «во всех языках есть фонемы» или «во всех языках есть имена собственные». Такие утверждения являются малоинформативными, так как они предполагают общеизвестные истины. Абсолютные универсалии не знают исключений. Им противопоставляются статистические, или неполные, универсалии типа «для абсолютного большинства x, где x есть язык, имеет место...». Статистические (неполные) универсалии в отличие от абсолютных допускают единичные случаи исключений, которые не противоречат общим универсальным законам и не нарушают высокой статистической вероятности того или иного явления. Например, при обследовании 14 разносистемных языков с предлогами было обнаружено, что генитив почти всегда следует за управляющим существительным. Единственное исключение — норвежский язык, в котором генитив находится в препозиции. Таким образом, 13 случаев из 14 следуют общему правилу и только $\frac{1}{14}$ составляет исключение.

Универсальные закономерности могут относиться не только ко всем языкам или к их большинству, но также к двум языкам или к тройкам, четверкам и т. п. языков. Утверждение вида «для всех (абсолютного большинства) x, где x есть язык, имеет место...», относящееся к одному языку, называется простой универсалией, а утверждение «для всех (абсолютного большинства) x и y, где x и y суть языки, имеет место», относящееся к двум и более языкам,—сложной универсалией.

Простые универсалии утверждают наличие или отсутствие в языке какого-нибудь явления, а сложные универсалии утверждают определенную зависимость между разными языками. Утверждение, что если язык имеет словоизменение, то он обязательно должен иметь и словообразование, является простой универсалией, и количество таких универсалий является преобладающим.

Иллюстрацией сложных универсалий могут служить соотношения обратно пропорциональной зависимости между малым числом фонем в системе и высоким их числом в морфеме. Так, фонологическая система гавайского языка состоит из 13 фонем; морфемы в этом языке обычно состоят из двух слогов (т. е. четырех фонем). Однако здесь же имеется множество морфем, состоящих из трех и более слогов (т. е. свыше шести фонем). В инкорпорирующих языках, например языке чинук, имеется 45 фонем, и большая часть морфем в этом языке образуется из одной, реже из двух морфем. Поэтому универсалии такого рода приобретают форму сложного высказывания, например, «для всяких языков x и y, где x характеризуется малым числом фонем, y имеет большое их число в морфеме, и наоборот».

§ 148. Указанные выше универсалии рассматривались с синхронической точки зрения. Однако в процессе исторического развития языки изменяются и языковые изменения также являются

всеобщим свойством. Лексико-статистический метод, как было показано выше, установил типичную для словаря постоянную скорость изменения. Американский языковед М. Сводеш высказал мысль, что если эта скорость и не является подлинной универсалией, то она по крайней мере постоянна в пределах некоторой группы родственных языков.

Поэтому наряду с синхроническими универсалиями, выделяются еще универсалии диахронические с точки зрения сферы их действия. Утверждения о синхронической универсалии, типа «для всякого x, если x есть язык (т. е. одна синхроническая система), имеет место...». Диахронические же универсалии формулируются с указанием на то, что имеет место два синхронических состояния, из которых одно есть историческое предшествование другого. Логическая структура диахронических универсалий такова: «для всех x и всех y, где x есть более ранее, а y — более позднее состояние того же языка, имеет место...». Примером диахронической универсалии является утверждение, что звонкие смычные фонемы всегда являются следствием исчезновения смычных.

§ 149. С точки зрения действия лингвистической универсалии могут подразделяться на основе того языкового уровня, с которым они соотносятся. При таком подходе мы получаем три основных типа универсалий — фонетические, грамматические и семантические.

Много интересных наблюдений фонетических универсалий указал Н. С. Трубецкой. По его мнению, значительное большинство языков имеет треугольные системы гласных. Треугольные системы двухрядных гласных

господствует во многих языках мира: новогреческом, сербохорватском, чешском, польском, русском, грузинском, японском, майя, тамильском (в Азии), ламба, шона, зулу (в Африке) и др. Что касается согласных, то, по словам Трубецкого, в каждом языке мира встречаются дорсальные, дентальные и лабиальные согласные. Языков без дентальных согласных вообще не существует. Основой такой всеобщей встречаемости согласных во всех языках мира является то, что губы, кончик и спинка языка являются теми подвижными органами, которые наилучшим образом приспособлены для образования преград в полости рта. Характерным для лабиального ряда является смыкание губ, для дентального ряда — участие кончика языка при распластанной спинке языка и переднем месте образования и, наконец, для дорсального ряда — участие спинки языка при сжатом в комок языке и заднем месте образования (см.: 130, 142, 143).

Универсальным признаком является также интонация. Многие из интонаций, вызывающих эмоции, имеют одно и то же значение в самых разных и притом далеко отстающих друг от друга языках.

Даже сочетаемость фонем может быть универсальной. Так, абсолютной универсалией можно считать утверждение, что немыслим язык без сочетаний типа «согласный + гласный».

Полный перечень фонологических универсалий включает более ста универсальных высказываний (см.; 133, 182—209). Примером таких универсалий могут служить следующие: если во всех языках имеется простая носовая согласная, то имеется и шумная согласная. Количество шумных согласных не меньше, чем количество простых носовых согласных. Так, если язык допускает четыре позиции для смычных и аффрикат (например, *p*, *t*, *č*, *k*), то в нем будет четыре или меньше простых носовых согласных (например, *m*, *n*, *ñ*, *ŋ*/, /*m*, *n*, *ŋ*/, /*m*, *n*, *ñ*/ или /*m*, *n*/), но никогда не больше (ср., например, во французском *p*, *t*, *k* и *m*, *n*, *ñ*, а в языке фиджи *t*, *k* и *m*, *n*, *ŋ*). Американский ученый Ч. Фергусон, установивший эту универсалию, делает и другие выводы. Носовая гласная, по его мнению, всегда появляется вследствие исчезновения простой носовой согласной. Правда, он оговаривается при этом, что данная универсалия выводится на фактах немногочисленных языков, главным образом индоевропейских — индийских, славянских, романских. Носовые слогообразующие фонемы всегда являются следствием исчезновения гласной.

Что же касается языковых универсалий на грамматическом уровне, то наибольший интерес вызывает выделение универсалий в области морфологии и синтаксиса. Американский ученый Ч. Хоккет указывает, что в каждом человеческом языке имеется по крайней мере два основных уровня грамматической организации — морфология и синтаксис.

Во всех языках мира существительные обозначают предметы, абстрактные понятия, абстрагированные признаки, прилагательные выражают признаки предмета, глаголы — действия и состояния, числительные — числа. Правда, в некоторых языках есть отклонения. Э. Сепир указывает на то, что в китайском языке идея качества выражается глаголами, а не прилагательными. Но в исследованиях по грамматике современного китайского языка глагол хотя и объединяется с прилагательным в одну общую категорию предиката, однако отмечается, что все-таки прилагательные в китайском языке не сливаются с глаголом в одну часть речи, потому что отличаются друг от друга некоторыми особенностями.

В различных языках мира встречаются поразительные сходства в морфологических процессах словообразования. В качестве примера можно привести сходство в образовании сложных имен в санскрите с соответствующей структурой ацтекских имен: ацт. *Tlazol-teo-tl* ‘божество земли tlazol’ и скр. *Prthvi-deva* ‘божество земли Prthvi’; или ацт. *Quauh-coa-tl* — мифическое существо, обо-

значающее орла и змею одновременно, и скр. *Gava-simha* — слон и лев одновременно. Объяснить это сходство генетическими причинами невозможно, поскольку родственных связей между этими языками нет, так же как и влияния одного языка на другой.

Большинство универсалий на морфологическом уровне было выделено Дж. Гринбергом в статье «Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов» (95,5, 114—163). Рассматривая отношения между префиксацией и суффиксацией, Гринберг выводит следующую универсалию: если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами. Если в языке существуют и словообразовательные и словоизменительные элементы, то словообразовательный элемент более тесно связан с корнем. Отсюда вытекает обобщение о том, что если словообразовательный элемент и словоизменительный элемент следуют за корнем или оба предшествуют корню, то словообразовательный элемент всегда находится между корнем и словоизменительным элементом.

В глагольном словоизменении в языках мира устанавливается следующая иерархическая зависимость: если глагол имеет категории лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь и категории времени и наклонения.

Взаимоотношения категорий рода и числа формулируются в следующих универсалиях: если язык имеет категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа. Если в языке представлено единственное число, то в нем больше развита система родовых категорий, чем в любом не единственном числе.

Что касается числа и падежа, между которыми существует особая морфемная граница, то между ними всегда устанавливается следующее отношение: там, где присутствуют морфемы числа и падежа и обе следуют за именной основой или обе предшествуют ей, морфемы числа почти всегда находятся между именной основой и морфемой падежа (ср. русск. *дом-а-ми*).

По поводу согласования между прилагательными и существительными Гринберг делает следующее общее утверждение: в тех случаях, когда прилагательное следует за существительным, оно выражает все словоизменительные категории существительного.

В языках всегда наличествует падежная система, если глагол следует за именным субъектом и именным объектом.

Выявление синтаксических универсалий с большей степенью достоверности может опираться на соотнесенность в установлении отношений между законами мышления и законами отношений между языковыми единицами, поскольку структура мышления обусловливает структуру языковых явлений того уровня, который непосредственно участвует в выполнении языком его коммуникативной сущности. А уровень этот — синтаксический, так как общение только с помощью слов и словосочетаний невозможно.

Только через предложение как синтаксическую единицу и в предложении возможно употребление слов и словосочетаний.

Одну из самых общих синтаксических универсалий сформулировал Ч. Хоккет, отметив, что в каждом человеческом языке можно встретить тип предложения двучленной структуры, части которой можно обозначить терминами «тема» (т. е. то, что является известным) и «рема» (т. е. то, что сообщается нового об этом известном). Порядок следования этих частей в разных языках может быть различным. Для китайского, японского, английского языков типично упоминание сначала того, о чем пойдет речь, а затем того, что о нем сообщается нового. В других языках наиболее типичной является другая последовательность — предшествование ремы или ее части теме.

Что касается порядка слов в предложении, то некоторые универсалии были также предложены Дж. Гринбергом. Например, в повествовательных предложениях с именными субъектом и объектом почти всегда преобладает порядок слов, при котором субъект предшествует объекту. Нормальным порядком слов для всех языков является такой, в котором в условных конструкциях условная часть предшествует заключению.

Гринберг выделяет 45 грамматических универсалий. Естественно, перечень фонологических и грамматических универсалий не является исчерпывающим. По мере исследования языковых универсалий их количество может меняться. Важно то, что универсалии представляют описание наиболее существенных признаков языка.

Трудные и сложные проблемы универсалий возникают в области семантики. Мнения о возможности выявления общих закономерностей в области семантики были очень разнообразными. Против установления каких-либо универсальных семантических закономерностей выступали такие языковеды, как А. Мейе, Г. Шухардт и др. Прямо противоположной точки зрения придерживались А. А. Потебня, М. М. Покровский. Так, Покровский, например, писал, что семасиологические явления не отличаются большим произволом, а наоборот, за ними скрываются какие-то законы.

Однако какие бы ни существовали противоположные точки зрения, как бы семантическая «карта» одного языка не отличалась от семантической «карты» другого языка, языковеды убеждены в том, что существуют общечеловеческие мыслительные категории, выражаемые во всех языках. В этом плане характерным является высказывание известного советского языковеда Р. А. Будагова, который писал: «Можно утверждать, что известные формально-логические закономерности мышления (расширение и сужение значений, различные случаи переноса значений и т. д.) лежат в основе и общих закономерностей лексики всякого языка» (34, 112—113).

Наиболее полная и обстоятельная классификация семантических универсалий предложена английским языковедом С. Уль-

маном в работе «Семантические универсалии» (95,5, 250—293). По его мнению, большинство семантических универсалий носит статистический характер, т. е. они не обязательно должны быть представлены в любом языке, но можно предсказать вероятность их наличия.

Семантические универсалии могут быть *диахроническими* и *синхроническими*. В разных языках наблюдается тенденция к метафорическому переносу значений слов, и эти переходы значений подчиняются общим тенденциям. Одной из таких тенденций является так называемая метафора антропоморфического типа, т. е. перенос названий человеческого тела и его частей, а также названий человеческих чувств и страстей на неодушевленные предметы, ср. русск. *игольное ушко, горлышко бутылки*, англ. *the lungs of a town легкие города*. Возможен и обратный переход, когда названия неодушевленных предметов или животных переносятся на части человеческого тела, например, англ. *muscle* 'мускулы' (из лат. *musculus* букв. 'маленькая мышь'), русск. *мыш-ца*.

В любом языке в процессе его исторического развития отвлеченные и абстрактные значения развиваются из более конкретных, когда, например, слова, обозначающие физические ощущения, используются для описания абстрактных явлений: ср. *холодное презрение, мягкий характер* и др. Близким к рассмотренному случаю является случай так называемых синестетических метафор, состоящий в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств, т. е. имеет место переход от осязания к слуховому восприятию или от слухового — к зрительному, типа: *холодный голос, кричащие краски* и т. п. Ульман обнаружил три тенденции метафорического переноса значений: 1) сфера осязания является самым распространенным исходным пунктом метафор, 2) слуховое восприятие является самым распространенным конечным пунктом, 3) переходы от менее тонких к более тонким органам чувств происходят гораздо чаще, чем наоборот.

Универсальными являются две тенденции в процессе изменения значения слов независимо от вызвавших эти изменения причин: одни слова стремятся расширить свое значение, другие — расширить его. Английское слово *bird*, означавшее раньше 'птенец', сейчас расширило свое значение и стало обозначать птицу вообще. Раньше в русском языке слово *пиво* имело значение напиток вообще, то, что пьют, а сейчас, благодаря сужению значения, обозначает специализированный вид напитка. Некоторые лингвисты считают, что сужение значения представляется более обычным явлением, чем расширение.

Общей тенденцией в различных языках является такой семантический компонент, как табу́ — запрет на употребление определенных слов. Табу не являются абсолютными универсалиями,

Глава XIX

Социолингвистика

§ 151. В настоящее время никто не сомневается, что язык как средство общения возникает и развивается только в обществе. Следовательно, язык — явление социальное. Поэтому с самого начала возникновения науки о языке лингвистов интересовала проблема связи языка и общества. В любом обществе язык выступает как средство накопления, хранения и передачи добытых этим обществом знаний. Поэтому общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения не могут не оказывать влияния на различные уровни языка. В равной степени и язык оказывает значительное влияние на общество. Как писал В. И. Ленин, «единство языка и беспрепятственное развитие его есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» (8, 258—259). Литературно обработанная форма любого языка, стабилизация норм его употребления оказывают значительное влияние на сферу бытового общения, способствует повышению культурного уровня носителей данного языка, приводит к постепенному стиранию диалектных различий. Появляющиеся в языке новые слова и словосочетания, новые значения слов, выражающие возникшие в обществе новые понятия, в свою очередь, помогают людям глубже осознавать окружающий их мир, точнее передавать свои мысли.

Поэтому проблемы взаимосвязи языка и общества привлекали внимание и вызывали интерес у лингвистов разных стран и лингвистических направлений. Но степень этого интереса и внимания в разные периоды времени была различной. В воззрениях древнегреческих философов проблема социального характера языка была неотделима от вопроса его происхождения. В период средневековья и Просвещения, когда происходило накопление языкового материала, эта проблема не была актуальной. Лишь со становлением теоретического языкознания ученые все больше начинают обращать внимание на этот вопрос, указывая на связь истории языка и истории говорящего на нем народа. В работах Я. Гримма, В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, А. Мейе, Ж. Вандриеса и многих других языковедов упор делался на то, что в языке можно выделить социальную и индивидуальную стороны языка. В течение всего XIX в. внимание языковедов преимущественно обращалось на описание и анализ языковых фактов, а изучение специфики основной функ-

ции языка — быть средством общения в обществе — оставалось на периферии лингвистических исследований.

Во второй половине XIX в. основоположники марксизма-ленинизма и их ближайшие продолжатели, создавая теорию научного коммунизма, не могли не затрагивать вопросов социальной истории языка, его социального функционирования и социально-классовой дифференциации. В работах Ф. Энгельса 80-х гг. («Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Франкский диалект», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876) и др.) рассматриваются общественные функции языков в доклассовом обществе, характер языковых контактов, проблемы происхождения человеческой речи в связи с возникновением человеческого общества. Эти проблемы намечали круг вопросов социальной лингвистики в широком аспекте.

Работа П. Лафарга «Французский язык до и после революции» (1894) касается отражения в языке происходящих в обществе революционных преобразований. Говоря о влиянии революции на язык, Лафарг приходит к следующему выводу: «Революция сделала свое дело в области языка; блестящий стальной обруч, сковывавший его, был разбит, и язык отвоевал себе свободу». В книге Лафарга содержатся и явно несостоятельные утверждения (типа того, что революционные преобразования обязательны не только в классовом обществе, но и в языке), но она привлекает материалистическим подходом к проблеме взаимосвязи языка и общества, стремлением связать изучение языка с происходящими в обществе изменениями. Идеи Лафарга также на материале французского языка развивались советскими языковедами К. Н. Державиным и М. В. Сергиевским в первое десятилетие Советской власти.

Социальная лингвистика в СССР, социалистических странах Европы, в США и других капиталистических странах в настоящее время обладает такими специфическими чертами, что невозможно говорить об общем понимании задач социолингвистики, едином понятийном аппарате, целях и методах исследования. Исследователи отмечают, что социолингвистика в настоящее время является скорее набором проблем и их решений, чем прочно устоявшейся дисциплиной с собственным предметом исследования и достаточно разработанной методологией.

§ 152. Советское языкознание, методологической основой которого являются положения классиков марксизма-ленинизма о социальной обусловленности языка, с самого начала своего существования включало в себя разработку социолингвистических проблем. В работах А. М. Селищева, Р. О. Шор, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского, В. М. Жирмунского, Ф. П. Филина и др. ставились и решались вопросы социального разделения языка города и деревни, соотношения языкового стандарта и других форм языка, развития русского языка после революции. Работы того времени, проникнутые горячим желанием осмыслить происходящие в язы-

ке процессы, вызванные Октябрьской революцией, страдали известным упрощением.

После Октябрьской революции в условиях многонационального советского общества в первые десятилетия Советской власти советские лингвисты активно участвовали в создании и усовершенствовании письменности и алфавита для ранее бесписьменных языков. Советская социолингвистика в этот период разрабатывала проблемы образования некоторых литературных языков, рассматривала вопросы социальной нормы в языке, принимала активное участие в языковом строительстве молодого Советского государства.

В развитии советской социолингвистики, продолжившей наметившуюся в русском языкознании традицию рассмотрения социальной обусловленности языка, были периоды спада и подъема интереса к проблеме «Язык и общество». Особенно большое внимание к этой проблеме стало уделяться начиная с 50-х гг.

Влияние общества на язык может быть стихийным и сознательно регулируемым, социально обусловленным. В той или иной мере все изменения в языке вызываются потребностями общества и служат его удовлетворению. Только влияние общества на язык не осуществляется прямо, непосредственно, автоматически, а проявляется в его внутренней структуре. Советские языковеды, занимающиеся вопросами социальной лингвистики (В. А. Аврорин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин, И. Ф. Протченко и др.), подчеркивают, что общественная природа языка определяет все его функции, проявляется на всех уровнях языковой структуры.

На стихийно развертывающиеся процессы языкового развития в свое время указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они отмечали, что «в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» (1, 427).

В приведенном высказывании классиков марксизма-ленинизма обращается внимание на различные пути становления национальных языков и тем самым указывается одна из задач социолингвистики — исследование исторических условий социального расслоения в языке, социальных причин образования национальных языков. В капиталистическом обществе борьба за национальный язык становится средством национального возрождения и освобождения народов. В этом социально-лингвистическом аспекте советские языковеды провели исследование проблем нормализации и становления единого национального языка на материале языков немецкого, английского, французского, испанского в Южной Америке, итальянского и др. Результаты этих исследований советских

социолингвистов отражены в сборнике «Вопросы формирования и развития национальных языков» (1960).

В качестве примера стихийного воздействия социальных факторов на развитие языка можно привести территориальную (диалектную) дифференциацию языка, обусловленную социальной (территориальной) дифференциацией общества. К. Маркс отмечал тенденцию к образованию различия в языке первобытных племен, неизбежную при обширности занимаемой ими территории, и указывал, что локальное разобщение в пространстве вело с течением времени к появлению различий в языке (см.: 4,79). Особенностью территориальной дифференциации языков являются изменения внутри системы языка (фонетические, грамматические, лексические).

В языке существуют не только диалектные различия. Социальная дифференциация общества также проявляется в языке в самых разнообразных отношениях — в существовании так называемых профессиональных языков, возникающих под влиянием практической потребности и характеризующихся точностью значений и малой экспрессией, групповых жаргонов спортсменов, студентов, музыкантов, специфической чертой которых является стремление к экспрессии и игра словами, и условные языки деклассированных элементов.

Сознательно-регулируемое воздействие общества на язык, которое опосредованно проявляется и в структуре языка, осуществляется в виде языковой политики определенного общества или класса. Языковая политика является составной частью национальной политики государства, партии, класса либо представляет из себя совокупность мер для целенаправленного воздействия на развитие языка.

В условиях советского общества языковая политика проводится в соответствии с провозглашенным В. И. Лениным принципом равноправия всех народов и языков. В. И. Ленин писал, что «демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков» (7, 71—72). Ленинское отношение к национальному вопросу легло в основу решений X съезда партии, где говорится, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам развить у себя советскую государственность, действующие на родном языке судебные, административные и хозяйственные органы власти, развить культурно-просветительные учреждения на родном языке, сеть курсов и школ на родном языке для ускоренной подготовки местных кадров (см.: 16, 249).

Ленинские принципы языковой политики, получившие свое конкретное воплощение в условиях многонационального Советского государства, привели к всестороннему развитию языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, по-

лучили в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки.

В советских условиях происходит интенсивное взаимодействие различных языков, в результате чего наблюдается обогащение как вновь возникших литературных языков, так и языков, имеющих долгую традицию. Проблема взаимообогащения языков является новой проблемой, характерной для советского языкознания, и составляет одну из задач советской социолингвистики. В процессе такого взаимообогащения возрастает роль русского языка как языка межнационального и международного общения. В советском обществе национальные языки и язык межнационального общения (русский) взаимно дополняют друг друга.

Впервые в советском языкознании была поставлена проблема развития общественных функций языка. На ее становление оказало большое воздействие изучение опыта развития национальных языков СССР. У языка можно выделить различные общественные функции, определяемые такими факторами, как своеобразие социально-экономического, политического и культурного развития данного народа, численностью говорящего на данном языке народа, компактным или раздельным проживанием большинства носителей языка и т. д.

Естественно, что общественные функции языка не совпадают с функциями его структурных элементов (например, функцией падежей и т. д.). Общественные функции языка не зависят от фонетической или грамматической системы языка, но находят свое отражение в его лексической системе.

Современные языки дают очень разную картину выполняемых ими общественных функций. Это особенно видно на примере языков многонационального Советского государства, в котором можно выделить языки с минимальным количеством общественных функций (например, одноаульный хиналугский язык) и с максимальным количеством (например, русский язык как язык межнационального общения).

Была выдвинута идея социологической классификации языков наряду с генеалогической, морфологической и другими классификациями. Эта классификация языков учитывает ведущую роль в мире всеобщих процессов интеграции и почти полное прекращение процессов дифференциации, расширение общественных функций одних современных языков и сокращение их у других, повышение роли литературных языков в жизни общества, усиление межнационального и международного общения людей и т. д. Социологическая классификация языков, основанная на опыте языкового строительства в СССР, может помочь определить пути расширения и сокращения общественных функций различных языков, установить характер процессов взаимодействия языков, охарактеризовать роль общественных факторов — экономических, политических, культурных и т. д. в развитии языков, выявить место двуязычия и его роль в функционировании и развитии со-

временных языков, осветить основные тенденции развития лингвистических процессов как во всем мире в целом, так и в отдельных районах земного шара.

Социолингвистика в Советском Союзе основной своей целью имеет исследование природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии; разработку методов социолингвистических исследований; выяснение роли социальных факторов в развитии языка; изучение социальной дифференциации языка; проблему развития общественных функций языка.

«В условиях многонационального Советского государства перед социолингвистикой встают специфические задачи теоретического и практического значения, связанные с разработкой лингвосоциологических проблем современного состояния и перспектив развития нашего общества: изучение закономерностей развития литературных языков народов СССР в эпоху строительства коммунизма, соотношение общественных функций русского и других языков в национальных республиках и областях; разработка проблемы языка межнационального общения народов СССР; исследование типов двуязычия и многоязычия в СССР; языковое строительство в СССР и его международное значение; разработка проблем прикладной лингвистики (терминологии, алфавитов, орфографии) в социолингвистическом аспекте и др.» (59а, 80).

Разработка и решение этих задач в советском языкознании возможны только на основе марксистско-ленинской теории развития общества.

§ 153. Совсем другие методологические принципы лежат в основе американской социолингвистики, возникшей в американском языкознании в начале 60-х гг. Социолингвистика в США появилась как реакция на основные положения дескриптивного языкознания. Абстрактный лингвистический анализ, формальные методы исследования языка, характерные для дескриптивизма, исключали, по мнению некоторых американских социолингвистов, изучение языка как формы социального поведения. Один из известных американских социолингвистов У. Лабов, автор интересной книги «Социальная стратификация английского языка в Нью-Йорке» (1966), отмечал, что свободное варьирование превратилось в своеобразную лингвистическую свалку различных видов языковой вариативности — экспрессивно-стилистической, социальной и др., которые не могли быть объяснены в терминах дистрибутивных отношений. Лабов приходит к выводу, что при объяснении языковых изменений следует учитывать не только отношения внутри системы языка, но и воздействия внешних социолингвистических отношений. Социолингвисты, в отличие от дескриптивистов, стали изучать вариативность языка не с точки зрения взаимодействия отношений внутри языковой системы, а как социально обусловленное членение языка на различные варианты.

Американские социолингвисты рассматривают язык не как

монолитную и однородную структуру, а как систему взаимосвязанных подсистем (кодов и субкодов), характерных для микросоциальных групп общества.

Американская социолингвистика, будучи неоднородной в своих теоретических концепциях, находится под сильным воздействием философских принципов позитивизма, в частности идей семантического позитивизма, которые нашли свое воплощение в так называемой «социальной (или культурной) антропологии». Согласно этому направлению, все языковые формы составляют подкласс более общей категории — категории культурных форм. Язык мыслится как составной элемент культуры, включающей в себя структуру социальных отношений. На этом основании возникла теория соответствий (изоморфизма) элементов языка и культуры, языка и социальной структуры. Подобно тому как элементы языка могут быть описаны в терминах оппозиций, так и единицы и отношения других культурных форм также, по мнению некоторых американских социолингвистов, могут быть описаны сходным образом. Иногда положения об изоморфизме языковых и социальных структур носят неприкрытый классовый характер. Так, английский психолог Б. Бернстайн выделяет развернутый код речи, характеризующийся сложностью синтаксической структуры и типичный для представителей высшего класса, и противопоставляет его ограниченному коду, используемому представителями рабочего класса, которым свойствен примитивизм речи, элементарные языковые структуры.

Положение американских социолингвистов о прямом соответствии между языком и социальными структурами никак не подтверждается конкретным материалом, да и не может быть подтверждено, ибо связь языка и общества носит не прямой, а опосредованный характер. Следует отметить, что и не все американские социолингвисты разделяют это положение.

Для более четкого определения задач изучения взаимоотношений между социально обусловленными вариантами языкового употребления американские языковеды различают социолингвистику и социологию языка. Социолингвистика выдвигает на первый план изучение социально моделированной вариативности языкового употребления, а социология языка изучает взаимодействие двух аспектов общественной жизни — языка и общества. Социолингвистика и социология языка соотносятся как часть и целое, и явное предпочтение отдается социологии языка как более самостоятельной междисциплинарной области знания, для которой характерно в равной степени применение методов как социальных, так и лингвистических исследований.

Социология языка подразделяется на дескриптивную социологию языка, изучающую речевые события внутри данной языковой общности (т. е. кто, когда и с какой целью и с кем использует устную или письменную форму того или иного языка или варианта языка), и динамическую социологию языка, цель которой — отве-

тить на вопрос, почему и каким образом происходит изменение социальной организации языкового употребления.

Входящие в компетенцию социолингвистики варианты языка различаются территориально (диалекты), социально, функционально и этнически. Совокупность нескольких вариантов, используемых в данном языковом коллективе, образует речевой, или языковой, репертуар этого коллектива. Одной из задач американской социолингвистики и является выявление лингвистических и социофункциональных характеристик вариантов. Социология языка изучает особенности вариантов, их функции в обществе, соотношение вариантов между собой, специфику их носителей, а также процессы развития и изменения вариантов и их функционального соотношения в обществе. Существующие в обществе мнения, оценки и отношения к данному варианту также изучаются социологией языка. Выделяется несколько типов направленных и социально осознанных мер и отношений к вариантам — стандартизация, кодификация, а также стремление к автономии языка (варианта). Стандартизация языка рассматривается не как внутреннее свойство языка, а как социальная обработка, способствующая нормированию определенного варианта, вызванная внешними факторами. Американские ученые считают, что для современного «индустриального» общества характерно использование нескольких языковых вариантов внутри одной языковой общности. В этом тезисе американских социолингвистов проявляются классовые позиции американских лингвистов, оперирующих понятием «индустриального» общества независимо от того, является ли это общество социалистическим или капиталистическим. Американские ученые отстаивают тезис о том, что стирание классовых различий ведет к стиранию вариантных различий в языке. А конкретные данные социолингвистических исследований и, в частности, работ, посвященных языку американских негров (так называемый Black English), опровергают утверждения о стирании таких граней.

Американская социология языка предлагает два уровня анализа — микроуровень и макроуровень. При исследовании на микроуровне основное внимание направлено на лингвистический анализ речевого события с учетом особенностей речевой ситуации. Элементом микроанализа социологии языка является речевой акт. Микроуровень социологии языка интересуется особенностями речевого и межличностного поведения.

Макроуровень социологии языка ориентируется на социальные и психологические аспекты употребления языкового варианта с учетом специфики социальной сферы его применения.

С точки зрения методики изучения социально обусловленной речевой деятельности выделение микро- и макроуровневого подходов к социологическому анализу языка представляет интерес, однако в работах американских социолингвистов остается неясным, что же объединяет эти подходы. Делаются попытки в качестве такого связующего звена представить социальную ситуацию и сфе-

ру речевого поведения. Однако социальная ситуация тесно связана с социальной структурой, которая в буржуазной социологии понимается просто как совокупность норм социального поведения. С точки зрения марксизма-ленинизма, социальная структура рассматривается с классовой точки зрения, которая, естественно, игнорируется в американской социолингвистике. Поэтому и полученные результаты носят неполный, узкоограниченный характер.

Американские социолингвисты обращают большое внимание на создание понятийного аппарата социолингвистических исследований. Исходным пунктом социолингвистического анализа они считают речевую общность, которая определяется общностью норм речевого поведения в определенных социальных ситуациях. Основной упор делается на речь и нормы речевой деятельности, а это ведет к игнорированию понятия языковой общности и языкового коллектива. Эти понятия в американской социолингвистике фактически не рассматриваются.

Минимальной единицей социолингвистического описания, по мнению американских лингвистов, является речевой акт, в качестве которого могут выступать шутка, реплика и т. д. Речевой акт является составной частью речевого события — беседы, лекции, спора. На речевой акт или речевое событие большое влияние оказывает их место. Например, речевое событие в университетской аудитории отличается от речевого события в суде. Социальные нормы речевой общности определяются также обстановкой их совершения. Обстановка и место речевого события (акта) составляют социальную ситуацию. От социальной ситуации американские социолингвисты отличают речевую ситуацию, понимаемую как ситуативный контекст речевого события. В любой речевой общности легко выделяется ряд ситуаций, связанных с использованием речи (церемония, охота и т. д.).

Одним из важных понятий американской социолингвистики является понятие социолингвистической переменной — величины, зависящей от некоторой нелингвистической переменной социального контекста говорящего, слушающего, аудитории, обстановки и т. д. Социолингвистические переменные, обусловленные социально детерминированной вариативностью языка, обнаруживаются в произношении, морфологии, стилистике. Однако в американской социолингвистике нет четкого разграничения социальной и стилистической вариативности употребления речи.

Подобно тому как американские дескриптивисты разработали усовершенствованную технику формального описания языка в 50-х гг., так пришедшие им на смену социолингвисты с их гипертрофированным интересом к изучению влияния социальных факторов на язык в 70-х гг. предложили детализированную систему описания вводимых ими элементов социолингвистического описания. Они не дают, да и не могут дать, оставаясь на ложных методологических позициях, философски обоснованные общественно-научные

определения социолингвистических понятий, и потому их теоретические построения остаются мало разработанными.

Итак, американская социолингвистика формируется под влиянием различных позитивистских направлений современной зарубежной философии. В настоящее время среди социолингвистов США существуют принципиальные расхождения в понимании предмета и задач социолингвистики, которая понимается и как вариативность речевого поведения, и как этнография коммуникации, и как совместное варьирование языковых и социальных структур и т. д. Большой заслугой американской социолингвистики является подробная разработка понятийного аппарата этой области исследования [1].

§ 154. Существенный вклад в разработку общей теории социолингвистики вносят ученые социалистических стран, продолжающие свои национальные традиции в решении проблемы взаимосвязи языка и общества. Так, намеченный Ф. Энгельсом в работе «Франкский диалект» социально-исторический подход к рассмотрению языка разрабатывается языковедами ГДР [2] преимущественно в плане диалектологии. Социальная диалектология, изучающая социальное рассмотрение языка и разные формы его существования (диалект — обиходно-разговорный язык — литературный язык) внутри определенных социальных групп, рассматривается как третье измерение, обязательное для всякого диалектологического исследования, наряду с изучением диалектов в пространстве и времени, т. е. в их территориальном распространении и исторической последовательности. Лингвисты ГДР стремятся исследовать все три формы существования в их взаимодействии, так как они тесно связаны друг с другом, с учетом влияния на них социальных факторов.

Теоретические взгляды социолингвистов ГДР изложены в статье Р. Гроссе и А. Нойберта «Тезисы к марксистской социолингвистике» (1970), в которой подчеркивается, что основой научной социолингвистики может быть только марксистско-ленинская теория общества. Языковеды ГДР раньше также выделяли социолингвистику, изучающую взаимоотношение языка и общества с точки зрения лингвистики, и социологию языка, цель которой — изучение этих взаимоотношений с точки зрения социологии. В настоящее время от этого противопоставления отказываются и целью социолингвистики признается, с одной стороны, изучение влияния социальных факторов на систему языка, с другой — классификация

---

[1] Подробнее об американской социолингвистике см. в работе А. Д. Швейцера «Социолингвистика в США», опубликованной в сб. «Проблемы зарубежной социолингвистики» (М., 1976).

[2] В основу § 154—156 положены работы: К р ю ч к о в а Т. Б. Социолингвистика в ГДР.— «Проблемы зарубежной социолингвистики». М., 1976; В и н о г р а д о в В. А. Социолингвистические исследования в Польше и Чехословакии.— «Проблемы зарубежной социолингвистики». М., 1976.

социальных факторов по лингвистическим признакам. Социолингвистика призвана описать деятельность языка в общественной жизни, изучать предпосылки, возможности и границы языковой коммуникации.

Основу социолингвистических наблюдений для лингвистов ГДР составляют конкретные коммуникативные акты, изучение языка коллектива в целом, способов употребления языковых выражений. Поэтому социолингвистическая постановка вопроса может быть отнесена к области речи. Перед социолингвистикой стоит проблема описания и объяснения общественно значимых вариантов языка, их структуры и взаимоотношений. Социолингвистика описывает правила выбора общественных вариантов в коммуникативном акте и источники, из которых черпаются варианты.

Под влиянием слушающего и говорящего происходит возникновение «социолингвистических слоев», а дифференциация по коммуникативным ситуациям дает «социолингвистические сферы». Всестороннее и детальное определение этих понятий является предпосылкой понимания социолингвистического профиля языковой структуры. Познанные таким образом структуры образуют «социолингвистическую систему». Лингвисты ГДР исходят не из признания соответствия социальных структур языковым, как это наблюдается у некоторых американских социолингвистов, а стремятся изучить внутреннюю взаимосвязь между функционированием языка в обществе и отражением в языке социальных функций языковой коммуникации.

Одной из важнейших проблем социолингвистики языковеды ГДР считают исследование взаимосвязи и взаимовлияний диалектов, территориальной и общенародной разговорной речи, профессиональных языков, групповых жаргонов и национального литературного языка. Важным понятием социолингвистики является введенное социолингвистами ГДР понятие социолекта как единицы языковой общности, противопоставленной понятию диалекта.

Социолингвистика тесно связана с прагматикой [1], поскольку прагматика, по мнению Гроссе и Нойберта, нуждается в социолингвистической интерпретации. Исходя из лингвистических позиций, отмечают они, можно зафиксировать варианты определенных языковых знаков или совокупности знаков, используемые в данном языковом коллективе, свести их в систему и затем исследовать их употребление в определенных социологически значимых группах, в определенных коммуникативных ситуациях для определенных коммуникативных целей. Соотношение «знак — человек» при изучении проблемы языка и общества характеризует социолингвистический аспект изучения языка в ГДР.

На основе прагматического аспекта возникает прикладная социолингвистика, задачами которой в ГДР является разработка

[1] Прагматика — раздел семиотики, изучающий отношение говорящего к знаковой системе.

рекомендаций к оптимизации процессов языковой коммуникации в социалистическом обществе, разоблачение враждебных общественному прогрессу попыток государственно-империалистического монополизма регулировать язык и манипулировать общественным мнением. Решение этих задач лингвисты ГДР связывают с разработкой такой важной общетеоретической проблемы, как взаимоотношение языка и идеологии.

Социолингвист из ГДР В. Шмидт в статье «Замечания к термину «немецкий национальный язык» (1973) справедливо отмечает, что существование в классовом обществе двух антагонистических идеологий проявляется в языке наряду с другими фактами и предопределено наличием классово обусловленного особого идеологического слоя лексики, а также семантической дифференциацией определенной части общеупотребительной лексики. Различия в экономическом, политическом и культурном развитии ГДР и ФРГ приводят к явлениям отчетливой дифференциации в современном немецком языке ГДР и ФРГ. Языковая дифференциация такого рода имеет место и внутри немецкого языка ФРГ — это различия между языком сознательной части рабочего класса и прогрессивных представителей других классов и слоев населения и языком консервативно-реакционной части населения.

В исследовании взаимоотношения языка и идеологии языковеды ГДР выделяют два круга проблем: 1) как изменяется язык под влиянием различных идеологий; 2) при помощи каких языковых средств сделать идеологическую борьбу максимально эффективной.

В этой связи уделяется большое внимание изучению языка политики как языковой области, на которую идеология оказывает максимальное воздействие. В языке политики отчетливо проявляется идеологическая обусловленность, под которой понимается идеологическая детерминированность слова, обусловленная его принадлежностью к терминологической системе определенной идеологии и ее местом в этой системе. Лингвистов интересует, как отражается идеологическая обусловленность языкового знака в структуре значения.

Влияние идеологии на лексико-семантическую систему немецкого языка проявляется в следующем: 1) в лексико-семантических группах слов, связанных с идеологией, возникают термины, употребляемые только в ГДР или только в ФРГ, или же они употребляются в ФРГ разными классами; 2) в обеих странах в один и тот же термин иногда вкладывается различный, прямо противоположный смысл. Г. Клаус в книге «Язык политики» (1971) высказывает мысль о том, что в процессе использования языка для пропаганды, агитации и руководства общественными процессами следует учитывать следующие моменты: а) обращать внимание на соответствующее значение слов, используемых антагонистическими классами; б) использовать определенный словарь для формирования у широких масс определенного образа мышления, причем для воздей-

ствия на различные общественные слои этот словарь должен быть разным; в) разница в значении слов при описании одних и тех же объективных состояний действительности ведет к различной их оценке.

Взаимоотношения языка и идеологии проявляются, таким образом, не только в воздействии идеологии на язык, но и в воздействии языка на формирование определенной идеологии. В работах социолингвистов ГДР вскрываются глубокие качественные различия политико-идеологического воздействия языка на человека в социалистическом и капиталистическом обществах.

Разработка проблемы взаимоотношения языка и идеологии для ученых ГДР представляет не только теоретический, но и большой практический интерес: ГДР живет и развивается в непосредственной близости от ФРГ. Вопросы идеологической борьбы здесь стоят особенно остро. Пропаганда как социалистической, так и буржуазной идеологии ведется на одном и том же языке. Поэтому перед социолингвистами ГДР стоят конкретные и ясные задачи — дать рекомендации, как добиться действенности пропаганды социалистической идеологии, как достичь максимального воздействия на аудиторию средств массовой пропаганды.

Характерной чертой социолингвистических исследований в ГДР является марксистско-ленинский, классовый подход к этой проблеме, четкие методологические принципы, практическая направленность исследований и вытекающая отсюда теоретическая разработка понятий социолингвистики, дополняющая проблематику социолингвистических исследований.

§ 155. Теория социолингвистики за последнее время интенсивно разрабатывается в Чехословакии, где преимущественное внимание обращается на проблемы стилистического и социального членения языка, социально-исторических условий возникновения литературного языка, конкретным вопросам социолингвистического описания. Теоретические идеи чехословацких социолингвистов восходят к «Тезисам Пражского лингвистического кружка» (1929), в которых отмечалось, что «важным фактором для подразделения речевой деятельности служат взаимоотношения говорящих, находящихся в языковом контакте: степень их социальной, профессиональной, территориальной и родственной связи, их принадлежность к нескольким коллективам, порождающая смешение лингвистических систем в городских языках. Сюда же примыкают: проблема межъязыковых связей (языки, называемые общими), проблема социальных языков, проблема языков, приспособленных для связи с иностранной языковой средой, а также проблема распределения лингвистических пластов в городах» (111, 25—26). С этих позиций лингвисты Чехословакии подходили к изучению диалектного и социального членения языка, особенно к изучению социальных диалектов, складывающихся при общественном разделении труда. Чехословацкая

социолингвистика накопила богатый материал по конкретному описанию языка рабочих в той или иной отрасли промышленности, особенностях женского языка города и деревни, студенческого языка и т. д.

Отмечая факт ускоренной перестройки системы литературного языка под влиянием социалистического общественного развития, чехословацкие лингвисты (Ф. Данеш, Й. Мистрик и др.) подчеркивают роль культурной и научно-технической революции в этом процессе, который проявляется в следующих тенденциях, свойственных современному чешскому языку: 1) рационализации (стремление к однозначности, лаконичности, точности), 2) специализации и стилистической дифференциации, 3) интернационализации и 4) стабилизации.

Для современной чехословацкой социолингвистики характерен целый цикл исследований о влиянии социальных факторов на развитие языка. В работе «Язык и общество» (1972) В. Скаличка, подчеркивая, что отношение между языком и обществом является ключевым для языкознания, приводит в качестве примера взаимосвязи общественного развития и развития языка процессы интеграции и дифференциации языка, причем интегрирующая тенденция с новой силой проявляется в современном обществе. Воздействие этой тенденции проявляется в постоянном снижении коммуникативной роли диалектов.

В более общем плане вопрос о соотношении социальных и языковых факторов рассматривается в плане определения самого предмета социолингвистики. Согласно чехословацкой лингвистической традиции, социолингвистика определяется как научная дисциплина, исследующая язык и общество в их взаимосвязи. Она изучает отношение социальных факторов (род занятий, профессия, склонности, пол, возраст говорящего, а также число говорящих и т. д.) к языку, степень и формы влияния общества на язык, на все его разнообразные реализации, литературные и нелитературные, на сферу речи и на сферу языка в его синхронном и диахронном состоянии; кроме того, она исследует черты обратного влияния языка на общество.

Продолжая традиции Пражской школы, чехословацкие социолингвисты (Л. Долежел, Й. Краус, Я. Пруха, Й. Скацел и др.) внимательно изучают коммуникативные функции языка. Решая вопрос о том, какие факторы и каким образом заставляют говорящего в каждый данный момент сказать так, а не иначе, они приходят к необходимости учета данных психолингвистики. Связующим звеном между психолингвистикой и социолингвистикой, по их мнению, может стать функциональная стилистика. Основным понятием теории функциональной стилистики является понятие стиля, понимаемого как способ контролируемого (сознательного или бессознательного) выбора и организации языковых средств в зависимости от функции и содержания коммуникативного акта, коммуникативной ситуации, намерения

говорящего и т. д. Разрабатываются также понятия стилеобразования и стилеобразующих факторов, которые могут быть субъективными (стилистические навыки и т. д.) и объективными (форма речи — письменная или устная, диалогическая или монологическая, жанр, функция сообщения и т. д.), причем функция коммуникации считается важнейшей среди социальных стилеобразующих факторов.

Для социолингвистических исследований в ЧССР характерно обращение к структуре и различным формам устного речевого контакта (спонтанная устная речь, информационный диалог), где речевое поведение регулируется почти исключительно социальными нормами.

Ориентация на изучение коммуникативных функций проявляется в тенденциях чехословацких лингвистов строить общую теорию речевой коммуникации не только в психолингвистическом, но и кибернетическом аспекте построения моделей социальной коммуникации. Л. Долежел в статье «Кибернетика и языкознание» (1964) различает четыре коммуникативные сферы: 1) сферу передачи и обработки информации, служащей для описания, познания и толкования природы и общества; 2) сферу передачи и обработки информации, с помощью которой регулируется поведение личности в коллективе; 3) сферу передачи информации, выражающей в художественной форме действительность, и 4) сферу трансформаций языковых сообщений в формулы общественной беседы. Эти особенности коммуникативных сфер определяют характер обращения информации в обществе и влияют на лингвистическое построение высказываний.

Отличительной особенностью социолингвистов ЧССР является стремление раскрыть особенности социолингвистики как науки в связи с другими смежными науками — психолингвистикой и кибернетикой. Следует надеяться, что намечаемые чехословацкими учеными точки совпадения со смежными науками позволят расширить теоретические возможности социолингвистики.

Рассматриваемые чехословацкими лингвистами вопросы развития и функционирования литературного языка в его отношении к социальным диалектам, их классификации, влияние социальных факторов на развитие языка привлекают внимание и польских лингвистов.

§ 156. Социолингвистические исследования польских языковедов во многом основываются на теоретических идеях И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в статье «Язык и языки» (1903) сформулировал идею двупланового членения языка — «горизонтального» (территориального) и «вертикального» (социального)—и подчеркнул важность изучения вертикального слоя, представляющего собой «разнообразные видоизменения того же местного говора по классам общества, по занятиям и образу жизни, по сословиям и т. п.». От положений Бодуэна идет характерный

для польских языковедов интерес к языку отдельных социальных групп, а также к языку крупных социолингвистических образований, в частности к городскому языку. При исследовании разговорного языка небольших городов отмечаются, например, две особенности: 1) тесная связь с окружающими сельскими говорами и 2) широкое проникновение в разговорный язык малых городов различных социальных говоров.

Многообразие социальной дифференциации выдвигает перед польскими языковедами задачу функциональной классификации социальных вариантов языка. Классификация производится с точки зрения стратификационной, ситуативной и коммуникативной вариантности языка.

Стратификационная классификация исходит из соотношения вариантов языка с определенными социальными группами. Здесь выделяются профессиональные варианты, жаргоны (тайные варианты языка), социальные варианты (студенческий, актерский и т. д. «языки»), варианты игрового характера (детские тайные языки).

Ситуативная классификация определяет варианты языка в зависимости от конкретных социальных ситуаций его употребления.

Коммуникативная вариативность предполагает изучение функционирования языка в условиях непосредственного коммуникативного контакта. Большое внимание при этом обращается на изучение фактической (контактоустанавливающей) функции языка.

Внимание польских социолингвистов привлекает проблема функционирования языка в средствах массовой коммуникации, в частности исследование «языка» прессы, «языка» комментария, «языка» репортажа, где они отмечают продуктивность именного характера газетной информации.

Польские социолингвисты не могут не ставить также вопроса и об общетеоретических задачах социолингвистики, выработке ее понятийного аппарата. В статье Л. Заброцкого «К теории социолингвистики» (1972) выражается опасение по поводу чрезмерной социологизации лингвистики, которая, по его мнению, должна быть прежде всего наукой о языке. Характеризуя общий статус социолингвистики, Заброцкий определяет ее как часть более широкой дисциплины — теории коммуникации. В задачи социолингвистики входит изучение иерархических отношений коммуникативных средств отправителя и получателя сообщений с точки зрения их согласованности и несогласованности. Это отношение и будет определять принадлежность и отправителя и получателя к одной социальной группе.

В работе Заброцкого подчеркивается важность лингвистической формулировки социолингвистических понятий. Лингвистические понятия должны быть четко отграничены от социологических. Промежуточным понятием, связывающим лингвистическое понятие языковой общности с социологическим понятием

социальной группы, является понятие коммуникативной общности, представляющее собой социальное объединение людей (экономическое, политическое, религиозное, профессиональное и т. п.), в котором осуществляется взаимный обмен информацией. Введение такого понятия, по мнению Заброцкого, способствует пониманию частого несоответствия между социальной группой и вариантом языка.

Актуальной задачей польские социолингвисты считают разработку исторической социолингвистики, т. е. выяснение роли социолингвистики в историко-лингвистических исследованиях, выявление динамики языковых процессов, основанных на социологических принципах.

§ 157. Социолингвистика является новой дисциплиной, дополняющей и расширяющей наши представления о языке. Если структурная лингвистика отдавала предпочтение изучению структурной вариативности в анализе одного языка, то социолингвистика акцентирует внимание на изучении функциональной вариативности языка в обществе, которое оказывает многообразное влияние на язык и в свою очередь испытывает опосредованное влияние со стороны языка. Интенсивно разрабатывается понятийный аппарат социолингвистики.

Но решение фундаментальных, теоретических основ социолингвистики, которая, как любая общественная наука, подвержена влиянию той или иной идеологии, возможно только на основе марксистско-ленинской теории. Социолингвистические исследования, проводимые в Советском Союзе и социалистических странах, ориентированы на познание общественной стороны языка, исследование его общественных функций с учетом специфики языка и общества. Попытки американских социолингвистов, стремящихся к нахождению соответствий между социальными и языковыми структурами и переносящих методы формального анализа языка на социолингвистические категории, в известной мере способствуют изучению механизма воздействия социальных факторов на речевое поведение. Но, испытывая сильное влияние различных позитивистских концепций — необихевиоризма, феноменологической философии и т. д.,— эти попытки весьма уязвимы с теоретической точки зрения.

* * *

В заключение следует сказать, что изучение социальной обусловленности языка, которой в широком плане занимается социолингвистика, помогает еще глубже проникнуть в природу языка, выяснить условия его функционирования в обществе, ибо между общественными функциями языка и языковой системой существуют глубокие и непосредственные связи.

Содержание социолингвистики, как и любой общественной науки, обусловлено определенной философской базой. Если

советская социолингвистика с самого начала своего существования, также как и возникшая позднее социолингвистика социалистических стран, основывалась на марксистском учении об обществе, на положениях и категориях исторического материализма, то американская школа социолингвистики исходит из субъективно и объективно идеалистического понимания социальных процессов.

Несомненно, что наметившаяся связь между языкознанием и социологией на основе исторического материализма позволит полнее выяснить характер причинных отношений между языком и обществом.

Дополнительная литература

Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975.

Проблемы зарубежной социолингвистики. М., 1976.

Социально-лингвистические исследования (сб. статей). М., 1976.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1976.

Язык и общество (сб. статей). М., 1968.

Глава XX

Развитие советского языкознания

§ 158. Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественно-экономических отношений, но и в области науки. Наука, в том числе и языкознание, была привлечена к служению народу первому в мире социалистическому государству, новому обществу, практические нужды которого она была призвана обслуживать. Наука о языке приобретает громадное практическое значение. В первую очередь это было обусловлено тем, что огромные массы безграмотных ранее людей получили доступ к русской и мировой культуре. Ленинская национальная политика положила конец многовековому угнетению различных малых народностей и национальностей бывшей царской России и открыла новые пути для культурного развития всех народов нашей страны. Изменилась функциональная роль русского языка, который стал языком межнационального общения.

Начавшееся массовое распространение грамотности, расширение сферы употребления русского и национальных языков, практические задачи создания новых литературных языков, отражение грандиозных революционных процессов в языке — все это поставило перед языковедами такие задачи и проблемы, с которыми прежнее «кабинетное» языкознание и не сталкивалось.

Наряду с этими практическими, первостепенной важности задачами советские языковеды встали перед необходимостью перестроить языкознание на основах марксистской материалистической методологии.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин писал: «...Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» (11, 29—30). Это ленинское положение в равной степени относится и к лингвистам, их методологии в области научно-исследовательской работы. Основой советского языкознания стала марксистско-ленинская философия, диалектический метод как всеобщий способ сознательного диалектического познания и революционного изменения действительности.

Классики марксизма-ленинизма всегда проявляли живой интерес к вопросам языкознания как в теоретическом, так и практи-

ческом его значении, постоянно подчеркивая социальный характер языка, его неразрывную связь с мышлением. К. Маркс и Ф. Энгельс дали классическую формулироку этой связи: «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (1, 29). «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» — так определял язык В. И. Ленин (8, 258).

Подлинно материалистическое решение вопроса о соотношении языка и мышления дает ленинская теория отражения, согласно которой через ощущение мы познаем окружающую нас объективную действительность. Процесс познания, как отмечает В. И. Ленин, происходит следующим образом: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» (9, 152—153). Обусловленные внешним миром воздействия на наши органы чувств вызывают определенные ощущения (зрительные, слуховые и т. д.), которые представляют собой материал для мышления. Чувственное восприятие внешнего мира, подчеркивает В. И. Ленин, тесно связано с образовани представлений и понятий. В процессе отвлечения от чувственно восприятия понятие облекается в чувственный образ, каки является слово. Ленин указывал, что «всякое слово (речь) уж *обобщает*», что «в языке есть только о б щ е е» (9, 246, 249). Говоря о том, что в языке есть только о б щ е е, мы признаем, что язык так или иначе участвует в выражении, закреплении мысли.

С позиций исторического материализма, изложенного в работах классиков марксизма-ленинизма, решается и проблема взаимоотношения языка и общества. Являясь важнейшим средством человеческого общения, язык не может существовать вне общества, поскольку он социально обусловлен как по происхождению, так и по назначению.

Основой диалектического и исторического материализма является диалектический метод как всеобщий способ сознательного диалектического познания и революционного изменения действительности. Естественно, что до возникновения диалектического метода также развивалась наука и существовали ученые. Исследования прогрессивных русских языковедов М. В. Ломоносова, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и других показывают, что при изучении сущностных характеристик языка: проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка и общества, происхождения языка — они стояли на позициях стихийного материализма. Их творчество несет на себе отпечаток диалектики. Вообще для русского дореволюционного языкознания характерной особенностью в освещении общеязыковедческой проблематики была философская направленность, заключающая

в себе мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассматриваемы как различные формы материи.

§ 159. Сразу после революции, когда перед языковедами встал вопрос о поисках тех путей, по которым должно развиваться новое марксистское языкознание, необходимо было правильно решить вопрос о преемственности в науке старого и нового. Исключительную роль в послереволюционный период сыграло известное указание В. И. Ленина, высказанное им в статье «Набросок резолюции о пролетарской культуре»: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* мировоззерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» (10, 462).

Крупный ученый дореволюционной России, много и плодотворно занимавшийся проблемами армяно-грузинской филологии, Марр полагал, что старое индоевропейское языкознание, обязанное своим появлением буржуазной идеологии, зашло в тупик, поскольку занималось изучением вымышленного, никогда не существовавшего праязыка. Исходя из идеи «единства глоттогонического (языкового) процесса», он полагал, что языки, особенно индоевропейские, возникают в результате схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков. Занимаясь кавказским языкознанием, он обратил внимание на влияние кавказского субстрата на индоевропейский армянский язык. Этот субстрат он назвал яфетическим, и элементы этого субстрата Марр стремился найти не только в армянском, но и в языках всего мира.

Субъективно Марр стремился стать марксистом, принять активное участие в становлении революционной общественной науки. Объективные причины (недостаток философской подготовки, отсутствие настоящей лингвистической школы) привели его к упрощенному, вульгарно-социологическому истолкованию сложных явлений и процессов языкового развития. Он выдвинул тезис о том, что язык является идеологической надстроечной категорией, возникшей на базе производства и производственных отношений. Такое понимание языка игнорировало положение классиков марксизма-ленинизма о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения.

Из представления о языке как надстроечной категории Марр сделал и другие, в корне ошибочные выводы. Во-первых, поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, то язык тоже является классовым. Во-вторых, язык развивается стадиально, в результате смены общественных формаций. Марр полагал, что переход общества из одной формации в другую должен сопровождаться переходом языка из одного состояния в другое, при этом структура языка резко меняется и возникает новая, качественно отличная система языка. В-третьих,

пути развития всех языков едины (теория единства глоттогонического процесса). Марр полагал при этом, что поскольку в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности, постольку и в развитии языка выявляются общие закономерности, связанные со сменой формаций общества.

Положения «нового учения» о языке вызвали более чем скептическое отношение со стороны некоторых языковедов того времени, поскольку противоречили фактам языка. Если отдельные языковеды и следовали за Марром, то их привлекала антирасистская направленность его учения, внимание к бесписьменным и неизученным языкам, содействие их разработке. Популярности «нового учения» о языке способствовали боевой дух и пафос преобразований советской эпохи, которые пронизывали всю деятельность Марра. Но, нарушив ленинский принцип преемственности, «новое учение» о языке порвало с научными традициями русского дореволюционного и зарубежного языкознания, объявив их «буржуазными».

Между тем в конце XIX— начале XX в. русские языковеды Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, М. М. Покровский и другие разрабатывали проблемы языка как системы, выявляли множественность причин изменения языка, указывали на социальную обусловленность языковых изменений. Их идеи о знаковой теории языка, теории фонологии, структурной типологии родственных и неродственных языков подготавливали становление общего языкознания как самостоятельной науки. Их исследования в области сравнительно-исторического языкознания, изучения исторической грамматики русского и славянских языков, синтаксических проблем внесли много нового и ценного в языкознание.

Эти традиции были продолжены в работах А. М. Пешковского (1878—1933), Л. В. Щербы (1880—1944), Д. Н. Ушакова (1873–1942), Е. Д. Поливанова (1890—1937) и многих других русских и советских языковедов. В капитальном труде Пешковского по русской грамматике «Русский синтаксис в научном освещении» (1927, 3-е изд., коренным образом переработанное) нашли яркое отражение идеи Ф. Ф. Фортунатова о форме слова и словосочетания. В этой работе ставится задача «обнять возможно большее число синтаксических явлений современного литературного языка» и разрабатываются проблемы стилистического синтаксиса, новые пути изучения ритмико-синтаксического строя художественного произведения. Книга Пешковского, как и другие его грамматические работы, насыщена богатством привлеченного материала, интересными оригинальными положениями, отличается тонкостью лингвистического анализа. Пешковский подчеркивает постепенность языкового развития, отсутствие в нем скачков. Консерватизм литературного наречия, говорит он, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы. Оригинальность его

понимания языка как системы заключается в том, что, по его мнению, «язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы... Поэтому нельзя, собственно, определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а фразу как совокупность словосочетаний. Все определения должны быть построены в обратном порядке».

§ 160. Против традиционных методов сравнительно-исторического языкознания, правда на других основаниях, нежели Н. Я. Марр, выступил Л. В. Щерба. Он подчеркивал важность исследования современных живых говоров и языков: только при изучении живых языков лингвист может выработать точные методы создания грамматик и словарей, отражающих действительное состояние языка. Исследователь живых языков, по мнению Щербы, в отличие от индоевропеиста должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но построив из этого материала некую отвлеченную систему, языковед, полагает Щерба, должен проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые факты действительности. Исходя из этого, Щерба считает необходимым ввести в языкознание принцип эксперимента. Сравнительно-исторической грамматике старого типа Щерба противопоставил сравнительное изучение структуры различных языков, хотя он и оговаривается, что ему не ясно, что может дать такое изучение для воссоздания исторической картины развития структуры человеческого языка в связи с развитием человеческого сознания.

Щерба под влиянием лекций Бодуэна выдвигает свое понимание системы языка, которое значительно отличается от соссюровского. Он считает, что система «есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что объективно проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы».

С именем Щербы в истории советского языкознания связано учение о фонеме. В своей ранней работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912) Щерба, вслед за Бодуэном де Куртенэ, основывался на психологическом понимании фонемы как представления фонемы, постоянно существующей в нашей психике. Позднее он определяет фонему как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы — как реально произносимые различные звуки (см. его работу «Французская фонетика»). В определение фонемы он вносит семантический момент, подчеркивая ее способность ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова. Особенно важно отметить, что Щерба вносит

элемент оппозиции (противопоставления) при определении сущности фонемы. Он считает, что все фонемы образуют единую систему противоположностей, в которой каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп. Щерба всегда подчеркивал тесную связь фонетики и фонологии, рассматривая их как два аспекта одного явления.

В области синтаксиса Щерба разрабатывал учение о синтагме как основной синтаксической единице. Под синтагмой он понимал фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний.

В советское время Щерба ведет большую работу и в области научной лексикографии, теоретические результаты которой он изложил в статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940). Хотя Щерба и определил круг своих лингвистических интересов областью теории языка вообще, фонетикой, лексикологией и отчасти синтаксисом, на самом деле он занимался и проблемами письменности, методикой, орфографией. И во все эти области он внес существенный вклад.

§ 161. После Великой Октябрьской социалистической революции интересы советских лингвистов обращаются к социолингвистической проблематике, чему способствовало изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, и содержащиеся в этих трудах высказывания о языке, а также стремление понять, какое отражение нашли в языке социально-политические сдвиги, обусловленные революцией.

В 20—30-е гг. появляется ряд работ, посвященных социолингвистической проблематике. Это книга Р. О. Шор «Язык и общество» (1926), работа К. Н. Державина «Борьба классов и партий в языке Великой французской революции» (1927), исследование М. В. Сергиевского «Проблемы социальной диалектологии в истории французского языка XVI—XVII вв.» (1927), статьи Б. А. Ларина о языке городского населения, Е. Д. Поливанова, М. Н. Петерсона и др. Эти работы советских языковедов заложили основы нового оригинального направления советского языкознания, известного под названием «социальная диалектология», которое позднее переросло в марксистскую социолингвистику.

Социальная диалектология требовала изучать языковые явления в тесной связи с территориальными и социально-групповыми изменениями носителей данного языка, а также языковые изменения внутри различных группировок этих носителей. В книге В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) ставится задача исследования процессов формирования национальных языков и становления единой общенациональной языковой нормы. Жирмунский выделяет две основные формы существования языка: единый общий, называемый также

национальным или литературным языком, носителем которого, по его мнению, является буржуазия, и территориально раздробленные диалекты подчиненных общественных групп, к которым относится крестьянство, городская мелкая буржуазия, пролетариат. Книга Жирмунского стимулировала интерес советских языковедов к вопросам формирования языков буржуазных наций.

Проблемы социологии языка получили также теоретическое осмысление в работах Е. Д. Поливанова, который характерной особенностью первого послереволюционного десятилетия в истории советской лингвистики считал перенос центра тяжести на социологическую сторону в изучении языка.

В круг проблем социологической лингвистики он включал определение языка как социального исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, выработку языковой политики.

Поливанов считал, что общественные сдвиги отражаются языком более или менее непосредственно только в лексике и фразеологии. Он возражал против лженаучных попыток объяснить фонетические и грамматические явления непосредственным воздействием социально-экономических факторов. Согласно его точке зрения, от социально-экономических факторов зависят не изменения в фонетике и морфологии, а образование семей языков и языковое скрещивание.

Будучи специалистом по восточным языкам, Поливанов был в курсе достижений сравнительно-исторического языкознания. В отличие от сторонников «нового учения» о языке Поливанов считал, что все достижения «сравнительно-исторического языкознания должны быть использованы в советской лингвистике». Вот почему, отмечает он, «революционный сдвиг в сторону марксистской идеологии должен осуществляться здесь не в виде похоронного шествия за гробом естественноисторического языкознания и добытой им конкретной историей языков, а в построении новых отделов языкознания — социологического, которое сольет в стройное прагматическое целое конкретные факты языковой эволюции с эволюцией (т. е. историей) общественных форм и конкретных общественных организмов».

Поливанов никогда не считал самоцелью описание языка. Цель языкознания он видел в объяснении причин языковых изменений. Вопросу о причинах, или факторах, языковых изменений (теории эволюции языка) Поливанов отводил центральное место в системе лингвистических дисциплин, указывая на первостепенное философское и практическое значение этой теории.

Говоря о соотношении традиционных разделов языкознания (фонетики, лексикологии, грамматики), Поливанов обосновал необходимость выделения фразеологии как особой лингвистической дисциплины, которая изучала бы не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний, подобно

тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями слов.

Отличительной чертой советского языкознания Поливанов считал активное участие лингвистов в практической деятельности — создание письменности для бывших «инородческих» народностей, не имевших ранее своей графики, составление описательных грамматик, словарей, учебников и букварей для бесписьменных языков народов СССР.

§ 162. В 30-е гг. в нашей многонациональной стране началась подлинная культурная революция, одной из составных частей которой было языковое строительство. Термин «языковое строительство» связан с такими новыми в первый период существования Советского государства понятиями, как «социалистическое строительство», «партийное строительство», «советское строительство».

Для практического руководства языковым строительством были созданы научные центры — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, Комитет нового алфавита народов Севера и др. Основная деятельность этих комитетов заключалась в определении фонетических и графических основ алфавитов, определении базы создания литературных языков, разработке терминологии. В создании письменности, в формировании новых литературных языков большую роль сыграли такие языковеды, как Е. Д. Поливанов, Д. В. Бубрих, Н. Ф. Яковлев и др.

Работы известного советского языковеда Д. В. Бубриха (1890—1949) «Звуки и формы эрзянской речи» (1930), «Кареды и карельский язык» (1932) и другие также были связаны с актуальными задачами языкового строительства, с развитием культуры и истории национальных языков народов Севера нашей страны. Бубрих возглавляет ряд экспедиций по изучению мордовских диалектов для выработки основ мордовской письменности. Под его руководством началось изучение карельских диалектов, изучение происхождения и истории карельского языка, он подчеркивает глубокие исторические связи карельского и русского народов.

Разработке алфавитов и орфографии, научных и практических грамматик, общих и специальных орфографических словарей посвящены работы Н. Ф. Яковлева (1892—1975), специалиста по кавказским языкам. В «Краткой грамматике адыгейского (кяхского) языка» (1930), «Краткой грамматике кабардино-черкесского языка» (1938) Яковлев приводит в стройную систему грамматические особенности этих языков. Основные принципы по унификации алфавитов для горских языков Кавказа изложены в его работе «Математическая формула построения алфавита» (1928).

После Великой Октябрьской социалистической революции литературный язык был выработан для осетинского, курдского,

талышского языков (иранская группа индоевропейских языков). Пятнадцать тюркских языков получили письменность: гагаузский, кумыкский, хакасский, тувинский, якутский, чувашский и др. На Кавказе возникли литературные формы абазинского, абхазского, адыгейского, ингушского, чеченского и других языков. Для народов Севера были созданы литературные языки эвенкийского, эвенского, нивхского, алеутского, корякского, чукотского и других языков. Выработка письменности и литературных языков проводилась советскими языковедами вместе с представителями этих народов. Все нации и народности СССР добровольно избирают русский язык в качестве языка межнационального общения и сотрудничества.

Итоги языкового строительства обобщены в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»: «Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры» (17, 9).

§ 163. Проводившаяся в 20—30-х гг. в советском языкознании большая практическая работа по созданию письменности и литературных языков, интерес к социолингвистической проблематике, практика языкового строительства вступали в противоречие с теоретическими положениями «нового учения» о языке. Большую роль в преодолении этих противоречий сыграла деятельность видного советского языковеда И. И. Мещанинова (1883—1967). Критику сравнительно-исторического языкознания он пытался заменить призывом к изучению ранее не исследованных бесписьменных языков Советского Союза. В своих работах Мещанинов оперировал материалом из языков народов Крайнего Севера нашей страны — чукотского, алеутского, нганасанского и др. Зная кавказские языки и будучи специалистом по халдоведению, Мещанинов не мог не заняться типологическим описанием грамматических форм, особенно синтаксических категорий, разносистемных языков. Вместо марровской теории единства глоттогонического процесса Мещанинов выдвигает синтаксическую стадиальную теорию, нашедшую отражение в его работах «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (1936), «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения» (1940) и других более поздних работах «Члены предложения и части речи» (1945) и «Глагол» (1949). На материале различных

языков Советского Союза Мещанинов анализировал выражение субъектно-объектных отношений в языке и на основе способов их выражения выделял три стадии — пассивную, эргативную и активную. В пассивной стадии развития языков, которая, по Мещанинову, характерна для чукотского, алеутского, нивхского и других палеоазиатских языков, нет различия субъекта и объекта. Глагол не знает переходности-непереходности действия. Словесный комплекс, включая в свой состав различные части, представляет из себя единое целое. Эргативная стадия, встречающаяся в кавказских языках (грузинском, абхазском, адыгейском, лезгинском и др.), характеризуется выделением субъекта действия в особом эргативном падеже, а объекта — в именительном. В активной стадии ведущим синтаксическим признаком является наличие субъекта в именительном падеже в качестве единственной формы подлежащего вне зависимости от переходности или непереходности глагола.

Последующее развитие советского языкознания показало необоснованность данной стадиальной схемы, но идея проведения синтаксических исследований, построенных на изучении сходств и различий в выражении синтаксических отношений в родственных и разносистемных языках, была новой для советского языкознания 30-х гг. и знаменовала становление типологического изучения языков. Концепция синтаксической типологии Мещанинова была в дальнейшем продолжена в работах его учеников. Своими трудами Мещанинов способствовал включению в общетеоретическое рассмотрение бесписьменных и малоизвестных языков Советского Союза, стимулируя их конкретное изучение.

Накопленный в Советском Союзе в 20—30-х гг. опыт создания литературных языков и теории литературного языка имеет большое теоретическое и практическое международное значение, если учитывать потребности развития и языковые трудности в развивающихся странах.

Положительную роль в истории советского языкознания сыграла лингвистическая дискуссия 1950 г., которая положила конец «новому учению» о языке, восстановила в правах сравнительно-историческое языкознание, стимулировала интерес советских языковедов к общетеоретическим проблемам.

§ 164. В начале 50-х гг. большое значение в популяризации основ сравнительно-исторического языкознания имели работы Б. А. Серебренникова, книга А. В. Десницкой «Вопросы изучения родства индоевропейских языков» (1955), а также коллективный труд «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков» (1956).

С середины 50-х гг. исследования советских языковедов в области сравнительно-исторического языкознания сопровождаются постановкой ряда методологических и методических проблем. Прежде всего стали разрабатываться вопросы, связанные с до-

полнением сравнительно-исторической методики приемами внутренней реконструкции, ареальной лингвистики и типологическими исследованиями. Советские компаративисты стремятся заменить плоскостную реконструкцию индоевропейского праязыка выделением его временных пластов — «раннего» и «позднего» этапов развития индоевропейского языка; соответственно реконструкция расчленяется на «дальнюю» и «ближнюю».

Сравнительно-историческое изучение различных языковых групп в советском языкознании получило неодинаковое развитие. Чрезвычайно высокого уровня развития достигло сравнительное славянское языкознание. Продолжая и развивая идеи знаменитого русского языковеда А. А. Шахматова о генезисе славянства вообще и славянского языкознания в частности, советские славяноведы достигли значительных успехов в разработке теории балто-славянской языковой общности, ее содержания в языковом и этногенетическом аспекте, в вопросах формирования восточной, западной и южной ветвей славянства. Наиболее обстоятельно и глубоко эти проблемы освещены в работах выдающегося советского языковеда Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (1962) и «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972).

После 50-х гг. наметился значительный прогресс в области этимологических исследований. Этимология обогащается новыми принципами исследования — привлечением типологии семантических изменений наряду со словообразовательным аспектом, установление индоевропейских соответствий для производных слов, которые находят свое выражение в исследованиях советских этимологов О. Н. Трубачева, В. И. Абаева, В. Н. Топорова и др. Крупнейшим вкладом в мировую этимологическую науку являются «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (1958) В. И. Абаева, «Этимологический словарь картвельских языков» (1964) Г. А. Климова, «Сравнительный словарь тюркских языков» (1974) Э. В. Севортяна. В орбиту сравнительно-исторических исследований, помимо индоевропейских языков, вовлекаются финно-угорские, монгольские, африканские, кавказские, тюркские языки. Все это позволяет говорить о советской школе компаративистики, без учета достижений которой невозможна дальнейшая разработка сравнительной грамматики индоевропейских и германских языков в мировом языкознании, ибо советские компаративисты ставят в этой области ряд новых методологических и методических проблем.

§ 165. В советском языкознании пристальное внимание обращается на изучение содержательного аспекта теории языка, рассмотрение связей языка с мышлением, психической деятельностью, культурой. В разработке этих проблем большая роль принадлежит работам А. И. Смирницкого (1903—1954), В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова и др.

В работах «К вопросу о слове» (1952—1954), «Объективность существования языка» (1954) и др. Смирницкий дает свое толкование проблемы соотношения языка и речи. В работах Смирницкого слово как основная единица языка получило многостороннее толкование с учетом его семантической и морфологической структур. В слове взаимодействуют лексические и грамматические моменты. Смирницкий вводит понятие оформленности слова, которая является соединением лексического и грамматического в слове. Цельнооформленность слова обеспечивает его неразрушаемость при различных изменениях. Словосочетание, по Смирницкому, отличается от слова раздельнооформленностью своих членов.

Одним из центральных вопросов грамматической теории в советском языкознании является вопрос о соотношении предложения и словосочетания. Большой вклад в разработку этой проблемы внесли труды В. В. Виноградова (1895—1969), крупнейшего представителя советской филологической науки, оказавшего большое влияние на советское языкознание. В работе «Основные вопросы синтаксиса» (1955) Виноградов разрабатывает теорию словосочетания, в основе которой лежит четкое разграничение словосочетания и предложения. По мнению Виноградова, словосочетание как единица номинативного уровня противостоит предложению как единице коммуникативного уровня: эти единицы различаются формально и функционально. Грамматическими признаками предложения служат интонация сообщения и предикативность, которая обозначает выделение бытийного признака в грамматически независимом предмете высказывания. Центральными категориями синтаксиса предложения выступают именно предикативность и модальность.

В результате углубленного изучения сложного слова в грамматической концепции Виноградова создаются особые направления грамматического учения о слове: а) учение о словообразовании в его отношении к морфологии и лексикологии, б) учение о модальности, экспрессивности и эмоциональности, в) учение о слове как грамматической единице. Учение о слове как единстве грамматического и лексического значений было огромным шагом вперед в развитии грамматической теории советского языкознания. Оно учитывало и исследования по изучению единицы более широкой, чем предложение,— сложного синтаксического целого (или сверхфазового единства). Поэтому наиболее рациональным делением грамматики Виноградов считал следующее: 1) грамматическое учение о слове; 2) учение о словосочетании; 3) учение о предложении и 4) учение о сложном синтаксическом целом.

Виноградов разрабатывает учение о несвободных сочетаниях слов, стоящих на разных ступенях фразеологизации. Установленные им три типа фразеологических единиц (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) сейчас общепринятые для разграничения фразеологизмов

не только в русском, но и в других языках. С именем Виноградова связано превращение фразеологии в самостоятельную отрасль языкознания, имеющую дело с семантической сочетаемостью слов.

§ 166. В советском языкознании под влиянием работ Виноградова происходит становление новой лингвистической дисциплины — истории русского литературного языка во всем многообразии его стилей. Излагая свои взгляды на изучение языка и стиля писателей, Виноградов указывал, что советские языковеды должны обратить внимание на решение таких проблем, как соотношение языка писателя и общелитературного языка, соотношение языка и стиля писателя в художественном произведении, язык писателей XVIII—XX вв. в сопоставлении с языком писателей предыдущего периода. Работы Виноградова по изучению языка писателей «Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка» (1935), «Стиль Пушкина» (1941), статьи о языке Гоголя, Лермонтова, Толстого, Крылова, Федина и других отличаются исключительным знанием русского литературного языка в его историческом развитии.

§ 167. Становление стилистики как раздела языкознания также связано с именем Виноградова. Он считал, что стилистика должна активно содействовать росту культуры и речи, заниматься нормализацией общенародного языка, бороться с засорением книжной и разговорной речи, жаргонизмами и провинциализмами, вырабатывать нормы правильного словоупотребления.

При оценке трудов Виноградова справедливо подчеркивается, что его труды оказали большое и плодотворное влияние на все развитие нашей грамматической науки. На его грамматической системе в значительной мере построено современное вузовское и школьное преподавание русской грамматики.

§ 168. Достижением советского языкознания является становление новой науки — лингвистической географии. Изучение диалектов проводилось и в дореволюционном языкознании. Оживление интереса к области лингвистической географии начинается с 30-х гг., и оно было тесно связано с проблематикой социальной диалектологии. Широким фронтом развернулись работы по составлению атласа русского языка с 1935 г. под руководством Ф. П. Филина. В 30—40-х гг. в различных городах нашей страны издаются вопросники для составления регионального лингвистического атласа соответствующей области.

Начиная с 60-х гг. развитие лингвогеографических исследований пошло по другому руслу. Преимущественное внимание стали обращать на составление национальных атласов, подготовка которых ведется во многих союзных республиках, но издан пока только атлас русских народных говоров и диалектологический атлас белорусского языка. Ведется работа по трем атласам, охватывающим группу языков — общеславянский лингвистиче-

ский атлас, карпатский диалектологический атлас и атлас тюркских языков. Цель всей этой диалектологической работы заключается в том, чтобы представить диалектный материал как элемент системы языка и восстановить историческое прошлое этих языков.

§ 169. Творческой активности советских языковедов в 50—60-х гг. способствовал ряд проведенных научных дискуссий по проблемам фонологии, стилистики, синхронического и диахронического изучения языков, о роли и месте структурализма и структурных методов исследования языка в советском языкознании.

Дискуссия по структурализму имела принципиальное значение для определения дальнейшего пути развития советского языкознания.

Советские языковеды резко критикуют структурализм за отказ от всякой преемственной связи с предшествующей лингвистической традицией, стремление разъединить «традиционное» и «структурное» языкознание. Они руководствуются ленинским положением о том, что культура социалистического общества складывается из бережного отношения к культурному наследию прошлого. В советском языкознании не находит поддержки представление о структурной лингвистике как направлении в языкознании, не имеющем никаких национальных основ. Развитие любого направления в языкознании возможно только на анализе конкретного языкового материала, на знании реальных языковых фактов. Ориентация представителей структурализма на изучение неких абстрактных комплексов, отношений, независимых от значений и звуков, превращает языкознание в область знания без собственного предмета исследования. Поэтому существовавший исторически короткий срок структурализм, как справедливо считают советские языковеды, во всех своих здоровых формах более или менее выполнил свою задачу.

§ 170. В 60-х гг. в советском языкознании интенсивно развивается после длительного перерыва социолингвистика, оживлению интереса к которой способствовало изучение соотношений и взаимодействий разных языков народов Советского Союза с русским. В центре внимания становятся проблемы двуязычия межнационального общения и функционального воздействия языков. В капитальном исследовании «Языки народов СССР» (1966—1968) подведены основные итоги изучения многочисленных языков народов СССР (дано описание 127 языков народов СССР) и показаны основные достижения в их развитии за годы Советской власти. В работах советских языковедов И. К. Белодеда «Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе» (1972), «Русский язык — язык межнационального общения народов СССР» (1962), Ю. Д. Дешериева «Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обще-

стве» (1966), Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко «Развитие языков народов СССР в советскую эпоху» (1968) содержится анализ роли русского языка в развитии национальных языков, изучения влияния русского языка на различные языки народов СССР и характера воздействия последних на русский язык.

Изучение всех этих задач поставило и другую важную теоретическую проблему — определение сущности социолингвистики в советском обществе. Исследования Ю. Д. Дешериева, В. А. Аврорина в разработке проблем социальной лингвистики исходят из того, что социальная лингвистика должна заниматься изучением функционирования языка и языковых ситуаций, его роли и места в общественном развитии, изучением его общественных функций.

За последнее время в советском языкознании интенсивно разрабатывается актуальная проблема «Русский язык и советское общество». В четырехтомной монографии на эту тему разбирается влияние новых социалистических преобразований на лексику, фонетику, грамматику русского языка. В монографии И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи» (1975) обобщаются вопросы развития общественно-политической лексики, возникшей в советский период, исследуются малоизученные процессы, происходящие в лексике и словообразовании.

Важным для советского языкознания является изучение взглядов Ленина на язык, его роль в разработке теории национально-языкового строительства в социалистическом обществе, а также исследование ленинского влияния на формирование советского языкознания. Этому кругу вопросов посвящены материалы сборника «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» (1970). В книге с марксистско-ленинских позиций освещаются основные методологические проблемы современного советского языкознания: система и структура языка, его категории и функции, отношение между содержанием и формой. За последнее время советские языковеды больше внимания обращают на раскрытие роли творчества В. И. Ленина в обогащении русской и мировой речевой культуры, на освещении всего стилевого многообразия ленинского языка. В настоящее время ведется работа по подготовке «Словаря языка В. И. Ленина». Такой словарь призван показать все богатство, многогранность и выразительность лексических и фразеологических средств языка В. И. Ленина. Изучение словарного наследства В. И. Ленина особенно важно для исследований по терминологии и фразеологии, так как в произведениях Ленина сконцентрирована основная общественно-политическая лексика и фразеология конца XIX— первых десятилетий XX в. Это позволит показать роль Ленина в развитии марксистской научной терминологии, особенно в становлении русской общественно-политической терминологии научного коммунизма, поможет выяснить вопрос о том, какое значение имели труды К. Мар-

кса и Ф. Энгельса в формировании некоторых сторон языка и стиля Ленина.

Вопросы взаимодействия русского языка с языками народов СССР, с иностранными языками поставили перед советскими языковедами другую важную задачу — задачу теоретического освещения проблем интерференции и практического ее решения при составлении сопоставительных грамматик и особенно двуязычных словарей, которыми так богато советское языкознание.

Советское языкознание за время своего развития достигло значительных успехов. Развитие теории языковой нормы, создание письменности и литературных языков для ранее бесписьменных народов, изучение языков народов СССР и введение в языковую практику многообразных типов языковых систем, разработка теоретических вопросов грамматической теории, внедрение в лингвистику новых идей описательного, сравнительно-исторического и других методов, разработка вопросов социолингвистики — все это подчеркивает широкую многоаспектность советского теоретического языкознания и делает его особым направлением в мировой науке о языке.

Дополнительная литература

Березин Ф. М. Советскому языкознанию — 60 лет.— Вопросы языкознания, 1977, № 5.

Дегтерева Т. А. Пути развития современной лингвистики. Кн. 3. Структурализм и принципы марксистского языкознания. М., 1964.

Ленинизм и теоретические проблемы языкознания (сб. статей). М., 1970.

Теоретические проблемы советского языкознания (сб. статей). М., 1968.

Филин Ф. П. Советское языкознание: теория и практика.— Вопросы языкознания, 1977, № 5.

Энгельс и языкознание (сб. статей). М., 1972.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков.— Соч., изд. 2-е, т. 3. М., 1955.

2. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона.— Соч., изд. 2-е, т. 4. М., 1955.

3. Маркс К. К критике политической экономии.— Соч., изд. 2-е, т. 13. М., 1959.

4. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество».— Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941.

5. Энгельс Ф. Эмигрантская литература.— Соч., изд. 2-е, т. 18. М., 1961.

5[а]. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Соч., изд. 2-е, т. 20. М., 1961.

6. Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма.— Полн. собр. соч., т. 25.

7. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике.— Полн. собр. соч., т. 25.

8. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25.

9. Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29.

10. Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического Интернационала. Речь о вхождении в Британскую рабочую партию 6 августа.— Полн. собр. соч., т. 41.

11. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма.— Полн. собр. соч., т. 45.

12. Ленин В. И. Записка М. Н. Покровскому от 5/V 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 51.

13. Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов. 21 декабря 1972 г.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974.

14. Брежнев Л. И. Участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Варшава.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978.

15. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик. М., 1977.

16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. 1917—1924, изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970.

17. О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972.

18. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

19. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.

20. Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. Основные проблемы прикладной лингвистики.— Вопросы языкознания, 1959, № 4.

21. Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. О понятии речевого акта, речи, речевой вероятности и языка.— Вопросы языкознания, 1963, № 3.

22. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

23. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

24. Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М., 1966.

25. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

26. Балли Ш. Французская стилистика. (Русск. пер.) М., 1961.

27. Баранникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов, 1973.

28. Бенвенист Э. Общая лингвистика. (Русск. пер.) М., 1974.

29. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975.

30. Блумфилд Л. Язык. (Русск. пер.) М., 1968.

31. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания.— Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., 1968.

32. Бондарко А. В. Типы морфологических категорий. М., 1976.

33. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

34. Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике.— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. X, вып. 2, 1951.

35. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.

36. Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974.

37. Вандриес Ж. Язык. (Русск. пер.) М., 1937.

38. Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. (Русск. пер.) М., 1964.

39. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947; изд. 2-е. М., 1972.

40. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

41. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— Вопросы языкознания, 1953, № 5.

42. Виноградов В. В. Некоторые вопросы изучения синтаксиса простого предложения.— Вопросы языкознания, 1954, № 1.

43. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

44. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

45. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

46. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1973.

47. Вопросы общего языкознания. М., 1964.

48. Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.

49. Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

50. Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1968.

51. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.— Л., 1934.

52. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.

53. Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объекте стилистического исследования.— Вопросы языкознания, 1967, № 5.

54. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. (Русск. пер.) М., 1959.

55. Головин Б. Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов.— Славянское языкознание. М., 1959.

56. Головин Б. Н. О месте «языка художественной литературы» в системе языковых стилей.— Вопросы стилистики, вып. 14. Саратов, 1978.

57. Грамматика русского языка, т. II, часть первая. М., 1954.

58. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

59. Дегтерева Т. А. Пути развития современной лингвистики. Кн. 3. М., 1964.

59[а]. Дешериев Ю. Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики.— Сб. «Язык и общество». М., 1968.

60. Докулил М. К вопросу о морфологической категории.— Вопросы языкознания, 1967, № 6.

61. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка.— Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960.

62. Есперсен О. Философия грамматики. (Русск. пер.) М., 1958.
63. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
64. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
65. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
66. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
67. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, часть I. М., 1964; часть II. М., 1965.
68. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
69. Иванов А. И., Якубинский Л. Очерки по языку. Л., 1937.
70. Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948.
71. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965.
72. Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.
73. Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972.
74. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
75. Котелова А. З. О принципах объективных и точных критериев описания сочетаемости слов.— Вопросы языкознания, 1965, № 4.
76. Крушевский Н. В. (Извлечения из работ по общему языкознанию).— Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1975.
77. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
78. Кузнецов П. С. О языке и речи.— Вестник МГУ. Серия 7, № 4. М., 1961.
79. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города.— Русская речь. Вып. 1. Л., 1926.
80. Лексика. Терминология. Стили. Вып. 2. Горький, 1972.
81. Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
82. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
83. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
84. Леонтьев А. А. Психолингвистика. М., 1967.
85. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. М., 1898.
86. Ломтев Т. П. Язык и речь.— Вестник МГУ. Серия 7, № 4. М., 1961.

87. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

88. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

89. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.

90. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.

91. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

92. Мельничук А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— Вопросы языкознания, 1970, № 1.

93. Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.

94. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.

95. Новое в лингвистике. Выпуски 1—8. М., 1960—1978.

96. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

97. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

98. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.

99. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

100. Павлов И. П. Избранные труды. М., 1950.

101. Павлов И. П. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. III, кн. 2. М.— Л., 1951.

102. Павлов И. П. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. IV. М.— Л., 1951.

103. Павловские среды, т. II. М., 1949.

104. Павловские среды, т. III. М., 1949.

105. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

106. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.

107. Перетрухин В. Н. Введение в языкознание. Воронеж, 1972.

108. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-е. М., 1956.

109. Поспелов Н. С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи.— Вопросы грамматического строя. М., 1955.

110. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958.

111. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

112. Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

113. Проблемы теории текста. М., 1978.
114. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах, том пятый. М., 1950.
115. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1972.
116. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967.
117. Речевое воздействие. Проблемы прикладной лингвистики. М., 1972.
118. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
119. Ружичка Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке.— Вопросы языкознания, 1963, № 3.
120. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928.
121. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. (Русск. пер.) М.— Л., 1934.
122. Серебренников Б. А. К критике некоторых методов типологических исследований.— Вопросы языкознания, 1958, № 5.
123. Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи.— Актуальные проблемы культуры речи. М., 1973.
123а. Слюсарева Н. А. Лингвистический анализ по непосредственно-составляющим.— Вопросы языкознания. 1960, № 6.
124. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
125. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
126. Солнцев В. М. Язык как структурно-системное образование. М., 1971.
127. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики.— Труды по языкознанию. (Русск. пер.) М., 1977.
128. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
129. Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики). М., 1968.
130. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. (Русск. пер.) М., 1960.
131. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
132. Уорф Б. Л. Грамматические категории.— Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
133. Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.

134. Филин Ф. П. Новое в лексике колхозной деревни.— Литературный критик, 1936, № 3.

135. Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования русского языка.— Вопросы языкознания, 1975, № 3.

136. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

137. Хаугеи Э. Направления в современном языкознании.— Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960.

138. Харрис Э. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре.— Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962.

139. Хомский Н. Синтаксические структуры.— Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962.

140. Хомский Н. Язык и мышление. (Русск. пер.) М., 1972.

141. Чейф У. Л. Значение и структура языка. (Русск. пер.) М., 1975.

142. Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.

143. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

144. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, изд. 2-е. Л., 1941.

145. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

146. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

147. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

148. Шор Р. И. Язык и общество. М., 1926.

149. Шелинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий.— Вопросы языкознания, 1959, № 1.

150. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.

151. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке.— Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

152. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958.

153. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965.

154. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

155. Ярцева В. Н. Проблемы реконструкции синтаксиса близкородственных языков.— Материалы первой научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1959.

156. Abraham S., Kiefer. F. A theory of structural semantics. The Hague, 1966.

157. Brunot F. La pensеé et la langue. Paris, 1936.

158. Dietrich R., Klein W. Computerlinguistik. Eine Einführung. Stuttgart, 1974.

159. Erckenbrecht U. Marx' materialistische Sprachtheorie. Kronberg, 1973.

160. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969.

161. Fontaine J. Le cercle linguistique do Prague. (Cours), 1974.

162. Nady Gabor O. Abriss einer funktionellen Semantik. Budapest, 1973.

163. Greimas A.-J. Semantique structurale. Paris, 1966.

164. Hays D. G. Introduction to computational linguistics. New Jork, 1967.

165. Hartman P. Textlinguistische Tendenzen in der Sprachwissenschaft.— Folia linguistica. The Hague, 1975, t. 8, № 1—4, p. 1—49.

166. Harris Z. S. Structural linguistics. Chicago, 1961.

167. Herseni T. Sociologia limbri. Bucureşti, 1975.

168. Lara L. F. El concepto de norme en linguistica. México, 1976.

169. Malmberg B. Les novelles tendances de la linguistique. Paris, 1966.

170. Malmberg B. Synchronie et diachronie. Bucureşti, 1967.

171. Marx K., Engels F. über Sprache, Stil und Übersetzung. Berlin, 1974.

172. Mounin G. Linguistique et philosophie. Paris, 1975.

173. Nida E. A. Componential analisis of meaning: an introduction to semantic structures. The Hague — Paris, 1975.

174. Palmer F. R. Semantics. A new outline. Cambridge, 1976.

175. Postal P. M. Aspects of phonological theory. New Jork — Evanston — London, 1968.

176. Pottier B. Linguistique générale. Paris, 1974.

177. Pride J. B. The social meaning of language. London, 1971.

178. Prieto L. I. Etudes de linguistique et de semiologie. Geneue, 1975.

179. Probleme der Textgrammatik. Berlin, 1976.

180. Semantyka textu i języka. Wrocław, 1976.

181. Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft. Berlin, 1976.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Автоматическое аннотирование и реферирование текста — 289
Автономный механизм языка — 146, 147
Адстрат — 250
Акт — 322
Активность средств языка и стили — 229
Акустический образ — 112
Алгебра языка (имманентная) — 321, 325—326
Алломорф — 151, 331, 332
Аллофон — 151, 331
Американская дескриптивная лингвистика — 327—346
Аспект изучения уровней языка — 24
Аспект реконструкции — интерпретационный — 299
Аспект реконструкции — операционный — 299
Ассоциативное отношение — 202, 204, 309
Ахрония — см. Панхрония

Б

Билингвизм — 250

В

Вариант составного термина—270
Вариант фонемы — 316—317, 331
Вариант фонемы — индивидуальный — 317
Вариант фонемы — комбинаторный — 316
Вариант фонемы — позиционный — 316
Вариант фонемы — обязательный — 316
Вариант фонемы — стилистический — 316
Вариант фонемы — факультативный 317, 331
Вариант этноязыка — 227
Варьирование — свободное — 331, 332, 371
Вероятностная закономерность языка — 36
Взаимодействие функционирования и развития языка — 261
Влияние мышления на семантику терминов — 76
Влияние языка на общество — 65
Внешнее условие развития языка — 245
Внешние связи и отношения языка — 106
Внутреннее условие развития языка — 247
Внутреннее устройство (организация) грамматической категории — 194
Внутренний закон развития языка — 248, 251
Внутренняя и внешняя лингвистика Ф. де Соссюра — 107, 311
Воздействие общества на язык — 254
Вторая сигнальная система действительности — 84
Второстепенный член предложения — 191, 192

Г

Генетическая лингвистика — 26
География лингвистическая — 396—400
Гипотеза значения языкового знака — 122
Глубинная и поверхностная структура — 200, 201
Грамматика — 173
Грамматическая единица — 174, 175, 180
Грамматическое значение — 77, 135, 174, 178
Грамматическая категория — 175, 180
Грамматический уровень анализа — 174
Грамматическая функция зависимого слова в словосочетании — 191
Граммема — 180

Д

Двузначность членов предложения — 189
Дескриптивная лингвистика — см. Американская дескриптивная лингвистика
Детерминация — 325
Диалектология социальная — 389
Диахрония — 240, 241, 243, 310, 312, 327
Динамическая и вероятностная закономерность — 36

Дистрибутивный анализ — 143
Дистрибутивное отношение — 144
Дистрибуция — 330, 331, 333, 337
Дистрибуция — дополнительная — 330, 332
Дистрибуция — контрастная — 330
Дифференцирующая активность частей речи в разных стилях — 231
Дополнительный признак языковой единицы в речи — 21

Е

Единица языка — 20, 161

З

Зависимость элементов языка —96
Заимствованный термин — 266
Закон аналогии — 252
Закон — звуковой — 301
Залог (в русском языке) — 211, 212
Звук конкретный — 316
Знак — 111—113, 116, 119—120
Значение — 81, 130
Значение абстрактного слова — 129, 303—310
Значение морфемы — 133, 156
Значение термина — 266
Значение фонемы — 131—132
Значение языкового знака — 113
Значимость языкового знака — См. Ценность языкового знака

И

Идентификация морфем — 331, 332
Изменяемость знака — 115
Интегративное отношение — 144
Интердепенденция — 325
Интерстрат — 250
Интонация завершенности — 193
Информатика — 43
Информативная функция языкового знака — 130
Информационная служба — 291
Информационно-поисковая система (ИПС) — 287
Информационный язык — 287
ИПС и язык — 287

К

Категория коммуникативности — 196
Категория модальности — 195, 196
Категория падежа — 211
Категория предикативности — 195, 196
Качество речи — коммуникативное — 280
Класс — 328, 332
Классификация языков — коммуникативная — 381
Классификация языков — ситуативная — 381
Классификация языков — социологическая — 370
Классификация языков — стратификационная — 381
Классификация языков — типологическая — 345—356
Код речи — 372
Коммуникативное состояние единицы языка — 20, 24
Коммутация — 102, 331
Констелляция — 325
Конструктивная лингвистика — 25
Конструкция — 328, 329, 334, 336, 340
Конструкция — синтаксическая экзоцентрическая — 329
Конструкция — синтаксическая эндоцентрическая — 329
Копенгагенская школа структурализма — 321—327
Контакт языкознания с другими науками — 46
Культура речи — 280
Культура языка — 315
Культура терминоиспользования — 282

Л

Лексика — 162
Лексико-семантическая парадигматика — 207
Лексическое значение — 133, 165
Лингвистика — 7, 321
Лингвистика — внешняя — 311
Лингвистика — внутренняя — 311
Лингвистика — дескриптивная — 330
Лингвистика — функциональная — 311
Лингвистика и литературоведение — 32
Лингвистика и математика — 36
Лингвистика текста — 19
Лингвистика языка и лингвистика речи — 27, 311
Лингвистическая география — см. География лингвистическая
Лингвистическая относительность — 66
Линейный характер означающего — 112, 114, 115
Линия типовая фонетического развития — 350
Литературно-языковая норма — 54
Личностный смысл — 83
Логико-семантическое отношение между элементами составного термина — 272

М

Макроуровень социологии языка — 375
Машина в работе лингвиста — 290
Машинный анализ и синтез языковых единиц — 290
Международный термин — 266
Место термина в общей системе языка — 265
Метод глоттохронологии — 305—307
Метод непосредственно-составляющих — 336
Метод сравнительно-исторический — 296—299, 320
Метод трансформационный — 338—343
Метод филологический — 300
Методика выделения терминов языка и терминов речи — 269
Методика изучения вероятностных закономерностей языка — 37
Менталистская гипотеза значения — 126
Механистическая гипотеза значения — 127
Микросистема терминов — 270
Микроуровень социологии языка — 375
Минимально-достаточное определение единиц языка — 273
Многозначность термина — 272
Многословный термин — 267
Моделирующая функция грамматики — 70
Модель — анкетная — 352
Модель взаимосвязи механизмов языка — 148
Модель предложения — 188
Модель функционирования языка — 259
Модель — эталонная — 352
Монема — 174
МП (машинный перевод) — 283
Морф — 151, 331, 353
Морфема — 147, 151, 158, 331, 334, 337, 350, 353
Морфемика — 151
Морфология — 156, 163, 183, 212, 318, 329, 334
Морфологическая валентность — 210
Морфологическая синтагматика — 210, 213
Морфологическая сочетаемость — 210
Морфологическое значение — 135
Морфонология — 329
Мышление в развитии грамматических значений — 77

Н

Науки на стыке лингвистики и других областей знания — 43
Национальный язык — 55
Нейтральный элемент как стилевая база — 229
Немотивированность знака — 113
Неполный термин — 269
Непосредственно составляющая — 334, 340
Непрерывность знака — 113
Новые проблемы прикладной лингвистики — 279
«Новое учение о языке» — 64, 386—387
Норма — 54—56, 322
Норма в понимании Э. Косериу — 17, 29

О

Обозначаемое — 43
Обозначающее — 43
Общая схема варьирования современных развитых языков — 63
Общая тенденция языковой истории — 251
Общее языкознание — 8
Общественная функция языка — 370
Общность коммуникативная — 382
Объект лингвистики — 11, 18, 28
Объектное значение — 128
Объектное отношение — 188
Оппозиция — градуальная — 317
Оппозиция — изолированная — 317
Оппозиция — многомерная — 317
Оппозиция — нейтрализуемая — 317
Оппозиция — одномерная — 317
Оппозиция — постоянная — 317
Оппозиция — привативная — 317, 318
Оппозиция — пропорциональная — 317
Оппозиция — равнозначная — 317
Определение основных языковых — единиц — 273
Основная единица языка — 161
Основная и сопутствующая грамматическая категория — 194
Основная функция значения языкового знака — 130
«Отмеченные» стилем типы социальной деятельности — 228
Отношение слова к слову — 162
Отношение элемента языка к другим элементам — 93—94
Оформленность слова — 395

II

Панхрония — 327
Парадигма — 205, 213
Парадигма сказуемого и парадигма предложения — 215
Парадигматика — 205
Парадигматика — лексико-семантическая — 207
Парадигматика морфем — 206
Парадигматика — словообразовательная — 208
Парадигматика — позиционная — 216
Парадигматика предложений — 214, 215
Парадигматика — структурная — 216
Парадигматика — членов предложения — 213
Парадигматическая связь терминов в словаре — 288
Парадигматическое и синтаксическое изучение морфологии и синтаксиса — 217
Парадигматическое отношение — 101, 217, 218
Переживания социолингвистические — 374
Подлежащее — 184
Позиционный вариант фонемы — 205
Позиция — 183, 184, 186
Позиция грамматического господства и грамматической зависимости — 195, 196
Поисковый словарь — тезаурус — 288
Понятийная сеть терминов и их системе — 270
Прагматика — 376
Прежний лингвистический оборот — 312—321
Прерогатива интерпретации — 305
Прагматическая лингвистика — 291
Предельная первичная единица (фраза) языкового уровня — 300
Предикативное отношение — 186, 188
Предложение — 95, 302, 308, 337—338, 347, 395
«Предмет» в морфологии и в синтаксисе — 194
Предметная относительность значения термина — 272, 277
Признак различительный — 318—319
Прикладная лингвистика — 279
Принципиальные трудности машинного перевода (МП) — 286
Принцип различения автономных механизмов языка — 146
Принцип различения уровней языка — 146
Принцип экспансии — 330
Принцип экспрессивный — 330
Применение — 214
Природа знака — 113
Проблема взаимодействия семантики, морфологии и лексики — 190
Проблема второстепенных членов предложения — 186
Проблема знаковости языка — 111
Проблема значения языкового знака — 122
Проблема общего языкознания — 9
Проблема общей и терминологической речевой культуры — 280
Проблема стилей языка — 227
Произвольность языка — 112, 114, 115, 116
Производный ряд слов — 166
Производящий ряд слов — 166
Пропорции в словообразовании — 158
Противопоставление главных членов второстепенных — 190
Противопоставление фонем — 149
Противоречивость знака — 113
Психолингвистика — 27, 45
Психологический аспект значения — 80

Р

Развитие языка — 243
Развитие структуры языка — 243
Развитие функций языка — 244
Разговорный стиль — 62
Различительный признак фонемы — 144
Реальное свойство знака языка — 117
Реинтерпретация внутренняя — 300, 304
Репертуар языковой (речевой) — 373
Речевая деятельность — 12, 18
Речь — 21, 28, 300—301, 303, 322
Речь и ее отношение к вербальным структурам — 280
Речь и сознание — 79

С

Связь между терминосистемами — 270
Связь языковых языка — 102
Семантемика — 163—165
Семантика знака — 132
Семы — 168
Семантическая дистрибуция — 164

Семантическая структура языка — 139
Семиотика — 43
Сигнификативное отношение слова — 130
Синтагма — 202, 208, 389
Синтагматика — 205, 209
Синтагматика морфем — 210, 211
Синтагматика синтаксических категорий — 216
Синтагматика частей речи — 213
Синтагматическая возможность (единицы языка) — 212
Синтагматическое отношение — 101, 202, 204, 208, 310
Синтаксис — 195, 318, 333—334
Синтаксическая полисемия — 189
Синтаксическое значение — 138
Синтаксис — функциональный — 320
Синхрония — 240, 241, 243, 310, 312, 327
Система — 90—93
Система членения и структурная организация языка — 94, 95
Система фонем — 149
Система фонологическая — 316
Система языка — 15, 309—311, 314, 323, 390
Системное описание отдельного слова — 106
Системное определение единицы языка — 273
Ситуация — речевая — 375
Ситуация — социальная — 375
Сказуемое — 184, 185
Слово — 85
Слово исконное — 303
Словообразование — 159—163
Словообразовательная модель — 159
Словообразовательная парадигма — 208
Словообразовательная структура слова — 169
Словообразовательная и дериватологическая связь терминов — 270
Словообразовательное значение — 137, 145
Словообразовательный класс — 168
Словообразовательный механизм языка — 168
Словообразовательный тип — 170
Словообразовательный типовой ряд — 168
Словарь языка В. И. Ленина — 398
Словосочетание — 211, 395
Смешение семантики синтаксических единиц и синтаксических отношений членов предложения — 189
Смысловое содержание текста — 19
Словопорождение — 169
Согласование — 211
Составляющая —328, 334, 336, 338
Составная единица грамматического строя языка — 174
Соотносимость второстепенных членов предложения и местоимений — 188—189
Социолект — 376
Социолингвистика — 27, 45, 60, 366—383, 390, 397—398
Социолингвистика — прикладная — 376—377
Социолингвистика — историческая — 382
Социология языка — 60, 372—373, 375, 390
Социальная дифференциация языковой структуры — 58
Сочетательные свойства единиц языка — 209
Союз языковой — 313
Спутник — 336
Сравнение языков аналитическое (типологическое) — 312—313
Стадия активная — 393
Стадия пассивная — 393
Стадия эргативная — 393
Статистическая модель стилей — 229
Стандартизация языка — 373
Стилевая дифференциация языка — 292
Стилистика — 234, 396
Стилистика — функциональная — 379
Стилистика речи — 225
Стилистика языка — 225, 227
Стили в их отношении к действительности — 236
Стиль речи — 225, 234
Стиль функциональный — 315
Стиль языка — 225, 232—234
Строение термина — 267
Строительство языковое — 391
Структура — 90—93, 314, 321, 323, 325
Структурная область языка — 143
Структурное значение — 131
Структурное отношение слова — 130
Структурно-системный подход к языку — 94
Структурно-речевое функционирование языка — 255
Структурно-языковое функционирование элементов языка— 256
Структурализм — 308, 343—345, 397
Субстанция — 323—324, 328

Субстанциональное понимание значения — 128
Субститут — 329
Субституция — 143, 145, 331, 333
Субстрат — 250
Субъектное значение — 131
Суперстрат — 250
Сущность (природа) языка — 50
Схема — 322

Т

Табу — 363—364
Таксема выражения — 324, 325
Текст — 19
Тенденция языковой истории — 251
Темп и результат языкового развития — 57
Термин — 77, 264
Термин языка и термин речи — 268
Термин естественного языка (ЕЯ) и информационный поиск — 287
Терминирование слов, обозначающих качества речи — 280
Терминология — 264
Терминологическая дериватология — 267, 268
Терминосистема — 270
Тип зависимости между элементами языка — 96—101
Тип соотношения между граммемами и формальными показателями — 180—182
Тип языка — 345—346, 349, 351
Тип языкового материала, его зависимость от свойств языка — 11
Тип языкового развития — 249
Типология — 345
Типология грамматических категорий — 182
Типология знаков — 118
Типология значений знаков языка — 130—132
Типология изучения языка художественных произведений (художественной речи) — 32
Типология качественная — 352—353
Типология количественная (квантитативная) — 352—353, 355
Типология морфем — 159
Типология морфологическая — 350
Типология синтаксическая — 350—351
Типология стилей речи — 234
Типология ступенчатая — 348—349
Типология характерологическая — 347—348
Традиционные проблемы и решения прикладной лингвистики — 279
Трансформ — 339, 340
Трансформационная грамматика — 340
Трансформация — 339, 340, 343
Трансформация необратимая — 342
Трансформация обратимая — 342
Трансформация обязательная — 341
Трансформация факультативная — 341

У

Узус — 322
Универсалия — 356, 357
Универсалия — абсолютная (полная) — 357—358, 364
Универсалия — диахроническая — 359, 363
Универсалия — грамматическая — 360—362
Универсалия — простая — 358
Универсалия — семантическая — 362
Универсалия — синхроническая — 359, 363—364
Универсалия — сложная — 358
Универсалия — статистическая (неполная) — 358
Универсалия — фонетическая — 359—360
Универсалия — экстралингвистическая — 364—365
Универсалия — языковая — 357, 364
Управление — 221
Уровень анализа (структуры языка) — 143—145
Уровень языка — 142, 145, 147, 161, 328

Ф

Фигура — 324, 326
Фонема — 10, 143, 147, 149, 272, 316, 324, 331, 388—389
Фонетика — 313, 329, 389
Фонология — 313, 316, 328, 389
Форма выражения — 323—324
Форма содержания — 324
Форма — языковая простая — 328
Форма — языковая свободная — 328
Форма — языковая связанная — 328
Формальная категория — 177
Формальный признак — 180
Фразеология — 390, 395
Формирование грамматического значения — 86

Формирование обобщений и понятий — 86, 129
Функциональное понимание значения — 130
Функциональный стиль — 24, 225
Функционирование терминов в сфере науки и образования — 272
Функциональная лингвистика — 26
Функционирование языка — объектное, субъектное, прагматическое — 255—258
Функция — 314, 325
Функция выражения — 314
Функция знака — 119
Функция коммуникативная — 314, 379—380
Функция грамматической категории — 197
Функция морфемы — 154
Функция мышления по отношению к языку — 76
Функция обращения — 314
Функция общения — 51
Функция сознания по отношению к языку — 73
Функция языка — по В. В. Виноградову — 225; по К. Бюлеру — 314
Функция языка по отношению к мышлению — 75
Функция языка по отношению к сознанию — 72
Функция — языковая — 314

Х

Характерология лингвистическая — 320
Хронология — относительная — 298

Ц

Ценность (значимость) языкового языка — 310

Ч

Член предложения — 184
Членение — актуальное — 314
Членение — формальное (грамматическое) — 320
Членение — «вертикальное» — 380
Членение — «горизонтальное» — 380
Членение науки о языке — 7

Э

Элемент членения языка — 91, 93
Этимология — 394

Я

Ядерное предложение — 339, 346
Ядро — 336
Ядро высказывания — 320
Ядро грамматики — 339
Ядро языка — 341
Язык — 21, 23, 310—311, 313, 322, 390
Язык индоевропейский — 305
Язык «в самом себе и для себя» — 107, 309
Язык и идеология — 377—378, 386
Язык и классы — 64
Язык и мышление — 27, 71, 74
Язык и наука — 30
Язык и общество — 27, 50, 366
Язык и психология личности — 81
Язык и сознание — 27, 71
Язык и формы исторической общности людей — 51
Язык как механизм общения — 79
Язык как объект лингвистики — 10
Язык отдельного автора и произведения — 24
Язык письменный и язык устный — 61
Язык — функциональный — 315
Язык науки — 264, 278
Язык художественной литературы — 236
Языковая политика — 369
Языковой знак — 111
Языковой контакт — 249
Язык-эталон — 313

Оглавление

От авторов 3

Язык

Глава I. Объект и основные проблемы языкознания 7
Дополнительная литература 29
Глава II. Языкознание в системе наук 30
Дополнительная литература 49
Глава III. Язык и общество 50
Дополнительная литература 70
Глава IV. Язык и сознание. Язык и мышление . 71
Дополнительная литература 89
Глава V. Структура и система языка 90
Дополнительная литература 110
Глава VI. Знаковая природа языка 111
Дополнительная литература 121
Глава VII. Проблема значения языкового знака 122
Дополнительная литература 141
Глава VIII. Механизмы, или уровни, языка 142
Дополнительная литература 172
Глава IX. Грамматические категории 173
Дополнительная литература 201
Глава X. Парадигматика и синтагматика языка . . 202
Дополнительная литература 219
Глава XI. Проблема языковых и речевых стилей 220
Дополнительная литература 239
Глава XII. Развитие и функционирование языка 240
Дополнительная литература 264
Глава XIII. Терминология 264
Дополнительная литература 278
Глава XIV. Прикладная лингвистика 279
Дополнительная литература 292

Лингвистические направления и методы XX века

Глава XV. Сравнительно-историческое изучение языков 295
Дополнительная литература 307

Глава XVI. Структурная лингвистика 308
Предпосылки возникновения структурализма . . —
Пражский лингвистический кружок (Пражская школа функциональной лингвистики) 312
Копенгагенская школа структурализма (Глоссематика) 321
Американский структурализм (Американская дескриптивная лингвистика) 327
Дополнительная литература 344
Глава XVII. Типологическое изучение языков . . . 345
Дополнительная литература 356
Глава XVIII. Изучение языковых универсалий 357
Дополнительная литература 365
Глава XIX. Социолингвистика 366
Дополнительная литература 383
Глава XX. Развитие советского языкознания . . 384
Дополнительная литература 399
Список использованной литературы 400
Предметно-терминологический указатель 408

Федор Михайлович Березин
Борис Николаевич Головин

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редактор *Г. В. Карпюк*
Художник *Е. Т. Яковлев*
Художественный редактор *Л. А. Константинова*
Технический редактор *Е. Н. Зелянина*
Корректор *Т. Ф. Алексина*

ИБ № 1785

Сдано в набор 12.03.79. Подписано к печати 08.08.79. 60×90¹/₁₆. Бум. типограф. № 3. Гарн. об. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 28,70. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3906. Цена 1 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.